

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 5 (102) 2020

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

No 5 (102) 2020

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Панченко В.Я. Значимый проект для российской политологии	9
Федулкина А.П. Эффективный инструмент поддержки политологического сообщества	11
Гаман-Голутвина О.В. Итоги совместных конкурсов РФФИ—ЭИСИ 2019 года в сфере общественно-политических наук	13

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ФОРМАТЫ

Петров А.П., Стукал Д.К., Ахременко А.С. Факторы популярности протестных сообщений в Твиттере: кейс венесуэльского кризиса	20
Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Кайда А.Ю., Кузнецов С.А., Максимова Н.Г., Чайковский Д.В. Ультраправая радикализация: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining	30
Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Социальная активность и гражданская идентичность населения как важнейшие характеристики гражданского общества в современных сибирских регионах	44
Плотникова М.В. Речевое поведение политического деятеля в сети: эффективный и деструктивный профили	57

ВОПРОСЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ

Соловьёв А.И., Пушкарёва Г.В. Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства	67
Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. Возможности оценки стабильности и устойчивости современных государственных систем ...	76
Хайкин С.Р. Варианты редизайна политической системы в России: опыт эмпирического исследования ...	84

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: КАРЬЕРНЫЕ ТРЕКИ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Дука А.В., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры	92
Палитай И.С. Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений	105
Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг.	117

МОЛОДЁЖЬ РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

Комаровский В.С. Будущее России в представлениях студенческой молодёжи	135
Пырма Р.В. «Цифровые граждане»: политическое участие российской молодёжи онлайн	143
Григорьева Н.С. Жизненные планы студенческой молодёжи: семья versus карьера	156
Симонова И.А. Социально-политические стратегии молодёжи: между D.I.Y. и институциональными форматами	166
Ищукова Е.А., Толоманенко Е.А., Салманов В.Д. Влияние коммуникационных средств на современных подростков	177
Рябова Т.Б., Клещенко Л.Л. «Они же дети!». Символ детства в политической мобилизации в современной России	188
Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Молодые политические активисты Уральского региона: возможности политической карьеры или перспективы общественных перемен?	198

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛЫ, МОДЕЛИ, УЧАСТНИКИ

Смулькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании	210
Докучаев Д.С. Историческая политика на региональном уровне: модели, цели и акторы	224

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРЕШЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Никитин А.И., Артеев С.П. Перспективные подходы в международной конфликтологии: коммуникационный аспект	236
Шिशелина Л.Н. Современные политические тенденции в Центральной Европе: уроки и вызовы для России	246
Пономарева Е.Г. «Новое прошлое» Западных Балкан	260

МИР КНИГИ РФФИ

Авакьян С.А. — Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2019. — 278 с.	273
Баранов Н.А. — Ачкасов В.А. Российская дилемма: империя или нация-государство: Монография. М.: Юрайт, 2019. — 373 с.	276
Конкурс на издание лучших научных трудов по общественно-политическим наукам, проводимый совместно РФФИ и АНО ЭИСИ	281

CONTENTS

Panchenko V.Ya. <i>A Project Significant for National Political Science</i>	9
Fedulkina A.P. <i>An Effective Tool to Support the Political Science Community</i>	11
Gaman-Golutvina O.V. <i>Results of 2019 RFBR-EISI Joint Contests in Social and Political Sciences</i>	13

SOCIAL ACTIVITY IN RUSSIAN SOCIETY: ONLINE AND OFFLINE

Petrov A.P., Stukal D.K., Akhremenko A.S. Factors Behind the Popularity of Protest Messages on Twitter: The Case of Venezuela Crisis	20
Karpova A.Yu., Saveliev A.O., Vilnin A.D., Kaida A.Yu., Kuznetsov S.A., Maksimova N.G., Tchaikovsky D.V. Ultra-Right Radicalization: a Method of Automated Threat Detection with the Use of Web Mining	30
Maksimova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Social Activity and Civic Identity of the Population as the Most Important Characteristics of Civil Society in Modern Siberian Regions	44
Plotnikova M.V. Speech Behaviour of a Politician Online: an Effective and Destructive Profile	57

MATTERS OF STABILITY AND EFFICIENCY OF MANAGEMENT SYSTEMS

Solovyov A.I., Pushkareva G.V. Civil Sector of State Governance: New Forms of Self-Organization and the Community's Participation in the Context of Digitization of the Public Space	67
Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. Possible Assessment of the Stability and Sustainability of Modern State Systems	76
Khaykin S.R. Options for Redesigning the Russian Political System: Empirical Study	84

ADMINISTRATIVE COMMUNITIES: CAREER TRACKS AND GENERATIONAL CHANGES

Duka A.V., Bystrova A.S., Daugavet A.B., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Institutionalization of the Regional Political Elite: Recruitment and Professional Careers	92
Palitay I.S. Modern Russian Political Elite: a Status-Role Analysis of Generations	105
Kryshtanovskaya O.V. The Key Trends in Forming the Governance Elite in Russia in 2020–2030	117

THE YOUTH OF RUSSIA: LIFE STRATEGIES, SOCIAL COMMUNICATION, POLITICAL PARTICIPATION

Komarovsky V.S. The Future of Russia as Seen by Students	135
--	-----

Пырма R.V. 'Digital Citizens': Political Participation of Russian Youth Online	143
Grigorieva N.S. Students' Life Plans: Family versus Career	156
Simonova I.A. Social and Political Strategies of Young People: Across D.I.Y. and Institutional Patterns	166
Ishchukova E.A., Tolomanenko E.A., Salmanov V.D. The Impact of Communication Media on Today's Adolescents	177
Riabova T.B., Kleshchenko L.L. 'They are just children!' The Symbol of Childhood in Political Mobilization of Modern Russia	188
Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Young Political Activists in the Ural Region: are there Political Career Opportunities or Prospects for Social Changes?	198

SYMBOLIC POLITICS: CONTEXTS, MODELS, PARTICIPANTS

Smulkina N.V. Building the Symbolic Space of the Political World Map in Russian Collective Consciousness	210
Dokuchaev D.S. Historical Politics at the Regional Level: Models, Goals and Actors	224

INTERNATIONAL POLITICS AND INTERNATIONAL CONFLICTS: NEW APPROACHES TO RESOLUTION OF INTERNATIONAL CONFLICTS

Nikitin A.I., Arteev S.P. Promising Approaches in International Conflict Studies: Communication Perspective	236
Shishelina L.N. Current Political Trends in Central Europe: Lessons and Challenges for Russia	246
Ponomareva E.G. The 'New Past' of the Western Balkans	260

THE RFBR BOOK WORLD

Avakyan S.A. — Elections around the World: Peculiarities of the Referendum Process. Practice and Electoral Technologies / I.B. Borisov, A.G. Golovin, A.V. Ignatov; under the general ed. of I.B. Borisov. Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law, 2019, p. 278	273
Baranov N.A. — Achkasov V.A. The Russian Dilemma: Empire or Nation-State: A Monograph. Moscow: Yurite, 2019, p. 373	276
The competition to publish the most outstanding scientific papers in the field of social and political sciences, organised jointly by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research, Autonomous Nonprofit Organizationh	281

*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Значимый проект для российской политологии

В современном мире спектр политической деятельности стал чрезвычайно широким и многообразным. Как в нашей стране, так и за рубежом постоянно возникают разного рода политические партии, движения, объединения, вовлекающие в орбиту своей активности всё новые слои гражданского общества.

На возрастающей значимости исследований в общественно-политической сфере сделал акцент первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко в выступлении на III Съезде Российского общества политологов «Политическое образование в современной России и в мире» в сентябре 2018 года. Он отметил, что эффективному развитию политологического образования в нашей стране будет содействовать грантовая поддержка научной деятельности студентов, молодых специалистов и авторитетных политологов.

Реализация этой важной задачи была поручена Российскому фонду фундаментальных исследований, имеющему почти 30-летний опыт грантовой поддержки учёных, и Экспертному институту социальных исследований (ЭИСИ), занимающемуся аналитикой, прогнозированием и стратегическими разработками в сфере политики. В январе 2019 года в Администрации Президента РФ состоялась встреча представителей РФФИ и ЭИСИ, итогом которой стало объявление четырёх конкурсов, не имеющих аналогов в деятельности национальных и международных научных фондов.

Основная цель совместных конкурсов РФФИ и ЭИСИ — поддержка фундаментальных научных исследований в сфере общественно-политических наук, обеспечивающих интеграцию научного знания в процессы принятия политических решений.

Базовыми принципами организации конкурсов стали их открытость, возможность участия представителей разных институций и когорт: университетов и академических институтов, государственных и негосударственных организаций, ведущих исследователей и молодых учёных, аспирантов, студентов и школьников.

Для комплексного, междисциплинарного подхода к изучению природы общественно-политических отношений организаторы конкурсов разработали 14 тематических направлений исследований. Благодаря этому подать заявки на участие в конкурсах смогли не только политологи, но и специалисты других областей знания: психологи, социологи, философы, этнологи, историки, правоведы, лингвисты, экономисты, специалисты в IT-сфере и другие. В результате на конкурсы поступило около 1000 заявок от почти 4000 исследователей из многих регионов страны. Это дало возможность представить объёмную, репрезентативную картину исследований общественно-политического ландшафта России.

Анализ состава участников и тематики исследований позволил сделать ряд важных выводов.

Во-первых, проведённые конкурсы помогли не только актуализировать и зафиксировать ведущие научно-исследовательские коллективы, работающие в сфере общественно-политических наук, но и способствовали зарождению новых исследовательских коллективов.

Во-вторых, более 40% общего числа участников конкурсов находится в возрасте от 15 до 35 лет, это молодые учёные, аспиранты, студенты и школьники — факт безусловно отрядный.

В-третьих, тематические направления конкурса охватили широкий спектр наиболее актуальных проблем, среди которых изучение социальной активности и гражданской идентичности россиян, политического участия и жизненных стратегий молодёжи, стабильности современных государственных систем, основных трендов формирования управленческой элиты.

В-четвёртых, удачным оказался анализ проблем не только на региональном, но и на общероссийском, а также на международном уровнях.

Хотелось бы поблагодарить экспертов за чёткую и оперативную работу в ходе конкурса: всего лишь за месяц более тысячи учёных провели две тысячи экспертиз и подготовили аргументированные заключения по каждой поданной заявке.

Отдельной благодарности заслуживает член-корреспондент РАН, доктор политических наук, председатель Экспертного совета РФФИ Оксана Викторовна Гаман-Голутвина за вдумчивую высокопрофессиональную работу по проведению конкурса.

Статьи, подготовленные по результатам выполнения наиболее интересных проектов, публикуются в этом номере журнала.

Мы убеждены, что грантовая поддержка фундаментальных научных исследований в сфере общественно-политических наук позволит поднять их значимость на новый уровень, будет способствовать развитию политологического сообщества в России, устранению разрыва между научной теорией и политической практикой.

*А.П. Федулкина,
исполнительный
директор Экспертного
института социальных
исследований*

Эффективный инструмент поддержки политологического сообщества

Экспертный институт социальных исследований и Российский фонд фундаментальных исследований на протяжении двух лет успешно проводят совместные конкурсы на лучшие научные проекты в сфере общественно-политических наук.

Идея проведения этих конкурсов прозвучала в сентябре 2018 года на III Съезде Российского общества политологов, и тогда же она получила поддержку Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ Сергея Владиленовича Кириенко.

За два года проведения конкурсы стали значимым инструментом поддержки политологического сообщества; они создают серьёзный стимул для профессионального развития молодых исследователей, исключительно позитивно воспринимаются маститыми учёными.

Это подтверждается ростом числа подаваемых заявок и поддерживаемых проектов. В 2020 году на конкурсы поступили 1199 заявок, что на 22% больше, чем в предыдущем. В нынешнем году поддержку получил 191 проект (в 2019 году — 145), прирост составил 32%.

Участники конкурсов отмечают открытость и прозрачность конкурсов, что, безусловно, связано с применением принципов оценки проектов, разработанных РФФИ.

Поддерживаемые ЭИСИ и РФФИ научные проекты отличаются как актуальностью, так и практической значимостью. Весьма широк тематический диапазон проектов. Они включают исследования в области новых коммуникационных технологий, социальной активности граждан, государственной политики, формиро-

вания политической идентичности и другие темы, остро интересующие научное сообщество и органы государственного управления.

Отдельно хотелось бы отметить возможности, которые конкурсы открывают для молодых учёных, в том числе из регионов России, и для учащихся высших и средних учебных заведений, которые только начинают свою исследовательскую деятельность под руководством наставников. Для них конкурсы — способ заявить о себе и своих проектах на уровне политологического сообщества всей страны.

Экспертный институт социальных исследований выражает искреннюю признательность руководству и сотрудникам Российского фонда фундаментальных исследований за совместную работу по реализации столь масштабного начинания, значимого не только для отечественной политологии, но и для всего российского общества. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество в этом направлении.

От лица ЭИСИ желаю всем победителям совместных конкурсов успешной реализации проектов и дальнейшего научного роста, ибо конкурсы создают прекрасную возможность для развития, служат инструментом поддержки перспективных исследований и их авторов.

*О.В. Гаман-Голутвина,
член-корреспондент РАН, доктор
политических наук, председатель
Экспертного совета РФФИ
по философии, социологии,
политологии, правоведению
и науковедению*

Итоги совместных конкурсов РФФИ–ЭИСИ 2019 года в сфере общественно-политических наук

В 2019 году Российский фонд фундаментальных исследований совместно с Экспертным институтом социальных исследований организовал конкурсы, направленные на грантовую поддержку научных проектов в сфере общественно-политических наук:

- Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук («опн»);
- Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемых молодыми учёными («опн_мол»);
- Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, выполняемые талантливой молодёжью под руководством ведущего учёного-наставника («наставник_опн»);
- Конкурс на издание лучших научных трудов по общественно-политическим наукам («опн_д»).

Задача конкурсов состояла в поддержке научных проектов в сфере общественно-политических наук, осуществляемых организациями и отдельными исследователями, направленных на формирование общероссийской идентичности, демонстрацию поступательного исторического развития современной России, противодействие угрозам национальной безопасности в историко-культурной сфере.

На конкурсный отбор были представлены проекты фундаментальных исследований по следующим тематическим направлениям:

- ◆ «Основные тренды мирового политического развития»;
- ◆ «Современная политическая система России: тенденции и направления развития»;
- ◆ «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования»;
- ◆ «Лидерство в политическом процессе России»;
- ◆ «Гражданственность как ценностное основание социальной активности в современном обществе»;
- ◆ «Политическая стратегия прорыва в технологическом и производственном развитии страны»;
- ◆ «Институты государства и гражданского общества как субъекты политологического образования»;
- ◆ «Новые коммуникативные технологии в современном обществе: возможности и границы применения»;
- ◆ «Образ будущего России: стратегические приоритеты и точки роста»;
- ◆ «Ценности и традиции в формировании политической идентичности»;
- ◆ «Трансформация политической культуры в условиях цифровизации публичного пространства»;
- ◆ «Исторические символы в политических процессах: потенциал и характер использования»;
- ◆ «Формирование и реализация государственной политики в отношении детей и молодёжи»;
- ◆ «Этнополитические процессы в России и мире».

На конкурсы были поданы 999 заявок, из которых 982 допущены к экспертизе. Заявки представили порядка 3700 человек, в том числе молодые учёные, аспиранты, студенты и школьники.

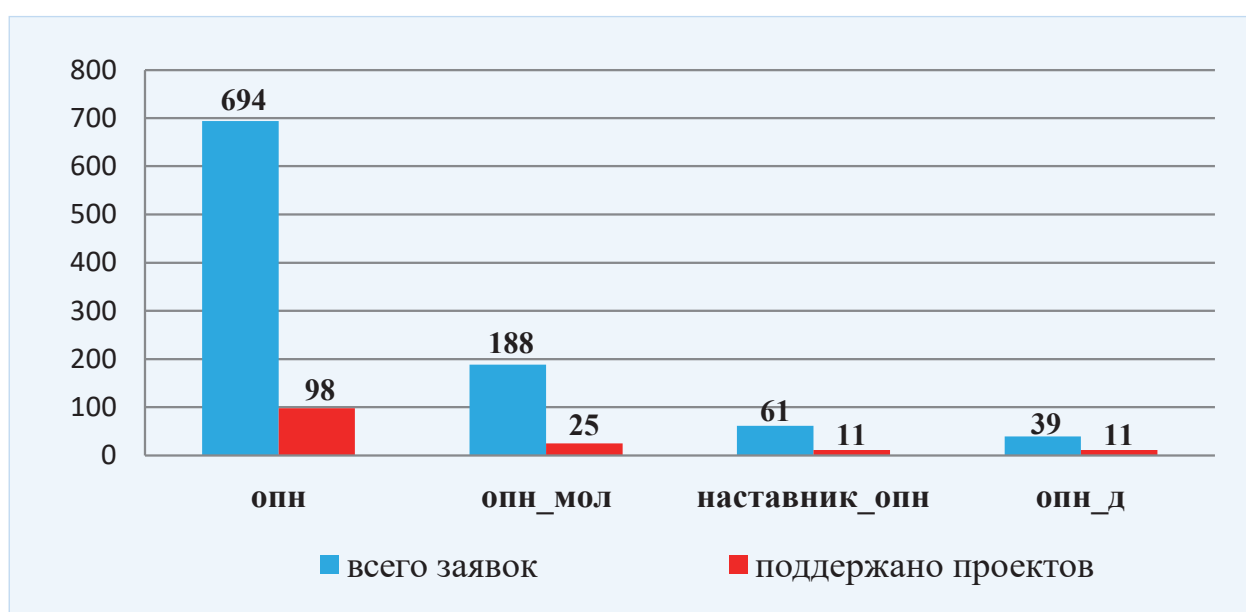

Рис. 1. Распределение заявок и проектов по конкурсам РФФИ—ЭИСИ

Рис. 2. Распределение поддержанных проектов по тематическим направлениям конкурсов РФФИ–ЭИСИ

В результате конкурсного отбора поддержаны 145 проектов (рис. 1) с общим объёмом финансирования 200 млн рублей. Коэффициент прохождения в среднем составил 15%.

Представленные на конкурсы заявки охватывают все тематические направления. Среди поддержанных проектов лидирующую позицию занимает направление «Новые коммуникативные технологии в современном обществе: возможности и границы применения» (рис. 2).

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук

Задача конкурса состояла в поддержке фундаментальных научных исследований, направленных на получение результатов в сфере общественно-политических наук, интеграцию научного знания в процессы принятия политических решений.

Из 694 заявок в результате конкурсного отбора поддержаны 98 проектов (коэффициент прохождения составил 14%). Наибольшее число поддержанных проектов представлено по трём тематическим направлениям конкурса: «Государственная политика: новые вызовы, механизмы и тенденции формирования», «Новые коммуникативные технологии в современном обществе: возможности и границы применения» и «Ценности и традиции в формировании политической идентичности».

По итогам реализации поддержанных проектов конкурса лучшим было признано исследование «Политическое управление этнокультурной разнородностью на постимперском пространстве: институциональный и идентичностный аспекты» (№ 19-011-31475, руководитель О.Г. Харитоновна, МГИМО МИД России). Проект явился одной из первых в отечественной политической науке попыток ана-

лиза политики управления этнокультурной разнородностью на пространстве двух распавшихся евразийских империй – Османской и Российской/Советской — в процессе политической модернизации и демократизации, а также сравнения соответствующих сюжетов в отдельных странах этого ареала. Важным аспектом проекта стала попытка совершенствования методологии исследования постимперских режимов управления этнокультурной разнородностью в современный период.

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, реализуемых молодыми учёными

Задачи конкурса — привлечение молодых учёных к активному участию в фундаментальных научных исследованиях в сфере общественно-политических наук, создание условий молодым учёным для проведения самостоятельных исследований по важнейшим проблемам в сфере общественно-политических наук.

В конкурсе принимали участие молодые учёные в возрасте до 35 лет.

Из 188 заявок поддержаны 25 проектов (коэффициент прохождения — 13%). Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому направлению «Новые коммуникативные технологии в современном обществе: возможности и границы применения».

В этом виде конкурса лучшим был признан проект «Факторы трансформации природы военно-политических конфликтов в XXI в. (на примере конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Украине)» (№ 19-011-32038, руководитель Я.А. Чижевский, МГИМО МИД России). В проекте были определены глобальные и региональные тенденции трансформации природы и характера военно-политических

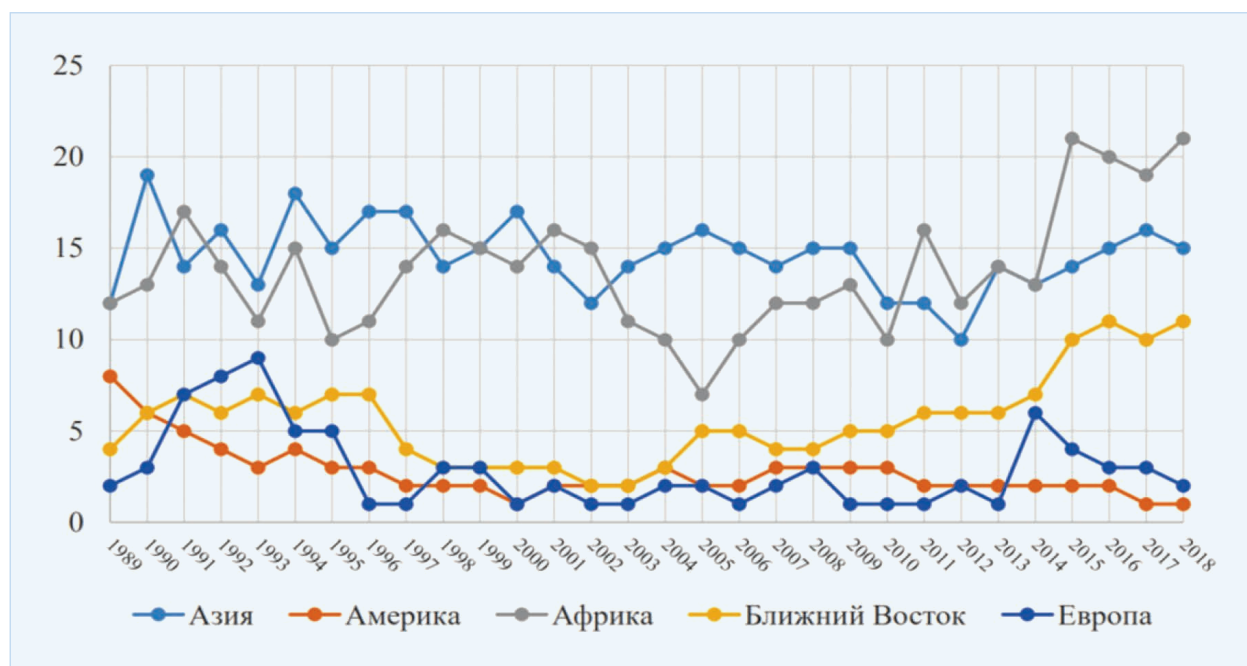

Рис. 3. Количество внутренних и внутренних интернационализированных конфликтов

конфликтов в XXI в. (рис. 3); описана и апробирована методика построения индекса эффективности ведения боевых действий; построена модель зависимости количества вооружённых столкновений (боёв) и террористических атак в разрезах стран и лет от описанных в исследовании факторов.

Конкурс на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, выполняемые талантливой молодёжью под руководством ведущего учёного-наставника

Задачи конкурса — создание условий для профессиональной самореализации молодых учёных и учащихся образовательных учреждений, передача талантливой молодёжи научного опыта ведущих учёных в сфере общественно-политических наук.

Особенностью конкурса было то, что в нём принимали участие коллективы от пяти до десяти человек, в состав которых входили от двух до четырёх молодых учёных в возрасте до 25 лет и от двух до пяти школьников в возрасте 15–18 лет.

Из 61 заявки в результате конкурсного отбора поддержаны 11 проектов (коэффициент прохождения составил 18%). Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематике «Гражданственность как ценностное основание социальной активности в современном обществе».

Рис. 4. Факторная модель формирования образа желаемого будущего страны

По итогам года лучшим был признан проект «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодёжи» (№ 19-011-33019, руководитель В.С. Комаровский, РАНХиГС). Главными целями проекта были выявление образа будущего страны у учащейся молодёжи, совпадение/расхождение контуров будущего молодёжи и политических элит (рис. 4). Образ будущего анализировался в двух ипостасях: как отдалённое будущее (20–25 лет), так и ближайшее (так называемая повестка дня). В проекте отражена степень готовности молодёжи принять личное участие в борьбе за лучшее будущее страны, её представления о неотложных проблемах страны и методах их решения.

Конкурс на издание лучших научных трудов по общественно-политическим наукам

Задача конкурса — поддержка проектов, направленных на издание и распространение информации о результатах научных исследований в сфере общественно-политических наук.

Из 39 заявок поддержаны 11 проектов (коэффициент прохождения — 28%). Наибольшее число поддержанных проектов представлено по тематическому направлению «Основные тренды мирового политического развития».

По итогам конкурса опубликованы 10 научных трудов по общественно-политическим наукам.

* * *

Итоги совместных конкурсов по общественно-политическим наукам были подведены в феврале 2020 г. на круглом столе, состоявшемся в Государственном центральном музее современной истории России (фото 1). В мероприятии приняли участие представители Администрации Президента РФ, Российско-

Фото 1. Подведение итогов совместных конкурсов
(Государственный центральный музей современной истории России, февраль 2020 г.)

Фото 2. Выступление Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко

го фонда фундаментальных исследований, Экспертного института социальных исследований и приглашённые участники конкурсов.

Выступая перед участниками мероприятия, Первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко (фото 2) поблагодарил их за проведённые исследования, экспертов — за оценку конкурсов и рассказал о фундаментальном характере конкурсов. Он также анонсировал старт приёма заявок на конкурсы научных проектов в сфере общественно-политических наук 2020 г.

По итогам встречи принято решение, что Российский фонд фундаментальных исследований и Экспертный институт социальных исследований продолжат финансирование совместных исследований в сфере общественно-политических наук.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ФОРМАТЫ

УДК 323.272

ГРНТИ 11-203

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-20-29

**А.П. ПЕТРОВ,
Д.К. СТУКАЛ,
А.С. АХРЕМЕНКО***

Факторы популярности протестных сообщений в Твиттере: кейс венесуэльского кризиса

На материале политического кризиса в Венесуэле (2019) рассматриваются факторы наибольшей популярности протестных сообщений (твитов) в социальной сети Твиттер. Методологически исследование развивает представление теории SIMCA (Social Identity Model for Collective Action) о том, что содержащиеся в социальной среде факторы оказывают мобилизующее воздействие на индивида посредством таких психологических antecedентов, как гнев, вера в способность добиться желаемых целей (efficacy belief) и протестная идентификация. На основе созданной участниками проекта базы данных, включающей более 5,7 млн твитов, сформированы три коллекции наиболее популярных сообщений, соответствующих трём названным психологическим antecedентам: а) «гнев», б) «вера в успех» (включая международную поддержку), в) протестная идентификация. Их анализ показал, что наибольшей мобилизующей силой обладает апелляция к вере в успех протестной кампании.

Ключевые слова: политический протест, социальные медиа, Твиттер, SIMCA, Венесуэла

* **Петров Александр Пхоун Чжо** — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, исполнитель проекта «Социальные сети как инструмент политической мобилизации: анализ коммуникаций и оценка потенциала» (19-011-31341).
E-mail: petrov.alexander.p@yandex.ru

Стукал Денис Константинович — кандидат политических наук, заместитель директора Института прикладных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.
E-mail: dstukal@hse.ru

Ахременко Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель того же проекта.
E-mail: aakhremenko@hse.ru

Введение

Исследование особенностей использования социальных сетей в целях политической коммуникации и мобилизации — это сравнительно новое направление в отечественной и зарубежной политической науке. Его возникновение обусловлено как ростом популярности социальных сетей среди широких групп населения, так и многочисленными свидетельствами применения социальных сетей в целях политической мобилизации в разных частях Земного шара (протесты против мер жёсткой экономии в Греции в 2010–2012, «Арабская весна» 2010–2012 гг., движение «Рассерженных» в Испании 2011–2015 гг., «Революция зонтиков» 2014 г. в Гонконге и др.).

В ходе эмпирических исследований была выявлена устойчивая положительная статистическая связь между использованием социальных сетей и вовлечённостью в различные формы политического участия [1–3]. Существуют, однако, разногласия относительно конкретных механизмов причинно-следственной связи, стоящей за наблюдаемыми корреляциями. Поэтому в научной литературе было предложено перейти от измерения силы взаимосвязи двух явлений к проверке причинно-следственных механизмов [4].

На сегодняшний день учёные сформулировали несколько основных теорий о механизмах влияния социальных сетей на политическое участие. Одна группа теорий утверждает, что граждане получают мобилизующую их информацию политического характера от родных, друзей или знакомых, с которыми они общаются в социальных сетях [5]. Основной тезис этой группы теорий сводится к тому, что в основе принятия решения о политическом участии лежит политическая коммуникация по сильным социальным связям на онлайн-платформах.

Другая группа теорий ставит на первый план не получение информации через сильные социальные связи, а вовлечён-

ность в политические дискуссии, которые делают гражданина психологически более подготовленным к политическому участию оффлайн [6].

Третья группа теорий рассматривает политическое участие как следствие вербовки участника активистами. Сторонники этой точки зрения отмечают, что завсегда и социальных сетей имеют большую вероятность познакомиться с политическими/гражданскими активистами, заинтересованными в поиске добровольцев [7].

Наконец, четвёртая группа теорий рассматривает политическое участие как процесс «социального заражения»: различные формы политического выражения одних социальных групп имитируются другими группами [2].

Возрастающе актуальной проблемой, для которой направления решения пока лишь намечены в общих чертах современной наукой, — это потенциал социальных сетей как инструмента вовлечения граждан в неконвенциональные формы политического участия, прежде всего в протестные акции и акции неповиновения. Один из ключевых вопросов состоит в том, какие манипуляции с этим инструментом являются более, а какие менее эффективными. На этот вопрос вряд ли можно в ближайшее время получить исчерпывающий ответ, и сегодня можно говорить о том, что известные закономерности представляют собой лишь фрагменты сложной картины.

Так, важными являются негативные установки и предубеждения в отношении аут-групп, облегчающие распространение и повышающие вероятность положительного восприятия ложной информации, которая носит негативный характер в отношении этих аут-групп [8]. Негативные установки также связаны с эмоциональностью коммуникации в социальных сетях как фактором распространения информации. В частности, на основе эмпирических данных было показано, что сообщения в социальной сети Твиттер, содержащие

слова с ярко выраженной эмоциональной окрашенностью и апеллирующие к сюжетам морали и нравственности, имеют существенно более высокую вероятность перепоста [9].

Помимо эмоциональности среди факторов, влияющих на характер распространения мобилизующей информации в социальных сетях, указывалась структура самих социальных сетей. В частности, обращалось внимание на то, что лавинообразный рост популярности некоторых сообщений в Твиттере является следствием их распространения ограниченным числом «трансляторов», т.е. пользователей социальной сети, имеющих высокую популярность. В то же время лавинообразное распространение информации на основе взрывного её распространения обычными пользователями относительно маловероятно [10]. Показано, что для широкого распространения поста в социальной сети количество подписчиков автора играет существенно более важную роль, чем эмоциональные характеристики самого сообщения [11].

В литературе отмечено также, что наиболее питательной средой для лавинообразного распространения информации является ситуация информационного вакуума вокруг некоторого события, к которому приковано внимание большого числа людей, но по поводу которого наблюдается недостаток информации из надёжных источников. Эта ситуация благоприятна для появления слухов, имеющих тенденцию к каскадному лавинообразному распространению [12].

Подводя итог анализу литературы, отметим, что указанные выше подходы к причинным механизмам влияния социальных сетей на политическое участие и специфическим для этой коммуникационной среды инструментам протестной мобилизации являются конкурирующими, но отнюдь не взаимоисключающими. Учитывая сложность исследуемых процессов, можно предположить, что в действительности имеет место неко-

торая комбинация различных факторов и механизмов.

Постановка исследовательского вопроса и дизайн исследования

Для мобилизации сторонников протестующие публикуют в социальных сетях многочисленные и разнообразные сообщения. Для определённости будем далее говорить о социальной сети Твиттер и называть сообщения твитами. Какие из них оказывают более сильное мобилизующее влияние на фактических и потенциальных участников протеста, а какие — слабое? Другими словами, что делает твит мобилизационно сильным?

Фундаментальный вопрос состоит в том, какое измерение позволяет наиболее удачно дискриминировать «сильные» твиты от «слабых»? Можно ли сказать, что некоторые темы являются более мобилизующими, чем другие? Например, в случае спорных выборов: будут ли сообщения о фальсификациях значимо сильнее, чем о силовых стычках полиции с протестующими? Или ключевую роль играют творческие решения и наличие аудиовизуального материала? Предположим, мы рассматриваем конкретную протестную кампанию, и собираем в одну коллекцию твиты с видеороликами, в другую — чисто текстовые. Увидим ли мы, что твиты из первой коллекции мобилизуют сильнее, чем из второй? Или, может быть, главное измерение — это «сатира и юмор» против серьёзных твитов? Или надо разделять твиты на те, что апеллируют к эмоциям, и те, что к логике?

При выборе этого дискриминирующего измерения настоящая работа методологически опирается на современные представления социальной психологии [13, 14] о том, что содержащиеся в социальной среде факторы оказывают мобилизующее воздействие на индивида через посредство таких психологических antecedентов принятия решения (имеется в виду решение индивида о том,

принять ли участие в конкретном акте активизма), как гнев, вера в способность добиться желаемых целей и протестная идентификация индивида (anger, efficacy belief, identification).

В соответствии с этим исследовательский дизайн настоящей работы имеет следующий вид. Рассматриваются шесть последовательных недель политического кризиса в Венесуэле 2019 г. Для каждой недели выбрано десять протестных твитов, получивших наибольшее количество ретвитов (републикаций). Из отобранных таким образом 60 твитов составлены три коллекции, соответствующие указанным психологическим antecedентам. При этом допускается попадание твита в более чем одну коллекцию (в действительности лишь два твита из 60 были отнесены к двум коллекциям). Затем определяется, с каким из трёх antecedентов ассоциировано большинство твитов.

Таким образом, публикация каждого твита рассматривается как акт, мобилизующий к онлайн-активности; принимается, что этот акт тем более успешен, чем большее количество ретвитов (републикаций) имеет данный твит, и опреде-

ляется antecedент, наиболее эффективный в плане мобилизации.

В ходе классификации выяснилось, что в коллекции «Вера в успех» значительное место занимают сообщения о международной поддержке протестующих, в связи с чем была сформирована соответствующая подколлекция.

Политический контекст и эмпирический материал

Рассматривается политический кризис в Венесуэле, отсчитываемый с января 2019 г., когда Николас Мадуро вступил на второй срок в должность Президента Венесуэлы после выборов, не признанных оппозицией. После инаугурации Н.Мадуро 10 января в стране начались многотысячные акции протеста, а лидер оппозиции Хуан Гуайдо был провозглашён легитимным президентом и вскоре получил признание со стороны значительного числа стран во главе с США и Евросоюзом. Фактическая власть осталась в руках Н.Мадуро; тем самым деятельность сторонников Х.Гуайдо в Интернете может рассматриваться как онлайн-протестная активность. Основной средой

Таблица 1

Количество ретвитов десяти самых популярных твитов за каждую неделю

Твит, №	Неделя года					
	4	5	6	7	8	9
1	14 341	26 436	17 340	22 247	24 826	45 501
2	14 188	26 363	15 491	18 464	22 927	34 012
3	11 975	25 462	14 783	17 500	22 577	23 446
4	11 446	23 438	14 696	16 943	19 477	13 933
5	10 453	22 755	14 191	16 666	18 411	13 882
6	9969	21 504	14 102	14 446	17 920	11 004
7	9766	20 338	13 286	14 098	17 514	10 469
8	9369	19 966	13 220	10 860	16 208	9483
9	9297	19 216	12 603	10 479	13 796	9185
10	9065	17 937	12 043	10 206	13 262	9065
Сумма	109 869	223 415	141 755	151 909	186 918	179 980

Таблица 2

Примеры твитов из коллекции А «Гнев»

Дата (автор)	Оригинал	Перевод
27.01.2019 (Х. Гуайдо)	En #Venezuela hay más de 300 Presos Políticos, ciudadanos sometidos a torturas y a la justicia injusta del régimen, por alzar su voz y luchar por una nación libre, democrática y justa. Para ellos y por ellos también es esta Ley de Amnistía. ¡Queremos y tendremos Libertad!	В #Венесуэле насчитывается более 300 политзаключённых, граждан, подвергаемых пыткам и несправедливому правосудию режима за то, что они подняли свой голос и борются за свободную, демократическую и справедливую нацию. В том числе, для них и во имя них этот закон об амнистии. Мы хотим, и у нас будет свобода!
27.01.2019 (Х. Гуайдо)	Que sepa el régimen y nuestro pueblo que no me quedaré de brazos cruzados ante la masacre que están realizando en nuestros barrios y pueblos. Por ello, para la protección de nuestro pueblo quiero anunciar 3 decisiones...	Пусть режим и наш народ знают, что я не буду безучастно относиться к той бойне, которую они проводят в наших кварталах и городах. Поэтому для защиты нашего народа я хочу объявить 3 решения...

Источники данных: <https://twitter.com/jguaido/status/10895386027189190656>

этой активности является социальная сеть Твиттер.

В рамках исследования была собрана база данных, которая насчитывает более 5,7 млн уникальных твитов (сделанных с января по май 2019 г.), многие из которых были в дальнейшем републикованы другими пользователями. Для сбора данных использовался автоматизированный поиск сообщений, содержащих набор ключевых слов, через программный интерфейс приложения (API) Твиттера. Выгружаемые данные содержат информацию о самом твите (текст сообщения, его уникальный идентификационный код, наличие в тексте хэштегов, ссылок на внешние ресурсы, число репостов и др.), а также о сетевой позиции его автора (число «фолловеров», т.е. подписчиков, данного пользователя, число друзей, т.е. тех, на кого автор подписан, и проч.). Результаты количественного анализа всего массива методами наук о данных представлены в авторской публикации [11]; здесь мы сосредоточимся на качественных характеристиках.

Рассматривался временной период в шесть недель: с четвёртой по девятую недели 2019 г. (22 января – 4 марта). Из со-

бранной базы для каждой недели было выбрано по 10 наиболее популярных твитов. Все 60 твитов, попавших в число наиболее популярных, выражают поддержку оппозиции; 38 из них написаны лидером оппозиции Х. Гуайдо; 11 – иностранными пользователями, включая Д. Трампа, Б. Клинтона, главу Европарламента А. Таяни и т.д.). Статистика по количеству ретвитов представлена в табл. 1.

Результаты анализа

Для формирования коллекций твитов были разработаны следующие описания.

Коллекция А – «Гнев». Включает сообщения о насилии со стороны власти, о коррупции и экономических преступлениях власти, о лишениях граждан, обещания позитивного будущего (если акцентируется, что сегодня граждане этого лишены); изображения людей, страдающих от насилия, от голода и т.д.; тезисы о том, что «узурпатор не позволяет оказать гуманитарную помощь страдающему народу». Примеры сообщений приведены в табл. 2.

Коллекция Б – «Вера в успех». Включает сообщения о переходе военных (полицейских, политиков, влиятельных фи-

Таблица 3

Примеры твитов из коллекции Б «Вера в успех»

Дата (автор)	Оригинал	Перевод
03.02.2019 (Х. Гуайдо)	¡Gracias a todos! Hoy #2Feb los venezolanos nos expresamos con fuerza, dentro y fuera de nuestras fronteras. No cabe duda de que el usurpador está muy solo. El esfuerzo y la constancia de todos hará que muchos más se sumen a nuestra ruta. #ElMundoEstáConVzla	Спасибо всем! Сегодня #2февраля венесуэльцы выражают себя решительно, внутри и за пределами наших границ. Нет сомнений, что узурпатор очень одинок. Усилия и настойчивость всех заставят многих присоединиться к нашему маршруту. #МирСВенесуэлой
28.01.2019 (оппозиционер С. Контрерас)	ÚLTIMA HORA Ante graves acontecimientos el Coronel Vázquez Alvarez Promoción Gral B Alejandro Petiot y el Capitán y Piloto Ej Carlos Enrique Vázquez, desconocen a Maduro, reconocen como COMANDANTE EN JEFE a @jguaido y piden a compañeros de armas ampararse en la Ley de Amnistía.	Новость часа! Увидев серьёзность происходящего, полковник Васкес Альварес, а также капитан-пилот Карлос Энрике Васкес отказываются повиноваться Мадуро, признают Хуана Гуайдо в качестве командующего и призывают товарищей по оружию положиться на Закон об амнистии.

Источники данных: <https://twitter.com/jguaido/status/1091888826962841600> и <https://twitter.com/SContrerasB/status/1089707276963905536>

гур любого рода) на сторону оппозиции, о поддержке со стороны тех или иных групп или значимых персон, о политических и иных достижениях оппозиции, о наличии ресурсов в распоряжении оппозиции (например, о большом количестве митингующих), о слабости оппонентов (например, сообщение «узурпатор очень одинок»), о работе назначенных оппозицией органов власти (если сооб-

щение создаёт впечатление дееспособности органа), убедительные заверения в успехе восстания, отдельных акций или планов, фотографии или видео больших масс людей на митинге. Примеры приведены в табл. 3.

Коллекция Б1 – «Международная поддержка» (раздел коллекции «Вера в успех»). Включает сообщения о поддержке оппозиции со стороны иностранных политиков

Таблица 4

Примеры твитов из коллекции Б1 «Международная поддержка»

Дата (автор)	Оригинал	Перевод
02.02.2019 (испанский поп-музыкант А. Санс)	Mañana el mundo entero saldrá a las calles por Venezuela en una marcha global por la necesidad de un corredor humanitario. #TodosConGuaido #VenezuelaTenemosPlanPaís #VamosBien @jbalvin @luisfonsi @tommy_torres @edgarramirez25 @juanes @miguelbose @diegotorres @jguaido	Завтра весь мир выйдет на улицы Венесуэлы в рамках глобального марша за необходимость гуманитарного коридора. #ВсесГуайдо #ВенесуэлаУНасЕстьПланДляСтраны #ХорошоИдем
31.01.2019 (Д. Трамп)	Spoke today with Venezuelan Interim President Juan Guaido to congratulate him on his historic assumption of the presidency and reinforced strong United States support for Venezuela's fight to regain its democracy...	Сегодня говорил с временным президентом Венесуэлы Хуаном Гуайдо, чтобы поздравить его с историческим вступлением на пост президента и подтвердить решительную поддержку Соединёнными Штатами борьбы Венесуэлы за восстановление демократии...

Источники данных: <https://twitter.com/AlejandroSanz/status/1091462233832464384> и <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1090731036298878977>

Таблица 5

Примеры твитов из коллекции В «Идентификация»

Дата (автор)	Оригинал	Перевод
27.02.2019 (Х. Гуайдо)	#Atención Hagámos que este audio llegue a todos los venezolanos dentro y fuera de nuestro país. Que no se quede nadie sin escuchar nuestras instrucciones al país. ¡Ayúdanos a replicar!	Давайте сделаем это аудио доступным для всех венесуэльцев внутри и за пределами нашей страны. Чтобы каждый услышал наши инструкции для страны. Помогите нам распространить!
10.02.2019 (Х. Гуайдо)	Estamos convocando al movimiento de unión más importante de Venezuela, con el propósito de ayudar al prójimo. Si todavía no saben cómo pueden ayudar, les pido que se registren en: http://voluntariosxvenezuela.com	Мы созываем самое важное движение единства в Венесуэле с целью помочь другим. Если вы всё ещё не знаете, как вы можете помочь, я прошу вас зарегистрироваться по адресу: http://voluntariosxvenezuela.com

Источники данных: <https://twitter.com/jguaido/status/1100726626176913410> и <https://twitter.com/jguaido/status/1094650020811497472>

Таблица 6

Распределение твитов по коллекциям

Коллекция	Неделя года						Всего
	4	5	6	7	8	9	
«Гнев»	2	1	3	2	10	2	11
«Вера в успех» (в том числе «международная поддержка»)	8	9	5	6	9	6	43
	(5)	(6)	(2)	(5)	(3)	(3)	(24)
«Идентификация»	0	0	3	2	1	2	8

или институтов, о действиях иностранных правительств в поддержку оппозиции (например, аресте счетов правительства Венесуэлы в банках США), о массовых акциях за рубежом, публикации самих иностранных политиков или значимых фигур. Примеры из данной коллекции приведены в табл. 4.

Коллекция В — «Идентификация». Включает сообщения и призывы, акцентирующие единство и солидарность оппозиции, чувство «мы», общность судьбы и переживаний; призывы к действиям из солидарности. Примеры — в табл. 5.

Полученные распределения твитов по коллекциям приведены в табл. 6.

Эти результаты показывают, что на протяжении каждой из недель наиболее эф-

фективно мобилизующими были твиты, апеллирующие к вере в успех. Они оказались более сильным мотивом к онлайн-протестной активности, чем публикации, имеющие целью вызвать гнев по отношению к действующей власти или чувство идентификации индивида с протестным движением. При этом одним из наиболее важных факторов веры в успех являлись сообщения о международной поддержке оппозиции.

Заключение

Несмотря на довольно длительную историю исследования социальных движений, теория о том, что социальные факторы влияют на участие в протестных акциях посредством гнева, веры в успех

и протестной идентификации, была предложена сравнительно недавно [13]. Этому предшествовал период, когда три перечисленных antecedента рассматривались как маркеры конкурирующих подходов, а не как три медиатора, действующие параллельно и совместно в рамках единой схемы. В указанной работе был проведён метаанализ 182 эмпирически полученных зависимостей (53 — для веры в успех, 64 — для протестной идентификации, 65 — для гнева; точнее: иногда рассматривался не гнев, а содержательно близкое к нему восприятие несправедливости) и предложена модель SIMCA (Social Identity Model for Collective Action), интегрирующая эти три подхода в единую теорию.

Стандартный дизайн эмпирических работ (например, [14]), опирающихся на теорию SIMCA, подразумевает опрос респондентов, при котором, в частности, оцениваются значения исходных факторов, antecedентов и готовности к участию. Например, респонденту предлагается оценить фактор риска подвергнуться репрессиям (вероятность риска и его значимость для респондента), гнев в связи с репрес-

сиями и готовность к участию в протесте. Настоящая работа использует идеи теории SIMCA об участии всех трёх antecedентов, прилагая их к эмпирическому материалу иного рода, а именно — к анализу твитов, представляющих собой краткие публикации в социальной сети. Насколько нам известно, для классификации текстов эта теория применяется впервые. Представление о том, что каждый мобилизующий твит участвует в формировании мотивации посредством того или иного antecedента (или двух), позволило предложить основание для классификации твитов, основанное на психологическом механизме, а не внешних признаках твита (таких как наличие юмора или видеоматериала).

В результате анализа 60 наиболее популярных твитов в коллекцию «Вера в успех» попали 43 из них, т.е. в два с лишним раза больше, чем в другие коллекции, вместе взятые. Тем самым основанная на подходе SIMCA классификация позволила весьма эффективно выделить апелляцию к вере в успех как признак твита, обладающего сильным мобилизующим влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jung N., Kim Y., H. Gil de Zúñiga. The mediating role of knowledge and efficacy in the effects of communication on political participation // *Mass Communication and Society*. 2011. № 4. P. 407. DOI: 10.1080/15205436.2010.496135.
2. Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C., N. Ellison, C. Lampe. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011, 14 (3), 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.
3. Boulianne S. Social media use and participation: a meta-analysis of current research *Information // Communication and Society*. 2015. № 18. P. 524. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1008542.
4. Kim Y., Chen H. Discussion Network Heterogeneity Matters: Examining a Moderated Mediation Model of Social Media Use and Civic Engagement // *International Journal of Communication*. 2015. № 9. P. 2344.
5. Xenos M., Vromen M.A., Loader B. The Great Equalizer? Patterns of Social Media Use and Youth Political Engagement in Three Advanced Democracies // *Information, Communication and Society*. 2014. № 17. P. 151. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318.
6. Vraga E., Thorson K., Kliger-Vilenchik N., Gee E. How Individual Sensitivities to Disagreement Shape Youth Political Expression on Facebook // *Computers in Human Behavior*, 2015, 45, 281. DOI: 10.1016/j.chb.2014.12.025.
7. Musick M., Wilson J. *Volunteers: A Social Profile*. Bloomington: Indiana University Press, 2008.

8. Kosloff S., Greenbern T., Schmader T., Dechesne T., Weise D. Smearing the opposition: Implicit and explicit stigmatization of the 2008 U.S. presidential candidates and the current U.S. President // *Journal of Experimental Psychology*. 2011. № 139 (3). P. 383. DOI: 10.1037/a0018809.
9. Brady W., Willis J., Jost J. T., Tucker J.A., Van Bavel J. Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. № 114 (28). P. 7313. DOI: 10.1073/pnas.1618923114.
10. Goel S., Anderson A., Hofman J., Watts D. The structural virality of online diffusion // *Management Science*. 2015. № 62 (1). P. 180. DOI: 10.1287/mnsc.2015.2158.
11. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // *Полис. Политические исследования*. 2020. Т. 29. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06.
12. DiFonzo N., Bordia P. *Rumor Psychology: Social and Organizational Approaches*. American Psychological Association, 2007.
13. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. № 134 (4). P. 504. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.
14. Ayanian A., Tausch N. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising // *British Journal of Social Psychology*. 2016. № 55 (4). P. 700. DOI: 10.1111/bjso.12164.

ENGLISH

Factors Behind the Popularity of Protest Messages on Twitter: The Case of Venezuela Crisis

Aleksandr Phoun Cho Petrov – Doctor of Science (Physics and Mathematics), Leading Researcher at the Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences, investigator for the project “Social Media as a Tool for Political Mobilization: Communication Analysis and Assessment of the Potential” (19-011-31341).

E-mail: petrov.alexander.p@yandex.ru

Denis Konstantinovich Stukal – Candidate of Science (Politics), Deputy Director of the Institute of Applied Political Research, Higher School of Economics National Research University, investigator for the same project.

E-mail: dstukal@hse.ru

Andrei Sergeevich Akhremenko – Doctor of Science (Politics), Professor at the Higher School of Economics National Research University, head of the same project.

E-mail: aakhremenko@hse.ru

Based on the material of the political crisis in Venezuela in 2019, the paper studies factors behind the popularity of protest messages (tweets) on Twitter. Methodologically, the study develops the notion of SIM-CA (Social Identity Model for Collective Action). The theory suggests that factors in the social environment may mobilize a person through such psychological antecedents as anger, belief in ability to achieve the desired goals (efficacy belief) and protest identification. The project participants created a database including over 5.7 million tweets, based on which three sets of the most popular messages (tweets) have been selected. The three sets were named according to psychological antecedents: a) anger, b) belief in success (including international support), and c) protest identification. The analysis of the tweets demonstrates that the belief in the success of the protest campaign has the greatest mobilizing force.

Keywords: political protest, social media, Twitter, SIMCA, Venezuela

REFERENCES

1. Jung N., Kim Y., H. Gil de Zúñiga. The mediating role of knowledge and efficacy in the effects of communication on political participation // *Mass Communication and Society*. 2011. № 4. R. 407. DOI: 10.1080/15205436.2010.496135.
2. Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C., N. Ellison, C. Lampe. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011, 14 (3), 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.
3. Boulianne S. Social media use and participation: a meta-analysis of current research // *Information and Communication Society*. 2015. № 18. R. 524. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1008542.
4. Kim Y., Chen H. Discussion Network Heterogeneity Matters: Examining a Moderated Mediation Model of Social Media Use and Civic Engagement // *International Journal of Communication*. 2015. № 9. R. 2344.
5. Xenos M., Vromen M.A., Loader B. The Great Equalizer? Patterns of Social Media Use and Youth Political Engagement in Three Advanced Democracies // *Information, Communication and Society*. 2014. № 17. R. 151. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318.
6. Vraga E., Thorson K., Klinger-Vilenchik N., Gee E. How Individual Sensitivities to Disagreement Shape Youth Political Expression on Facebook // *Computers in Human Behavior*, 2015, 45, 281. DOI: 10.1016/j.chb.2014.12.025.
7. Musick M., Wilson J. *Volunteers: A Social Profile*. Bloomington: Indiana University Press, 2008.
8. Kosloff S., Greenberg T., Schmader T., Dechesne T., Weise D. Smearing the opposition: Implicit and explicit stigmatization of the 2008 U.S. presidential candidates and the current U.S. President // *Journal of Experimental Psychology*. 2011. № 139 (3). R. 383. DOI: 10.1037/a0018809.
9. Brady W., Willis J., Jost J.T., Tucker J.A., Van Bavel J. Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. № 114 (28). R. 7313. DOI: 10.1073/pnas.1618923114.
10. Goel S., Anderson A., Hofman J., Watts D. The structural virality of online diffusion // *Management Science*. 2015. № 62 (1). R. 180. DOI: 10.1287/mnsc.2015.2158.
11. Akhremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Set' ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v sotsial'nykh media: teoriya i analiz dannykh // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020. T. 29. № 2. S. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06 (in Russian).
12. DiFonzo N., Bordia P. *Rumor Psychology: Social and Organizational Approaches*. American Psychological Association, 2007.
13. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. № 134 (4). P. 504. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.
14. Ayanian A., Tausch N. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post coup uprising // *British Journal of Social Psychology*. 2016. № 55 (4). R. 700. DOI: 10.1111/bjso.12164.

**А.Ю. КАРПОВА, А.О. САВЕЛЬЕВ,
А.Д. ВИЛЬНИН, А.Ю. КАЙДА,
С.А. КУЗНЕЦОВ, Н.Г. МАКСИМОВА,
Д.В. ЧАЙКОВСКИЙ***

Ультраправая радикализация: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining

В статье представлен краткий обзор актуальных тенденций в России и мире по изучению рисков радикализации на ультраправой идеологической платформе. В отсутствие единообразия трактовок и интерпретаций в научном поле предметной области изучения феномена радикализации авторы придерживаются следующей трактовки: ультраправые — это сообщества и движения, принимающие идею о том, что насилие необходимо для продвижения любых целей (политических, идеологических, экономических, социальных или личных). Они оправдывают, пропагандируют эту идею, выражают готовность перейти к насильственным действиям, а также берут на себя моральное обязательство в защиту тех, кто продвигает эту идею.

Авторы представляют результаты работы междисциплинарной проектной группы ТПУ по созданию прототипа и методики автоматизированного выявления угроз со стороны ультраправой идеологической платформы в социальных медиа.

В работе формализованы основные ограничения, которые ставит перед исследователями применение интеллектуального контент-анализа социальных сетей как инструмента автоматизации исследований в области социальных наук.

* **Карпова Анна Юрьевна** — доктор социологических наук, профессор Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИУ ТПУ), руководитель проекта «Новые коммуникативные технологии в продвижении ультраправой идеологической платформы среди молодежи: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining» (19-011-31535).

E-mail: belts@tpu.ru

Савельев Алексей Олегович — кандидат технических наук, доцент Инженерной школы информационных технологий и робототехники НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: sava@tpu.ru

Вильнин Александр Данилович — кандидат технических наук, программист Инженерной школы информационных технологий и робототехники НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: vilninad@tpu.ru

Кайда Анастасия Юрьевна — аспирант Инженерной школы информационных технологий и робототехники НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: ayk13@tpu.ru

Кузнецов Сергей Анатольевич — инженер Инженерной школы информационных технологий и робототехники НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: ksa11@tpu.ru

Максимова Наталья Геннадьевна — магистр социологии, старший преподаватель Школы инженерного предпринимательства НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: nata8720@tpu.ru

Чайковский Денис Витольдович — кандидат философских наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки НИУ ТПУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: dnvit@tpu.ru

Ключевые слова: ультраправый, радикализация, молодёжь, экстремизм, терроризм, интеллектуальный анализ данных, большие данные, социальные сети

Феномен радикализации активно изучается во многих странах мира. За прошедшие 20 лет появились концепции и модели радикализации, вырабатываются междисциплинарные научные подходы к её изучению. Однако эмпирические исследования по-прежнему составляют лишь небольшой процент. Из-за отсутствия единой концепции радикализации, методологии исследований, методики измерения показателей охватить всю сложность факторов, связанных с процессом радикализации, до сих пор не представляется возможным.

Примерно 15 лет назад учёные и практики признали, что у террориста нет единого, универсального профиля и что предсказать терроризм исключительно сложно. Стало ясно, что эффективный подход в борьбе с терроризмом — это тот, который уравнивает активную безопасность с усилиями по пресечению тех факторов, которые ведут к радикализации, лежащей в основе терроризма. Новая логика привела к повышенному вниманию и усилиям научного сообщества по выявлению факторов риска радикализации и изучению механизмов индивидуальной, групповой и массовой радикализации.

Обобщая разнообразие трактовок, отметим, что под радикализацией понимается процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнений к насильственным действиям. Радикализация представляет собой комплекс сложных причинно-следственных связей и процессов, она не является линейным процессом. Именно поэтому для изучения факторов риска радикализации в качестве базовой используется модель двух пирамид: модель радикализации мнений и модель радикализации действий, разработанная Кларком Маккоули и Софией

Москаленко [1]. Радикальные мнения не являются преступлением. Но участие в насильственном экстремизме, терроризме — преступление. Молодёжь находится в группе риска, это наиболее уязвимая категория для деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны экстремистских и террористических сообществ различного толка.

Исследовательский интерес к изучению факторов риска радикализации на ультраправой идеологической платформе связан с актуальной повесткой обеспечения национальной безопасности как в России, так и во всём мире.

◆ «Ультраправые экстремистские группы развиваются и мобилизуются по всей Европе» [2]. Эту тенденцию впервые отметили исследователи Центра по изучению радикализации ICSR в отчёте за 2018 г. Служба внешней разведки Нидерландов в годовом отчёте за 2019 г. [3], служба безопасности Норвегии в отчёте 2020 г. также указали на растущую угрозу правого экстремизма [4]. В 2020 г. на крупнейшей в мире Мюнхенской международной конференции по вопросам безопасности эксперты констатировали, что «правый экстремизм является ключевым в повестке дня, наряду с космической безопасностью, климатической безопасностью и технологической гонкой» [5].

◆ Активность ультраправых в России возможно отразить лишь частично. Это связано с тем, что мониторинговые, лонгитудные исследования крайне редки, нет открытых публикаций официальной статистики, систематического глубокого анализа инцидентов. Информация в СМИ фрагментарна, расплывчата, зачастую искажена. Потенциально достоверным источником информации являются статистические данные из базы данных

Информационно-аналитического центра «Сова». Эксперты этого центра излагают основные тенденции и характеризуют активность ультраправых в России с 2002 г. «В 2019 г. в России количество расистских и неонацистских мотивированных нападений снижалось, хотя количество убийств оказалось выше. Инциденты по мотиву ненависти в 2019 г. зафиксированы в 18 регионах РФ, в 2018 г. — в 12 регионах. Доминирующей категорией остаются нападения на «этнических чужаков», и их количество выросло по сравнению с предыдущим годом. Вторая группа — это преступления против политических и идеологических противников. За 2019 г. увеличилось число нападений на представителей ЛГБТ-сообществ» [6].

◆ Глобальный, вирусный, масштабируемый характер и каскадный эффект — это то, что отличает онлайн-радикализацию от офлайн. Сокращается временной период процесса радикализации, происходит активная консолидация идеологических, финансовых, организационных и транснациональных связей ультраправых экстремистских сообществ [7].

◆ Экстремистские сообщества активно создают и продвигают блоги, имиджборды, веб-форумы, сообщества, разделяющие общую повестку ультраправых для распространения своих убеждений и идеологии, выстраивания коллективной идентичности, офлайн и онлайн мобилизации, пропаганды и сбора средств [8].

◆ Изменение технологического контекста тоже имеет значение, поскольку именно Интернет предоставляет неограниченные возможности цифровых технологий для продвижения в молодёжной среде идеи о том, что насилие необходимо для достижения любых целей: политических, идеологических, религиозных, социальных, экономических или

личных. Эксперты особо отмечают продвижение альтернативной медиасистемы, получившей название альтернативная сеть влияния (AIN) на YouTube, стимулируя радикализацию на идеологических платформах экстремистских сообществ различного толка [9].

◆ Во всём мире развиваются таргетинговые технологии продвижения радикальных идеологий и кроссплатформенная координация доксинга¹ (doxxing) и интернет-троллинга. Например, в России, как отмечает эксперт Информационно-аналитического центра «Сова», в резюме за 2019 г. «тема угроз со стороны ультраправых оставалась актуальной... на страницах в социальных сетях этих организаций и групп появлялись фотографии, личные данные антифашистов, левых активистов, независимых журналистов, сотрудников правоохранительных органов и угрозы в их адрес» [6].

◆ Исследователи, занимающиеся изучением ультраправых, отмечают размывание «границ» между ультраправыми движениями и сообществами, перманентный рост новых организационных гибридных форм, которые не вписываются в привычные схемы формализации ультраправых, но имеют веские причины для причисления их к мотивирующей идеологии ультраправых. Совсем недавно на Западе появились сообщества Redpill, в российских социальных сетях они тоже нашли своё отражение и формируют целевую аудиторию. «Red-pilling» означает целенаправленное формирование у кого-либо фашистских, расистских и антисемитских взглядов. Этот термин — отсылка к популярному фильму «Матрица». Процесс индоктринации в сообществах называют «редпиллинг» («red-pilling»). Другой пример. Зарубежные исследователи отмечают с 2016 г. рост

¹ Прим. автора: доксинг (doxxing) — это публикация персональной или конфиденциальной информации о человеке без его согласия с целью причинения вреда. Подробнее читать: Megan Garber. Doxing: An Etymology. The Atlantic. March 6, 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/03/doxing-an-etymology/284283/> (accessed 12/10/2020).

числа сообществ, которые радикализуются на платформе ультраправых, но ещё не обратили на себя пристального внимания со стороны экспертного сообщества. Хотя уже зафиксированы инциденты, совершённые членами экстремистской организации, известной как «proud boys». Онлайн-сообщества этой организации имеют тесные связи с Alt-right, Alt-light, криптофашистами и женоненавистническими сообществами [10]. Сообщества «proud boys» появились и в российской социальной сети Вконтакте.

◆ В последние годы возросло количество инцидентов на почве ненависти и насильственного экстремизма, совершённых одиночками или небольшими автономными ячейками [11]. Такого рода инциденты совершают скулшутеры, массовые убийцы, террористы-одиночки. Одиночки мотивированы одной идеей или одной проблемой, но ищут легитимации и оправдания своих действий в идеологических платформах ультрарадикальных сообществ и движений, чтобы обеспечить себя и свою борьбу смыслом и направленностью. Это растущий феномен, который вызывает опасения во всём мире [12]. К примеру, инциденты, совершённые одиночками, такие как стрелок в Крайстчерч. В России такого рода инциденты произошли в 2017 (Хабаровск), в 2018 (Архангельск и Керчь), в 2019 (Благовещенск и Москва).

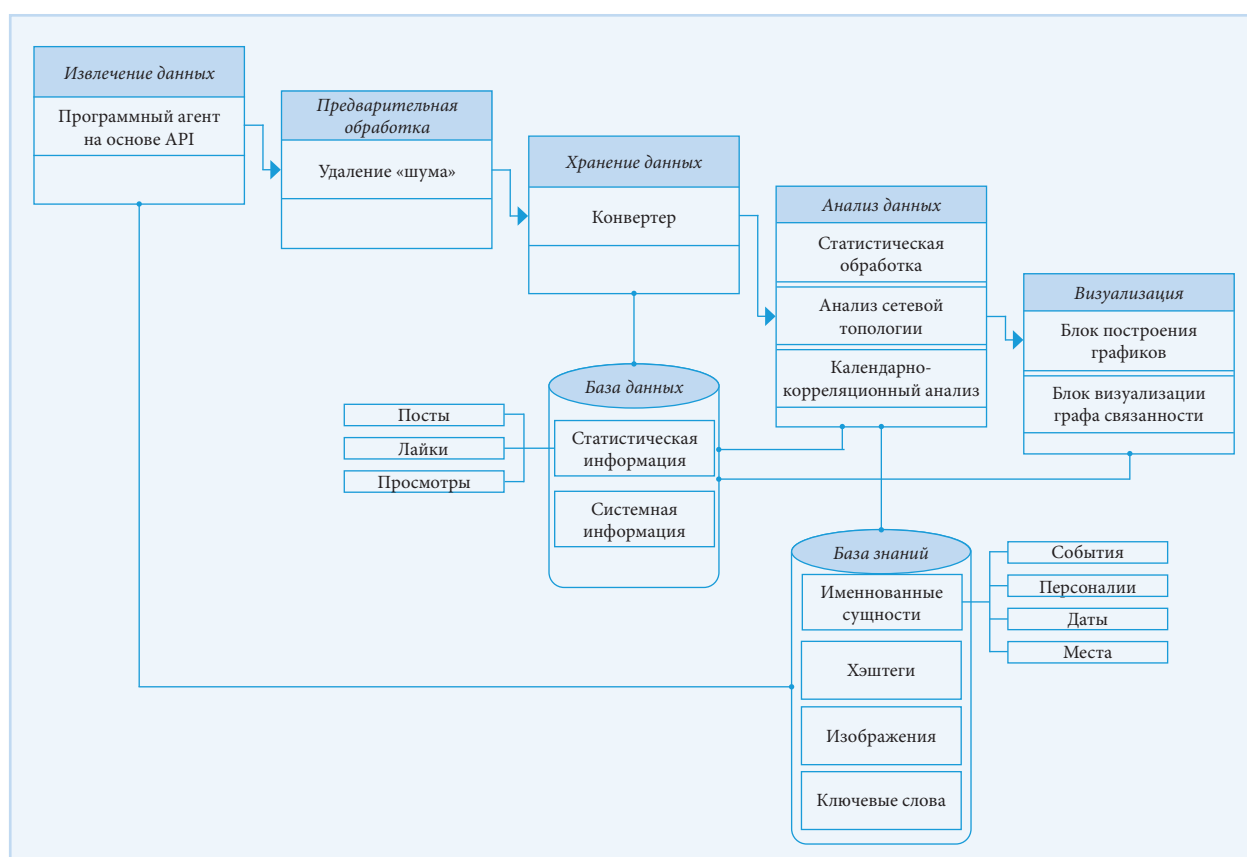
◆ Оставляют ли преступники «следы» в интернете? Какие связи они выстраивают в соцсетях и в каких сообществах радикализируются? Учёные и практики во всём мире изучают ролевые модели поведения скулшутеров и массовых убийц [13], анализируют социальные связи и создают на этой основе типологии сетевых взаимодействий, стремясь выявить идеологические, организационные и мобилизационные факторы влияния [14].

Для изучения факторов риска радикализации в социальных медиа большое значение приобретает такой инструмент диагностики, как «аналитика социальных

сетей» (Social Media Mining), который сочетает методы информационного поиска, машинного обучения и интеллектуального анализа данных (Web Mining) [15]. Результаты работы междисциплинарной проектной группы ТПУ позволяют осуществлять параметризованный поиск деструктивного контента в социальных медиа, решать задачи поиска и идентификации ультраправых экстремистских сообществ (устойчивых, известных, многочисленных) и их «сателлитов» (меньших по численности и малоизвестных).

Наиболее трудоёмкими и требующими повышенного внимания являются процессы, непосредственно предшествующие этапу автоматической обработки данных и последующие за ним. На предшествующем этапе необходимо решить задачи извлечения и предварительной подготовки данных. При этом приходится оперировать гетерогенными большими данными. Иначе говоря, необходимо сформировать систему правил, основанных на применении формализованных знаний о предметной области, для поиска данных, релевантных целям и задачам исследований.

Первая функция, которая была реализована в проекте, — это проектирование поиска по ключевым словам. Источниками данных служили Федеральный список экстремистских материалов [16], Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [17]; Словарь экстремистских лозунгов, разработанный экспертом по противодействию экстремизму Ю.А.Сафоновой; набор материалов по символической, предоставленный сотрудником Центра «Э» УВД по Томской области; набор текстовых материалов, отобранный вручную со страниц групп Вконтакте; материалы, опубликованные в СМИ; база дан-

Ил. 1. Функциональная схема работы прототипа

ных Информационно-аналитического центра «Сова» и др. [18].

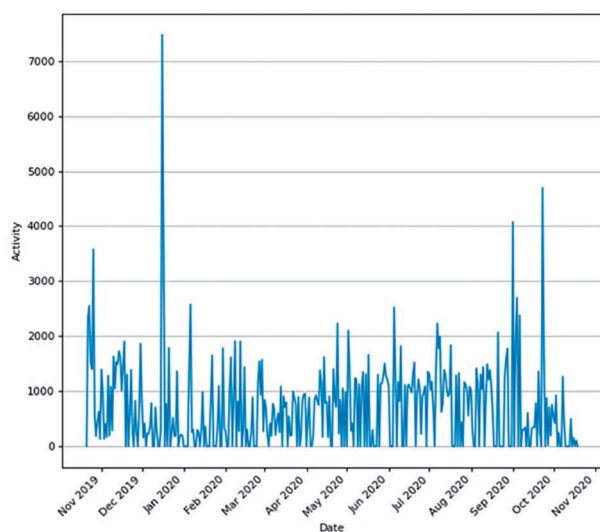
Рисунки и графики, представленные далее, демонстрируют примеры обработки данных на массиве 191 радикального сообщества из социальной сети ВКонтакте, выбранных экспериментальным путём для базы знаний. Сообщества размечены экспертом по классам идеологических платформ. Основной целью создания базы знаний является наполнение её информацией о значимых ключевых датах и связанных с ними ключевых словах для разных классов сообществ. При изменении/пополнении базы знаний возможен поиск сообществ различных классов, что позволит изучить характер и силу их взаимосвязей и взаимного влияния. Работа осуществлялась на примере открытых данных социальной сети ВКонтакте при соблюдении условий и ограничений лицензионного соглашения. При этом анализировались сообщ-

ества, а не отдельные учётные записи пользователей. Сбор, обработка и хранение персональных данных не осуществлялись.

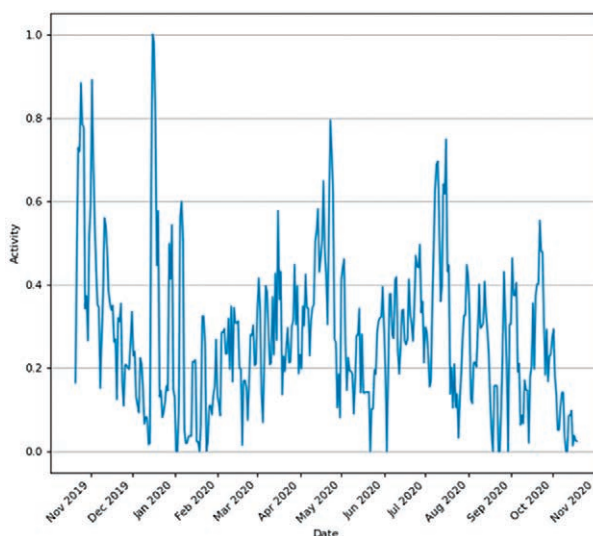
Функциональная схема работы прототипа представлена на ил. 1.

Знания о предметной области были формализованы, размечены, преобразованы в теги и структурированы для датасет (базы знаний ключевых слов и событий) из набора ключевых слов и лозунгов, наиболее ярко соответствующих праворадикальной идеологической платформе (ил. 2).

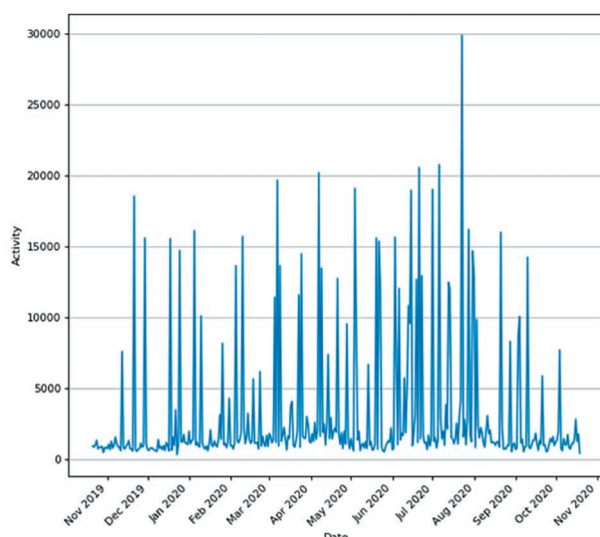
В процессе апробации было выявлено, что поиск только по ключевым словам даёт много ложных срабатываний, «мусорного контента». Пользовательские данные содержат «шум», т.е. неправильную грамматику, ошибки в словах (намеренные и непреднамеренные искажения слов), сленг, аббревиатуры, многоязычный скрипт, неформальные языковые выражения и т.п. А потому возникали слож-

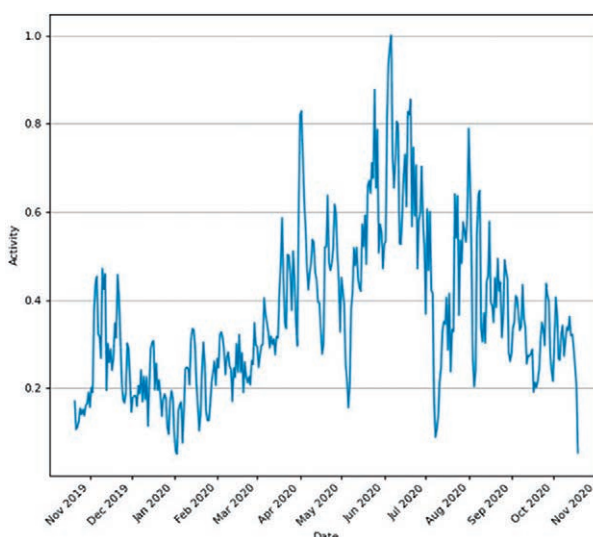
Ил. 4. График абсолютной активности сообщества, идентифицированного к праворадикальной идеологической платформе

Ил. 5. График относительной активности сообщества, идентифицированного к праворадикальной идеологической платформе

Ил. 6. График абсолютной активности сообщества, идентифицированного к леворадикальной идеологической платформе

Ил. 7. График относительной активности сообщества, идентифицированного к леворадикальной идеологической платформе

во временной период, близкий к ключевой дате), количество сообществ, автоматически выявленных сообществ с признаками радикализации и общее число сообществ, относящихся к определённому классу.

Проиллюстрируем эффективность работы алгоритма через значения ошибок первого и второго рода. В качестве нулевой гипотезы H_0 примем, что анализируемое сообщество не содержит признаков радикального сообщества. Соответственно, альтернативная гипотеза H_1 — анали-

зируемое сообщество содержит признаки сообщества, идентифицированного к праворадикальной и леворадикальной идеологическим платформам.

В рамках проверки гипотеза H_0 была ошибочно принята в 112 случаях, гипотеза H_1 , соответственно, верно принята в 77. Таким образом, вероятность ошибки второго рода равна $\beta = 0,59$ и мощность критерия $(1-\beta) = 0,41$.

Также была выполнена дополнительная оценка ошибки второго рода для каж-

дого класса тех же радикальных сообществ (табл.). Сравнительно низкая эффективность алгоритма в отдельных случаях может быть объяснена неполнотой информации в базе знаний, описывающей значимые для различных радикальных идеологических платформ «скрепы». Поскольку представленные в экспертном списке сообщества относятся к различным классам, то и специфическую активность они могут проявлять в различные даты.

Социальные сети предоставляют информацию, актуальную на текущий момент времени, т.е. на момент формирования соответствующего запроса, поэтому для анализа динамики роста по участникам, постам, просмотрам, комментариям, лайкам и репостам была создана подсистема периодического сбора и хранения. Это также позволило анализировать конкретные ситуации удаления комментариев и постов (ил. 8).

Помимо количественных оценок в разработанной системе наращивались функции контент-анализа. Одной из таких функций является оценка использования ключевых слов как одного из маркеров наличия связи между сообществом пользователей и радикальной идеоло-

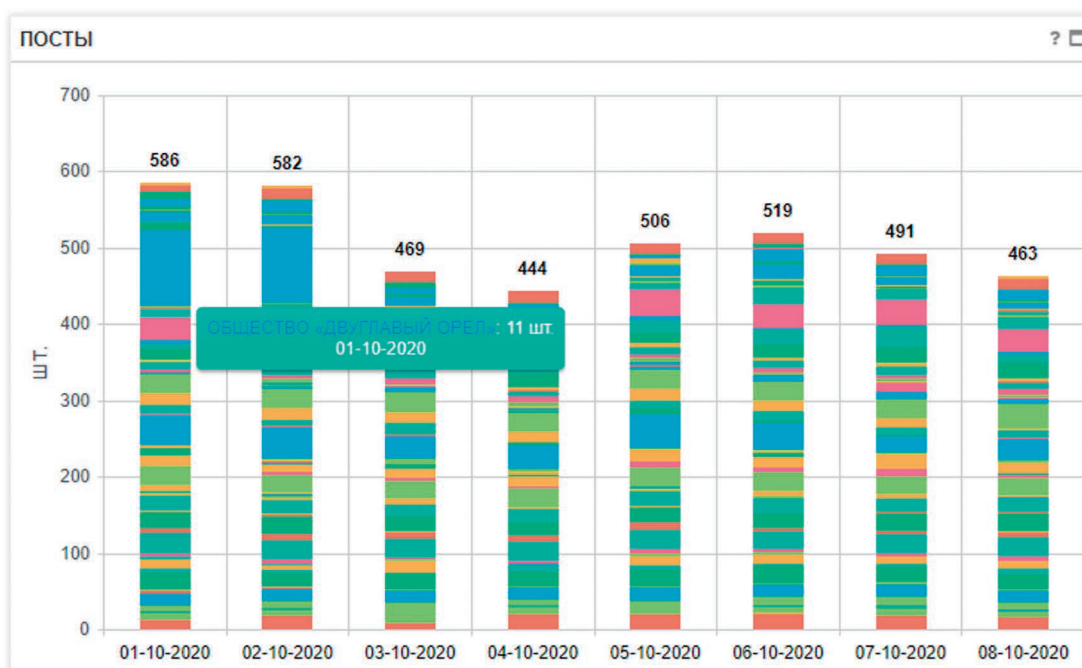
гической платформой. Была задана математическая формула для вычисления весового коэффициента использования ключевых слов (ил. 9). В перспективе такой подход обеспечивает гибкость и адаптивность программного инструмента для различных исследовательских целей и задач.

Следующая группа функций, которая обеспечила инструментальные возможности решения задачи кластеризации и классификации, – это анализ сетевой топологии. В обобщённом виде задача анализа сетевой топологии на основе данных социальных медиа сводится к разработке критериев связанности пользователей и сообществ с последующим формированием графа и его анализом. Например, самыми очевидными критериями связанности сообществ являются взаимные ссылки и общие пользователи. Анализируя граф, мы не только получили возможность интерпретировать связи между пользователями и сообществами, но также оценить значимость узлов и силу связей между ними. Стандартным способом при этом являются вычисления степеней близости, посредничества и влияния. Полученная информация

Таблица

Проверка гипотез Н₀ и Н₁ для разных классов сообществ

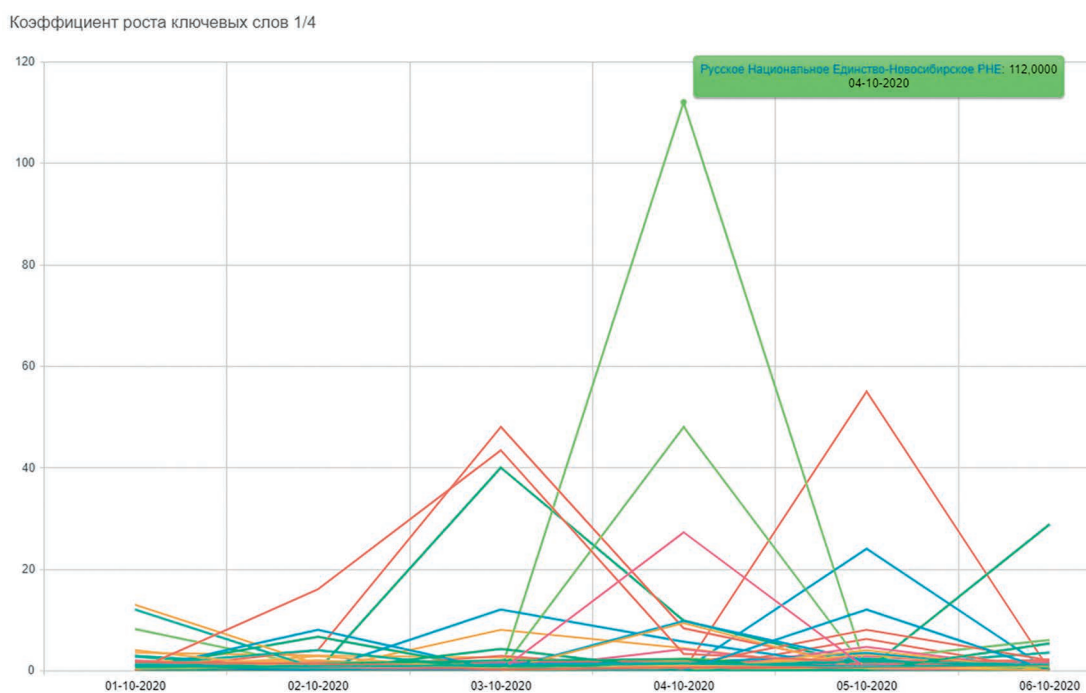
Класс сообществ	β	(1- β)	Кол-во найденных сообществ	Общее кол-во сообществ
Националисты	0,625	0,375	21	56
Имперские националисты	0,55	0,45	8	18
Идентаристы	0	1	1	1
АнтиФа	0,76	0,24	5	21
Alt-right	0,29	0,71	5	7
Женоненавистники	0,57	0,43	3	7
Ультралевые	0	1	5	5
Ультраправые (смешанные)	0,54	0,46	6	13
Неонацисты	0	1	2	2
Неоязычники	0,67	0,33	19	57
Shitposters	0,75	0,25	1	4

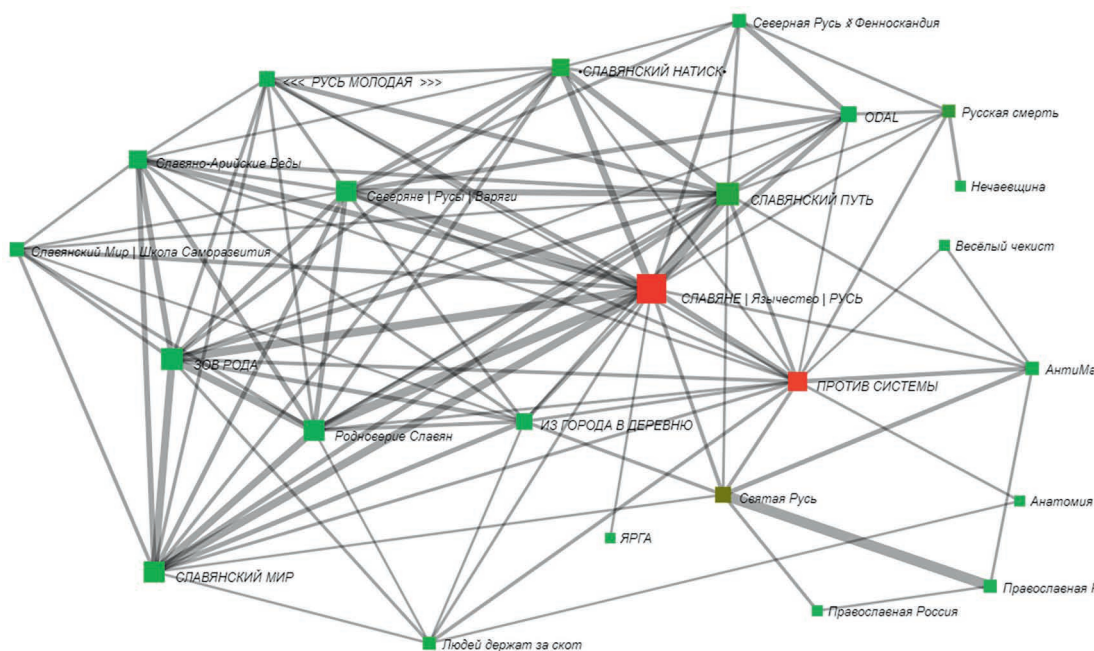
Ил. 8. Пример динамики роста и удаления комментариев

в перспективе может быть использована для моделирования процессов информационной диффузии в рамках сообществ. Данные о взаимной активности в сообществах могут быть использованы в качестве меры сходства при решении задач

кластеризации для поиска новых сообществ, а также для выявления потенциальных агентов влияния и лидеров мнений в найденных сообществах. На ил. 10 показан фрагмент графа, в котором определена сила связи, влияния и посредни-

Ил. 9. Пример применения весового коэффициента использования ключевых слов

Ил. 10. Пример сетевой топологии (фрагмент) — сила связи между пользователями сообществ неоязычников и shitposters

чества между пользователями сообществ неоязычников и shitposters¹.

Ультрарадикальные сообщества находятся в постоянном поиске новобранцев. Для того, чтобы рекрутировать новых членов, они энергично внедряются в большие сообщества, в которых активно поднимаются те или иные острые темы, выражаются радикальные мнения. В таких сообществах агрессивно, грубо провоцируя пользователей на обсуждение острой темы, они как бы «прощупывают почву», чтобы в дальнейшем активно продвигать, пропагандировать, мобилизовывать пользователей на переход к радикальным действиям. Большинство пользователей выражают свои идеологические убеждения через строки подписи, изображения или имена,

которые вызывают идеологические чувства, обеспечивая других пользователей форума знанием их убеждений независимо от содержания поста. Например, используются имена нацистов, символы, изображения для надёжной идентификации с конкретной идеологической платформой. Или другой пример. По результатам исследования можно отметить, что мы наблюдаем перекрёстные связи сообществ женоненавистников (инцелы, MGTOW²) с националистами, неонацистами, alt-right. Это говорит о том, что они радикализуются на ультраправой платформе.

Во всем мире исследователи мечтают о программном обеспечении, которое сможет с высокой точностью идентифицировать «язык вражды», токсичный контент,

¹ Прим. автора: название shitposters активно используется в зарубежных исследованиях для обозначения пользователей и сообществ, которые агрессивно, иронично, намеренно троллят на онлайн-форумах в социальной сети, чтобы сорвать дискуссии, спровоцировать собеседников на максимально острую реакцию, будировать обсуждение, сбить с толку собеседников и преследуя иные цели. Shitposting стал интернет-трендом примерно в 2014 году.

² Прим. автора: Инцелы – субкультура, в которой мужчины описывают себя как неспособных найти сексуального партнёра, несмотря на желание это сделать. Вину за невольное воздержание и связанную с этим фрустрацию инцелы целиком возлагают на женщин; MGTOW – «Men Going Their Own Way», мужчины, идущие своим путём. Движение гетеросексуальных мужчин, в разной степени дистанцирующихся от женщин, особенно от брака.

угрозы и многие другие деструктивные проявления в социальных сетях. Учёные надеются, что автоматизация снимет с них часть бремени по поиску такого контента и поможет избежать ошибок, которые допускает человек, ведущий поиск в «ручном режиме». Но стоит отдельно сказать об ограничениях и особенностях интеллектуального контент-анализа социальных сетей как инструмента автоматизации исследований в предметной области изучения феномена радикализации. Анализ результатов работы над проектом привёл к необходимости обобщить широкий набор особенностей и выделить три уровня ограничений, отражающих последовательность интеллектуального анализа данных.

Первая группа — это ограничения уровня извлечения данных. Основным способом добычи сырых данных социальных медиа является работа с программными интерфейсами приложений (API). Правила использования API устанавливаются самими социальными медиа, в том числе определяются допустимые частота запросов, объём предоставляемых в ответ на запрос данных и прочее. Использование нескольких социальных медиа в качестве источников первичных данных влечёт за собой разработку многоагентной подсистемы сбора. Не говоря о том, что это само по себе может являться технически нетривиальной задачей, особенно для небольших исследовательских коллективов, это также означает полную зависимость от доброй воли владельцев социальных медиа. Неважно, какой потенциальной общественной значимостью обладают результаты исследований, наличие стабильного доступа к данным никто в настоящий момент не гарантирует.

Вторая группа — это ограничения уровня обработки данных. Несмотря на экстр-

ординарный объём данных в открытом доступе социальных медиа, их всё ещё недостаточно. Нет явной информации о характере связей между пользователями и сообществами, отсутствует возможность верифицировать имеющуюся информацию (как следствие — невозможно оценить точность моделей, основанных на методах машинного обучения). Таким образом, мы находимся в ситуации, когда невозможно не учитывать имеющуюся онлайн-информацию, поскольку потенциально она способна повысить точность научной картины мира, но при этом нельзя идеализировать AI-инструментарий.

Третья группа — это ограничения уровня интерпретации данных. Развитие методов искусственного интеллекта и сопутствующих им повышает квалификационные требования к исследователям. При этом необходимы не просто дополнительные программы повышения квалификации и новые образовательные траектории. Необходима качественная формализация уже накопленного опыта и знаний, позволяющая перейти к алгоритмизации. В качестве примера приведём проблему, с которой мы столкнулись в начале работы над проектом. Федеральный список экстремистских материалов является одним из важных источников информации для создания функции параметризованного поиска по ключевым словам в работе прототипа. Однако текущий формат списка, правила его наполнения и предоставления пользователям фактически не позволяют использовать его автоматически.

В заключение подчеркнём, что развитие методов интеллектуального анализа, их внедрение в области социальных наук возможны лишь при условии наличия качественных решений базовой автоматизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20 (3). P. 415–433.

2. The Cost of Crying Victory: Policy Implications of the Islamic State's Territorial Collapse: Report. ICSR 2018. P. 10. URL: https://www.google.com/url?q=https://icsr.info/wp-content/uploads/2019/01/ICSR-ICCT-Feature_The-Cost-of-Crying-Victory-Policy-Implications-of-the-Islamic-State%25E2%2580%2599s-Territorial-Collapse.pdf&sa=D&ust=1591532422300000&usq=AFQjCNGRUCMoky0Oj2ql1hty0quQvllIzg (дата обращения: 19.10.2020).
3. General Intelligence and Security Service. Report AIVD 2019. URL: <https://www.aivd.nl/documenten/jaarverslagen/2020/04/29/jaarverslag-2019>. URL: <https://www.aivd.nl/documenten/jaarverslagen/2020/04/29/jaarverslag-2019> (дата обращения: 19.10.2020).
4. Nasjonal trusselvurdering 2020. URL: <https://www.pst.no/globalassets/artikler/utgivelser/2020/nasjonal-trusselvurdering-2020-print.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
5. Munich Security Report 2020. URL: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf (дата обращения: 19.10.2020).
6. Юдина Н. Криминальная активность ультраправых. Преступления ненависти и противодействие им в России в 2019 году. Режим доступа: URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2020/02/d42015> (дата обращения: 19.10.2020).
7. Thomas J. Holt, Joshua D. Freilich & Steven M. Chermak: Examining the Online Expression of Ideology among Far-Right Extremist Forum Users, Terrorism and Political Violence. 2020, DOI: 10.1080/09546553.2019.1701446. Karl P. Hungary's radical right 2.0. Nationalities Papers, 2017. 45 (3). 345–355.
8. Graham M. Transnational networking on the far right: The case of Britain and Germany. West European Politics. 2013. 36 (1). 176–198.
9. Lewis R. Alternative ENDNOTES Influence: Broadcasting the Reactionary Right on YouTube. Report. Data & Society's Media Manipulation research initiative. Published 18.09.2018. URL: https://datasociety.net/wp-content/uploads/2018/09/DS_Alternative_Influence.pdf (дата обращения: 19.10.2020).
10. Samantha Kutner. Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys // ICCT Research Paper. May 2020. DOI: 10.19165/2020.1.03.
11. David C. Hofmann (2018): How "Alone" are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists, Studies in Conflict & Terrorism, DOI: 10.1080/1057610X.2018.1493833.
12. Карпова А.Ю., Чайковский Д.В. «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2 (22). С. 45–53.
13. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62 (2). P. 210–228.
14. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология / Национальный исследовательский Томский госуниверситет (ТГУ). 2019. № 52. С. 138–147.
15. Savelev A., Karpova A., Chaykovskiy D., Vilnin A., Kaida A., Kuznetsov S., Igumnov L., Maksimova N. The High-Level Overview of Social Media Content Search Engine. Proceedings of the 14th International Forum on Strategic Technology (IFOST 2019); Tomsk Polytechnic University. Tomsk: TPU Publishing House, 2019. Pp. 306–309.
16. Министерство юстиции Российской Федерации. Федеральный список экстремистских материалов // URL: <https://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 20.10.2020).
17. Министерство юстиции Российской Федерации. Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 20.10.2020).
18. Информационно-аналитический центр «Сова». URL: <https://www.sova-center.ru> (дата обращения: 20.10.2020).

ENGLISH

Ultra-Right Radicalization: a Method of Automated Threat Detection with the Use of Web Mining

Anna Yurievna Karpova – Doctor of Science (Sociology), Professor at the School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University (TPU), head of the project “New Communication Technologies in Promotion of Ultra-Right Ideological Platform Among the Youth: a Method of Automated Threat Identification with the Use of Web Mining” (19-011-31535).

E-mail: belts@tpu.ru

Aleksey Olegovich Saveliev – Candidate of Science (Engineering), Associate Professor at the Engineering School of Information Technologies and Robotics, TPU, the executor of the same project.

E-mail: sava@tpu.ru

Aleksandr Daniilovich Vilnin – Candidate of Science (Engineering), programmer at the Engineering School of Information Technologies and Robotics, TPU, the executor of the same project.

E-mail: vilninad@tpu.ru

Anastasia Yurievna Kaida – postgraduate student of the Engineering School of Information Technologies and Robotics, TPU, the executor of the same project.

E-mail: ayk13@tpu.ru

Sergey Anatolyevich Kuznetsov – engineer at the Engineering School of Information Technology and Robotics, TPU, the executor of the same project.

E-mail: ksa11@tpu.ru

Natalia Gennadievna Maksimova – Master of Sociology, Senior Lecturer at the School of Engineering Entrepreneurship, TPU, the executor of the same project.

E-mail: nata8720@tpu.ru

Denis Vitoldovich Tchaikovsky – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor at the School of Basic Engineering Training, TPU, the executor of the same project.

E-mail: dnvit@tpu.ru

The paper provides a brief review of current trends in studying ultra-right radicalization risks both in Russia and globally. Since the scientific interpretations in studying the notion of radicalization are differentiated, the authors prefer the following one: the ultra-rightists represent communities and movements that accept the idea that violence is necessary to achieve any goal (political, ideological, economic, social or personal). The ultra-rightists justify and promote this idea, expressing their willingness to act violently. They also make a moral commitment to defend those who promote the idea.

The authors present the results of the work of the TPU's cross-subject project team to create a prototype and a method for automated detection of ultra-rightists' threats in social media.

The paper describes the main challenges the researches face when applying smart social media content analysis as a tool for automating social science research.

Keywords: ultra-rightists, radicalization, youth, extremism, terrorism, data mining, big data, social media

REFERENCES

1. McCauley C., Moskalkenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20 (3). P. 415–433.

2. The Cost of Crying Victory: Policy Implications of the Islamic State's Territorial Collapse: Report. ICSR 2018. P. 10. URL: https://www.google.com/url?q=https://icsr.info/wp-content/uploads/2019/01/ICSR-ICCT-Feature_The-Cost-of-Crying-Victory-Policy-Implications-of-the-Islamic-State%25E2%2580%2599s-Territorial-Collapse.pdf&sa=D&ust=1591532422300000&usg=AFQjCNGRUCMoky0Oj2ql1hty0quQvllIzg (data obrashcheniya: 19.10.2020).
3. General Intelligence and Security Service. Report AIVD 2019. URL: <https://www.aivd.nl/documenten/jaarverslagen/2020/04/29/jaarverslag-2019>. URL: <https://www.aivd.nl/documenten/jaarverslagen/2020/04/29/jaarverslag-2019> (data obrashcheniya: 19.10.2020).
4. Nasjonal trusselvurdering 2020. URL: <https://www.pst.no/globalassets/artikler/utgivelser/2020/nasjonal-trusselvurdering-2020-print.pdf> (data obrashcheniya: 19.10.2020).
5. Munich Security Report 2020. URL: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf (data obrashcheniya: 19.10.2020).
6. Yudina N. Kriminal'naya aktivnost' ul'trapravykh. Prestupleniya nenavisti i protivodeystvie im v Rossii v 2019 godu. Rezhim dostupa: URL: <https://www.sovacenter.ru/racism-xenophobia/publications/2020/02/d42015> (data obrashcheniya: 19.10.2020) (in Russian).
7. Thomas J. Holt, Joshua D. Freilich & Steven M. Chermak: Examining the Online Expression of Ideology among Far-Right Extremist Forum Users, Terrorism and Political Violence, 2020. DOI: 10.1080/09546553.2019.1701446. Karl P. Hungary's radical right 2.0. Nationalities Papers, 2017. 45 (3). P. 345–355.
8. Graham M. Transnational networking on the far right: The case of Britain and Germany. West European Politics. 2013. 36 (1). P. 176–198.
9. Lewis R. Alternative ENDNOTES Influence: Broadcasting the Reactionary Right on YouTube. Report. Data & Society's Media Manipulation research initiative. Published 18.09.2018. URL: https://datasociety.net/wp-content/uploads/2018/09/DS_Alternative_Influence.pdf (data obrashcheniya: 19.10.2020).
10. Samantha Kutner. Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys // ICCT Research Paper. May 2020. DOI: 10.19165/2020.1.03.
11. David C. Hofmann (2018): How "Alone" are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists, Studies in Conflict & Terrorism, DOI: 10.1080/1057610X.2018.1493833.
12. Karpova A.Yu., Chaykovskiy D.V. «Post-Kolumbayn effekt»: stokhasticheskiy terrorizm // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2019. № 2 (22). S. 45–53 (in Russian).
13. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62 (2). P. 210–228.
14. Karpova A.Yu., Savel'ev A.O., Vil'nin A.D., Chaykovskiy D.V. Novye tekhnologii vyyavleniya ul'trapravykh ekstremistskikh soobshchestv v sotsial'nykh media // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya / Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosuniversitet (TGU). 2019. № 52. S. 138–147 (in Russian).
15. Savelev A., Karpova A., Chaykovskiy D., Vilnin A., Kaida A., Kuznetsov S., Igumnov L., Maksimova N. The High-Level Overview of Social Media Content Search Engine. Proceedings of the 14th International Forum on Strategic Technology (IFOST 2019); Tomsk Polytechnic University. Tomsk: TPU Publishing House, 2019. Pp. 306–309.
16. Ministerstvo yustitsii Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy spisok ekstremistskikh materialov // URL: <https://minjust.ru/ru/extremist-materials> (data obrashcheniya: 20.10.2020) (in Russian).
17. Ministerstvo yustitsii Rossiyskoy Federatsii. Perechen' obshchestvennykh i religioznykh ob'edineniy, inykh nekommercheskikh organizatsiy, v otnoshenii kotorykh sudom prinyato vstupivshee v zakonnuyu silu reshenie o likvidatsii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym Federal'nym zakonom «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti» // URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (data obrashcheniya: 20.10.2020) (in Russian).
18. Informatsionno-analiticheskiy tsentr «Sova». URL: <https://www.sova-center.ru> (data obrashcheniya: 20.10.2020) (in Russian).

УДК 658.1

ГРНТИ 04.41.63

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-44-56

**С.Г. МАКСИМОВА,
Д.А. ОМЕЛЬЧЕНКО,
О.Е. НОЯНЗИНА***

Социальная активность и гражданская идентичность населения как важнейшие характеристики гражданского общества в современных сибирских регионах

Изучение состояния, факторов и условий развития гражданского общества в России является актуальной задачей, связанной с необходимостью оценки и прогноза общественного развития. Целью проведённого исследования стал анализ социокультурных детерминант, механизмов формирования и взаимообусловленности гражданской идентичности и социальной активности населения в контексте формирования гражданского общества в регионах России. В трёх различных по уровню социально-экономического развития приграничных регионах Сибири (Новосибирской области, Алтайском крае, Республике Алтай) были проведены социологические опросы населения (в возрасте от 18 до 70 лет, $n = 1418$) и экспертные опросы ($n = 90$). Выполнена сравнительная оценка социальной активности различных социальных и демографических групп, описаны модели гражданского участия населения, учитывающие выраженность гражданской идентичности, роль ценностных ориентаций и социального доверия. Выявлена связь индексов социальной активности с индексами солидарности, социальной ответственности и гражданственности населения, социальными настроениями, институциональными условиями развития гражданского общества, уровнем институционального доверия.

Ключевые слова: социальная активность, гражданская идентичность, социальная ответственность, гражданская солидарность, гражданское общество, некоммерческий сектор, современный сибирский регион

* **Максимова Светлана Геннадьевна** — доктор социологических наук, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (АлтГУ), руководитель проекта «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России» (19-011-31434).

E-mail: svet-maximova@yandex.ru

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий АлтГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий АлтГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: noe@list.ru

Интерес авторов к проблематике гражданского общества, особенностям его структуры и функционирования в региональных социумах имеет длительную историю и связан с опытом проведения социологических исследований социальной активности, патриотических и националистических установок, гражданской и этнической идентичности [1], разработкой комплексной системы мониторинга и оценки развития некоммерческого сектора [2]. Эти исследования дали необходимые теоретические и эмпирические обоснования для объединения указанных понятий в единую концепцию, объясняющую процессы самовосприятия и гражданской самоорганизации жителей российских регионов в свете их знаний, установок и представлений о своём месте и роли в социуме, социальных взаимоотношениях друг с другом, а также с регулируемыми эти отношения социальными структурами и институтами.

Социальная активность: что это такое?

Отправной точкой и первой ступенью концептуализации стала социальная активность, рассматриваемая нами как деятельностное измерение гражданской идентичности и субстанциональная основа для формирования и развития гражданского общества. Анализ дефиниций показал отсутствие единого понимания относительно сути и содержания социальной активности, которая может быть понята как действие, деятельность, мера интенсивности этой деятельности, а также как способность, личностное качество и свойство, отношение к окружающему миру, связанные с удовлетворением личных и общественных потребностей. Множество интерпретаций, значений и смыслов данного термина придают эмпирическим исследованиям социальной активности чрезвычайно разнородный характер, а теориям социальной активности — эклектичность, размытость и неопределённость.

В мировой социологической науке социальная активность рассматривается прежде всего сквозь общую призму понятий *agency* и *social action*, встроенных в широкий спектр теорий и парадигм. *Agency* (агентность) — способность индивидов действовать независимо и делать сознательный выбор, осуществлять свою деятельность сообразно с собственными представлениями (т.е. субъектность), на которую оказывают влияние когнитивные структуры, формируемые в процессе опыта и жизнедеятельности, и общественные структуры, обстоятельства и ситуации, в которых находится индивид [3].

Находясь в одном ряду с понятиями социального действия и актора, агентность отсылает к «вечным» вопросам о свободе воле и индивидуальности, дискутируется в рамках дихотомий, противопоставляющих агентность и структуру, микро- и макроподходы, методологический индивидуализм и холизм [4–6]. Большинство современных социальных теоретиков пытаются найти баланс, «золотую середину» между этими двумя крайними позициями, видя в структуре и агентности две комплементарных силы и признавая, что не только структуры оказывают воздействие на поведение индивидов, но и индивиды своим поведением приводят к трансформации социальных структур [7].

Гражданская идентичность и её измерения

Гражданская идентичность — часть общего идентификационного дискурса современности, характерной чертой которого являются дискуссии о кризисе идентичности, спровоцированном активной геополитической трансформацией, сдвигами в принципах устройства современного мира, потерей национальными государствами значительной части своей независимости и суверенитета прежде всего в экономическом, политическом и культурном смыслах [8–10]. Для России все вышеперечисленные тенденции также актуальны, они создают общий социокуль-

Рис. 1. Измерения гражданской идентичности

турный и политический контекст, в котором протекают внутрироссийские процессы — конструирования современной российской нации, определения её идеологических основ, формирования общероссийской идентичности, включающей национальные, гражданские и этнические компоненты. Эти процессы довольно противоречивы, длительны, они наследуют опыт предыдущих эпох существования российской государственности.

Российская гражданская идентичность сегодня рассматривается как базовая идентичность, «задающая расположение в фундаментальных координатах бытия» [11], «барометр консолидации общества», одно из наиболее значимых условий для поддержания целостности российского государства, его существования как политической нации [12–13], равно как и для свободного развития российских граждан, их относительной автономности [14].

Национально-цивилизационное самоопределение происходит параллельно с решением сложных модернизационных задач и является частью национального проекта, в основе которого — формирование успешного гражданского общества,

самоорганизация населения России на основе фундаментальных гражданских ценностей [15]. Кроме того, ряд авторов также справедливо отмечает, что гражданская идентичность по-разному проявляется в разных российских регионах, существенно отличающихся по показателям социально-экономического развития и этнокультурного своеобразия, ресурсам её упрочнения в рамках региональных социумов [16].

Проведённый теоретический анализ позволил выделить несколько измерений гражданской идентичности:

- ◆ *процессуально-динамическое*, рассматривающее психологические и социально-психологические процессы и механизмы, которые лежат в основе формирования индивидуальных и социальных идентичностей, их иерархии, конкуренции, вытеснения, слияния, актуализации и других процессов взаимодействия;
- ◆ *референтное*, описывающее значимые объекты идентификации и взаимосвязи между ними;
- ◆ *пространственно-территориальное*, подчёркивающее сложный и мно-

гомерный характер гражданских идентификаций и их локализацию;

- ◆ *структурно-содержательное*, акцентирующее внимание на композиционных характеристиках гражданской идентичности, составе и содержании её структуры; это позволило в дальнейшем описать различные типы гражданских идентичностей жителей российских регионов, связать идентификационные процессы и партисипаторные практики (рис. 1).

География и методика исследования

Представленные теоретико-методологические основания легли в основу проведения комплексного социологического исследования в трёх сибирских регионах: Новосибирской области, Алтайском крае и Республике Алтай. Исследование включало социологический опрос населения (лиц в возрасте 18–70 лет, $n = 1418$ чел.) и экспертный опрос представителей органов законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления, научной и педагогической общественности (90 экспертов). Выбор регионов обосновывался исследовательскими задачами сравнения территориально близких, но различающихся по географическому и социально-экономическому положению регионов с целью установления взаимосвязей между характеристиками гражданского общества и экономическими факторами. Новосибирская область представляла экономически развитые регионы с высокими уровнем и качеством жизни, низким уровнем безработицы. Алтайский край и Республика Алтай, напротив, являлись регионами, имеющими сильную финансовую зависимость от федерального центра, высокий уровень безработицы и неформальной занятости, социально-экономического неравенства и поляризации общества (в особенности Алтайский край).

Кроме социально-экономических, сравнивались показатели, описывающие сос-

тояние некоммерческого сектора, деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). Регионы отличались не только абсолютными и удельными показателями «покрытия» региона сетью некоммерческих организаций, плотность которой определяла возможности социальной активности и гражданского участия населения, но и качественными характеристиками некоммерческого сектора.

На основе данных, полученных в ходе социологических опросов населения, изучались его ценностные ориентации и практики гражданского участия, в том числе связанные с формальным членством в общественных и политических организациях; анализировались их взаимосвязи с социоструктурными факторами и уровнем социального доверия.

В рамках экспертного опроса проводилась оценка распространённости общественно-политической и социальной активности, гражданской солидарности, социальной ответственности и одновременно социальных настроений, измеряемых по десятибалльным шкалам. Затем проводился сравнительный анализ, направленный в том числе на оценку возможностей построения интегрального индекса и моделей взаимосвязи поведения населения с выраженностью институциональных условий развития демократических институтов, социальной сферы и гражданского общества в регионе (на основе регрессионно-корреляционного анализа и моделирования с помощью структурных уравнений).

Социальная активность населения сибирских регионов: ценности и модели общественного участия

Наши опросы показали, что население приграничных регионов в большей степени ориентировано на удовлетворение витальных потребностей и формируемых на их основе ценностных ориентаций на здоровье, материальный достаток,

Рис. 2. Модели общественного участия

необходимый для выживания в сложных социально-экономических условиях, личную безопасность и безопасность близких людей, семейное счастье. Особую роль для проявления социальной активности, реализации общественных и политических инициатив имели гражданские ценности, включающие свободу личности и демократическое правосознание, ценности саморазвития, политический и культурный плюрализм, терпимость, открытость и готовность к сотрудничеству, равенство и справедливость.

Ценности активной, деятельной жизни, социальной справедливости входили во вторую по распространённости группу ценностей (их разделяли от 20 до 25% граждан), каждый десятый житель сибирских регионов был обеспокоен проблемами общественной безопасности и экологии. Хотя количество «идейных» активистов, ориентированных на общественное

признание и ощущающих свою необходимость другим людям и обществу, не так велико (чуть более 5%), а значимость реализации гражданских и политических прав высока, острую необходимость проявлять свою гражданскую активность ощущали только 3–4% граждан. В целом результаты анализа ценностных ориентаций показали наличие достаточно большого потенциала гражданской активности, что подтвердил последующий поведенческий анализ.

Согласно полученным данным, как минимум, от трети до половины населения в разных регионах считали себя общественно активными людьми. Однако направления этой активности и её воплощение в конкретных гражданских действиях были значительно дифференцированы, что стало предметом нашего анализа. Фактически только очень малая часть населения была включена в существующую инфраструктуру общественных и поли-

тических организаций, что во многом определялось недоверием к действующей системе политических институтов, слабым уровнем взаимодействия населения и НКО.

На основе методов многомерного анализа (факторного и регрессионного) были выделены и описаны семь моделей общественного участия, характеризующихся определённым набором практик, ценностными ориентациями и характеристиками гражданской идентичности. Во всех моделях нашли отражение региональные особенности и связь с институциональным доверием.

Модель формализованного участия, ориентированная на официальное членство в общественных и политических организациях и участие в масштабных мероприятиях, репрезентировала население с высоким социальным статусом и материальной обеспеченностью. Уверенность в своих силах и приоритет общественных интересов являлись её отличительными чертами и создавали базис для эффективных гражданских действий.

Модель гуманитарной гражданской активности имела выраженную гендерную составляющую и была в большей степени распространена среди женщин. Её ключевые особенности: выраженные альтруистические ценности и ценности самовыражения, ответственность за происходящее в стране, законопослушность, доверие к общественным организациям и вооружённым силам, неприятие патернализма, сочетающееся с низким доверием к полиции и политическим партиям, неверие в возможность сотрудничества между поколениями. Модель иллюстрировала примеры «низовых» гражданских инициатив, направленных на решение проблем местного уровня, адресной помощи. Подобный тип гражданского участия был более развит в Республике Алтай (48,8%) и Новосибирской области (48,3%), чем в Алтайском крае (36,3%).

Модель виртуального участия (цифровой демократии), проявляющаяся

в приверженности к цифровым технологиям, виртуальным практикам гражданской активности, была в большей степени присуща молодым людям, независимо от региона их проживания. Кроме возраста, отличительными особенностями модели являлись более высокий уровень материального благополучия, стремление к общественному признанию, уважению окружающих, власти и престижу, ориентация на счастье и благополучие других и в особенности субъективная значимость реализации своих гражданских прав.

В модели *коммуникативного участия* значимыми детерминантами являлись социальная ответственность, причастность к большим и малым делам государства, высокий уровень обобщённого доверия и доверия к органам общественного порядка, неверие в возможности преодоления общественных разногласий, вызванных имущественным расслоением. Представленность модели в регионах имела большую региональную вариабельность: в Республике Алтай распространённость данного типа была практически в два раза выше, чем в Алтайском крае и Новосибирской области, различия между которыми были недостоверны.

Модель ограниченного (минимального) участия была в большей степени присуща респондентам старшего (55 лет и более) и среднего (25–55 лет) возраста, основная форма гражданского участия которых была представлена пассивным получением информации общественно-го и политического характера. «Молчаливые зрители» обладали высоким уровнем доверия к вооружённым силам и чувством причастности к делам общества, а их ценностные ориентации характеризовались отсутствием значимости развлечений, романтики и приключений.

Своеобразный антипод — *модель протестного участия* — не имела региональной обусловленности. Её главными характеристиками являлись ценность гражданских и политических прав и свобод, общественной безопасности, чистоты природ-

ной среды, более высокое доверие к политическим партиям и вооружённым силам, и, напротив, низкое доверие к Росгвардии. В целом данная модель описывала поведение довольно многочисленной группы граждан с широким спектром взглядов и требований, которых объединяла готовность отстаивать свои убеждения с помощью социального протеста.

Модель партисипаторных исследований и целевой помощи описывала действия, имеющие чёткую локализацию и получателей (сдача крови, помощь бездомным животным, участие в исследованиях значимых социальных проблем). Вовлечённость в подобные виды активности, согласно регрессионному анализу, была достоверно взаимосвязана с возрастом, уровень такого вида участия был значимо выше среди молодёжи. Кроме возраста, большую роль также играли ощущение своей необходимости людям, активная деятельная жизнь, счастье и благополучие других, высокий уровень ответственности за то, что происходит в городе и регионе, внутренний локус контроля, законопослушность как часть представлений о гражданстве. Данная модель являлась частным случаем гуманитарного типа участия с акцентом на практиках определённого типа (рис. 2).

Связь социальной активности, солидарности и социальной ответственности населения: экспертные оценки развития гражданского общества

Согласно проведённому экспертному опросу, во всех трёх регионах исследования имелись проблемы слабой социальной активности населения, социальной ответственности и гражданской солидарности. Им сопутствовали пессимистические оценки относительно социальных настроений населения, среди которых преобладали апатия, равнодушие и пессимизм относительно будущего, тревога и страх за свою безопасность, неудовлетворённость положением дел и суще-

ствующими социальными отношениями. Вместе с тем по отдельным показателям наблюдалась значительная региональная вариабельность.

В Алтайском крае из четырёх показателей гражданской культуры, по мнению экспертов, наибольшую выраженность имела социальная ответственность (медианное значение — 4 балла). Социальная активность и общественные инициативы проявлялись реже (медиана — 3,5 балла), тогда как гражданская солидарность и общественно-политическая активность были оценены в среднем на 3 балла, что в целом свидетельствовало о слабой распространённости данных качеств среди населения. В Республике Алтай все четыре показателя были оценены в среднем на 0,5–1,0 балл выше, чем в Алтайском крае, наиболее выраженными являлись гражданская солидарность (медиана — 4,5 балла) и социальная ответственность (медиана — 4 балла), тогда как социальная и общественно-политическая активности были выражены в меньшей степени (медиана — 3,5 балла по обоим показателям). В целом, в обоих регионах 75–80% оценок не превышало порога в 4–5 баллов по всем четырём показателям. Максимальную выраженность отметили только некоторые эксперты, что свидетельствовало о значительном дефиците указанных качеств у населения. Эксперты Новосибирской области показали бóльшую удовлетворённость состоянием дел в регионе: общественно-политическую активность они оценили в среднем на 6,5 балла, гражданскую солидарность — на 6,0 баллов, тогда как социальная ответственность и социальная активность были оценены скорее на среднем уровне (5,0–5,5 баллов).

На следующем этапе анализа показатели социальной активности, гражданской солидарности, социальной ответственности и общественно-политической активности были объединены в интегральный индекс. В Алтайском крае, ввиду от-

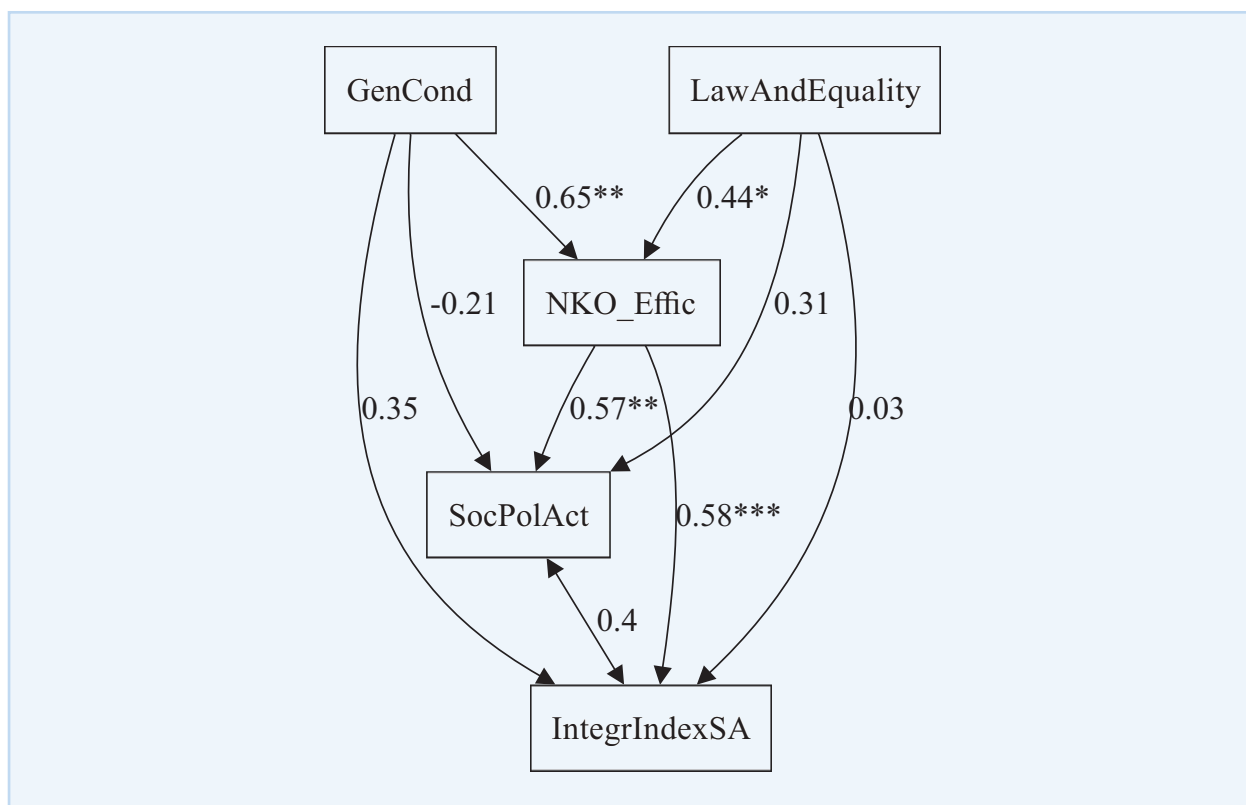

Рис. 3. Путевая диаграмма для модели Алтайского края. Условные обозначения: IntegrIndexSA — интегральный индекс социальной активности, GenCond — фактор общих институциональных условий развития гражданского общества, NKO_Effic — фактор эффективности некоммерческого сектора, SocPolAct — показатель оценки общественно-политической активности, LawAndEquality — фактор верховенства закона и социальной справедливости

сутствия соответствующих корреляций, он был образован тремя показателями, а общественно-политическая активность анализировалась отдельно. Для каждого региона были построены структурные модели, визуализирующие взаимосвязи между институциональными условиями развития гражданского общества, эффективностью некоммерческого сектора, уровнем социального доверия и интегральными показателями социальной активности населения.

Результаты моделирования экспертных оценок в Алтайском крае позволили выявить, что оба показателя — общественно-политической и социальной активности — значимо детерминировались фактором эффективности некоммерческого сектора (NKO_Effic), который в свою очередь определялся фактором институциональных условий (GenCond) и специфи-

ческим фактором отсутствия дискриминации и эффективности законодательства (LawAndEquality), выполняющим медиаторную роль в отношении социальной активности, то есть воздействовали на неё не напрямую, а через эффекты, оказываемые на некоммерческий сектор (рис. 3).

В модели Республики Алтай нашли отражение не только факторы институциональных условий (GenCond, LawAndEquality), но и фактор общественного доверия (Trust). По результатам регрессионного анализа на интегральный показатель в регионе в большей степени оказывал воздействие фактор обеспечения социального равенства и верховенства закона, тогда как общие институциональные условия, обеспечивающие функционирование демократических институтов и уровень доверия граждан к обществу и его институтам, были значимы только на уровне

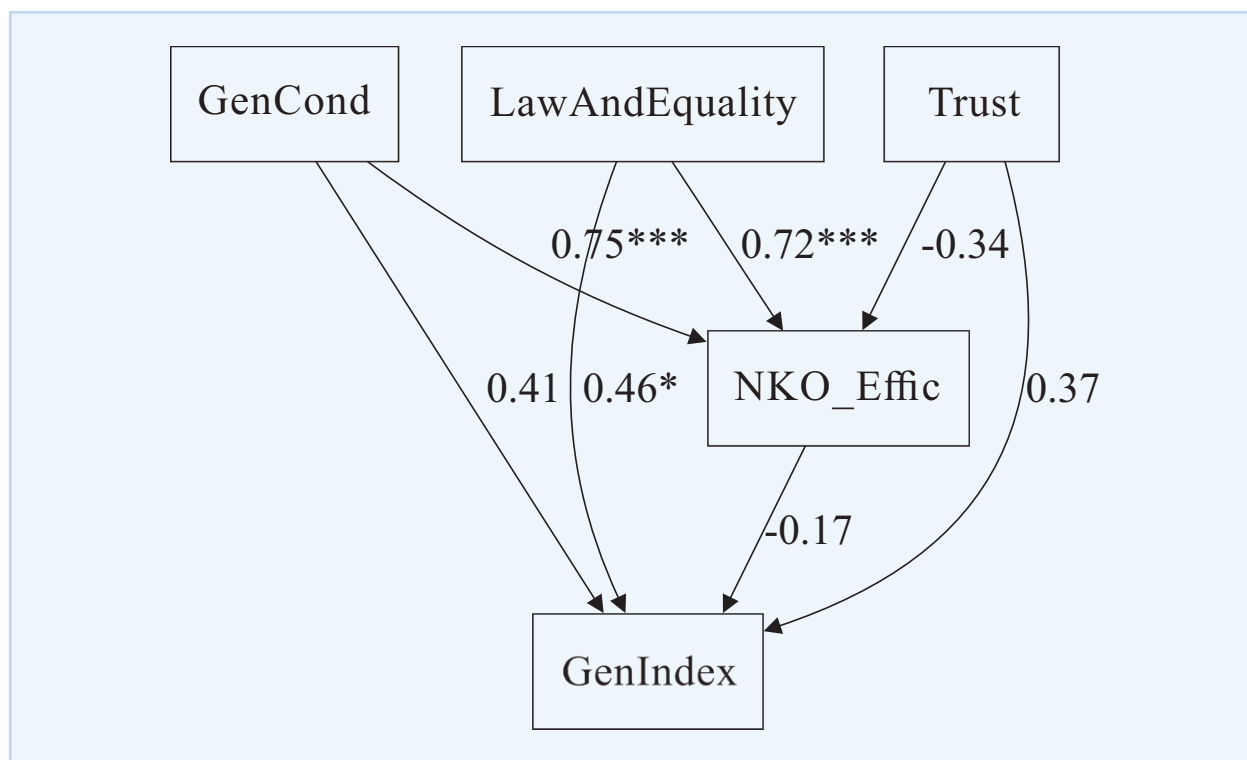

Рис. 4. Путь-диаграмма для модели Республики Алтай. GenIndex — интегральный индекс социальной, общественно-политической активности, гражданской солидарности и ответственности, GenCond — фактор общих институциональных условий развития гражданского общества, NKO_Effic — фактор эффективности некоммерческого сектора, SocPolAct — показатель оценки общественно-политической активности, LawAndEquality — фактор верховенства закона и социальной справедливости, Trust — фактор общественного доверия

тенденции. Одновременно с этим некоммерческий сектор практически не играл никакой роли в детерминации сознания и поведения граждан, но сам испытывал существенное влияние общих условий и в особенности уровня обеспечения равноправия и контроля за соблюдением законодательства (рис. 4).

В Новосибирской области интегральный показатель социальной и общественно-политической активности, ответственности и солидарности испытывал существенное влияние общих институциональных условий и фактора верховенства закона и равноправия, эффективности некоммерческого сектора и общественного доверия населения. Иначе говоря, значимыми оказались все четыре фактора, включённые в модель. Между тем оказалось, что некоммерческий сектор и его эффективность фактически не зависели ни от общих институциональных усло-

вий, ни от правоприменительной практики, он функционировал автономно также от доверия, которое испытывает население. Возможно, это связано с тем, что в отличие от других регионов некоммерческий сектор в Новосибирской области более подчинён регуляторному действию механизмов, связанных с распределением финансирования и действием целевых программ поддержки гражданского общества, что ставит его в довольно устойчивое и независимое положение от внешних условий. Если наше предположение верно, тогда некоммерческий сектор в Новосибирской области является, наряду с региональными властями, отдельной силой, которая может воздействовать на общественное сознание независимо от общественных настроений и колебаний общественного мнения, дисфункциональности правовых институтов (рис. 5).

Заключение

Реалии современной жизни показывают, что государственное управление без опоры на самих граждан, учёта их мнений и ожиданий неэффективно, оно неизбежно приводит к перекосам и перегибам, отчуждению населения от власти, формированию культуры недоверия к государству и отдельным его институтам. Наличие сильного гражданского общества выступает, наряду с сильным государством, необходимым условием для выживания национальных государств в сложных геополитических условиях, для эффективного противодействия вызовам и угрозам внешнего и внутреннего характера.

Гражданское общество выполняет важные интегративные, консолидационные, посреднические, коммуникативные, контролирующие функции, позволяет институционализировать наиболее успешные социальные практики. При анализе граж-

данского общества мы опирались на интегративный подход, не допускающий редукцию гражданского общества только к определённым формам его проявления или условиям, необходимым для его развития. Признавая добровольные общественные ассоциации и весь некоммерческий общественный сектор в качестве значимого субъекта гражданского общества, мы понимаем, что это лишь внешний, наиболее организованный и институционализированный сегмент гражданского общества, что значительная часть гражданской активности лежит вне формальных организаций. Это обуславливает необходимость рассмотрения широкого спектра проявлений и направлений гражданской активности, включающего индивидуализированные и коллективные формы. Не менее важным представлялся и анализ институциональных условий, необходимых для развития гражданского общества, пространства возмож-

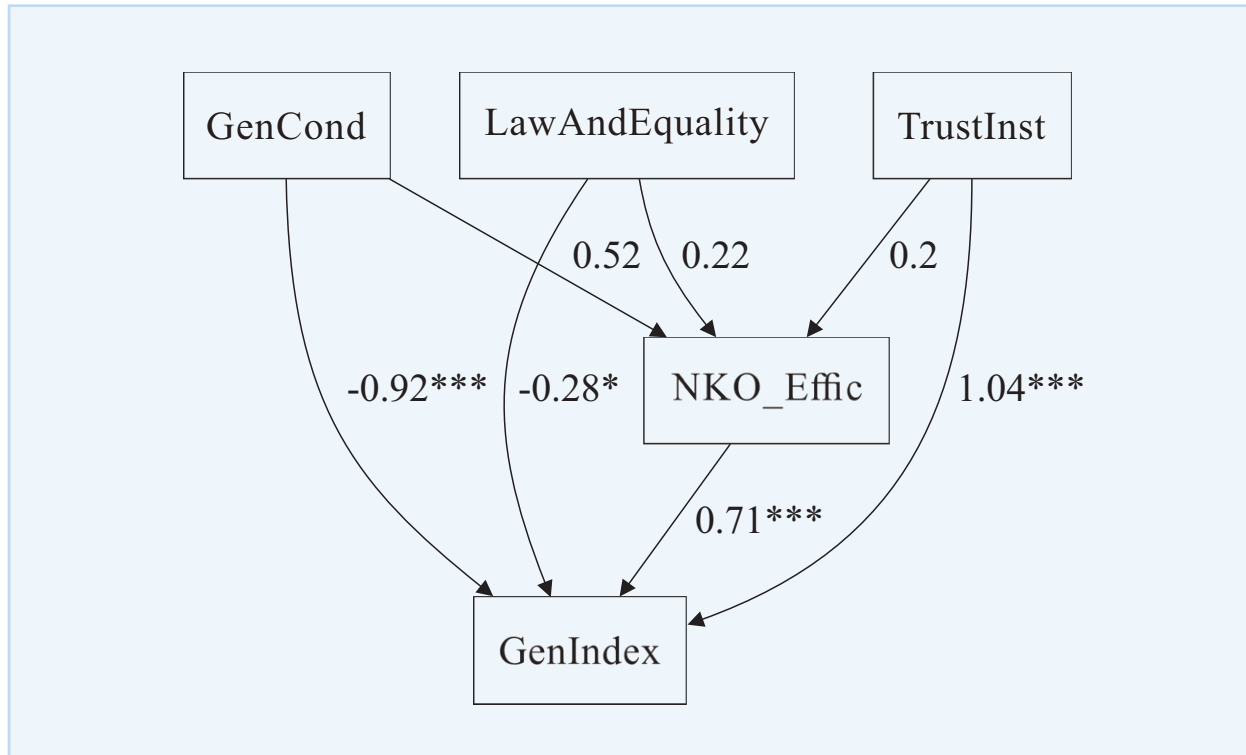

Рис. 5. Путевая диаграмма для модели Новосибирской области. GenIndex — интегральный индекс социальной, общественно-политической активности, гражданской солидарности и ответственности, GenCond — фактор общих институциональных условий развития гражданского общества, NKO_Effic — фактор эффективности некоммерческого сектора, LawAndEquality — фактор верховенства закона и социальной справедливости, TrustInst — фактор общественного доверия

ностей реализации гражданской идентичности.

Актуальное состояние гражданского общества в сибирских регионах свидетельствует о том, что система государственно-общественных отношений только форми-

руется, многие механизмы сотрудничества еще не работают или работают неэффективно. Наше исследование отчасти направлено на поиск релевантных эмпирических сведений о возможностях оптимизации этих взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения регионов азиатского приграничья современной России. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013.
2. Maximova S, Noyanzina O., Omelchenko D. Maximova M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia // MATEC Web of Conferences 212, 10004 (2018). ICRE 2018. <http://doi.org/10.1051/mateconf/201821210004> (дата обращения: 14.09.2020).
3. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2005.
4. Shapiro S.P. Agency theory // Annual Review of Sociology. 2005. № 31. P. 263–284.
5. Ritzer G. The Blackwell encyclopedia of sociology. New York, NY, USA: Blackwell Publishing, 2007.
6. Кучинов А.М. Современные теории structure-agency и русская социология // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (дата обращения: 14.09.2020).
7. Martin P.J., Dennis A. Human agents and social structures. Manchester University Press, 2016.
8. Brubaker R., Cooper F. Beyond « identity» // Theory and society. 2000. № 29 (1). P. 1–47.
9. Силантьева М.В. Диффузная идентичность: современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО университета. 2012. № 2. С. 173–179.
10. Мусаев И.М., Гаджиева А.А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 15–19.
11. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.
12. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 6 (4). С. 135–142.
13. Дробижина Л.М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–16.
14. Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 305–325.
15. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 31–39.
16. Аствацатурова М.А. Проект российской гражданской идентичности в контексте национализма: северокавказские проекции // Гуманитарий Юга России. 2016. № 22 (6). С. 23–29.

ENGLISH

Social Activity and Civic Identity of the Population as the Most Important Characteristics of Civil Society in Modern Siberian Regions

Svetlana Gennadyevna Maksimova – Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnology, Altai State University, head of the project “Civil Identity, Civic Initiatives and the Community’s Social Activity as a Basis for Civil Society Establishment in Modern Russia” (19-011-31434).

E-mail: svet-maximova@yandex.ru

Daria Alekseevna Omelchenko – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Psychology of Communication and Psychotechnology, Altai State University, the executor of the same project.

E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Oksana Evgenievna Noyanzina – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Psychology of Communication and Psychotechnology, Altai State University, the executor of the same project.

E-mail: noe@list.ru

The study of the status, factors and conditions of the civil society development in Russia is a relevant subject associated with the need to assess and forecast social development. The study aims at analysing the social and cultural determiners, formation mechanisms and interdependence of civil identity and the community’s social activity in the context of civil society establishment in Russian regions. The study included surveys in three Siberian border regions with different levels of social and economic development (Novosibirsk region, Altai Territory, Altai Republic). People of various ages (18–70, n = 1,418), as well as experts (n = 90) have been surveyed. The paper provides a comparative analysis of the social activity of different social and demographic groups and describes models of public participation of the community. The study considers the extent of the civic identity and the role of value orientation and social trust. The paper reveals the connection between social activity and solidarity indices, between the community’s social responsibility and citizenship, as well as social attitude, public development institutional conditions, and the level of institutional trust.

Keywords: social activity, civic identity, social responsibility, civic solidarity, civil society, non-profit sector, modern Siberia

REFERENCES

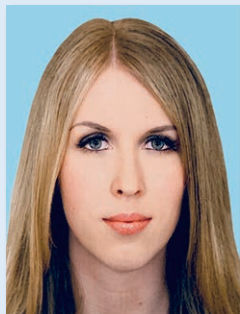
1. Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Goncharova N.P., Noyanzina O.E., Omel'chenko D.A. Patriotizm i natsionalizm: mental'nye reprezentatsii i povedencheskie strategii naseleniya regionov aziatskogo prigranich'ya sovremennoy Rossii. Barnaul: Izd-vo Altayskogo un-ta, 2013 (in Russian).
2. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia // MATEC Web of Conferences 212, 10004 (2018). ICRE 2018. <http://doi.org/10.1051/matecconf/201821210004> (data obrashcheniya: 14.09.2020).
3. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2005.
4. Shapiro S.P. Agency theory // Annual Review of Sociology. 2005. № 31. P. 263–284.

5. Ritzer G. The Blackwell encyclopedia of sociology. New York, NY, USA: Blackwell Publishing, 2007.
6. Kuchinov A.M. Sovremennye teorii structure-agency i russkaya sotsiologiya // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2015. № 4. Ch. 3 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (data obrashcheniya: 14.09.2020) (in Russian).
7. Martin P.J., Dennis A. Human agents and social structures. Manchester University Press, 2016.
8. Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity» // Theory and society. 2000. № 29 (1). P. 1–47.
9. Silant'eva M.V. Diffuznaya identichnost': sovremennaya versiya grazhdanskoj identichnosti // Vestnik MGIMO universiteta. 2012. № 2. S. 173–179 (in Russian).
10. Musaev I.M., Gadzhieva A.A. Gosudarstvenno-grazhdanskaya politicheskaya identichnost': teoriya i opyt formirovaniya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018. № 1. S. 15–19 (in Russian).
11. Kozyreva P.M. Sovremennaya konfiguratsiya identifikatsiy i rol' doveriya v eyo formirovaniy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 8. S. 29–39 (in Russian).
12. Tishkov V.A. Rossiyskiy narod i natsional'naya identichnost' // Rossiya v global'noy politike. 2008. № 6 (4). S. 135–142 (in Russian).
13. Drobizheva L.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' i mezhetnicheskoe soglasie: teoreticheskie i sotsial'no-prakticheskie problemy // Vlast'. 2014. № 11. S. 12–16 (in Russian).
14. Reznik Yu.M. Chelovek grazhdanskiy: problemy identichnosti // Voprosy sotsial'noy teorii. 2010. № 4. S. 305–325 (in Russian).
15. Vishnevskiy Yu.R., Narkhov D.Yu. Grazhdanskaya identichnost' molodezhi Sverdlovskoy oblasti // Sotsium i vlast'. 2018. № 1 (69). S. 31–39 (in Russian).
16. Astvatsaturova M.A. Proekt rossiyskoj grazhdanskoj identichnosti v kontekste natsiestroitel'stva: severokavkazskie proektsii // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2016. № 22 (6). S. 23–29 (in Russian).

УДК 32.019.51, 808.5

ГРНТИ 11.07.45, 16.31.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-57-66

М.В. ПЛОТНИКОВА*

Речевое поведение политического деятеля в сети: эффективный и деструктивный профили

Статья посвящена фундаментальной проблеме речевого поведения политических деятелей в условиях цифровизации российского публичного пространства. Исследование направлено на выявление обобщённых признаков эффективного и деструктивного речевого поведения политического деятеля, а также на разработку практических рекомендаций по стратегиям эффективного речевого поведения и минимизации рисков коммуникативных неудач. В рамках исследования были проанализированы коммуникативные неудачи политиков, получившие широкий общественный резонанс, а также рассмотрены примеры эффективного речевого поведения политических деятелей, вызвавшие одобрение пользователей сети. В результате проведённого исследования выявлены сферы общения, обладающие наибольшим потенциалом конфликтности для политических деятелей, проанализированы дискредитирующие тактики реализации речевого намерения политика в ходе профессиональной коммуникации, формы построения высказывания, влекущие за собой высокую вероятность коммуникативной неудачи. Кроме того, на основе проведённого анализа представлен обобщённый профиль эффективного речевого поведения в сети, включающий, в том числе, маркетинговые приёмы управления имиджем.

Ключевые слова: политический деятель, речевой портрет, коммуникативное поведение, медиапространство, социальные сети, лингвополитическая персонология

Введение

Деструктивное речевое поведение российских политических деятелей в последние годы становится острой социальной проблемой и всё чаще обсуждается в медиапространстве. Активное развитие системы социальных лифтов обеспечивает политикам возможность быст-

рого продвижения как на региональном, так и на государственном уровнях. Однако в ситуации столь стремительного карьерного роста социальная незрелость и недостаточная профессиональная подготовленность отдельных политических деятелей зачастую становятся очевидными.

* **Плотникова Мария Вячеславовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, руководитель проекта «Речевой портрет политического деятеля в сети: технологии и инструменты создания медиаобраза российского политика» (19-011-32179).
E-mail: plotnikova_mary@mail.ru

С учётом тотальной цифровизации российского публичного пространства обозначенная проблема коммуникативных неудач политических деятелей служит основой для множества информационных поводов, таким образом, мгновенно становясь достоянием общественности. Вирусные видео одиозных выступлений политиков, которые (выступления) чаще всего касаются вопросов, имеющих высокую социальную значимость, надолго остаются в истории запросов различных поисковых систем. Учитывая основной принцип построения «глобальной паутины», где каждая ссылка неразрывно связана с другими, подобные прецеденты всегда оставляют цифровой след, который актуализируется при упоминании любого сходного контекста. Чем чаще возникают подобные прецедентные коммуникативные ситуации, тем быстрее вокруг них формируется негативное информационное поле и тем обширнее оно становится.

Такой информационный резонанс является серьёзным фактором риска для социальной безопасности государства, поскольку участвовавшее число эпизодов деструктивного речевого поведения политиков существенно снижает уровень доверия населения к власти и генерирует протестные настроения в обществе.

Представляется, что наиболее рациональным решением данной проблемы могло бы стать внедрение системы профессиональной переподготовки государственных служащих, включающей базовый модуль лингвистической направленности. При разработке подобного курса необходим предварительный многоаспектный лингвистический анализ публичных выступлений политических деятелей для определения профиля как деструктивного, так и эффективного коммуникативного поведения. Кроме того, многократно возросшая роль социальных сетей находит выражение и в политическом поле. Успешно созданный имидж в сети способен уравновесить и нивелировать не-

гативные последствия коммуникативных неудач отдельных чиновников. В условиях интеграции различных областей знания и развития тенденции к преобладанию исследований междисциплинарного характера можно всё чаще наблюдать рациональное использование маркетинговых инструментов в сфере политтехнологий.

Исследования американских социологов показали, что в ходе президентских выборов в США рекламный бюджет Дональда Трампа был значительно ниже, чем у его основного оппонента Хиллари Клинтон; при этом кандидат активно использовал ресурсы социальных сетей. Подобный сценарий был реализован и его предшественником на посту президента — Бараком Обамой. При этом отмечено, что наибольший потенциал воздействия на избирателей в возрасте от 40 лет и старше имеет текстовый контент, а видеоконтент — среди более молодой аудитории. Учитывая тот факт, что в обозримом будущем пользователи социальных сетей составят преобладающее большинство российского электората, представляется особенно актуальным обучение государственных деятелей речевому поведению в сети.

Методология исследования

Данное исследование направлено на выявление обобщённых признаков эффективного и деструктивного речевого поведения политического деятеля, а также на разработку практических рекомендаций по стратегиям эффективного речевого поведения и минимизации рисков коммуникативных неудач. В рамках проекта были проанализированы коммуникативные неудачи политиков, повлекшие за собой широкий общественный резонанс, а также рассмотрены примеры эффективного речевого поведения политических деятелей, вызвавшие одобрение пользователей сети.

При проведении исследования была разработана комплексная методология,

включающая лингвистические, статистические, социологические методы, а также исследование маркетинговых инструментов управления имиджем. В проекте использованы специфические методики активно развивающегося направления отечественной лингвистики – лингвоперсонологии [1–4]. В частности, применены методики реконструкции и описания языковой личности политических деятелей – речевое портретирование и структурное моделирование. Собственно лингвистические методы использованы для исследования стилистических особенностей манифестации языковой личности политика. Психолингвистические и прагматические методы призваны определить основные тактики и стратегии речевого поведения политика в публичной речи, практику реализации речевых приёмов и манипулятивных методик, в том числе дискредитирующих тактик [5–10].

Полипарадигмальный характер методологии обеспечивает оригинальность полученных результатов.

Эмпирическая база исследования

В качестве материала исследования были привлечены ресурсы интернет-порталов и социальных сетей российского интернет-пространства (Рунета). Одним из основных постулатов исследования является идея о том, что формирование позитивного образа российского политического деятеля приобретает особое значение именно в информационном поле. Очевидно, что в последние несколько лет телевидение и печатные СМИ стремительно теряют суггестивный потенциал; успешная «монетизация» потенциала социальных сетей, по нашему мнению, является одной из наиболее перспективных задач для популяризации российской политики. Необходимо отметить, что данный канал коммуникации активно используют оппозиционно настроенные политические силы, в том числе в целях генерирования протестных настроений в социуме.

Исходя из этого, в качестве источников эмпирического материала были проанализированы интернет-публики и группы в социальных сетях, наиболее популярные в возрастной категории от 15 до 30 лет. Анализ аудитории социальных сетей проводился по данным компании Mediascope.

Подобный подход обусловил исключение из источников материала таких крупных русскоязычных социальных медиа, как Одноклассники (ОК) и Facebook. Активными пользователями социальной сети Одноклассники традиционно являются люди старше 40 лет (рис. 1), однако данные некоторых опросов, использующих статистические критерии, показывают, что средний возраст пользователей ОК – около 25–35 лет. Тем не менее при применении более чувствительных параметрических критериев выборки выясняется, что молодые люди в возрасте около 25–35 лет используют данную социальную сеть преимущественно в качестве источника сопутствующего контента (художественные фильмы и сериалы), не являясь при этом «пишущей аудиторией». Русскоязычный Facebook чаще всего используется в качестве рабочего профиля социальной сети, являющейся аналогом запрещённой в России сети LinkedIn, а также для общения с зарубежными друзьями и знакомыми. В соответствии с обозначенными целевыми установками русскоязычных пользователей Facebook их возрастная категория также превышает средний возраст аудитории данного исследования (рис. 2).

Кроме того, из источников материала был исключен популярный мессенджер Telegram ввиду низкой степени объективности потенциальных результатов. Каналы Telegram нацелены на достаточно узкий круг подписчиков, интересующихся определённой тематикой, обладающих ярко выраженными политическими взглядами, что не вполне отвечает задаче изучения образа политика в публичном пространстве. Тем не менее данный вид политического таргетинга, с учётом

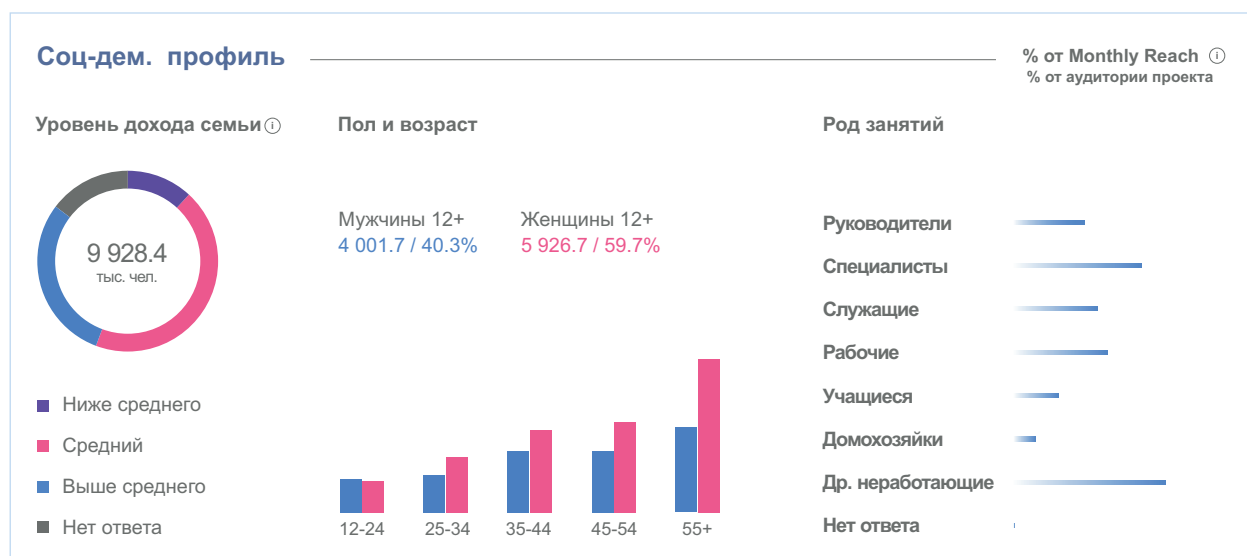

Рис. 1. Социально-демографический профиль пользователей социальной сети Одноклассники, по данным Mediascope (<https://mediascope.net/>)

высокой эффективности его воздействующего потенциала, представляется перспективным приёмом политического маркетинга.

Основными источниками материала исследования выступили социальные сети ВКонтакте (паблики MDK, Корпорация зла, Леонардо Дай Винчик, Сарказм, Лепрозорий и др.), Instagram, а также информационно-развлекательное сообщество Пикабу (Pikabu). В ходе проведения иссле-

дования также были проанализированы материалы портала YouTube в связи с исключительно высокой комментируемостью представленного контента.

Социальная сеть ВКонтакте является самой популярной в России в большинстве возрастных групп, а также одним из наиболее успешных проектов Рунета, уступая по количеству обращений лишь поисковым системам. Кроме того, в качестве источника материала исследования

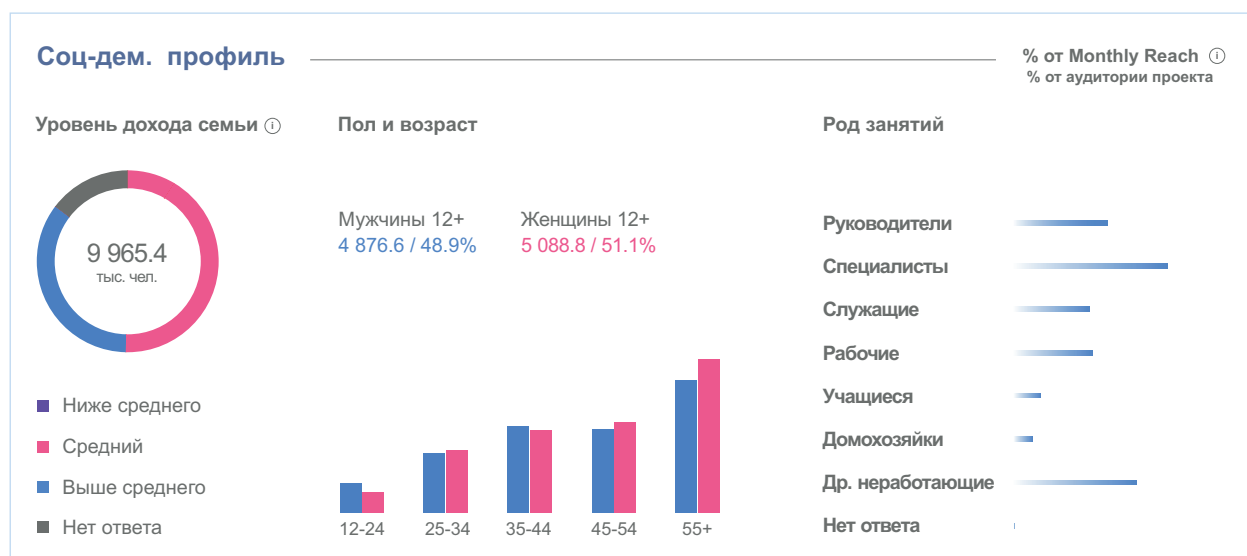

Рис. 2. Социально-демографический профиль пользователей социальной сети Facebook в России, по данным Mediascope (<https://mediascope.net/>)

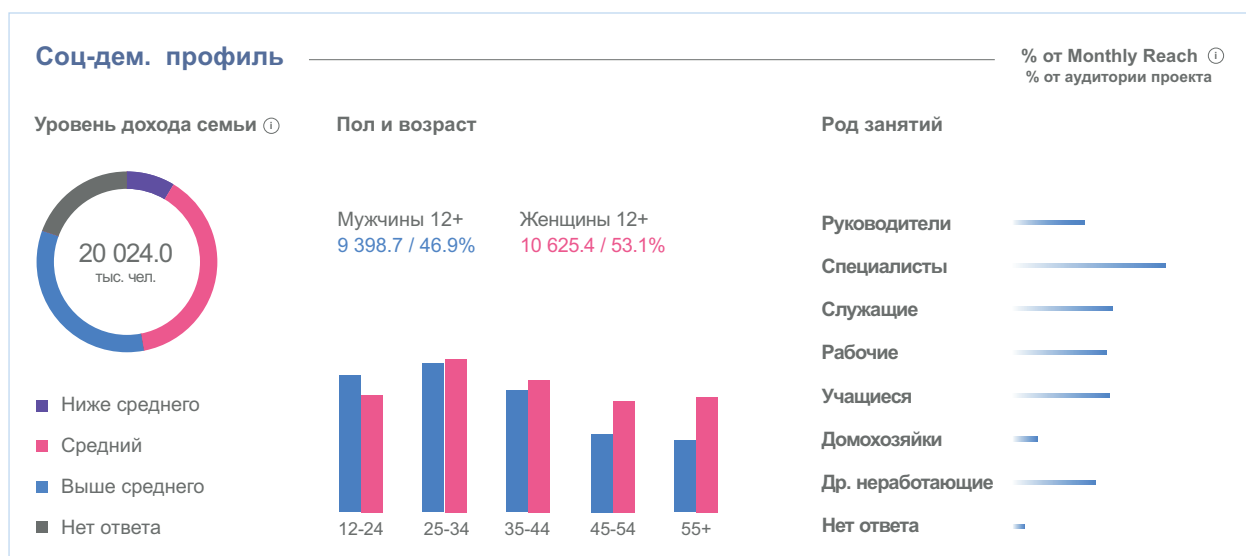

Рис. 3. Социально-демографический профиль пользователей социальной сети ВКонтакте, по данным Mediascope (<https://mediascope.net/>)

данная социальная сеть лучше всего подходит по критерию возраста целевой аудитории (рис. 3).

Приложение Instagram, изначально созданное для размещения в публичном доступе фото- и видеофайлов, в настоящий момент выполняет функцию полноценной социальной сети с возможностями интерактивного общения (функция мессенджера). Instagram занимает третье место в мире по количеству поль-

зователей и, по данным ВЦИОМ, третье место в России по критерию вовлечённости респондентов. Между тем показатели экранного времени смартфонов, поступающие разработчикам операционных систем, свидетельствуют о том, что наибольшее количество времени российские пользователи смартфонов проводят именно в социальной сети Instagram. Кроме того, данная социальная сеть является наиболее нейтральной с точки зре-

Рис. 4. Социально-демографический профиль пользователей социальной сети Instagram в России, по данным Mediascope (<https://mediascope.net/>)

ния гендерных и возрастных факторов (рис. 4). Исходя из этого, выбор социальной сети Instagram в качестве личного блога политика представляется удачным для решения сопутствующих профессиональных задач.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного исследования выявлены сферы общения, обладающие наибольшим потенциалом конфликтности для политических деятелей, проанализированы дискредитирующие тактики реализации речевого намерения политика в ходе профессиональной коммуникации, формы построения высказывания, влекущие за собой высокую вероятность коммуникативной неудачи. Кроме того, на основе проведенного анализа представлен обобщенный профиль эффективного речевого поведения в сети, включающий, в том числе, маркетинговые приемы управления имиджем.

Исследовательская задача рассмотрения приемов и технологий спичрайтинга, изначально поставленная нами в качестве одной из релевантных для достижения цели исследования, была скорректирована и рассматривалась в виде сопутствующей прикладной задачи разработки концепции учебного курса, поскольку подготовка публичных выступлений составляет базовую часть дискурсивной компетенции политика. В ходе исследования выявлено, что наибольший интерес в контексте заявленной темы вызывает спонтанная речь политических деятелей, тогда как в рассматриваемых примерах подготовленной речи, являющейся целевой сферой применения технологий спичрайтинга, деструктивный потенциал практически отсутствовал.

В рамках данного исследования рассмотрены прецедентные высказывания российских политических деятелей за период с 2015 по 2019 г. и проанализированы причины вызванного общественно-резонанса для определения основных

черт деструктивного профиля коммуникативного поведения политика. В результате проведенного анализа определены основные черты деструктивного и эффективного профиля коммуникативного поведения политического деятеля на основе анализа негативной или позитивной реакции Рунета.

Под деструктивным речевым поведением мы понимаем ситуацию реализации речевого намерения говорящего, в ходе которой при определенных условиях коммуникативная цель не достигается, а само высказывание приобретает потенциал конфликтности [11].

При анализе примеров коммуникативных неудач политиков мы обнаружили, что большинство подобных резонансных эпизодов относится к сфере региональной политики. Вместе с тем, находясь в более тесном контакте с населением, чем представители федеральных органов власти, политические деятели регионального уровня вносят значительный вклад в формирование позитивного имиджа государства в целом.

Анализ показал, что в публичных выступлениях политических деятелей социальная сфера общения обладает наибольшим потенциалом конфликтности. Выступления и высказывания в социальных сетях, касающиеся вопросов здравоохранения, труда и заработной платы, воспитания и образования, повседневной жизни граждан и особенно межнациональных взаимоотношений, требуют тщательной проработки и ответственного отношения к выбору речевых средств реализации коммуникативного намерения [11].

Формами построения высказывания на социальную тематику, влекущими за собой высокий риск возникновения эффекта дискредитации, чаще всего являются подмена ответа советом при ответе на прямой вопрос и различные формы проявления открытой речевой агрессии в ответ на поступающие вызовы (претензии, жалобы, обвинения). В связи с этим полити-

ческим деятелям различного уровня, а особенно государственным служащим, следует избегать подобных форм проявления деструктивного коммуникативного поведения при выполнении своих профессиональных обязанностей [11].

В ходе исследования определено, что наибольшим потенциалом конфликтности обладают высказывания политических деятелей, сформулированные в виде советов населению. Подобные «вредные советы» получили наибольший общественный резонанс, явившись своеобразным «триггером» нарастания социальной напряжённости.

Примеры проявления речевой агрессии встречаются в высказываниях российских политиков значительно реже, чем неудачные советы. Тем не менее эпизоды агрессивного речевого поведения, особенно со стороны представителей власти, вызывают резкую негативную реакцию общественности. Анализ показал, что политические деятели демонстрируют агрессивную модель речевого поведения в ответ на поступающие вызовы и претензии, т.е. используют речевую агрессию в качестве защиты.

Кроме того, основные черты деструктивного речевого поведения присущи некоторым коммуникативным тактикам и видам речевого воздействия [11].

Помимо прямого назначения, актуализируемого большинством пользователей социальных сетей, профили политических деятелей зачастую выполняют функцию формирования социального капитала для достижения определённых политических целей. Эффективность данной целевой установки зависит от количественных и качественных характеристик контента, транслируемого политиком в социальных сетях. Анализ профиля эффективного речевого поведения политика в сети проводился на материале личного блога мэра Якутска С.В. Авксентьевой в социальной сети Instagram.

Исследование показало, что активное использование ресурсов социальных се-

тей в качестве личного блога, умелая коммуникативная организация своего аккаунта, демонстрация принципов открытости и профессиональных достижений, приверженности к общечеловеческим ценностям, стилистическое и жанровое разнообразие публичных высказываний в сети, уместное использование маркетинговых инструментов продвижения и технологий репутационного менеджмента (сторителлинг; брендинг профиля; общение с аудиторией; нивелирование негативных комментариев; регулярно обновляемый контент, выдержанный в единой стилистике и пр.) способствуют формированию позитивного имиджа политического деятеля в публичном пространстве [12].

Среди проанализированных маркетинговых приёмов эффективной коммуникативной организации личного аккаунта политического деятеля в социальных сетях стоит особо отметить сторителлинг (англ. story – история, telling – рассказывание). В широком смысле под сторителлингом понимают искусство рассказывания историй. В узком смысле – это маркетинговый приём, использующий рассказывание историй как способ продвижения товаров и услуг; сторителлинг успешно применяется для эффективного донесения информации до потребителя при помощи историй и примеров «из реальной жизни». Сторителлинг получил столь широкое распространение в медиасреде благодаря устойчивому фокусированию внимания потребителя с целью побуждения к определённым действиям, как правило – к приобретению товаров и услуг. Кроме того, сторителлинг нельзя назвать рекламой в полной мере; благодаря неявному, имплицитному воздействию, данный приём не вызывает раздражения и отторжения у потребителя, а значит, транслируемые установки работают значительно эффективнее традиционной рекламы. В последнее время сторителлинг становится объектом повышенного внимания политоло-

гов и специалистов в области SMM политологии. Проведённое исследование показало, что сторителлинг действительно способствует улучшению имиджа политического деятеля в социальных сетях, превращая данный маркетинговый способ политического продвижения в эффективный инструмент репутационного менеджмента.

Результаты исследования могут найти широкое применение в практике общественно-политической деятельности; учёт рекомендаций, разработанных на основе проведённого исследования, будет способствовать повышению уровня профессиональной компетенции политиков, их готовности к эффективному коммуникативному взаимодействию с общественностью, что опосредованно ведёт к стабилизации социальной обстановки и снижению уровня социальной напряжённости, а значит, отвечает интересам обеспечения социальной безопасности.

На основе проведённого исследования разработаны концепция и примерная программа курса повышения квалификации лингвистической направленности для государственных служащих. Кро-

ме того, подобный учебный курс может войти в факультативную часть учебного плана университетов, реализующих программы бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», что, безусловно, будет способствовать формированию профессиональных компетенций будущих государственных служащих на повышенном уровне в долгосрочной перспективе.

Выводы

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что ответственное отношение к выбору средств реализации речевого намерения является залогом эффективной профессиональной коммуникации в любой сфере деятельности. Представляется, что при профессиональной подготовке специалистов в области активного социального взаимодействия — образования, здравоохранения, правоохранительных органов, сферы услуг, равно как и государственной службы — необходимо планировать учебный модуль лингвистической направленности, посвящённый коммуникативному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альшеева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера: Автореф. дис. ... канд. филол. н. / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2013.
2. Руженцева Н.Б. Жанр политического портрета в русскоязычных китайских СМИ: ценности и антиценности / Н.Б. Руженцева, А.И. Суетина, Ли Сыци // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 107–112. — DOI: 10.26170/pl19-02-12.
3. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14–31.
4. Чудинов А.П., Никифорова М.В. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 45–52.
5. Злоказов К.В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 4. С. 67–73.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
7. Копнина Г.А. Речевые тактики и приёмы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.

8. Пекарская И.В., Шпомер Е.А. Речевая агрессия как нарушение лингвоэкологических норм в масс-медийном пространстве современного политического дискурса // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 120–140.
9. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2004.
10. Сковородников А.П. О сверхсильной речевой агрессии и её модальном антиподе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12–21.
11. Плотникова М.В. Хотели как лучше, а получилось как всегда: деструктивное речевое поведение политических деятелей как фактор дискредитации власти // Вопросы управления. 2019. № 5 (60). С. 42–50.
12. Плотникова М.В. Мэр здорового человека: речевой портрет мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в Сети // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 105–113. DOI: 10.26170/pl19-05-11.

ENGLISH

Speech Behaviour of a Politician Online: an Effective and Destructive Profile

Mariya Vyacheslavovna Plotnikova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, head of the project “Speech Portrait of a Politician Online: Technologies and Tools for Establishing a Media Image of a Russian Politician” (19-011-32179).

E-mail: svet-maximova@yandex.ru

The paper is devoted to the fundamental issue of speech behaviour of politicians in the context of digitization of the Russian public space. The study is aimed at identifying generalized signs of a politician's effective and destructive speech behaviour, as well as developing practical recommendations for efficient speech behaviour strategies and mitigation of communication failures risks. The paper studies communication failures of politicians that caused a significant public reaction, as well as analyses the examples of politicians' efficient speech behaviour resulting in approval online. The study identifies areas of communication with the greatest conflict-generating potential for politicians. It also analyses the tactics discrediting a politician's speech intentions during professional communication, as well as the statement construction forms that entail a high risk of communication failure. The analysis results were presented in a form of a generalized profile of efficient speech behaviour online, including marketing image management techniques.

Keywords: political figure, speech portrait, communication behaviour, media space, social media, linguopolitical personology

REFERENCES

1. Alysheva Yu.S. Rechevoy portret sovremennogo politicheskogo lidera: Avtoref. dis. ... kand. filol. n. / Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet. Volgograd, 2013 (in Russian).
2. Ruzhentseva N.B. Zhanr politicheskogo portreta v russkoyazychnykh kitayskikh SMI: tsenosti i antitsennosti / N.B. Ruzhentseva, A.I. Suetina, Li Sytsi // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 1 (73). S. 107–112. – DOI: 10.26170/pl19-02-12 (in Russian).

3. Chudinov A.P., Nakhimova E.A., Nikiforova M.V. Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 1. S. 14–31 (in Russian).
4. Chudinov A.P., Nikiforova M.V. Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. 2018. № 1. S. 45–52 (in Russian).
5. Zlokazov K.V. Destruktivnoe povedenie v razlichnykh kontekstakh ego proyavleniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2016. T. 26. № 4. S. 67–73 (in Russian).
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. M., 2002 (in Russian).
7. Kopnina G.A. Rechevye taktiki i priyomy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 206–216 (in Russian).
8. Pekarskaya I.V., Shpomer E.A. Rehevaya agressiya kak narushenie lingvoekologicheskikh norm v mass-mediynom prostranstve sovremennogo politicheskogo diskursa // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016. № 1 (6). S. 120–140 (in Russian).
9. Ruzhentseva N.B. Diskreditiruyushchie taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom disкурсе // Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).
10. Skovorodnikov A.P. O sverkhsil'noy rechevoy agressii i eyo modal'nom antipode // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 12–21 (in Russian).
11. Plotnikova M.V. Khoteli kak luchshe, a poluchilos' kak vseгда: destruktivnoe rechevoe povedenie politicheskikh deyateley kak faktor diskreditatsii vlasti // Voprosy upravleniya. 2019. № 5 (60). S. 42–50 (in Russian).
12. Plotnikova M.V. Mer zdorovogo cheloveka: rechevoy portret mera g. Yakutska Sardany Avksent'evoy v Seti // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 5 (77). S. 105–113. DOI: 10.26170/pl19-05-11 (in Russian).

ВОПРОСЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 323.2
ГРНТИ 101.751
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-67-75

**А.И. СОЛОВЬЁВ,
Г.В. ПУШКАРЁВА***

Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства

С развитием цифровых технологий постепенно складывается новая конфигурация взаимоотношений государства и общества, открываются дополнительные возможности для артикуляции общественных интересов и формирования ценностных предпочтений граждан, появляются новые механизмы политической мобилизации, возникают нестандартные формы организации и самоорганизации граждан, активизируется роль социальных медиа, получают развитие локальные и общегражданские дискурсы на различных электронных площадках. Цифровизация публичного пространства вынуждает государство модифицировать свои коммуникационные стратегии, совершенствовать формы диалога власти и общества на основе принципов делиберативной демократии. Анализ формирующейся в новых условиях архитектуры публичных коммуникаций позволяет сделать вывод, что российское государство предпринимает определённые усилия по встраиванию в реалии, диктуемые процессами цифровизации. Однако в настоящее время приоритеты государства смещаются в сторону электронного правительства и цифровой экономики. С одной стороны, это выглядит оправданным, поскольку позволяет вывести на принципиально новый

* **Соловьёв Александр Иванович** — доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства» (19-011-31408).

E-mail: alesol@mail.ru

Пушкарёва Галина Викторовна — доктор политических наук, профессор факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: gvpush@mail.ru

уровень оказания государственных услуг, снизить коррупционные риски, упростить государственное регулирование экономических процессов. Но с другой — отсутствие должного внимания вопросам открытости органов государственного управления и привлечения граждан к процессам выработки государственных решений ведёт к накоплению противоречий в публичной сфере государственного управления, к росту взаимного непонимания и недоверия между структурами государства и гражданского общества, что чревато всплесками социального недовольства и протестных действий.

Ключевые слова: государственное управление, цифровые технологии, социальные медиа, публичное пространство, гражданское общество, делиберативная демократия, «открытое правительство»

Гражданский сектор государственного управления — это пространство публичной активности негосударственных акторов, лиц и организаций, выражающих представленные в обществе социальные интересы, идеологические предпочтения и политические позиции [1]. Результативность государственного управления, уровень легитимности государственных решений в значительной степени определяются способностью государства находить взаимопонимание со структурами гражданского сектора и выстраивать с ними эффективную коммуникацию [2].

С развитием цифровых технологий появляются новые способы организации публичного дискурса, открываются дополнительные возможности для публичного самовыражения граждан и артикуляции групповых интересов, возникают новые формы политической самоорганизации и политического участия. Эти изменения генерируют, с одной стороны, новые риски и вызовы для системы государственного управления, а с другой — открывают для неё новые перспективы развития. Выявление основных проблем, с которыми сталкивается государственное управление в условиях цифровизации публичного пространства, и определение путей их решения составляют основной предмет данного исследования, выполненного учёными МГУ им. М.В. Ломоносова.

Цифровизация публичного пространства: новые вызовы для государственного управления

Сущностной чертой публичного пространства, как отмечал Ю. Хабермас, является обладание гражданами реальной возможностью свободно обсуждать вопросы, имеющие значение для общества, а также вырабатывать в ходе такого обсуждения согласованные позиции относительно перспектив социального развития [3]. С развитием цифровых технологий дискуссии о приоритетах общественного развития, о политических ценностях, справедливости, об общественных интересах и принципах распределения общественных благ вышли за пределы офлайн-площадок, политических клубов и интеллектуальных салонов, они выплеснулись на просторы всемирной Сети и охватили тех, кто ранее не имел возможности публично выразить свою позицию. В России граждане активно вовлекаются в новый вид коммуникации. За последние десять лет (2009–2020) число лиц, получающих информацию о новостях в стране и мире из интернет-изданий (газеты, журналы, информационные порталы), выросло с 9 до 39%, а из социальных сетей интернета — с 6 до 39% [4]. Около 55% россиян «хотя бы раз в неделю» используют сети (в том числе около трети — «ежедневно или почти ежедневно»). В самой молодой возрастной груп-

пе (18–24 года) пользуются социальными сетями хотя бы «несколько раз в неделю» 93% респондентов. Каналы видеоблогов смотрит около четверти молодых россиян [5].

Для государства цифровизация публичного пространства означает прежде всего сужение возможностей информационно-политического влияния. На смену традиционным СМИ, обеспечивавшим преимущественно вертикальный характер политической коммуникации — от политической элиты к массе посредством газет, радио и телевидения, приходит интернет с его возможностями горизонтального обмена информацией, превращения практически любого желающего в источник информации, получения мгновенной реакции на сообщения и т.д. [6, 7]. В гетерархической интернет-среде, способной генерировать разнообразный политический контент, голос государства, в офлайн-пространстве обычно усиливаемый властными СМИ, ослабевает, тонет в дискурсе, нацеленном на критическое осмысление государственной политики, предлагающем альтернативные решения, дискредитирующем государственные институты и должностных лиц, прививающем ценности, идущие вразрез с официально декларируемыми принципами.

Критический в отношении государства онлайн-дискурс генерируется не только оппозиционными политическими силами, но и рядовыми пользователями сети. Технологии Web 2.0 позволяют гражданам делиться впечатлениями о случаях некомпетентности властей, их неспособности решить насущные проблемы, фактах злоупотребления чиновниками служебным положением и т.п. Как правило, такие сообщения эмоционально насыщены, в них слышится крик души обиженного властями человека, а потому они привлекают внимание других пользователей социальных сетей, их охотно репостят, они обрастают многочисленными откликами и комментариями. Всплески негативных эмоций по поводу конкретных фактов го-

сударственной безалаберности и разгильдяйства не проходят бесследно, они запечатлеваются в памяти и на уровне подсознания активизируются всякий раз, когда человек сталкивается с нейтральными или даже позитивными сообщениями о деятельности государственных должностных лиц и чиновников, создавая устойчивый эффект подозрительности и недоверия к органам власти [8].

Благодаря горизонтальной коммуникации быстро распространяются слухи, способные повлиять на отношение граждан как к самой системе государственного управления, так и к отдельным управленческим решениям. Слухами обычно обрастают трагические события (теракт, пожар, стихийное бедствие, гибель людей во время столкновений с полицией и т.п.), на которые социальные сети активно откликаются, пользователи репостят фото- и видеоматериалы с места событий, снабжают их своими комментариями, в которых правда перемежается с домыслами, а нередко дополняется и откровенными фейками. В итоге происходит нагнетание страха, который в свою очередь обостряет ожидания в отношении государства, с которым мы связываем обеспечение безопасности и защиту от подобных угроз. Власти начинают подозреваться в лучшем случае в бездействии, а в худшем — в намеренном создании условий для возникновения проблемной ситуации.

Особую чувствительность проявляют граждане к непопулярным государственным решениям. Так, пенсионная реформа, введение новых налогов, ограничения в период коронавирусной пандемии обрастают в социальных сетях самыми мрачными комментариями, провоцирующими развитие депривационных настроений, активирующих иррациональные мотивы политического поведения вплоть до участия в протестных акциях. Сами граждане признают, что им трудно разобраться в противоречивых суждениях. Так, почти половина россиян (46%) сомневается в своей способности распознать ложь и правду в ин-

формационных потоках. Столько же (46%) считают, что могут разобраться (полностью уверены в этом только 9%) [5].

Как показывают эмпирические исследования, несмотря на безграничные возможности горизонтальной коммуникации, интернету свойствен так называемый эффект эхо-камеры [9], т.е. относительно замкнутого общения на электронных площадках пользователей, придерживающихся однотипных политических взглядов. Возникновение эхо-камер связано с описанными в теории когнитивного диссонанса особенностями реагирования человека на информацию, противоречащую его убеждениям. Пользователи лучше понимают друг друга, когда общаются с теми, кто разделяет их идеологические взгляды и имеет аналогичные ценностные ориентации. И напротив, оказываются невосприимчивыми к информации, которая противоречит их убеждениям. Такая политико-идеологическая сегментация ведёт к тому, что «информационные поля различных сообществ формируются из разных источников и зачастую не пересекаются» [10, с. 159]. Данная особенность организации идеологизированного дискурса ведёт к тому, что попытки государства «достучаться» до всех граждан наталкиваются на сопротивление тех, кто замкнулся в своей эхо-камере и с настороженностью относится к информации из любых официальных источников.

Итак, цифровизация публичного пространства привела к появлению принципиально новых площадок для обсуждения общественно значимых вопросов, а каждому гражданину открыла возможности для превращения из пассивного потребителя информации в активного интерпретатора политических событий, готового выразить свои суждения, сформулировать требования и предъявить претензии властям. В этих условиях политическая стабильность в обществе во многом начинает зависеть от способности государства встроиться в новые коммуникационные тренды, ответить на возникшие

вызовы и использовать открывшиеся возможности для укрепления взаимопонимания с гражданским обществом.

Новые формы гражданской самоорганизации

Цифровые технологии не только открывают новые возможности для самовыражения граждан, но также меняют способы их взаимодействия и самоорганизации. Речь идёт прежде всего о сетевых сообществах, способных оказывать влияние на умонастроения определённых групп и обладающих значительным мобилизационным потенциалом. По отношению к сложившейся системе государственного управления такие сообщества могут позиционировать себя как ориентированные на взаимодействие и конструктивное сотрудничество с властями («Красивый Петербург», «Моя территория» и др.), как автономные, нацеленные на самостоятельное решение возникшей проблемы («Виртуальная рында», «Лиза Алерт» и др.), как оппозиционные и даже настроенные на конфронтацию с властями («РосЯма», «РосПил» и др.). Последний вид сообществ способен мультиплицировать недовольство политикой государства или отдельными государственными решениями, поскольку в них наиболее ярко проявляется эффект эхо-камеры: обсуждение проблемы приветствуется только в заданной тональности, что ведёт к формированию соответствующих настроений.

Цифровизация меняет формат общественного контроля. На специально созданных сайтах (Межрегиональное общественное движение «Народный Контроль» (URL: <https://control.org.ru/>), общественная организация «Общественный контроль России» (URL: <http://www.ocr-org.ru/>), некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» (URL: <https://fbk.info/>) и др.) выкладывается информация о конкретных фактах некомпетентности, превышения должностных полномочий, коррупции чиновников и государственных

должностных лиц. Информация с этих сайтов тиражируется в социальных сетях, формируя общественное мнение, с которым не могут не считаться властные структуры.

Интернет создал новые возможности организации такой деятельности, как формулирование требований к властям и предложений по решению общественно значимых проблем. Возникли сайты, на которых можно оформить в виде петиции своё предложение и пригласить единомышленников поддержать его путём голосования. Так, на сайтах change.org, «Наше мнение — ВКонтакте» организуется сбор подписей в поддержку гражданских инициатив и предложений в области государственного управления. Подписание петиции не требует от гражданина больших усилий, но может стать важным шагом в становлении его активной позиции. Он начинает более внимательно следить за проблемами, вызвавшими интерес и подвигнувшими его на подписание петиции, вступает в дискуссии на соответствующих форумах, делится своими впечатлениями в социальных сетях. Этому способствует также рассылка от change.org тем пользователям, кто хотя бы один раз подписал петицию, подписанты получают отчёты о том, как продвигается дело, а также свежую подборку петиций.

Гражданская активность в интернет-пространстве не поддаётся однозначной оценке. С одной стороны, очевидным является появление нового феномена в политической жизни общества — слактивизма, или ленивого политического участия, сводящегося к просмотру информации в сети, составлению небольших откликов, выставлению лайков, передаче полученных сообщений в социальных сетях и подписанию петиций. А с другой — неоспоримой является роль цифровых технологий в мобилизации протестной активности вплоть до «цветных» революций. Проблема состоит в том, что переход от виртуального участия к реальным

действиям может при определённых условиях произойти настолько быстро, что система государственного управления окажется не в состоянии своевременно и адекватно отреагировать на всплески протестной активности. Предотвращение развития негативных для системы государственного управления сценариев, связанных с рисками цифровизации публичного пространства, возможно только на основе расширения диалога власти и общества, ориентации на принципы делиберативной демократии.

На пути к делиберативной демократии?

Введённое Дж. Бессеттом понятие «делиберативная демократия» [11] призвано было повысить значимость в политическом устройстве современных обществ процедур коллективного обсуждения. Однако пик интереса к данному концепту достигается по мере осознания того, что с развитием цифровых технологий появляются реальные возможности для расширения круга участников обсуждения государственных решений за счёт рядовых граждан [12, 13]. Вовлечение граждан в делиберативный процесс могло бы способствовать поиску компромиссных решений в условиях многообразия социальных интересов, повышению уровня легитимности государственных решений и доверия к тем государственным структурам, которые эти решения принимают.

В мировой практике магистральный вектор движения к делиберативной демократии связывается с идеями открытого правительства, базирующегося на следующих основных принципах: прозрачность, гражданская вовлечённость и участие, а также отзывчивость и ответственность [14]. Создание международной организации Партнёрство «Открытое правительство» (Open Government Partnership, OGP) должно было способствовать продвижению в практику государственного управления обозначенных принципов [15]. Наше государство не вошло в эту орга-

низацию, но шаги по созданию системы открытого правительства были предприняты. В 2012 г. в майском указе Президента РФ прозвучала идея создания системы раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов и привлечения общественности к их обсуждению. Эта идея нашла воплощение в постановлении Правительства РФ от 25.08.2012 г., в соответствии с которым был создан официальный портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (regulation.gov.ru). Однако портал выполняет скорее информативную функцию, чем функцию приобщения граждан к выработке нормативных актов [16, с. 98]. И дело не только в том, что специфика правовых документов требует привлечения к их обсуждению людей, обладающих определённой подготовкой, но и в достаточно жёсткой модерации сформулированных гражданами предложений, когда большинство из них отвергается без убедительного объяснения причин, что в свою очередь ведёт к падению интереса к участию в подобного рода проектах.

В 2013 г. в соответствии с Указом Президента РФ был создан интернет-портал «Российская общественная инициатива», на котором граждане могут сформулировать свои предложения по различным вопросам социального и экономического развития, находящимся в фокусе государственного управления. Оценка научным сообществом работы данного портала является крайне неоднозначной. С одной стороны, обращается внимание на то, что создание данного ресурса отвечает мировому тренду на развитие открытого правительства и «Российская общественная инициатива» не менее функциональна, чем её иностранные аналоги [17, с. 25]. С другой — высказываются суждения о чрезмерно жёсткой премодерации, об отсутствии механизмов контроля

за работой экспертов и процессов воплощения в жизнь поддержанных гражданами инициатив [18], а в «Докладе об итогах внедрения системы “Открытое правительство” и перспективах до 2024 года» откровенно было заявлено, что «де-факто институт петиций так и не заработал» [19].

Более успешными являются проекты, реализуемые исполнительными органами субъектов РФ. Так, правительство Москвы запустили мобильное приложение «Активный гражданин», правительство Московской области — «Добродел», администрация Липецкой области — «Портал неравнодушных». Эти проекты представляют собой системы электронного голосования, позволяющие определить актуальные для жителей данных регионов вопросы. По результатам голосования определяются первостепенные задачи в области благоустройства территории, развития транспортной системы и т.п.

В настоящее время приоритеты российского государства во внедрении цифровых технологий в управленческую практику сместились в сторону электронного правительства и цифровой экономики. С одной стороны, это выглядит оправданным, поскольку позволяет вывести на принципиально новый уровень оказание государственных услуг, снизить коррупционные риски, упростить государственное регулирование экономическими процессами. Но с другой — отсутствие должного внимания вопросам открытости органов государственного управления и привлечения граждан к процессам выработки государственных решений ведёт к накоплению противоречий в публичной сфере государственного управления, к росту взаимного непонимания и недоверия между структурами государства и гражданского общества, что чревато всплесками социального недовольства и протестных действий.

* * *

Изменения, происходящие в гражданском секторе государственного управления под влиянием цифровых технологий,

формируют запрос на внедрение в государственную управленческую практику принципов «открытого правительства». Этот запрос формируется как у управленческой элиты, нуждающейся в легитимации принимаемых государственных решений, так и у пробуждающегося гражданского общества, стремящегося к участию в определении приоритетов социального развития.

Доминирование государства в российском публичном пространстве позволяет ему играть ведущую роль в определении общественной повестки дня. Однако по мере освоения населением цифровых технологий открываются всё более широкие возможности для активного включения граждан в процессы формирования государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский сектор государственного управления / Под ред. проф. А.И. Соловьёва. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018.
2. Соловьёв А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25.
3. Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 226–265.
4. Левада-центр. Источники новостей и доверие СМИ. 27.02.2020. URL.: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi> (дата обращения: 28.07.2020).
5. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ – 2017. URL.: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440> (дата обращения: 12.07.2020).
6. Володенков С.В. Интернет-коммуникация в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Московского университета, 2015.
7. Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23–38.
8. Пушкарёва Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник Вып. № 76. С. 151–175. URL.: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/76_2019pushkareva.htm (дата обращения: 12.07.2020).
9. Барсуков Н.С. «Эхо-камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 73–86.
10. Паин Э.А., Мохов С.В., Поляков Е.И., Простаков С.А., Федюнин С.Ю. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.
11. Bessette J. Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the constitution? / R.A. Goldwin, W.A. Schambra (eds). Washington, DC: American enterprise institute, 1980. P. 102–116.
12. The Oxford Handbook of Deliberative Democracy. Oxford: Oxford University press, 2018.
13. Neble M. Deliberative Democracy between Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
14. World Bank Open Government Global Solutions Group. Open Government Impact & Outcomes. Mapping the Landscape of Ongoing Research. 2016. P. 5. URL: <http://opengovimpact.org/img/og-impact-full-report.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
15. Косоруков А.А. Открытое правительство и цифровизация государственного управления в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 29–40.
16. Фельдман П.Я., Хорхордина Н.П. Российская модель демократического контроля: современное состояние и перспективы эволюции // Власть. 2017. № 8. С. 95–99.

17. Фельдман П.Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // Власть. 2014. № 6. С. 21–26.
18. Волошинская А.А. Российская общественная инициатива: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. С. 47–51.
19. Доклад об итогах внедрения системы «Открытое правительство» и перспективах до 2024 года. М., 2018. С. 95 // Официальный сайт Открытого правительства. URL: <http://report.open.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2020).

ENGLISH

Civil Sector of State Governance: New Forms of Self-Organization and the Community's Participation in the Context of Digitization of the Public Space

Aleksandr Ivanovich Solovyov – Doctor of Science (Politics), Professor at the Department of Political Analysis of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, head of the project “Civil Sector of State Governance: New Forms of Self-Organization and the Community's Participation in the Context of Digitization of the Public Space” (19-011-31408).

E-mail: gvpush@mail.ru

Galina Viktorovna Pushkareva – Doctor of Science (Politics), Professor at the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, the executor of the same project.

E-mail: alesol@mail.ru

As digital technologies develop, a new form of relations between the state and the public is developing as well. Additional opportunities for the expression of public interests and the establishment of values preferred by the society arise, new mechanisms of political mobilization develop, new forms of public organization and self-organization emerge, the social media gain more power, and local and general public narrative develop on a number of online platforms. With the digitization of the public space, the state is forced to change its communication strategies and improve the dialogue between the government and the society based on deliberative democracy principles. After analysing the architecture of public communication emerging in new conditions the paper concludes that Russia is making certain efforts to adapt for the new digitized reality. However, current state priorities are shifting towards e-government and the digital economy. On the one hand, it seems justified, as it allows to bring the public services to a completely new level, reduce corruption risks, and simplify state management of economic processes. On the other hand, the lack of due attention to the issues of openness of public administration and involvement of citizens in making public decisions results in accumulation of contradictions in the public area of public administration, as well as increasing mutual misunderstanding and distrust between the state bodies and the civil society, which may entail bursts of social discontent and protests.

Keywords: public administration, digital technologies, social media, public space, civil society, deliberative democracy, public government

REFERENCES

1. Grazhdanskiy sektor gosudarstvennogo upravleniya / Pod red. prof. A.I. Solov'yova. M.: AR-GAMAK-MEDIA, 2018 (in Russian).

2. Solov'yov A.I. Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachem gosudarstvu obshchestvo // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 8–25 (in Russian).
3. Khabermas Yu. Transformatsiya politicheskoy funktsii publichnoy sfery // Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi / Pod red. E.R. Yarskoy-Smirnovoy i P.V. Romanova. M.: OOO «Variant»: TSSPGI, 2013. S. 226–265 (in Russian).
4. Levada-tsentr. Istochniki novostey i doverie SMI. 27.02.2020. URL.: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostey-i-doverie-smi> (data obrashcheniya: 28.07.2020) (in Russian).
5. Volkov D., Goncharov S. Rossiyskiy medialandshaft: osnovnye tendentsii ispol'zovaniya SMI – 2017. URL.: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440> (data obrashcheniya: 12.07.2020) (in Russian).
6. Volodenkov S.V. Internet-kommunikatsiya v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2015 (in Russian).
7. Mikhaylova O.V. Sovremennoe gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh virtualizatsii i rasshireniya setevogo landshafta publichnoy politiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2019. № 4. S. 23–38 (in Russian).
8. Pushkaryova G.V. Doverie v publichnom prostranstve gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik Vyp. № 76. S. 151–175. URL.: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/76_2019pushkareva.htm (data obrashcheniya: 12.07.2020) (in Russian).
9. Barsukov N.S. «Ekho-kamery» v Internetе: illyustratsiya «effekta ekha» na primere Breksita // Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede. 2018. № 2. S. 73–86 (in Russian).
10. Pain E.A., Mokhov S.V., Polyakov E.I., Prostakov S.A., Fedyunin S.Yu. Etnopoliticheskie protsessy v zerkale Runeta // Politicheskaya nauka. 2013. № 1. S. 133–160 (in Russian).
11. Bessette J. Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the constitution? / R.A. Goldwin, W.A. Schambra (eds). Washington, DC: American enterprise institute, 1980. P. 102–116.
12. The Oxford Handbook of Deliberative Democracy. Oxford: Oxford University press, 2018.
13. Neblo M. Deliberative Democracy between Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
14. World Bank Open Government Global Solutions Group. Open Government Impact & Outcomes. Mapping the Landscape of Ongoing Research. 2016. P. 5. URL: <http://opengovimpact.org/img/og-impact-full-report.pdf> (data obrashcheniya: 15.07.2020).
15. Kosorukov A.A. Otkrytoe pravitel'stvo i tsifrovizatsiya gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoy Rossii // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2019. T. 8. № 3A. S. 29–40 (in Russian).
16. Fel'dman P.Ya., Khorkhordina N.P. Rossiyskaya model' demokraticeskogo kontrolya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy evolyutsii // Vlast'. 2017. № 8. S. 95–99 (in Russian).
17. Fel'dman P.Ya. Politicheskii kraudsorsing kak institut elektronnoy demokratii: problemy stanovleniya i razvitiya // Vlast'. 2014. № 6. S. 21–26 (in Russian).
18. Voloshinskaya A.A. Rossiyskaya obshchestvennaya initsiativa: paradoksy otechestvennoy elektronnoy demokratii // Vlast'. 2016. № 1. C. 47–51 (in Russian).
19. Doklad ob itogakh vnedreniya sistemy «Otkrytoe pravitel'stvo» i perspektivakh do 2024 goda. M., 2018. S. 95 // Ofitsial'nyy sayt Otkrytogo pravitel'stva. URL: <http://report.open.gov.ru> (data obrashcheniya: 15.07.2020) (in Russian).

УДК 321

ГРНТИ 11.15.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-76-83

**М.В. ВИЛИСОВ,
К.О. ТЕЛИН,
К.Г. ФИЛИМОНОВ***

Возможности оценки стабильности и устойчивости современных государственных систем

На основе анализа научной литературы по вопросам теории государства, политического процесса и публичной политики авторы обосновывают концептуальную модель оценки стабильности и устойчивости государственных систем. Модель базируется на эмпирическом анализе стабильности и устойчивости государственных систем, данные которого были получены в рамках полуструктурированных экспертных интервью. Авторский подход включает четыре основных параметра оценки стабильности и устойчивости государственных систем и акцентирует внимание на роли государственных институтов в координации современной политики. Авторы подчёркивают, что часто дискутируемая в российской и зарубежной научной литературе концепция «перехода от правительства к управлению» лишь указывает на возможные изменения роли институтов государства в публичной сфере и направления трансформации государственной политики, однако необязательно их подразумевает. В данной ситуации перспективными представляются поиск условий, задающих направления подобных трансформаций, и разработка концептуальных рамок, диагностирующих способности государственных систем к изменениям.

Ключевые слова: государство, государственная система, стабильность, устойчивость

* **Вилисов Максим Владимирович** — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Возможности оценки устойчивости и повышения функциональности современных государственных систем» (19-011-31433).

E-mail: mvilisov@mail.ru

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: kirill.telin@gmail.com

Филимонов Кирилл Геннадьевич — младший научный сотрудник Центра политологии Института социально-политических исследований РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com

Вопросы «стабильности» и «устойчивости» государственных систем, наряду с вопросами координации политики и развития «способностей государства», социальной солидарности и управляемости, вне всякого сомнения, являются сегодня ключевыми в политической теории. В течение последних десяти лет исследователи не оставляют попыток предложить оригинальные подходы к анализу «государственности» [1] и концепции «способностей государства» [2], которые упрощают «переход от правительства к управлению» (*government to governance*).

Современное управление, как полагают некоторые учёные, имеет сложный, многоуровневый и порой полицентричный характер [3, 4]; оно требует от нас «по-новому» взглянуть на работу государственных систем и деятельность правительства [2, р. 2], актуализируя вопросы разработки инструментария для оценки способности государства к формированию необходимых паттернов поведения и регулирования публичной сферы, к реализации политики и координации политического процесса.

Основываясь на результатах проведённых исследований [1], мы считаем, что все перечисленные процессы зависят от факторов, формирующих стабильность и устойчивость государственных систем, что, в свою очередь, актуализирует разработку соответствующей концептуальной модели.

Исследование возможностей оценки стабильности и устойчивости государственных систем базируется на анализе научной литературы по вопросам теории государства, политического процесса и публичной политики. Данная литература определяет государство как общественное отношение [1] и рассматривает «общество», его связи и структуры управления как «сети власти, множественные и взаимно перекрывающиеся друг друга» [5, р. 1]. Кроме того, мы обращаем внимание на работы, нацелен-

ные на анализ меняющейся роли правительств, которые в своей деятельности используют подходы, альтернативные иерархическому доминированию государства, но сохраняют за ним активную координирующую роль [2]. Представленная концептуальная модель базируется на эмпирическом анализе стабильности и устойчивости государственных систем, данные которого были получены в рамках полуструктурированных экспертных интервью, проведённых в период с апреля по октябрь 2019 г.

От «государств» к «государственным системам»

Не разделяя оптимизма, присущего распространённому сегодня социоцентричному (*society-centered*) подходу к управлению, мы, тем не менее, отдаём должное этому подходу в части учёта тех сложностей в социальной структуре, которые он выявляет, акцентируя внимание на трансформации властных отношений и постоянно изменяющейся роли государства в переходе «от правительства к управлению». Необходимо, однако, заметить, что этот переход не носит линейного характера, а сама практика перехода, обобщённая и представленная исследователями как нормативная модель, лишь указывает на возможные направления трансформации государственной политики и управления [6]. В связи с этим, на наш взгляд, актуальность приобретут, во-первых, само изучение условий, которые задают направление трансформации государства; и, во-вторых, разработка концептуальных рамок, которые, с одной стороны, могут учитывать «желаемый» (нередко самими политическими теоретиками) переход к различным формам нового управления (на базе сотрудничества, со-управления и солидарности), и, с другой стороны, его возможные альтернативы, которые могут привести к усилению роли государства. Последнее характерно сегодня для стран Западной Европы, США и — в значительно большей мере — для государств,

которые намного позже перешли к новому государственному менеджменту, или *governance*, в своей политике и приверженность которых рационально-бюрократическому подходу остаётся сильной.

В подобной ситуации авторы придерживаются позиции, согласно которой оценка деятельности государственной системы и факторов, влияющих на её трансформацию, должна вестись, в первую очередь, в режиме «диагностики» и описания возможных траекторий развития государственности (*stateness*) и лишь затем учитывать доминирующие концепции и формы организации политического управления.

Такого рода диагностика, на наш взгляд, должна осуществляться в несколько этапов, в рамках каждого из которых роль и деятельность доминирующих акторов государственной системы — в нашем случае органов государственной власти — должны критически оцениваться.

Во-первых, само представление об органах государственной власти как исключительных, а не координирующих центрах принятия решений не просто ставит новые принципиальные вопросы, но и объективно «перегружает» административные структуры проблемами, которые могут эффективно разрешаться на муниципальном уровне или через сотрудничество с негосударственными акторами.

Не используя потенциал сотрудничества в разработке, реализации и оценке политики, органы государственной власти вынуждены не столько решать, сколько имитировать успешное решение огромного числа проблем. Результатом подобной работы становятся падение доверия к государственной системе и снижение уровня легитимности управляющих структур.

Во-вторых, такие вопросы, как «нейтральность» правительства, «правильность» принимаемых решений или целеполагание, сформулированное в терминах «общественного блага», в лучшем случае следует

рассматривать как популярные нравственные ориентиры для публичного управления, но вряд ли — как действующие принципы его организации.

Из этого не следует, что нужно деконструировать такие ориентиры или подвергать публичному сомнению риторическое использование последних в рамках легитимации управленческих действий; однако и при выработке государственных решений, и при их исследовании руководствоваться подобными мифологемами некорректно.

В-третьих, ни правовые установления, ни решения исполнительной власти нельзя рассматривать как достаточные основания стабильного государственного управления или устойчивого социального порядка. С. Ринген отмечает, что правительства сами по себе мало что делают, поручая делать это другим [7]. Для того, чтобы законы «работали», а указания выполнялись, необходимо подчинение, которое базируется на легитимности правительства, конвенциональности вырабатываемой политики и достаточном уровне общественной солидарности.

В-четвёртых, сомнительными выглядят попытки оценивать работу правительств усилиями самих правительств, опирающихся главным образом на количественные показатели (KPI), несмотря на имеющуюся вариативность инструментов и форм оценки [8]. Ярким примером в данном случае является обращение к редуцирующим показателям, не полностью раскрывающим содержание оцениваемой деятельности и открытым для статистических и иных манипуляций.

Достигнутое несколько лет назад резкое снижение смертности россиян от сердечно-сосудистых заболеваний, ранее декларированное Стратегией демографической политики, оказалось обеспечено, среди прочего, «управляемым переносом случаев, которые (...) кодировались по классу болезней системы кровообращения, в другие классы причин смерти» [9]. Если бы оценка Стратегии осу-

ществлялась в более открытом и публичном формате, такого рода имитация результативности была бы невозможна.

В-пятых, в процессе развития концепции *public governance* в поле зрения исследователей попали и вопросы взаимодействия участников политического процесса вне формальных институтов. Механизмы неформального управления были обнаружены на всех уровнях управления: на уровне глобальных институтов, наднациональных структур, таких как ЕС, на национальном уровне [10]. Данные механизмы, выходящие за пределы формальных институтов, находящиеся в «серой» (легальной, но этически оспоримой, или наоборот) или в «чёрной» (нелегальной и этически недопустимой) зонах [11], показывают больше «оттенков серого», чем дихотомия «демократия – фасадная демократия» или «прозрачность – коррупция», а их изучение значительно расширяет объяснительный потенциал социальных наук, наряду с исследованиями горизонтальных механизмов сетевого взаимодействия.

В связи с приведёнными замечаниями в рамках исследования и данной статьи мы используем понятие «государственная система» для описания отношений социальной власти и управления не только применительно к государственным институтам и правительствам, но и (1) к устойчивым неформальным практикам функционирования государственных институтов и реализации таких установлений, (2) к деятельности местного самоуправления и (3) к распространяемым через «идеологические аппараты государства» ценностям, репрезентируемым как общие, легитимные и «нормальные».

Деятельность государственной системы мы анализируем через понятия «стабильности» и «устойчивости», определяя стабильность как динамическую способность системы достигать состояния устойчивости, понимаемого, в свою очередь, как состояние воспроизводства и отправления функциональных полномочий, возлагае-

мых на государственную систему и ассоциирующихся с ней.

Современные исследования в области социальных наук чаще понимают «устойчивость» именно как равновесное состояние или ситуацию, т.е. как некоторое конкретное и конъюнктурное положение. Иными словами, можно быть «устойчивым» в определённый момент времени, причём не за счёт собственных сил и эндогенных факторов, а за счёт внешнего патронажа и внешней поддержки.

Стабильность же предполагает выработку внутренних способностей субъектов государственной системы обеспечивать её развитие таким образом, чтобы она имела самостоятельную, не обусловленную внешним вмешательством возможность выдерживать различные шоки и достигать состояния устойчивости даже в том случае, если оно было ранее утрачено.

Концептуальная модель стабильности и устойчивости государственных систем: основные параметры

В обосновании нашей концептуальной модели мы подчёркиваем ключевую роль государства в координации политических процессов, используя понятия «государственной системы», «стабильности» и «устойчивости» и связывая их с изучением источников социальной власти (М.Манн), государственности (Б.Джессоп) и аналитических моделей «способностей государства», учитывающих также и неформальные аспекты работы государственных систем.

В анализе деятельности государственных систем и структур публичной власти нашу позицию формируют подходы к государственной состоятельности (функциональный и консолидационный) и аналитическая рамка исследования властных отношений, предложенная М.Манном (деспотическое и инфраструктурное измерения власти).

Будучи увязанными в рамках одной матрицы оценки деятельности государ-

ственных систем, включающей факторы, которые определяют стабильность и устойчивость, параметры оценки выглядят следующим образом:

Функционально-деспотический параметр связан с тем, какие функции государство по-прежнему «монополизирует» и какова результативность его действий в рамках этих функций; т.е. в первую очередь, насколько органы власти способны проводить в жизнь разработанные ими решения, являющиеся только и исключительно их прерогативой. Несмотря на все описанные выше изменения, произошедшие в общественной сфере в течение последних десятилетий, государство по-прежнему является последней инстанцией, своеобразным *ultima ratio*, в области правопорядка и безопасности, образования и инфраструктуры, трудового законодательства и урегулирования чрезвычайных ситуаций.

Функционально-инфраструктурный параметр оценивает государственную систему с точки зрения эффективности её действий по регулированию и медиации — прежде всего (но не только) в экономической сфере, но также и в части развития человеческого капитала и уровня жизни в целом. В этот аспект должны быть включены действия государственной системы в области информационной политики, товарных рынков, антикоррупционных решений и других сторон деятельности органов власти, где последние не выступают в качестве единственного или наиболее значимого игрока.

Консолидационно-деспотический параметр раскрывает степень восприятия государственной системы как авторитетной и наделённой правом применения принуждения, т.е. фактически, насколько легитимным является использование властью развёрнутых аппаратов принуждения, которыми по-прежнему располагает государство, а также то, насколько граждане склонны обращаться к официальным структурам для урегулирования собственных проблем. Критическими важ-

ными узлами оценивания здесь являются, к примеру, уровень распространения «теневых» практик решения различных социально-политических вопросов (а), принятие или непринятие «абстрактных» государственных политик, связанных с насаждением определённой догматической линии в культурно-ценностной сфере (б), частота обращения граждан в другие юрисдикции (как корпоративного, так и гражданского права) (в).

Консолидационно-инфраструктурный параметр посвящён степени кооперативности политических агентов, их «политической веры» в необходимость политического и социального взаимодействия в рамках конкретной государственной системы. В этом отношении высокий уровень атомизации, эскапизма и «социальной апатии», т.е. нежелания граждан добровольно взаимодействовать не столько с государством, сколько между собой, характеризует несостоятельность существующей политики. Отсутствие гражданского общества как сферы отношений, выведенной за скобки официальных государственных процедур, в данном случае также является яркой иллюстрацией фундаментального дефицита в области консолидационно-инфраструктурного измерения государственной системы: если в стране реализуется муссолиниевская максима «всё для государства, ничего вне государства, никого против государства», то в современных условиях это скорее говорит о запущенном политическом кризисе и потенциальном крахе системы, не вызывающем у граждан ни симпатии, ни эмпатии.

Экспертная оценка стабильности и устойчивости государственной системы: основные выводы

Разработка нашей концептуальной модели и её параметров проходила также на основе данных полуструктурированных экспертных интервью. В качестве экспертов выступили инсайдеры российской

государственной системы (занимающие достаточно высокие позиции, позволяющие участвовать в обсуждении и принятии политических решений, имеющие различные идеологические предпочтения, жизненный опыт и возраст).

К числу основных результатов и выводов эмпирической части исследования можно отнести следующие:

- 1) *Верификация предложенного понятия «государственной системы»: респонденты согласились с предложенным пониманием «государственной системы».* Понимание того, что «государственная система» — это не только официальные государственные органы, но и формальные и неформальные институты, далеко выходящие за этот контур, было проявлено всеми участниками интервью — как условными «государственниками», так и «либералами». При этом единого понимания этих «неофициальных» или «негосударственных» акторов среди интервьюируемых не оказалось: назывались и структуры Академии наук, и абстрактное «гражданское общество», и «олигархи», «лоббисты» и «криминал». Также не было и единых оценок эффекта от вовлечённости этих субъектов в «государственную систему»: есть позитивные и негативные стороны, некоторых структур должно быть больше («государство во многие сферы влезло с ногами», его «должно быть меньше», нужно больше доверять частной инициативе), а некоторые должны быть более активными («Академия наук проявляет мало инициативы», «центр принятия решений слишком переместился вверх, это делает систему слишком неустойчивой»).
- 2) *Отмечена слабость социальных связей внутри государственной системы* (любых — формальных и неформальных), которую практически все участники интервью относят к числу главных угроз устойчивости в пред-

ложенном понимании. Причины этой слабости также отмечены практически одинаково — в слабости формальных институтов: политических, административных, экономических. Но в основе лежат слабость социальных связей самого общества, а также общества и государственного аппарата, отсутствие объединяющих основ: будь то «социальный контракт» или «масштабные идеи, проекты». В то же время государственная система умеет достаточно хорошо справляться с краткосрочными вызовами, что особенно хорошо видно в сравнительной перспективе.

- 3) *Отмечена неизбежность лидерства государственного аппарата в социальных и политических процессах* (в том числе в силу высоких общественных ожиданий и традиционного патернализма); при слабом запросе на развитие и готовности к нему лидерство такого плана, не являющееся координацией, создаёт угрозы стабильности («застой»), которые всеми оцениваются как наиболее опасные. При этом зачастую проблемы исходят изнутри самой государственной системы, в том числе из-за недостатка культуры поиска компромисса и намеренного нагнетания внутрисистемной конфликтности.

Если рассматривать полученные выводы и оценки стабильности и устойчивости, то можно заключить, что российский случай демонстрирует нам достаточно высокий уровень развитости функционально-деспотического и консолидационно-деспотического элементов государственной системы (при постепенном снижении второго) и достаточно слабо развитые функционально-инфраструктурный и консолидационно-инфраструктурный элементы, где последний явно проигрывает. В конечном итоге это может свидетельствовать о необходимости дальнейшего развития «способностей государства» по соответствующим параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jessop B. The State: Past, Present, Future. Cambridge: Polity, 2016.
2. Rethinking Governance: The Centrality of the State in Modern Society / Bell S., Hindmoor A. (eds.) Cambridge: Cambridge Univ. press, 2009.
3. Governing Complexity. Analyzing and Applying Polycentricity / Thiel A., Blomquist W.A., Garrick D.E. (eds.) Cambridge: Cambridge univ. Press, 2019.
4. Wu X., Ramesh M., Howlett M. Policy capacity: A conceptual framework for understanding policy competences and capabilities // Policy and Society. 2015. Vol. 34. No. 3–4. P. 165–171.
5. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge: Cambridge univ. press, 2012.
6. Governing Complex Societies: Trajectories and Scenarios / Pierre J., Guy Peters B. (eds.) London: Palgrave Macmillan, 2005.
7. Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблемы повиновения. М.: Издательский дом «Дело», 2016.
8. Вольманн Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 93–99.
9. Сапгайда Т.П., Семёнова В.Г. Связь снижения сердечно-сосудистой смертности 2013–2015 годов с изменением смертности от других причин // Социальные аспекты здоровья населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-snizheniya-serdechno-sosudistoy-smertnosti-2013-2015-godov-s-izmeneniem-smertnosti-ot-drugih-prichin/viewer> (дата обращения: 25.10.2020).
10. International Handbook on Informal Governance / Christiansen T., Neuhold C. (eds.) Maasticht: Edward Elgar Publishing, 2012.
11. The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. Towards Understanding of Social and Cultural Complexity / Ed. by A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018.

ENGLISH

Possible Assessment of the Stability and Sustainability
of Modern State Systems

Maksim Vladimirovich Vilisov – Candidate of Science (Politics), Associate Professor at the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (MSU), head of the project “Possible Assessment of the Stability and Sustainability of Modern State Systems” (19-011-31433).
E-mail: mvilisov@mail.ru

Kirill Olegovich Telin – Candidate of Science (Politics), researcher at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, the executor of the same project.
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Kirill Gennadievich Filimonov – Junior Researcher at the Center for Political Science, Institute for Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, the executor of the same project.
E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com

Based on the analysis of scientific resources on the theory of government, political process and public policy, the authors substantiate a conceptual model for assessing the stability and sustainability of state systems. The model is based on empirical analysis of the stability and sustainability of state systems obtained through semi-structured interviews with experts. The authors' approach includes four main

parameters for assessing the stability and sustainability of state systems with the focus on the role of state institutions in coordinating modern politics. The authors emphasize that the notion of 'transition from government to governance' often discussed in Russian and foreign scientific literature only demonstrates the possible changes in the role of state institutions in the public area and directions of transformation of public policy, without directly imply that. In this case, it seems promising to search for such conditions that would direct the transformation, and to develop a conceptual framework for diagnosing the state systems' capacity to change.

Keywords: state, state system, stability, sustainability

REFERENCES

1. Jessop B. The State: Past, Present, Future. Cambridge: Polity, 2016.
2. Rethinking Governance: The Centrality of the State in Modern Society / Bell S., Hindmoor A. (eds.) Cambridge: Cambridge Univ. press, 2009.
3. Governing Complexity. Analyzing and Applying Polycentricity / Thiel A., Blomquist W.A., Garrick D.E. (eds.) Cambridge: Cambridge univ. Press, 2019.
4. Wu X., Ramesh M., Howlett M. Policy capacity: A conceptual framework for understanding policy competences and capabilities // Policy and Society. 2015. Vol. 34. No. 3–4. P. 165–171.
5. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge: Cambridge univ. press, 2012.
6. Governing Complex Societies: Trajectories and Scenarios / Pierre J., Guy Peters B. (eds.) London: Palgrave Macmillan, 2005.
7. Ringen S. Narod d'yavolov: demokraticheskie lidery i problemy povinoveniya. M.: Izdatel'skiy dom «Delo», 2016 (in Russian).
8. Vol'mann Kh. Otsenivanie reform gosudarstvennogo upravleniya: «tret'ya volna» // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 10. S. 93–99 (in Russian).
9. Sapgayda T.P., Semyonova V.G. Svyaz' snizheniya serdechno-sosudistoy smertnosti 2013–2015 godov s izmeneniyem smertnosti ot drugikh prichin // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleeniya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-snizheniya-serdechno-sosudistoysmertnosti-2013-2015-godov-s-izmeneniyem-smertnosti-ot-drugih-prichin/viewer> (data obrashcheniya: 25.10.2020) (in Russian).
10. International Handbook on Informal Governance / Christiansen T., Neuhold C. (eds.) Maastricht: Edward Elgar Publishing, 2012.
11. The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. Towards Understanding of Social and Cultural Complexity / Ed. by A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018.

УДК 321.01:329.8

ГРНТИ 11.15.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-84-91

С.Р. ХАЙКИН*

Варианты редизайна политической системы в России: опыт эмпирического исследования

Исследование посвящено изучению текущего состояния и перспектив реформирования партийно-политической системы России в интересах развития общества. Изложенные в статье положения выстроены на основе обобщения результатов масштабного социологического исследования, методология которого базировалась на комбинировании кабинетного исследования, фокус-групп, экспертных интервью и закрытых экспертных сессий. Проанализированы идеологические основы партийно-политической системы России, оценивается её восприятие избирателями, исследуется функциональная эффективность партий как потенциальных выразителей интересов и ценностей макросоциальных групп. Изучены идеологические запросы электората по отношению к политическим партиям. Дана характеристика акторов российской политической системы. Обозначены варианты дизайна партийного пространства.

Ключевые слова: партийно-политическая система, политические партии, Россия, «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», идеология

Дискуссии о партийной системе в России не теряют актуальности в силу того, что сама система является «живым организмом», реагирующим на социальные изменения. Исследователи уже неоднократно обращались к теме развития партийно-политической системы России. Соответствующую проблематику в своих работах раскрыли Е.В. Барис [1], Л.Г. Бызов [2], А.В. Гайсина [3], О.В. Гаман-Голутвина [4],

Л.М. Карапетян [5] и М.К. Фадеев [6]. Однако новейший опыт функционирования политических партий по большей части остаётся неизученным.

Восполнить эту лауну призвано масштабное социологическое исследование, проведённое научным коллективом под руководством С.Р. Хайкина совместно с РГГУ при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Его целью являлось определение перспективных направле-

* **Хайкин Сергей Романович** — кандидат философских наук, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), научный руководитель Института социального маркетинга (ИНСОМАР), руководитель проекта «Редизайн партийно-политической системы как условие развития российского общества» (19-011-31538).
E-mail: evseeva_natalya@mail.ru

ний переформатирования партийно-политической системы России в интересах развития общества.

В рамках своих изысканий участники проекта использовали комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих методов, включавший в себя кабинетное исследование, серию из 10 фокус-групп в пяти регионах РФ, 20 экспертных интервью и две закрытые экспертные сессии по типу круглых столов и мозговых штурмов.

Обобщение результатов исследования позволяет сделать следующие выводы.

Современный политический спектр в России сложно укладывается в традиционные оси деления на «правых» и «левых», «либералов» и «консерваторов». Во-первых, идеологическая основа действующих политических партий зачастую содержит противоречивые установки. Во-вторых, избиратели формулируют эклектичные ценностные запросы.

Партийную систему население и эксперты воспринимают как вторичную по отношению к вертикали исполнительной власти. Ключевые задачи партий — легитимизация решений власти, симуляция демократических процедур. Избирательная процедура, по мнению населения, не выполняет функцию представительства интересов народа во власти. Избранные депутаты всех уровней действуют исключительно в личных или узкокорпоративных интересах. Подтверждение тому — текущая законодательная деятельность.

Граждане не видят возможности влиять на ситуацию в стране: общественные организации слабы, партии не заинтересованы в изменениях. Единственный работающий механизм — личное обращение к Президенту.

Экспертное мнение, знание и информация из эмпирических источников позволяют декларировать кризис системы представительства в современной России. Можно выделить ряд основополагающих условий функционирования и воз-

можной перезагрузки политической системы:

- ♦ В современной России доминирует лево-консервативный тренд общественных настроений. Наиболее востребованной стратегией развития страны является «Социальное благополучие». Стратегические ориентиры — качественные и доступные медицина и образование, новая индустриализация как база социального благополучия.
- ♦ Традиционные либеральные ценности — свобода слова и собраний, свобода предпринимательства, свобода передвижения — в общественном мнении являются продуктом эволюции. Они осуществляются «сами собой» по достижении определённого уровня развития. Они не противоречат лево-консервативным идеалам, а дополняют их. Идеи либерализма находят больший отклик среди жителей мегаполисов.
- ♦ В общественном сознании и экспертных мнениях отсутствует единство понимания того, что брать за консервативный идеал общественного устройства: советское прошлое или дореволюционное наследие.

Основные парламентские партии

К числу основных парламентских партий относятся «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Восприятие основных парламентских партий демонстрирует следующие закономерности:

«Единая Россия»

«Единая Россия» является партией В.В.Путина и российской бюрократии, однако правильная и системная стратегия партстроительства гарантирует данной структуре перспективы остаться одним из краеугольных камней российской политической системы. Несомненным преимуществом партии является использование механизмов праймериз, благоприятной внешней и внутривнутриполитической

ситуации. При этом в партии существует кризис ярких образов и «романтики будущей», отсутствует платформа для эмоционального единения членов.

Мифологемы «Единой России» описываются довольно простыми и в своей простоте эффективными элементами: «харизматичный Путин», «начальство, которому виднее», «Крым наш», «Россия встала с колен», «мир в Чечне», «стабильность и выплаты бюджетникам вовремя», «борьба с олигархами», «полёты со стерхами и на истребителе». Это чрезвычайно сильные и действенные образы.

Поскольку население полностью отождествляет «Единую Россию» с руководством всех уровней, рейтинг партии приобретает дополнительную устойчивость. В благоприятные периоды он подпитывается успехами страны, в неблагоприятные — желанием «теснее сплотиться», продемонстрировать лояльность государственным институтам.

КПРФ

КПРФ существует в российском политическом пространстве благодаря эксплуатации «советского мифа». Партии довольно удачно удаётся обеспечить устойчивое функционирование, однако она плохо отвечает условиям современности, недостаточно эволюционирует в сторону социал-демократии, личные карьерные интересы руководства превалируют над потребностями омоложения партии. В перспективе структура может эффективно использовать протестную повестку, связанную с повышением пенсионного возраста.

Основные проблемы партии:

- ◆ Расколы и борьба внутрипартийной элиты.
- ◆ Неизменное (постоянное) руководство.
- ◆ Отсутствие серьёзного кадрового омоложения партии.
- ◆ Непоследовательность действий партии и идеологической направленности (партия выступает за общество, исключая эксплуатацию, при этом кан-

дидатом в Президенты Российской Федерации в 2018 г. был выдвинут представитель «крупного капитала» П.Н.Грудинин).

- ◆ Затруднительно привлечение молодого поколения через интернет и социальные сети.
- ◆ Отсутствие яркого лидера — представителя революционного романтизма, популяризация которого в социальных сетях позволит привлечь молодое поколение.
- ◆ Склонность к формальной стороне партийной работы.

ЛДПР

ЛДПР — пример уникального позиционирования на российском политическом «рынке». Это просматривается как с точки зрения социальной базы партии (мужское население российских городов с низким доходом и уровнем образования), так и ролью партии как «упаковщика» протестных настроений и лаборатории инноваций в государственном строительстве. Вождистский принцип построения структуры не исключает возможности быстрой перестройки, переформатирования имеющейся повестки и смены руководства. Региональные отделения партии — примеры социальных лифтов для лояльных по отношению к власти, но не включённых в «Единую Россию» предпринимателей. Партия активно осваивает цифровые технологии, обеспечивает вещание канала «ЛДПР ТВ».

ЛДПР отличает привилегия поднимать национальный вопрос и даже включать его в актуальную предвыборную повестку дня.

«Справедливая Россия»

«Справедливая Россия» испытывает трудности с ответом на существующий общественный запрос. Ей не удалось занять социал-демократическую нишу вне электората КПРФ. Попытки оседлать «протестную повестку» Болотной площади выглядели авантюрно. Исполнительная власть в регионах не воспринимает

структуры в качестве «второй партии» власти и успешно отбирает у неё голоса в пользу «Единой России». Бренд партии часто приватизируется региональными предпринимателями и оппозиционными политиками. Не исключены локальные успехи и избрание ярких политиков по территориальным округам. «Инновационная» идея «Социализма 2.0» не нашла поддержки со стороны избирателей.

Идеологические запросы россиян

Если суммировать идеологические запросы современного жителя России, то он создаёт для себя партию с идеологическими рамками либерально-консервативного консенсуса и социал-демократическими ценностями. Все респонденты говорят о необходимости равного доступа к основным благам: медицине, образованию, социальной помощи. Для большинства важно равенство всех перед законом. Наблюдается, что и консервативные, и либеральные ценности характерны для одних и тех же респондентов, одни и те же собеседники говорят и о сильном государстве, и о свободе личности, равенстве всех перед законом, свободе предпринимательства и свободе слова.

Чаще всего упоминается требование сделать основные параметры качества жизни независимыми от уровня доходов. Эта идеологема чаще всего формулируется как «равный доступ» ко всем видам «ресурсов» — природным ископаемым, государственным финансам, образованию, социальной защите, справедливости. У большинства избирателей создаётся впечатление, что государство старается сбросить с себя значительную часть социальных обязательств, тогда как избиратели ждут прямо противоположного — улучшения качества государства, усиления его социальной функции.

Вторая идеологема, казалось бы, противоречит первой. Условно её можно назвать «развитие предпринимательства», «свобода зарабатывать».

Третья идеологема «модернизация и открытость, самостоятельность». Здесь чувствуется, что потенциал мобилизации вокруг осаждённой крепости выдыхается. Существует потребность в мотивах, которые уже высказывались в статье «Россия сосредотачивается». Вместо идеи противостояния коллективному Западу и несовершенству его ценностного универсума, третирования европейских социальных практик у части избирателей нарастает чувство, что «Россия есть европейская держава».

Четвёртая идеологема — «нравственность». Избирателям хочется создать «партию честных людей», которые вернут моральное измерение в политическую деятельность. Сюда же примыкает борьба с коррупцией. Часть респондентов помещает в свою программу требование об изъятии активов, нажитых нечестным путём, и перенаправление их на социальные нужды. К этой же совокупности требований относятся открытость, возможность контролировать бюджет и доходы чиновников, разбираться в тонкостях бюджетного процесса. Часть респондентов воспринимает государство как «корпорацию чиновников», которые преследуют собственные интересы. Они живут сами для себя и благодаря феномену распределённости власти слабо подвержены общественному контролю.

Пятая идеологема — «комфортная городская среда», «сплочённость», «социальное государство», «социал-демократия», «партия садоводов». Эти идеи прочитываются как ответ на констатацию общей неустроенности и отсутствия комфорта в современном городском пространстве. Общество быстро фрагментировалось и отчасти связано социальными сетями, но интуитивно ощущает, что в последние десятилетия возник ряд новых практик, связанных с эксплуатацией жилья, взаимопомощью, развитием садоводческих хозяйств, культурными инициативами, деятельностью НКО. Эти новые явления «не замечаются» политиками. В то время как

Рис. 1. Трёхпартийная система

в условиях стагнирующего потребления культивирование ряда социальных технологий вполне может компенсировать недостаток финансовых средств.

Если обобщить пять идей, которые высказываются самими респондентами, то надо отметить три их качества: привлекательность для большинства, определённую «левизну» и отсутствие «харизмы», энергии, которая побуждала бы к идее вербовать активных сторонников. Общая идея, которая всё это объединяет, — идея суверенитета, эффективной конкуренции в технологической области, адекватного ответа на современные риски и вызовы. Эта тема проговаривается, но иногда недостаточно артикулируется, является общим местом, с которым согласны все.

Всё перечисленное важно, но идеологическую ценность все мероприятия, вытекающие из идеологем, приобретают только тогда, когда служат сверхценности — сохранению России как общего социального организма, по отношению к существованию которого все остальные достижения обладают инструментальным характером, хотя и важны для обеспечения «комфорта». Именно опора на идею территориальной целостности позволила «Единой России» достичь впечатляющих электоральных успехов в начале её истории. По сути, эти же вызовы стоят перед нашей страной и в XXI в., только риски распада относятся не к тер-

ритории, а к социуму. Пропагандистская кампания в поддержку структуры, объединённой данными идеями, будет выглядеть правдивой и при этом крайне эмоционально привлекательной. Например, борьба за комфортную среду — это способ вести конкуренцию, часть глобального позиционирования страны. Это позволяет соединить в сознании избирателей «большие» ценности государственного строительства и простые жизненные радости.

Два варианта редизайна политической системы

Существующие альтернативы общественно-политического развития определяют возможности реализации двух основных вариантов редизайна партийно-политической системы: трёхпартийного (рис. 1) и многопартийного (рис. 2).

В трёхпартийной системе соперничают центристская, левая и правая партии. «Государственники» — центристы — получают 45–50% голосов избирателей на федеральных выборах. Их идеология основывается на государственном участии в управлении экономикой, активной внешней политике, отстаивании статуса великой державы, концентрации ресурсов в федеральном центре, формировании государственных резервов и стратегических программ развития.

Левый фланг представлен социал-демократами, чьи идеи разделяют 35–40%

населения. Их ключевые программные пункты: равенство при распределении общественного богатства, прогрессивное налогообложение, базовый социальный доход, протекционизм на рынке труда, социальная взаимопомощь, гарантированные бесплатные образование и здравоохранение.

Либеральная правая партия занимает 10–15% в парламенте. Её идеи основаны на ценности частного предпринимательства, личной инициативы, развитии территорий, необходимости частных медицины и образования, контроле общества за государственными расходами.

Размежевание по идеологическому признаку позволит создать партийные интеллектуальные центры, занимающиеся не политтехнологиями, а общественной экспертизой и продвижением партийных ценностей. Чёткие идеологические ориентиры будут препятствовать появлению авантюристических и популистских идей. Есть возможность повысить ныне критически низкое уважение к парламенту, а значит, и к системе государственной власти РФ в целом. Профессия политика приобретёт новое содержание.

К числу угроз можно отнести противодействие имеющихся партийных институтов, сопротивление лоббистских группировок, недовольство депутатского корпу-

са. Возможно зарождение новых коалиций, построенных по региональному признаку, возникновение новых полюсов политических интересов. Более прозрачная политическая система может обнажить недостатки исполнительной власти, запустить процесс её смены и обновления.

Многопартийная система позволяет представить в институциональном поле весь легальный политический спектр. Таким образом будет предложена альтернатива несанкционированным протестным действиям: острые вопросы будут выведены в политическое поле. Подлинная многопартийность позволит запустить реальный механизм общественной экспертизы законодательных инициатив и стратегий с разных идеологических позиций. Широкий партийный спектр сформирует дополнительный социальный лифт для пассионарной молодёжи, которая сейчас не считает политическую сферу привлекательной для карьеры.

Многопартийный вариант несёт в себе ряд угроз. Нежелание коммунистов становиться ни левыми радикалами, ни умеренными социал-демократами приведёт к появлению дополнительного напряжения на левом фланге. «Украинизация» российской политики – постоянные конфликты в Интернете, драки непосредственно в Государственной Думе – бу-

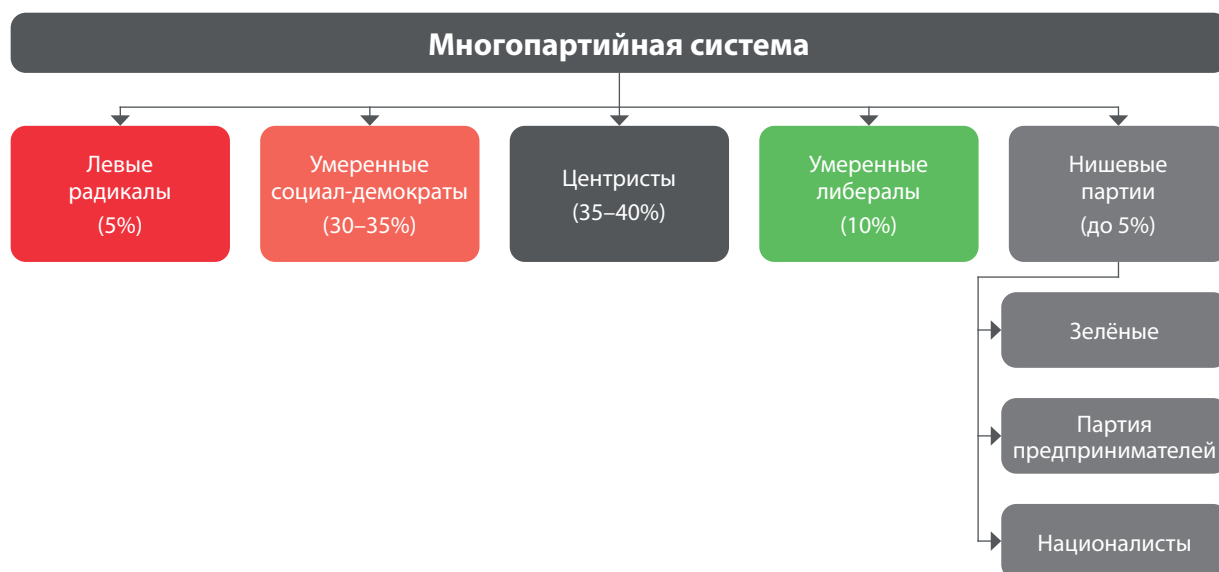

Рис. 2. Многопартийная система

дуг способствовать снижению авторитета парламента. Дефицит финансовых средств для функционирования малых партий превратит их в товары в «политическом супермаркете». Принятие непоследовательных государственных решений как результата разновекторного компромисса уменьшит эффективность государственной политики. Сблззнь выбрать из многих простое и привлекательное решение для избирателя — электоральная база безответственного популизма.

Выполненный исследовательский проект убедительно подводит к выводам, согласно которым реформирование российской партийно-политической системы является необходимым условием позитивной социальной динамики. Ряд трудностей и парадоксов развития, пережитые страной кризисы сделали систему политического представительства такой, какой она является сейчас, в трансформированном виде она будет лучше соответствовать актуальным вызовам развития государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барис Е.В. Особенности эволюции российской партийно-политической системы в постсоветский период и её современное состояние // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 132–137.
2. Бызов Л.Г. Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 4–16.
3. Гайсина А.В. Политические партии и партийная система России: к вопросу о классификации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 2. С. 63–71.
4. Гаман-Голутвина О.В. Особенности эволюции системы партийно-политического представительства в России // Социология власти. 2004. № 3. С. 89–103.
5. Карапетян Л.М. Конституция и партийно-политическая избирательная система в России // Конституциональное и муниципальное право. 2006. № 2. С. 9–19.
6. Фадеев М.К. Теоретико-методологические проблемы изучения современной партийно-политической системы России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 4. (164). С. 58–62.

ENGLISH

Options for Redesigning the Russian Political System: Empirical Study

Sergey Romanovich Khaykin — Candidate of Science (Philosophy), advisor to the head of the Federal Agency for Ethnic Affairs, thesis supervisor at the Institute of Social Marketing (INSOMAR), head of the project “Redesign of Party-Political System as a Condition for the Development of Russian Society” (19-011-31538).

E-mail: evseeva_natalya@mail.ru

The paper is devoted to the study of the current state and prospects of reformatting the party-political system of Russia in the interests of society development. The paper's stipulations are based on the generalization of the results of a large-scale sociological study, combining the methods of desk research, focus groups, interviews with experts, and private sessions with experts. The authors analyse the ideological foundations of the Russian party-political system, its perception by voters, and the parties' functional efficiency as potential expression of the macro-social groups' interests and values. The paper studies ideological demands of the electorate in relation to political parties. The authors provide a characteristic of the actors of the Russian political system and suggest options of party space design.

Keywords: party-political system, political parties, Russia, United Russia, CPRF, LDPR, Fair Russia, ideology

REFERENCES

1. Baris E.V. Osobennosti evolyutsii rossiyskoy partiyno-politicheskoy sistemy v postsovetskiy period i eyo sovremennoe sostoyanie // Trud i sotsial'nye otnosheniya. 2009. № 10. S. 132–137 (in Russian).
2. Byzov L.G. Politicheskie i mirovozzrencheskie tsennosti rossiyan i transformatsiya partiyno-politicheskoy sistemy Rossii // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2008. № 3 (87). S. 4–16 (in Russian).
3. Gaysina A.V. Politicheskie partii i partiynaya sistema Rossii: k voprosu o klassifikatsii // Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. № 2. S. 63–71 (in Russian).
4. Gaman-Golutvina O.V. Osobennosti evolyutsii sistemy partiyno-politicheskogo predstavitel'stva v Rossii // Sotsiologiya vlasti. 2004. № 3. S. 89–103 (in Russian).
5. Karapetyan L.M. Konstitutsiya i partiyno-politicheskaya izbiratel'naya sistema v Rossii // Konstitutsional'noe i munitsipal'noe pravo. 2006. № 2. S. 9–19 (in Russian).
6. Fadeev M.K. Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniya sovremennoy partiyno-politicheskoy sistemy Rossii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2011. № 4 (164). S. 58–62 (in Russian).

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: КАРЬЕРНЫЕ ТРЕКИ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

УДК 316.35, 323
ГРНТИ 04.41.31, 11.15.23
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-92-104

**А.В. ДУКА, А.С. БЫСТРОВА,
А.Б. ДАУГАВЕТ, Н.В. КОЛЕСНИК,
А.В. НЕВСКИЙ, Д.Б. ТЕВ***

**Институционализация
региональной
политической элиты:
рекрутирование
и профессиональные
карьеры**

В статье рассматривается один из аспектов институционализации региональных политических элит — формирование специфического бассейна рекрутирования и карьерного пути. Исследование строится на основе анализа биографий депутатов региональных legislatures десяти субъектов РФ и представителей этих регионов в Федеральном Собрании. Общее число анализируемых биографий — 660. Использу-

* **Дука Александр Владимирович** — кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института (СИ) РАН — филиала ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры» (19-011-31310).

E-mail: alexander-duka@yandex.ru

Быстрова Алла Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: abc_46@mail.ru

Даугавет Александра Борисовна — научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: a.daugavet@socinst.ru

Колесник Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, учёный секретарь СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: n.kolesnik@socinst.ru

Невский Андрей Владимирович — младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: anevskij@gmail.com

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: denis_tev@mail.ru

ется структурно-биографический метод. На основе изучения карьерных траекторий и особенностей персональных характеристик можно утверждать, что институционализация, приобретение определённой устойчивости бассейна рекрутирования региональных политических элит в основном произошла. Вместе с тем наблюдаемая подвижность некоторых характеристик — образования, предэлитной профессиональной активности — свидетельствует о переходе от позднесоветских и постперестроечных к современным требованиям и условиям формирования региональных властных групп. Можно зафиксировать сужение социального пространства рекрутирования элит и их плутократизацию. Становление регионального депутатского корпуса небеспорно для политической сферы. Уменьшение доли депутатов, работающих на постоянной основе, профессионально выполняющих свою роль члена региональной легислатуры, приводит к деполитизации публичного пространства и усилению роли административной элиты.

Ключевые слова: региональные политические элиты, депутаты, институционализация элит, рекрутирование, социализация, карьеры, структурно-биографический метод

Прошло более четверти века с начала формирования новых властных элит в России. Тем не менее было бы преждевременно утверждать, что институционализация региональных элит завершилась. Конечно, в силу большой гетерогенности страны в каждом регионе этот процесс шёл неодинаково [1, с. 32–33]. Административные и политические, а также экономические элиты прошли различные пути в этом направлении. Под институционализацией элит понимается процесс становления властных групп, социального пространства их рекрутирования, возникновения и поддержания устойчивых практик этих групп и норм их регулирования. Такой подход основывается на представлении институтов как рутинной структурированной деятельности, предполагающей определённую взаимодельствия индивидуальных и коллективных акторов. Элиты одновременно выступают как определённые функциональные группы и как совокупность персон, занимающих стратегические позиции в политико-управленческих институтах, обладающих властными полномочиями и принимающих кардинальные решения. И, конечно, как указы-

вают исследователи, «институционализация определяет особый тип связей личности, общества и государства» [2, с. 148]. Собственно, это задаёт особый тип политической социальности, по которому мы идентифицируем то или иное общество. В этом отношении институционализация элит носит интегральный характер и является интегральной характеристикой качественного состояния социально-политической сферы общества.

Исследование процесса становления устойчивого положения отечественных властных групп, как, впрочем, и любых институтов и институций, в социополитическом пространстве предполагает изучение таких важных характеристик, как адаптивность, сложность, автономия и внутренняя целостность [3, с. 32]. Как показал Роберт Робинс, в значительной степени эти параметры связаны с особенностями бассейна рекрутирования и карьерных путей членов элитного сообщества [4]. Прежде всего, это внутреннее рекрутирование, которое является квинтэссенцией автономии, а также горизонтальная и вертикальная интеграция. Частично это совпадает с законом возрастающей диспропорции Роберта Патнэма [5, р. 33–37]. Также существенна

ещё одна диспропорция: «Диспропорциональное представительство определённых профессий в политических элитах является отражением специфических умений как характеристик, обеспечивающих право на руководство» [5, р. 58–59].

Эта особенность элит очень хорошо показывает структурные характеристики общества и особенности политического режима, спрос на определённый социальный типаж. Тем более, что процесс рекрутирования с общесоциальной точки зрения является важным связующим звеном между социальной структурой и социальной ролью элит в обществе [6, р. 2; 7, р. 612]. А в более общем плане политическое рекрутирование связывает разного уровня агентов и социально-политическую среду в конкретном времени [8, р. 159]. И как было замечено достаточно давно: «власть и статус должны быть в обществе конгруэнтны» [9, р. 139].

Безусловно, в рекрутировании отражаются особенности правительственных институтов [10, р. 218], а также институциональные параметры избирательного процесса [11]. Но и само движение на верх властной пирамиды в устойчивых обществах подчиняется определённой размерности, поступательности, ступенчатости, что указывает на «заведённость», рутинность практик восхождения [12]. Устойчивость и качественная наполненность указанных параметров могут говорить как о степени институционализации властных групп, так и в более общем плане об институционализации регионального политического процесса. В своём исследовании и выводах мы имели в виду также результаты предыдущих наших изысканий 2010 и 2015 гг.

Исследование основано на анализе биографий российской региональной политической элиты (депутатов региональных legislatures и представителей регионов в Федеральном Собрании) с использованием структурно-биографического метода, в рамках которого структура региональных элитных групп изучается в свя-

зи с биографией персон, входящих в эти группы [13, с. 158]. Стратегия исследования предполагает первоначальный сбор информации о происхождении, карьерах, деловых связях, собственности элитных персон. Далее из общего массива данных выделяется информация, имеющая значение для поставленных в исследовании задач. Эти данные помещаются в структурированные биографические анкеты, после чего осуществляются кодирование данных в значения переменных и ввод в матрицу данных на базе статистического пакета SPSS.

База данных сформирована по законодательным органам власти десяти субъектов Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Ростовской и Новосибирской областей, Ставропольского и Хабаровского краёв, а также Республики Дагестан. Общая численность региональных депутатов в выборке составила 536 позиций. Кроме того, были собраны данные о представителях федеральной политической элиты данных регионов: депутатах Государственной Думы РФ и членах Совета Федерации. Общее число наблюдений в базе составило 660 случаев (табл.).

Сбор биографической информации осуществлялся из открытых источников: официальных веб-страниц региональных законодательных органов, федеральных и региональных онлайн-справочников, интервью и новостных публикаций в СМИ. Важным источником информации в ряде случаев стали публичные страницы парламентариев в социальных сетях.

Средний возраст членов политического элитного сообщества составляет 54 года, медианный — 55 лет. Существенного различия между регионами по этому параметру нет. Несколько более молодыми в исследуемой группе регионов оказались ростовские депутаты (средний возраст 51 год), наиболее возрастными — их московские коллеги (57 лет).

Таблица

Федеральная и региональная элита по регионам (чел.)

Регион	Уровень элиты		Всего по региону
	федеральная	региональная	
Санкт-Петербург	15	50	65
Ленинградская область	9	51	60
Ростовская область	15	61	76
Калининградская область	10	41	51
Костромская область	3	38	41
Хабаровский край	7	40	47
Москва	28	45	73
Новосибирская область	10	76	86
Ставропольский край	10	50	60
Республика Дагестан	11	90	101
Всего	118	542	660

Рекрутирование

Попадание во власть зависит от различных факторов. Полученные данные позволяют говорить об определённых трендах и характере бассейна рекрутирования, включая как социальные характеристики, так и профессиональные. Человеческий и социальный капитал, накапливаемый в процессе первичной социализации, образования и карьерного продвижения, создаёт персональные ресурсы, используемые при продвижении наверх. Это и определяет специфику региональных депутатов и легислатур.

Место первичной социализации

Большинство членов депутатского сообщества исследуемых регионов родились в малых городах и сёлах (61%). При этом уроженцы села составляют 37% (рис. 1). Это вполне объяснимо, так как региональные легислатуры являются представителями не только областных столиц, но и сельских районов. Но между субъектами Федерации есть различия. Крайними полюсами здесь выступают Москва (11% родившихся в селе) и Дагестан (67%).

Конечно, необходимо иметь в виду пространственную мобильность населения. Однако в большинстве случаев первичная социализация происходит в месте рождения. Там человек заканчивает школу, получает первичные навыки социальных взаимоотношений, стиля поведения. Безусловно, город и село неодинаковы в разных регионах. И если в Дагестане сильны родовые и этнические связи, а также значимым фактором является религия, то, например, в Ленинградской области эти характеристики не играют совсем существенной роли.

В рассматриваемых регионах сформировалась собственная констелляция социализационных пространств, связанная с особенностями этих регионов. В целом она повторяется в последнее время. Можно предположить, что в этом отношении характеристики бассейна рекрутирования сформировались. И тем самым определённые особенности региональных элит могут воспроизводиться.

Надо отметить, что тип населённого пункта, в котором проходила первичная социализация, влияет на такую характери-

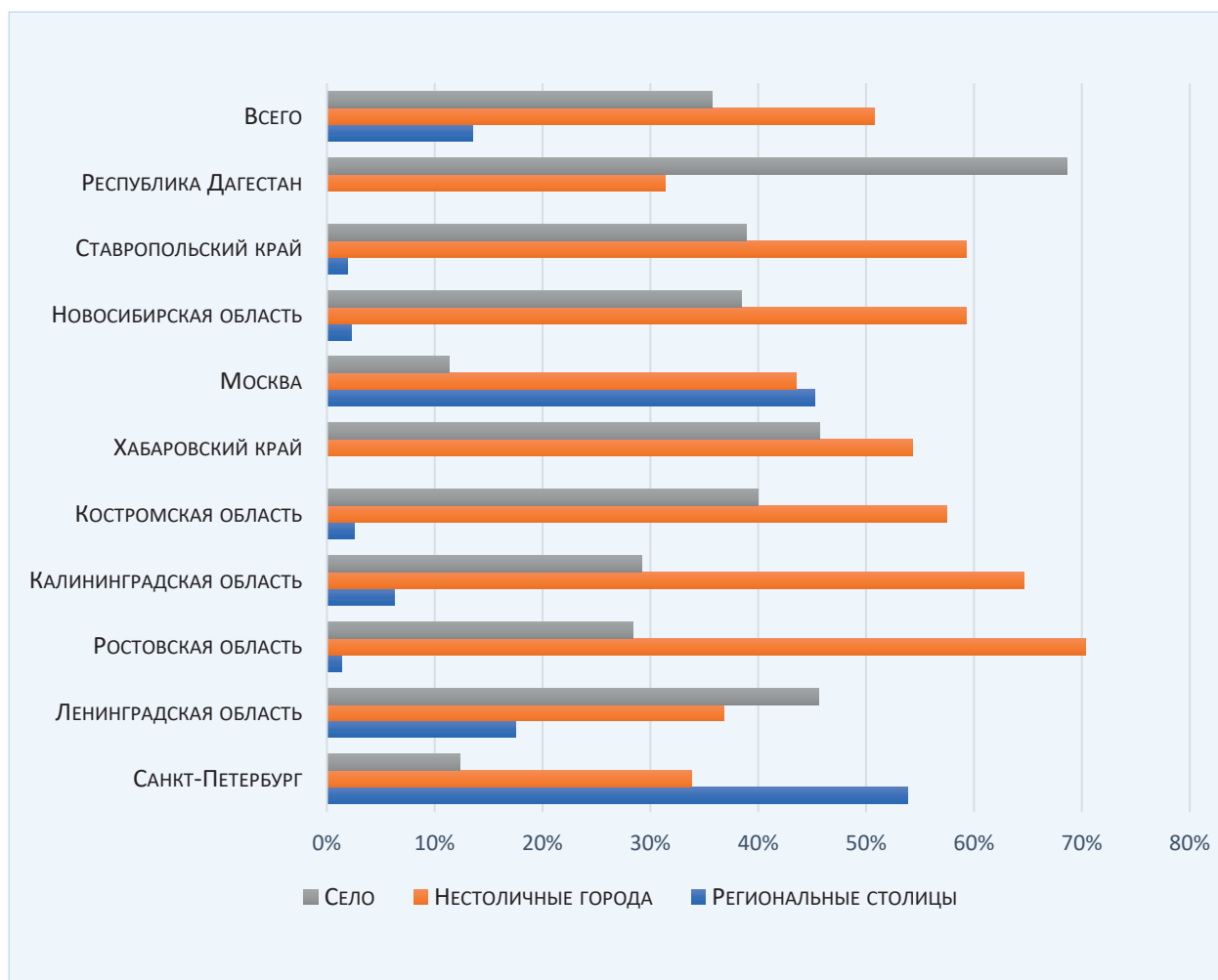

Рис. 1. Место рождения политиков (в %) (N = 602)

стику политика, как склонность к различного рода инновациям [подробно см.: 13].

Первое высшее образование

В целом преобладающим типом первого высшего образования является техническое — 38% депутатов. Далее следуют финансово-экономическое и гуманитарное: 13 и 12% соответственно. Ещё 10% парламентариев имеют военное образование (рис. 2). При этом перекрёстный анализ показывает тенденцию к изменению в образовательных карьерах: так среди депутатов в возрасте от 22 до 40 лет техническое образование находится лишь на третьем месте (21%), уступая юридическому (26%) и финансово-экономическому (24%), в то время как среди депутатов старшего возраста (56–80 лет) лица

с техническим образованием составляют почти половину (49%).

Подобный образовательный профиль воспроизводит и федеральная административная элита, в которой наблюдается преобладание «персон с подготовкой по техническим или естественнонаучным специальностям» [14, с. 78]. Доминирование технического образования у «руководящих кадров» началось в советскую эпоху и было обусловлено политико-экономическими процессами в стране [15; 16, с. 166–169].

В дальнейшей образовательной карьере депутаты чаще всего выбирают управленческо-политическое (21%) и юридическое (9%) образование. Эмпирические данные позволяют утверждать, что почти треть депутатов десяти региональных

парламентов обладает дипломами о присвоении кандидатской степени. 27% представителей политической элиты имеют степень кандидата наук. При этом наиболее часто встречающаяся учёная степень — кандидат экономических наук: её имеют 33% всех «остепенённых» депутатов. Затем следуют юридические (13%) и технические науки (11%). Докторские диссертации (у 8%), также как и кандидатские, депутаты региональных парламентов защищают, как правило, по экономическим специальностям. Данная тенденция носит устойчивый характер и воспроизводится на протяжении последних десяти лет.

«Элитные» вузы в российских регионах

Исследования зарубежной элиты показывают, что ценности и установки представителей элитной общности способствуют их социальной интеграции и взаимодействию (17, р. 442). В первую очередь, элитный габитус формируется через

первичную и вторичную социализации, в ходе которых и происходит усвоение правил коллективного этоса. Семья, школа и вуз в череде иных социальных институций оказываются первичными для агента и расширяют окно возможностей для дальнейшей восходящей социальной мобильности.

При исследовании образования региональной элиты важно рассмотреть пул высших учебных заведений, в которых обучаются будущие депутаты местных парламентов. Анализ эмпирических данных показывает, что, например, представители политической элиты Санкт-Петербурга при выборе вуза не всегда отдавали предпочтение СПбГУ (9%), ЛЭТИ, Инженерно-строительному институту или Финансовому университету. Высокая представленность бывших военнослужащих среди петербургских депутатов (40%) влияет и на образовательный профиль политической элиты региона. Совсем не редко депутаты-силовики проходили обучение в военных училищах и академиях за пре-

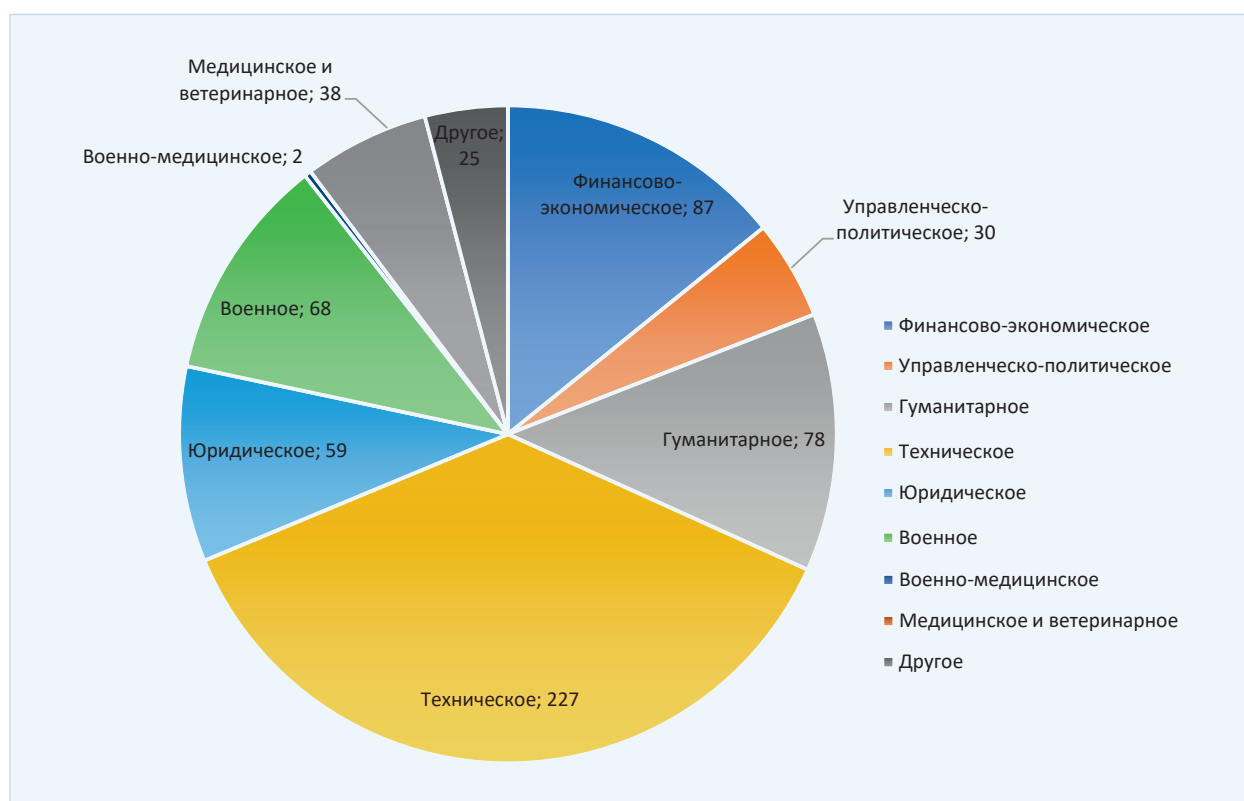

Рис. 2. Первое высшее образование представителей политической элиты (в %) (N = 614)

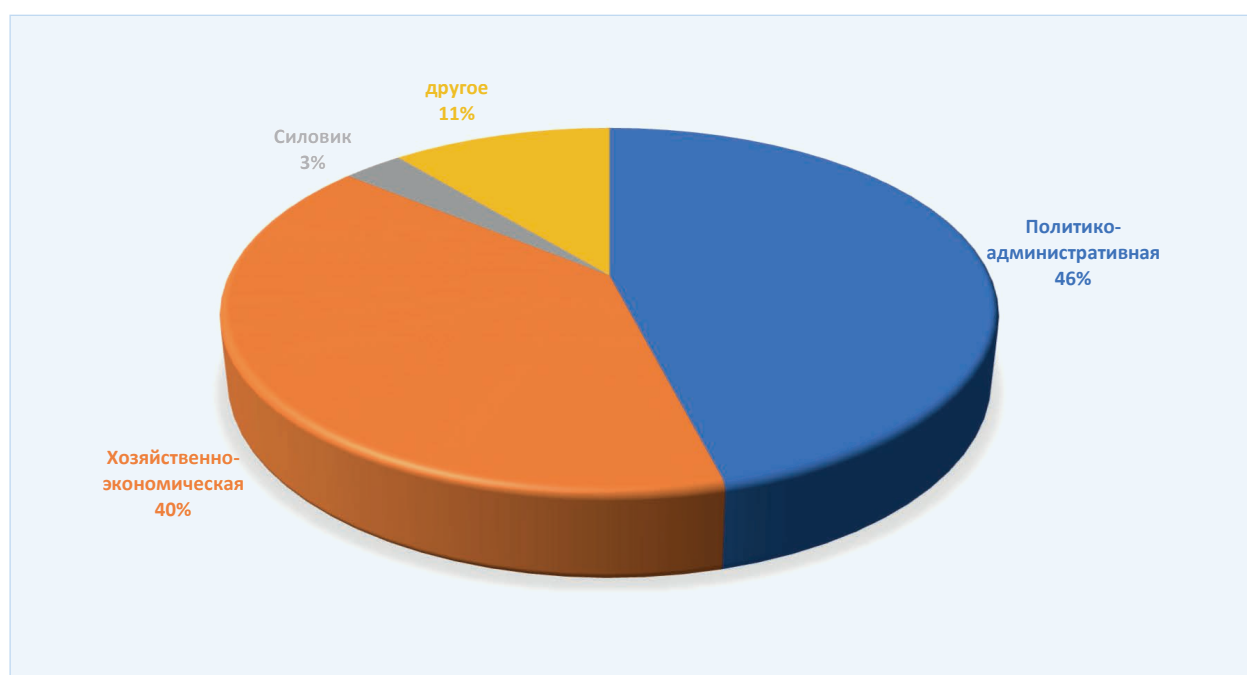

Рис. 3. Работа членов политической элиты, предпрудшествующая нынешней должности (в %) (N = 583)

делами региона и чаще всего не в столичных, а в провинциальных городах. Депутаты-силовики парламента Хабаровского края, наоборот, часто получали высшее военное образование не только в регионе, но в столице.

Если рассматривать отраслевую специализацию вузов, характерную для ростовской политической элиты, то заметно, что депутаты получали первое высшее образование чаще всего в Ростовском ГУ, Новочеркасском политехническом институте, Ростовском институте сельскохозяйственных машин. Представители калининградской политической элиты чаще всего обучались в Калининградском ГУ, и лишь костромская элита предпочитала получать образование в местном педагогическом вузе. Московская политическая элита предпочитала обучаться в столичных вузах: МГУ им. М.В. Ломоносова, МГТУ им. Н.Э. Баумана, педагогических вузах. Почти 18% представителей политической элиты обучались на различных факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова. Военные вузы для большинства депутатов московского городского пар-

ламента, в отличие от петербургского законодательного собрания, не являлись теми образовательными институтами, в которых социализировались бы будущие депутаты.

Путь в депутаты

Как показывают наши предыдущие исследования, для региональной политической элиты в целом характерен существенный уровень профессионализации, хотя в этом отношении она заметно уступает административной элите [18]. Политическая профессионализация связана (хотя и не тождественна) с наличием законодательного опыта перед избранием в действующий созыв. По этой характеристике депутатский корпус довольно неоднороден. Так, 53% депутатов являются «новичками», т.е. ранее не избирались в данный представительный орган, тогда как примерно четверть избиралась в него не менее трёх раз (учитывая действующий созыв).

Значительные различия наблюдаются между регионами. Наибольшая распространённость законодательного опы-

та непосредственно перед вхождением в нынешний созыв legislatury характерна для депутатских корпусов Москвы и Новосибирской области, 60% представителей которых на момент избрания уже занимали депутатскую позицию, тогда как в Дагестане этот показатель составлял всего 32%.

Относительное большинство региональных политиков проявляло активность в политико-административной сфере. На рис. 3 показаны сферы деятельности элитных персон на предшествующей должности. Это работа в административных органах, в муниципалитетах, партийных и общественных организациях, законодательных собраниях.

Путь значительной части депутатов в legislaturу проходил через хозяйственно-экономическую деятельность. Приток в депутатский корпус выходцев из бизнеса, из высшего руководства экономических (коммерческих) организаций раз-

личных форм собственности является одной из важнейших тенденций рекрутирования региональной политической элиты в России. Впрочем, высшая политическая элита рекрутируется из бизнеса реже, чем рядовые депутаты: только 17 и 31% её представителей занимали, соответственно, предшествующую и предшествующую позицию в высших органах управления коммерческих организаций.

Если рассмотреть активность депутатов непосредственно перед их вхождением в элитное сообщество, то можно увидеть, что в большинстве регионов (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) она проявлялась в хозяйственно-экономической сфере. В некоторой степени это связано с частичной профессионализацией legislatur. Большинство депутатов совмещают свою законодательную деятельность с иной. Соответственно, как более ресурсообеспеченные и имеющие возможность варьировать

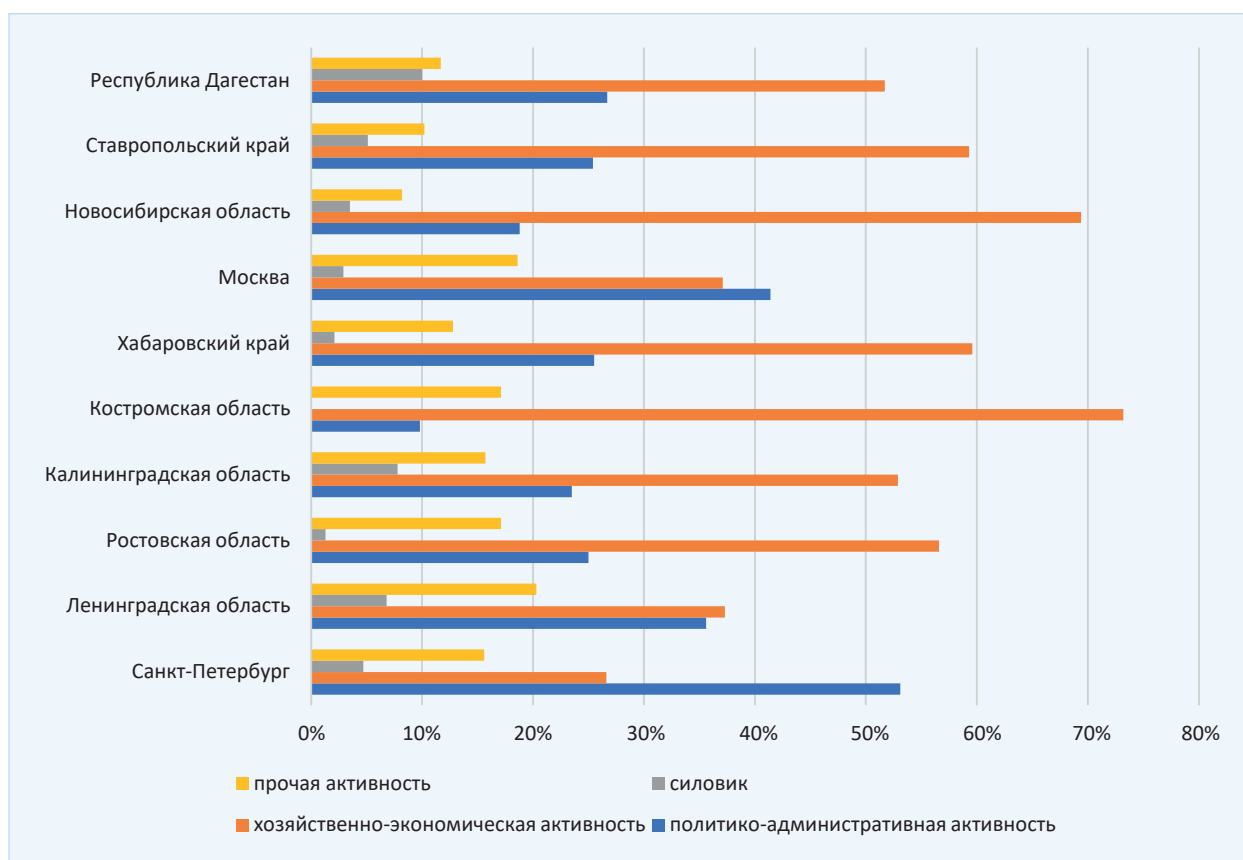

Рис. 4. Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности) (в %) (N = 612)

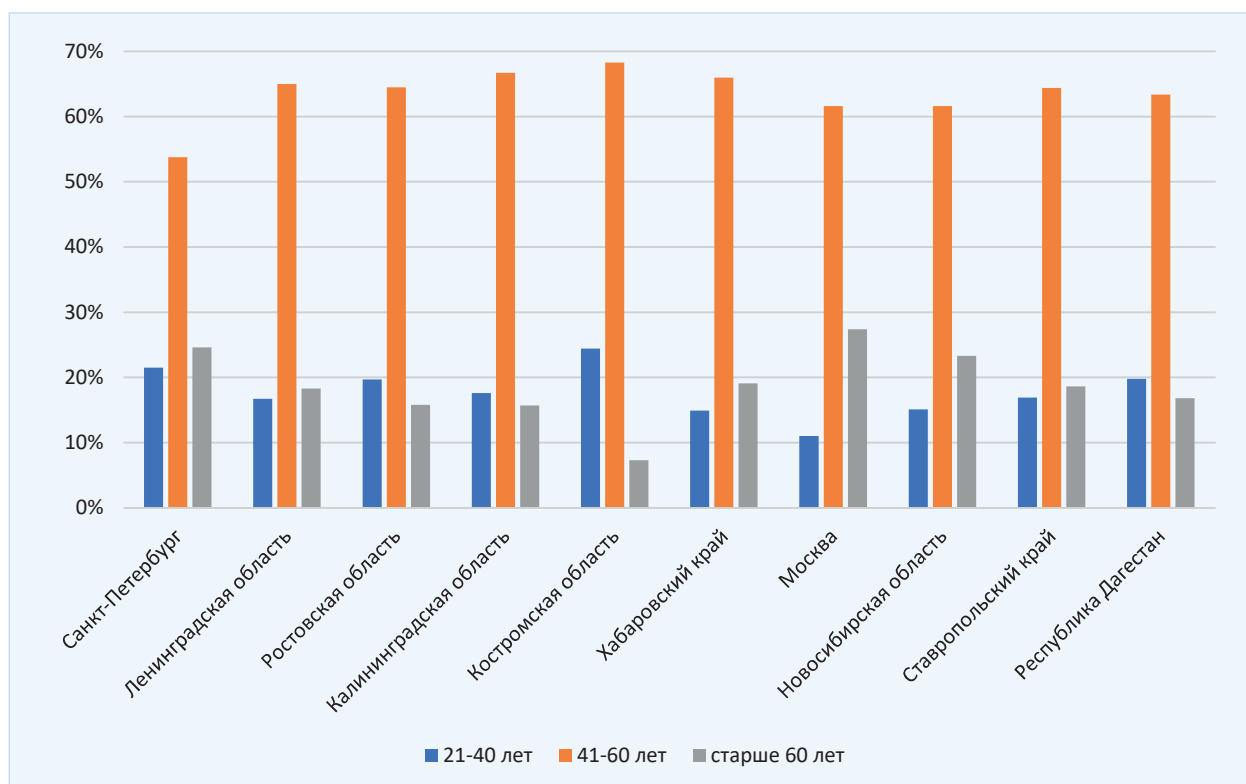

Рис. 5. Возраст избрания в депутаты (в %) (N = 660)

свой временной график капитаны местного бизнеса имеют преимущества перед другими гражданами. Тем более, что во многих регионах денежная компенсация за выполнение депутатских обязанностей достаточно мала. Исключением здесь является Законодательное собрание Санкт-Петербурга, чей состав трудится на постоянной профессиональной основе.

Подавляющая часть депутатов не являются чужими в своих регионах, их деятельность была связана с местом избрания. У большинства место предшествующей работы (до избрания) совпадает с местом элитной позиции в настоящее время (рис. 4). Средний показатель по выборке – 86%, максимальный – 99% – в Ростовской области. Это говорит о существенной связи политиков с регионом и региональными интересами, даже если это интересы федеральных структур, расположенных в данном субъекте Федерации. А потому принимаемые решения имеют основания в том числе и в длительных персональных и группо-

вых отношениях в региональном сообществе, во взаимных инвестициях в социальный капитал [19].

Исследование региональных депутатов 2019 г. выявило, что 63% политиков вступили в нынешнюю должность в среднем возрасте от 22 до 40 лет, 19% – в пенсионном возрасте. Средний возраст по выборке составил 51 год и медианный – 52. Вместе с тем есть некоторое различие по регионам. Наглядно это видно на рис. 5.

Более молодая легислатура потенциально более открыта для социальных и иных новшеств. Однако важен и контекст. Как уже говорилось выше, для региональных представительных органов (исключением является Санкт-Петербург) характерна частичная занятость законодателей. Большинство совмещают свои политические роли с иными. Данное обстоятельство способствует как деполитизации местной политики, так и доминированию в региональной публичной жизни бюрократических инстанций и административной элиты.

Заключение

Проведённое нами исследование говорит о значительном уровне институционализированности российских региональных элит. Об этом свидетельствует сформированность в общих чертах бассейна рекрутирования, вертикальная и горизонтальная интеграция элитного сообщества, карьерные пути.

В целом, политическая элита изучаемых регионов по своему образовательному уровню представляет высокообразованную общность. С формальной точки зрения высшее образование является существенным основанием для воспроизводства властных позиций и конвертации образовательного капитала в публичной сфере.

На основании полученных данных о карьерном пути депутатов и характеристики бассейна рекрутирования можно предположить, что мотивация участия в представительных органах для значительной части депутатов находится вне общих интересов. Это согласуется с данными отечественных исследователей [20]. Ранее Роберт Лэйн выделил шесть потребностей, удовлетворяемых через участие в политике [21, р. 102]. Ещё раньше, исследуя законодателей на уровне штатов, учёные выявили девять «эгоистично преследуемых карьерных целей» [10, р. 245]. Но именно в политической сфере индивидуальные мотивы могут встретиться с общественными.

«Увлечённость» части депутатов неполитической активностью усиливает

роль и значение освобождённых депутатов, действующих на профессиональной основе. Происходит сужение круга лиц, непосредственно занимающихся законодательной и иной политической деятельностью. Уменьшается контроль, снижается собственно политическая конкуренция. Она трансформируется в борьбу экономических групп интересов. Так возникает ещё один фактор, усиливающий олигархические тенденции в российской политике. И здесь заключена существенная проблема институционализации не только региональных политических элит, но и региональных представительных институтов. Тем более, что можно утверждать, что плутократизация является одним из сильнейших трендов в формировании депутатского корпуса.

Наряду с большим представительством капитанов бизнеса в парламентах заметно наличие выходцев из административных структур, что говорит о тенденции бюрократизации и, как следствие, подчинении представительных органов исполнительным.

Помимо отчётливо фиксируемой олигархизации региональных элит наше исследование показало значительное сужение бассейна рекрутирования, что говорит не только о сужении социальной базы, но и свидетельствует о формировании собственного бассейна рекрутирования и автономизации элит, что важно для их институционализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нугуманов Д.С. Трансформация процесса регионального элитообразования в современной России: логика и перспективы // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2017. № 3. С. 31–36.
2. Казаков М.А. Институционализация региональных политических элит в процессе реализации национальных интересов России: обобщение некоторых выводов исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–2. С. 146–150.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
4. Robins R.S. Political Institutionalization and the Integration of Elites. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976.

5. Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
6. Harasymiw B. Political Elite Recruitment in the Soviet Union. London: MacMillan Press, 1984. XVIII.
7. Seligman L.G. Elite Recruitment and Political Development // Journal of Politics. 1964. Vol. 26. № 3. P. 612–626.
8. Czudnowski M.M. Political Recruitment // Micropolitical theory / Ed. by F.I. Greenstein and N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1975. (Handbook of Political Science. Vol. 2). P. 155–242.
9. Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy. New York; London: Harper & Row, Publishers, 1973.
10. Eulau H., Buchanan W., Ferguson L.C., Wahlke J.C. Career Perspectives of American State Legislators // Political Decision-makers / Ed. by D. Marvick. New York: Free Press, 1961. P. 218–263.
11. Keynes E., Tobin R.J., Danziger R. Institutional Effects on Elite Recruitment: The Case of State Nominating Systems // American Politics Research. 1979. Vol. 7. № 3. P. 283–302.
12. Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 489–506.
13. Быстрова А., Дука А., Колесник Н., Невский А., Тев Д. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–243.
14. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // Мир России. 2016. № 3. С. 76–96.
15. Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России: историко-социологические аспекты. Саратов: Изд. центр Саратовской гос. экономической академии, 1995.
16. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: Пермский гос. технич. ун-т, 1998.
17. Engelstad F. Models of elite integration // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 439–457.
18. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 147–169.
19. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
20. Ивушкина А., Астахов П. Политический эгоизм: депутаты и чиновники чаще начинают карьеру ради личных амбиций // RT. 30.11.2016. URL: <https://ru.rt.com/783g> (дата обращения: 10.11.2019).
21. Lane R.E. Political life: why people get involved in politics. New York: Free Press, 1965.

ENGLISH

Institutionalization of the Regional Political Elite: Recruitment and Professional Careers

Aleksandr Vladimirovich Duka — Candidate of Science (Politics), Head of the Sociology of Power and Civil Society Sector, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Institutionalization of the Regional Political Elite: Recruitment and Professional Careers” (19-011-31310).

E-mail: alexander-duka@yandex.ru

Alla Sergeevna Bystrova – Candidate of Science (Economics), Senior Researcher at the Sociology of Power and Civil Society Sector, IS RAS, branch of the FSRC RAS, the executor of the same project.

E-mail: abc_46@mail.ru

Aleksandra Borisovna Daugavet – Researcher at the Sociology of Power and Civil Society Sector, IS RAS, branch of the FSRC RAS, the executor of the same project.

E-mail: a.daugavet@socinst.ru

Natalya Vladimirovna Kolesnik – Candidate of Science (Sociology), Scientific Secretary SI RAS, branch of the FSRC RAS, the executor of the same project.

E-mail: n.kolesnik@socinst.ru

Andrey Vladimirovich Nevsky – Junior Researcher at the Sociology of Power and Civil Society Sector, IS RAS, branch of the FSRC RAS, the executor of the same project.

E-mail: anevskij@gmail.com

Denis Borisovich Tev – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher at the Sociology of Power and Civil Society Sector, IS RAS, branch of the FSRC RAS, the executor of the same project.

E-mail: denis_tev@mail.ru

The paper contemplates one of the aspects of institutionalization of regional political elite, i.e. the establishment of a specific recruitment pool and career track. The study is based on the analysis of the deputies' biographies of ten legislatures of the Russian regions and of regional representatives in the Federal Assembly. A total of 660 biographies was analysed. The authors use structural-biographical method. Based on the study of career tracks and personal characteristics, it can be argued that institutionalization and a certain stability of the recruitment pool of regional political elite has largely occurred. Moreover, the observed mobility of some characteristics, such as education, pre-elite professional activity, is an indicator of a transition from the late Soviet and post-Soviet requirements and conditions of regional power formation to more modern ones. The authors observe the narrowing of the social space of elite recruitment and their plutocratization. The establishment of a deputy corps in a region entails some issues in the politics. The decrease of the number of deputies working full-time and professionally serving as a member of the regional legislature results in the depoliticization of public space and increase of the significance of the administrative elite.

Keywords: regional political elite, deputies, institutionalization of the elite, recruitment, socialization, career, structural-biographical method

REFERENCES

1. Nugumanov D.S. Transformatsiya protsessa regional'nogo elitoobrazovaniya v sovremennoy Rossii: logika i perspektivy // Vestnik Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy. 2017. № 3. S. 31–36 (in Russian).
2. Kazakov M.A. Institutsionalizatsiya regional'nykh politicheskikh elit v protsesse realizatsii natsional'nykh interesov Rossii: obobshchenie nekotorykh vyvodov issledovaniya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1–2. S. 146–150 (in Russian).
3. Kpantington S. Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. M.: Progress-Traditsiya, 2004 (in Russian).
4. Robins R.S. Political Institutionalization and the Integration of Elites. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976.
5. Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
6. Harasymiw B. Political Elite Recruitment in the Soviet Union. London: MacMillan Press, 1984. XVIII.

7. Seligman L.G. Elite Recruitment and Political Development // Journal of Politics. 1964. Vol. 26. № 3. P. 612–626.
8. Czudnowski M.M. Political Recruitment // Micropolitical theory / Ed. by F.I. Greenstein and N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1975. (Handbook of Political Science. Vol. 2.). P. 155–242.
9. Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy. New York; London: Harper & Row, Publishers, 1973.
10. Eulau H., Buchanan W., Ferguson L.C., Wahlke J.C. Career Perspectives of American State Legislators // Political Decision-makers / Ed. by D. Marvick. New York: Free Press, 1961. P. 218–263.
11. Keynes E., Tobin R.J., Danziger R. Institutional Effects on Elite Recruitment: The Case of State Nominating Systems // American Politics Research. 1979. Vol. 7. № 3. P. 283–302.
12. Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 489–506.
13. Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. Rossiyskie regional'nye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii // Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: Sb. nauch. trudov / Otv. red. I.I. Eliseeva. SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. S. 99–243 (in Russian).
14. Tev D.B. Federal'naya administrativnaya elita Rossii: obrazovatel'nye kharakteristiki // Mir Rossii. 2016. № 3. S. 76–96 (in Russian).
15. Nikolaev A.N. Stanovlenie tekhnokraticheskoy elity v Rossii: istoriko-sotsiologicheskie aspekty. Saratov: Izd. tsentr Saratovskoy gos. ekonomicheskoy akademii, 1995 (in Russian).
16. Mokhov V.P. Evolyutsiya regional'noy politicheskoy elity Rossii (1950–1990 gg.). Perm': Permskiy gos. tekhnich. un-t, 1998 (in Russian).
17. Engelstad F. Models of elite integration // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 439–457.
18. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nye vlastnye gruppy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vlast' i elity / Gl. red. A.V. Duka. T. 4. SPb.: Intersotsis, 2017. S. 147–169 (in Russian).
19. Granovetter M. Ekonomicheskoe deystvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenyonnosti // Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki / Pod red. V.V. Radaeva. M.: ROSSPEN, 2004. S. 131–158 (in Russian).
20. Ivushkina A., Astakhov P. Politicheskii egoizm: deputaty i chinovniki chashche nachinayut kar'eru radi lichnykh ambitsiy // RT. 30.11.2016. URL: <https://ru.rt.com/783g> (data obrashcheniya: 10.11.2019) (in Russian).
21. Lane R.E. Political life: why people get involved in politics. New York: Free Press, 1965.

УДК 323.396; 37.035.91

ГРНТИ 11.07.045

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-105-116

И.С. ПАЛИТАЙ*

Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений

Актуальность исследования поколений современной российской политической элиты обусловлена быстротечностью событий, новыми формами коммуникации и необходимостью корректировки процесса рекрутирования, в котором нужно выбирать между опытом старшего поколения и пластичностью сознания, умением реагировать на быстро меняющуюся ситуацию молодых людей. В статье представлены результаты исследования основных социально-демографических показателей старшего и молодого поколений депутатского и губернаторского корпусов: гендерный аспект, возраст, место социализации, образование. Приведена разработанная типология карьерных траекторий молодого поколения политических лидеров: профессионалы, партийцы, бизнесмены, чиновники, общественные деятели, публичные персоны, политики, совместители.

Автор даёт общую характеристику состояния молодого поколения политической элиты, описывает его преимущества и недостатки по сравнению со старшими коллегами, а также указывает на основные направления корректировки существующей в настоящее время системы рекрутирования молодых политиков. Среди основных направлений – необходимость учёта специфики политических процессов и ролевых аспектов деятельности при формировании критериев отбора; ежегодные мониторинги форм и уровней рекрутирования молодых лидеров; работа с молодыми политиками для пополнения их опыта; работа с системой национальных ценностей и символов, а также идеологическим фундаментом молодых политиков.

Ключевые слова: политическая элита, политические поколения, социально-демографический профиль, депутаты, губернаторы, отбор, рекрутирование

* **Палитай Иван Сергеевич** — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель исследовательских проектов «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ» (19-011-31432) и «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ» (20-011-31386).

E-mail: 8321532@gmail.com

Постановка проблемы

Современный мир, как и политическая сфера жизни, характеризуется быстротечностью событий и новыми формами коммуникаций. Эти особенности требуют пластичности сознания и умения быстро реагировать на ситуацию, что во многом свойственно молодым людям. С одной стороны, это влечёт за собой потребность в омоложении кадрового состава органов управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [1]. Однако есть и другая сторона этого вопроса: необходимость в быстром принятии решений, которые бывают судьбоносными для большого количества людей, требуют опыта практической работы и прохождения специальной подготовки к исполнению своей роли. Согласно исследованиям, молодое поколение политиков не всегда может этим похвастаться, так как наша политическая система отказалась от необходимости прохождения соискателем всех номенклатурных стадий [2, с. 80].

Таким образом, перед исследователями возникают задачи сравнительного анализа старшего и молодого поколений нашей политической элиты на предмет их профессионального и личностного потенциалов в современных условиях, а также более детального изучения молодого поколения, доля которого среди политиков постепенно растёт.

Теоретико-методологические основания исследования

Политическая элита в нашей стране достаточно активно исследуется начиная с 70-х годов прошлого века (см., например, [3, 4]). С одной стороны, она представляет собой высшую страту, определяющую, каким образом функционируют и развиваются общество и его отдельные подсистемы [3, с. 23]. С другой же — можно говорить о ней как о лидерах, которые благодаря силе своего интеллекта и духа могут мобилизовать общество на выполнение стратегических и тактических замыслов [5, с. 526]. Ввиду важности дан-

ной категории людей для общества всегда весьма остро стоят вопросы ротации элиты и механизмов её обновления (см., например, [2, 6, 7]), порождающие проблему межпоколенческой динамики, которая, в свою очередь, может служить способом изучения социальных и политических изменений [8, с. 31].

Несмотря на то, что проблема политических поколений существует давно, на сегодняшний день нет единого понимания, что же является основной характеристикой для данной категории. В рамках настоящего исследования поколения рассматривались не как статистические, а как социальные группы, поэтому демографический подход к этому вопросу (опирающийся на возраст) был дополнен историко-культурным, для которого поколение — это группа людей, совместно переживших какие-то важные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения [9]. Таким образом, говоря о различных поколениях, мы будем придерживаться положения о значении особенностей социализационного контекста, сформулированного К. Мангеймом [10].

Подобного рода подход потребовал от нас выделения «важных исторических событий», которые будут лежать в основе деления людей. Несмотря на то, что для старшего поколения (рождённых в 1940-е – 1970-е гг.) таких событий было достаточно много, что позволило исследователям выделить послевоенное поколение, детей хрущёвской «оттепели», поколения брежневской эпохи и позднего застоя [11], в рамках нашего исследования они были объединены в одну категорию. Тем самым всю политическую элиту мы разделили на старшее и молодое поколения, понимая под последними детьми перестройки и постсоветского периода. Такое разделение показалось нам логичным в рамках тех задач, которые стояли перед нами, поскольку эти две категории людей социализировались в условиях различных идеологических и цен-

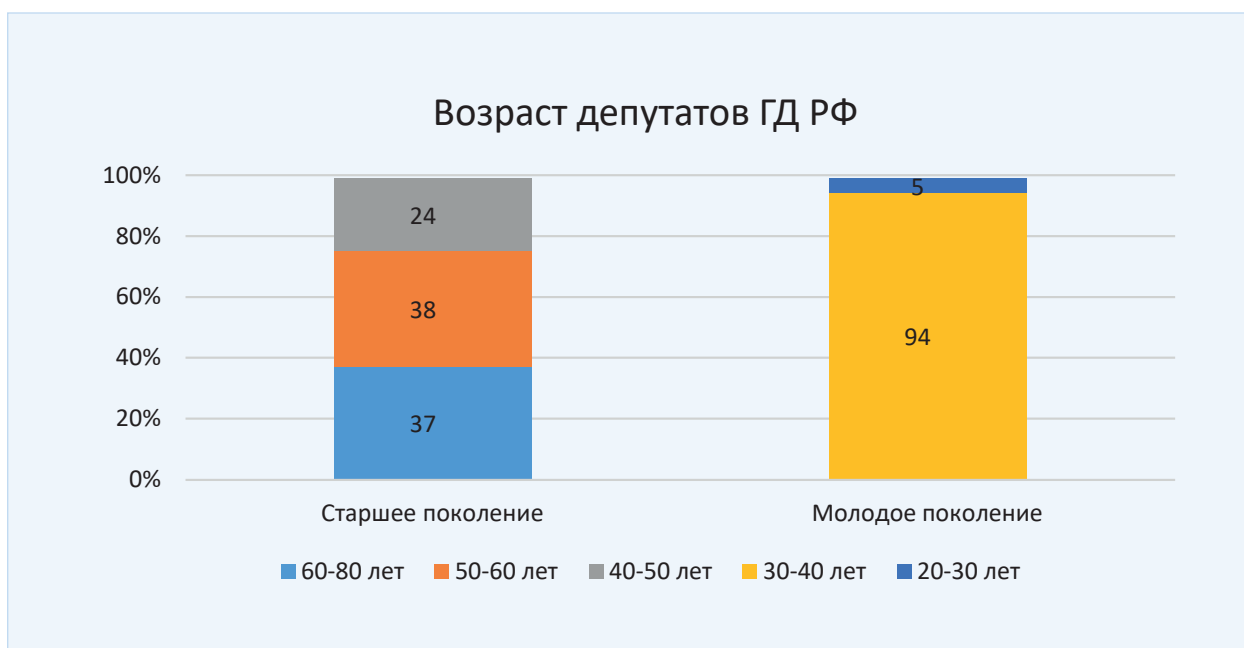

Рис. 1. Возраст депутатов Государственной Думы РФ

ностных ориентиров, а также разной роли информационных и технологических процессов в жизни общества.

Результаты исследования

Исследования, которые мы провели, имели целью выявить основные социально-демографические показатели как политической элиты в целом, так и отдельных её корпусов (см. [12]). По этим же параметрам мы провели сравнительный анализ старшего и молодого поколений депутатского и губернаторского корпусов.

Поскольку в настоящее время задан тренд на омоложение политической элиты, мы обратили внимание также на карьерные траектории молодых политиков (как на федеральном, так и на региональном уровнях), анализ которых не только характеризует эту категорию людей, но и может быть полезен при корректировке системы рекрутирования.

Социально-демографический профиль депутатского и губернаторского корпусов

◆ Депутатский корпус.

Текущий созыв Государственной Думы (ГД) довольно сильно «обновился»: практически каждый второй депутат (54%) ра-

нее не занимал эту позицию. При этом каждый десятый член нижней палаты Парламента РФ является представителем молодого поколения. Их старшие коллеги (91%) в большинстве своём заседают в Думе уже не первый созыв.

Что касается возраста, то в ГД большинство составляют люди, рождённые в 1940–1950-е гг. (треть от общего количества), и депутаты в возрасте 50–60 лет, рождённые в 1960-е гг. (таковых 34%). Каждый четвёртый — не старше 50 лет. Абсолютное большинство оставшихся — молодые люди в возрасте от 35 до 40 лет (рис. 1). Если говорить о средних показателях, то типичный представитель старшего поколения — это депутат 57,5 лет, а молодого поколения — 39 лет. В среднем возраст депутатов ГД РФ составляет 55,9 лет.

Из всех корпусов политической элиты депутатский в наибольшей степени (по сравнению с другими элитными группами) представлен женщинами, причём их доля практически одинакова, независимо от того, о каком поколении идёт речь (15–17%).

Половина «старших» из депутатов родилась и социализировалась в городах,

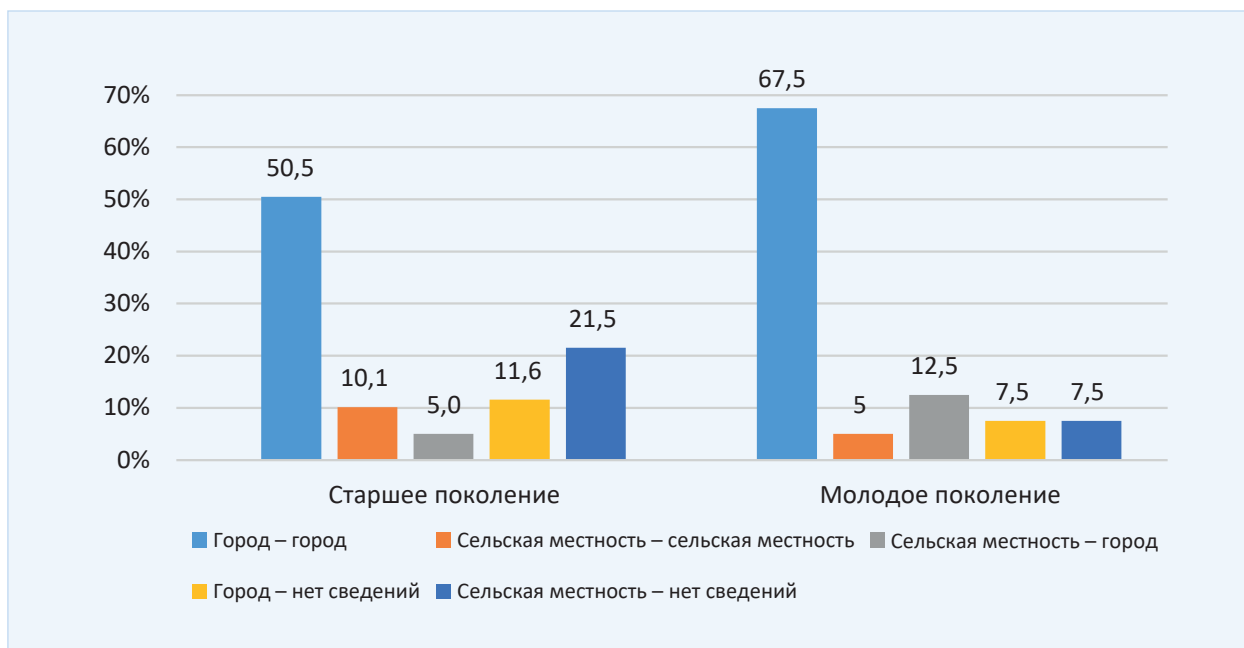

Рис. 2. Место рождения и социализации депутатов Государственной Думы РФ

большинство из которых – областные центры (рис. 2). Пожалуй, к ним можно отнести ещё 11% тех, которые были рождены в городе, но о месте их социализации мы не нашли сведений, а также 5% тех, кто после рождения переехал с семьёй в город (в сумме, таким образом, – 66%). Треть депутатов старшего поколения является выходцами из сельской местности (к которой мы относили деревни, сёла, посёлки городского типа).

Что же касается молодого поколения, то лишь 12,5% его представителей не относились к городским жителям в свои молодые годы. Рождённых в столице или больших городах чуть больше 67%. К ним же необходимо добавить 12,5% тех, кто переехал в город в ранние годы.

Заметны различия также и по типам полученного образования (табл. 1). Так, из депутатов старшего поколения самая большая доля тех, кто имеет техническое образование (29%). На втором месте – люди с дипломом специалиста в экономической сфере (16%). Весьма немного тех, кого можно отнести к гуманитариям, – всего 8%. Примерно столько же среди депутатов дипломированных педагогов, медиков, юристов и военных.

Основной контингент молодых депутатов имеет гуманитарное (25%), экономическое (22,5%), техническое и юридическое (по 17,5%) образование.

Что касается места обучения в вузе, то данный показатель схож у исследуемых категорий депутатов: приблизительно каждый пятый учился в одном из столичных учебных заведений; менее 10% получали образование в Санкт-Петербурге (8% «старших» и 5% «младших»); порядка половины представителей обоих поколений учились в региональных вузах (в областных центрах).

Схожесть заметна также и по типу второго высшего образования, которое получили 61% «старших» и 54% молодых (см. табл. 1). Несмотря на то, что основным видом их деятельности является законотворчество, большинство депутатов, независимо от возраста, получили второй диплом в сфере управления. Таковых оказалось 23–25%. Каждый четвёртый молодой депутат – гуманитарий по второму образованию, а каждый пятый – юрист. Среди старшего поколения после управленческой сферы наиболее популярными точно так же являются экономическая (21,5%), юридическая (16%) и гуманитарная (14%).

Завершая описание основных социально-демографических признаков депутатского корпуса, отметим, что порядка трети представителей старшего поколения помимо второго высшего образования имеют учёную степень кандидата наук, а практически каждый десятый (13%) является доктором. Среди молодых депутатов к числу первых относится каждый десятый, а к числу последних — лишь один человек.

◆ *Губернаторский корпус.*

Выборы 2016–2019 гг. привели к обновлению губернаторского корпуса на 63,5%, при этом средний возраст молодых глав субъектов был 48 лет (что ниже возраста их предшественников на 12–13 лет [13]).

По результатам единого дня голосования, прошедшего в сентябре 2020 г., губернаторский корпус на 74% состоит из людей, чья предыдущая должность была отличной от нынешней. Разумеется, этот показатель не связан с омоложением данной когорты политиков: среди глав субъектов в возрасте до 40 лет находится лишь каждый десятый губернатор. В среднем же глава региона — это мужчина, которому

51,4 года. При этом средний возраст губернатора старшего поколения — 52,9 лет, а молодого — 36,8.

Все молодые губернаторы родились в 1980-е гг., однако среди старшего поколения больше всего тех, кто родом из 1970-х (48%). Глав субъектов, которым за 60 лет, порядка 20%. Оставшимся 32% — 50–60 лет.

В отличие от депутатского корпуса, среди губернаторов лишь одна женщина — Н.В. Комарова (ХМАО), принадлежащая к старшему поколению.

Чуть больше половины представителей как старшего поколения, так и молодого социализировались в городе (55–57%). Число выросших в сельской местности тоже приблизительно равно для данных двух групп (40% — среди «старших» и 30% — среди молодых).

Как и следовало ожидать, самым различающимся оказался параметр, связанный с образованием (табл. 2). Как и в случае с депутатами, наиболее востребованным среди «старших» оказалось техническое образование, которое в своё время

Таблица 1

Типы образования депутатов Государственной Думы РФ

Тип образования	Первое высшее образование		Второе высшее образование	
	Доля депутатов старшего поколения, % от общего количества	Доля депутатов молодого поколения, % от общего количества	Доля депутатов старшего поколения, % от числа получивших второе высшее образование	Доля депутатов молодого поколения, % от числа получивших второе высшее образование
Гуманитарное	7,9	25,0	13,8	23,8
Военное	7,2	0	8,1	0
Медицинское	7,4	2,5	0	0
Педагогическое	8,9	5,0	0	0
Техническое	28,9	17,5	6,9	4,8
Экономическое	15,8	22,5	21,5	14,3
Юридическое	9,6	17,5	15,9	19,0
Управленческое	2,2	5,0	25,2	23,8
Спортивное	4,2	5,0	1,6	9,5

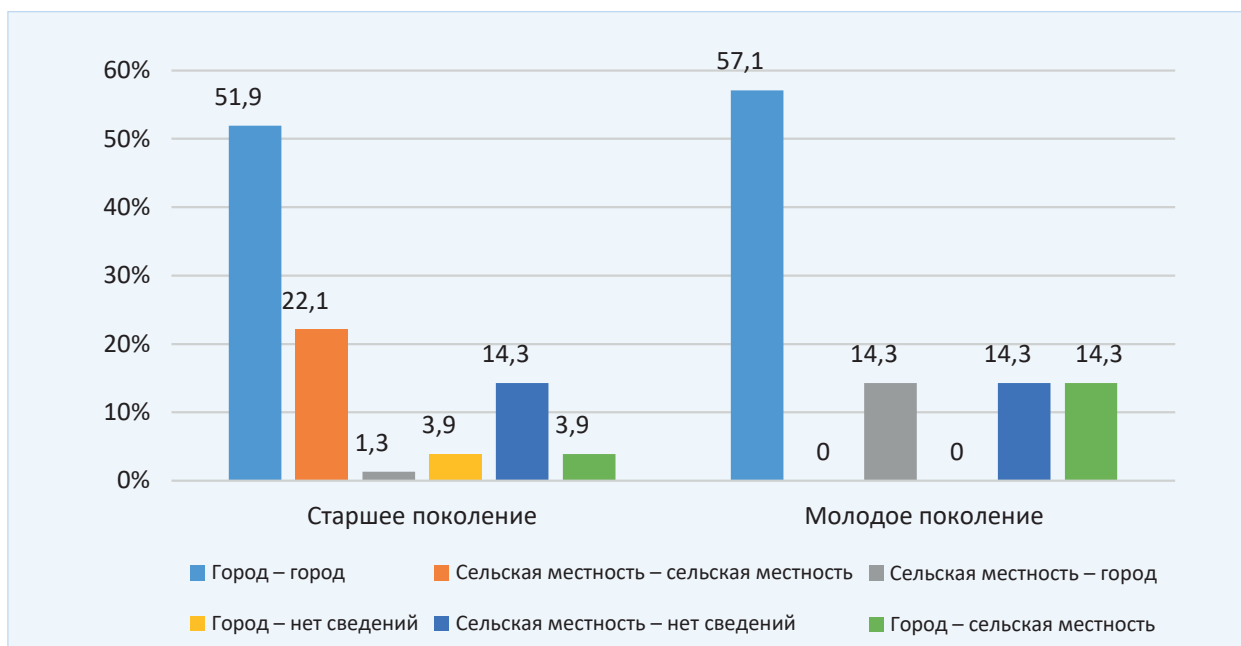

Рис. 3. Место рождения и социализации глав субъектов РФ

получил практически каждый четвёртый из них (27%). Таким же оказалось и число экономистов. Буквально на 1% разнятся доли губернаторов с юридическим и военным образованием (15,6 и 14,3% соответственно). Помимо них встречаются главы регионов с управленческим и гуманитарным образованием (7,8 и 6,5% соответственно). Один из губернаторов этой группы имеет диплом медика.

Среди молодого поколения губернаторов, равно как и среди молодых депутатов, четверть – гуманитарии. Таким же оказалось и число тех, кто учился на юриста или изучал экономическую науку.

Чуть больше 60% обеих групп глав регионов учились в областных центрах, в то время как в столичных учебных заведениях диплом получали 25% представителей каждого из поколений. Среди «старших» два губернатора получали образование заочно (один из них позже ещё учился по специальности «государственное и муниципальное управление»). По одному представителю от каждого поколения обучались за границей.

Второе высшее образование имеет порядка 63% в каждой из анализируемых групп. В основном губернаторы обуча-

лись государственному и муниципальному управлению (см. табл. 2). Из «старших», помимо этого, 17% от общего числа в качестве второго получили диплом экономиста, 14% – юриста. Среди молодёжи кроме управленческих специальностей выбирались исключительно юридические (25% от общего числа молодых губернаторов).

Каждый четвёртый губернатор старшего поколения является кандидатом наук, каждый десятый – доктором. Среди молодых глав регионов докторов наук нет, а вот учёную степень кандидата имеет половина из них.

Карьерные траектории представителей молодого поколения политической элиты

В результате проведения статусно-ролевого анализа молодого поколения политической элиты мы разработали типологию политиков, в качестве основания которой была взята карьерная траектория молодых политиков до их прихода во власть (табл. 3).

В качестве основных типов мы выделили следующие:

«Партийцы». Это тип молодых людей, которые начинали свою деятельность

в той или иной партии, постепенно продвигаясь по карьерной лестнице. Среди депутатов ГД РФ представителей этого типа большинство — 44,7%. В регионах такой тип среди законодателей встречается реже (каждый 10-й человек), но всё же является вторым по частоте появления. В министерствах сотрудников данного типа мы не выявили.

«Профессионалы» — это люди, профессионально занимавшиеся какой-то деятельностью, не связанной с политикой (сюда не относятся молодые люди, имевшие свой собственный бизнес). Таковых оказалось большинство среди региональных законодателей — 46,8%, среди всех политиков федерального уровня — 13,5%.

«Бизнесмены» — представители молодой политической элиты, в прошлом занимавшиеся своим делом. Таковых 8% в регионах, 5,2% — среди депутатов ГД и 16,7% — от числа всех молодых высокопоставленных сотрудников министерств.

«Чиновники». Данный тип представлен людьми, работавшими на государственной службе. Разумеется, таковых абсолютное большинство среди высокопо-

ставленных сотрудников министерств — 66%. Среди депутатов как федерального уровня (ГД), так и регионального бывших госслужащих порядка 7,5%.

«Общественный деятель». Данный тип весьма слабо представлен среди молодых депутатов ГД текущего созыва (2,6%). В министерствах наше исследование таковых не выявило, а среди региональных депутатов бывшие общественные деятели (некоторые из них продолжают вести эту работу) составляют 6,5%.

«Публичная персона». Так мы назвали бывших спортсменов, актёров и т.п. Представителей этого типа в ГД оказалось без малого 8% от всех молодых депутатов. На региональном уровне публичных персон в политике лишь 1% от исследуемого нами массива. В министерствах данный тип не представлен.

«Политик». Мы посчитали нужным выделить отдельно этот тип, разведя партийную деятельность и занятия политической в каком бы то ни было виде. В регионах таковых оказалось больше, чем на федеральном уровне, а именно 5% против 2,6%.

Таблица 2

Типы образования глав субъектов РФ

Тип образования	Первое высшее образование		Второе высшее образование	
	Доля глав субъектов старшего поколения, % от общего количества	Доля глав субъектов молодого поколения, % от общего количества	Доля глав субъектов старшего поколения, % от числа получивших второе высшее образование	Доля глав субъектов молодого поколения, % от числа получивших второе высшее образование
Гуманитарное	6,5	25,0	8,1	0
Военное	14,3	0	0	0
Медицинское	1,3	0	0	0
Техническое	27,3	12,5	2,0	0
Экономическое	27,3	25,0	26,5	0
Юридическое	15,6	25,0	22,4	40,0
Управленческое	7,8	0	38,8	60,0
Спортивное	0	12,5	0	0

Отдельно мы отметили людей, которые одновременно занимались несколькими видами деятельности, ведущий из которых выявить было проблематично. Для определения политиков такого типа мы использовали понятие «совместители». На региональном уровне таковых суммарно 15,2%, на федеральном — 16,6%. Интересен тот факт, что наиболее часто депутаты любого уровня совмещают партийную и профессиональную деятельность.

Обсуждение результатов и выводы

Проведённые исследования позволили выявить у российской элиты важные характеристики, связанные с её социально-демографическим и психологическим измерениями, и сделать некоторые общие выводы.

◆ *Возраст*

Молодые люди в политике имеют ряд преимуществ перед своими старшими коллегами, поскольку скоротечность событий и необходимость быстро на них реагировать являлись условиями их социализации. Следовательно, само их сознание в гораздо большей степени готово функционировать в имеющейся

обстановке. При всём этом важно отметить тот факт, что представители старшего поколения политической элиты в России зачастую достигали своего статуса во многом благодаря имеющемуся у них жизненному и профессиональному опыту. В отличие от молодого поколения, представители которого занимают свои позиции сегодня в основном в результате наличия определённых ресурсов или проявления ими активности.

Иными словами, при всех достоинствах процесса омоложения политической элиты «подводным камнем» может оказаться то, что представители молодого поколения — это зачастую люди, в силу возраста не имеющие достаточного жизненного опыта, опыта управления людьми, выстраивания взаимодействия и формирования своей команды, а порой и опыта управления проектами, что может не самым лучшим образом сказаться на результатах их деятельности.

◆ *Социализация*

Большинство представителей молодой политической элиты (особенно депутатов) социализировались в городской среде, в отличие от тех же депутатов ГД РФ старшего поколения, треть которых со-

Таблица 3

Типология представителей молодого поколения политической элиты

Категория политиков	Депутаты региональных зак. собраний, % от общего количества	Депутаты Государственной Думы РФ, % от общего количества	Высокопоставленные сотрудники министерств, % от общего количества
Тип			
Профессионал	46,8	21,0	5,6
Партиец	10,0	44,7	0
Бизнесмен	8,0	5,2	16,7
Чиновник	7,5	7,8	67
Общественный деятель	6,5	2,6	0
Публичная персона	1,0	7,9	0
Политик	5,0	2,6	0
Совместитель	15,2	8,2	8,1

циализировалась в сельской местности, что, несомненно, сказывается на способах мышления и восприятии действительности: «городские» в гораздо большей степени обладают свободолобием, чувством уверенности в себе и широтой взглядов, однако у них зачастую сильнее развито чувство индивидуализма и отсутствуют реакции на социальные стимулы, что для публичного политика в некоторых случаях может быть не столько достоинством, сколько негативной характеристикой.

◆ *Образование*

Несомненным преимуществом молодой элиты является большая доля людей с гуманитарным образованием, поскольку политическая сфера — это та область, которая связана с межличностным взаимодействием, выстраиванием ценностных и идеологических ориентиров.

◆ *Карьерные траектории*

Проведя исследование, мы пришли к заключению, что молодое поколение политиков по способу прихода во власть довольно сильно отличается от старшего. Молодые люди оказались весьма политикоориентированными и достаточно прагматичными в плане выстраивания своей карьерной траектории. При этом можно отметить достаточно хорошо работающую систему рекрутинга молодых людей через партии.

На первый взгляд, такое количество «партийцев» может начать исправлять ситуацию, связанную с тем, что современный процесс рекрутирования элиты во многом утратил связь с гражданским представительством. Однако не стоит забывать о том, что причиной этого могут быть те факторы, которые в нашем исследовании были «оставлены за скобками». Речь идёт о таких тенденциях отечественного элитогенеза, как теневилизация и этнизация, т.е. усиление роли теневых технологий в рекрутинге, принадлежности к этническим и конфессиональным группам (подробнее см. [14, с. 104–105]).

Не стоит забывать и о тенденциях к самовоспроизводству правящей эли-

ты, т.е. о её аристократизме (вхождение во власть по принципу родства с действующими политиками и высокопоставленными персонами), а также об аффилированности с крупными корпоративными игроками, из-за чего усиливается роль патрон-клиентных отношений и сетевого менеджмента. Возможно, именно эти факты в какой-то степени и объясняют наличие такого большого количества «партийцев» среди молодых политиков (когда партия рассматривается как самый простой способ «ввода нового игрока»).

Анализ карьерных траекторий позволил нам прийти к следующим выводам о функционирующей системе рекрутинга.

1. Несмотря на значительные продвижения в своём качестве, система требует доработок и корректировок. В первую очередь это связано с тем, что существующие критерии отбора не всегда учитывают специфику политических процессов. Необходимы более детальная проработка и исследование ролевых аспектов политической деятельности, на основании которых были бы скорректированы и уточнены критерии отбора, а затем «перевзвешены» личностные параметры для каждой из ролей.
2. Требуется проводить ежегодные мониторинги форм и уровней рекрутирования молодой политической элиты и лидеров на основе данных социологических, политико-психологических исследований, а также статистических данных. Помимо этого, у молодой политической элиты должны быть сформированы система национальных ценностей и символов, а также идеологический фундамент.
3. Действующие молодые политики и потенциальные лидеры, проходящие через «жернова» системы отбора, требуют значительной работы с ними в силу ограниченности их опыта.

Полученные сведения, демонстрируя различия между политическими поколениями элиты, ещё раз доказывают необхо-

димось ротации и стадиальности изменений её персонального состава. Данные процессы с опорой на анализ личностных

особенностей представителей элиты позволяют не допустить её вырождения и избежать грубых политических ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясоедова В.А. Формирование института молодёжных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 19–27.
2. Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6. Вып. 1. С. 71–97. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.5>.
3. Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. 2005. № 7. С. 23–43.
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
5. Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 17 (4). С. 524–541.
6. Батанина И.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты // Вестник Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 3–15.
7. Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77.
8. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.
9. Семёнова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2003 / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.
10. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000.
11. Шестопад Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. Зима 2005–2006. № 4. С. 48–69.
12. Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. № 4 (837). С. 160–173.
13. Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262.
14. Соловьёв А.И. Российский элитогенез: универсальное и специфическое // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 3. Т. 3. С. 99–112.

ENGLISH

Modern Russian Political Elite: a Status-Role Analysis of Generations

Ivan Sergeevich Palitay – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, head of the projects 'A Young Generation of Russian Political Leaders: Political and Psychological Analysis' (19-011-31432) and 'Modern Russian Elite in Varying Political Development Paths: a Political-Psychological and Status-Role Analysis' (20-011-31386).
E-mail: 8321532@gmail.com

The relevance of modern Russian political elite generations study is due to the rapid changes of the events, new forms of communication and the need to adjust the recruitment process, i.e. it is necessary to choose between the experience of the older generation and open-mindedness and ability to respond to the rapidly changing situation of the younger one. The paper contains the results of a study of key social and demographic characteristics of the older and younger generations of deputies and governors, i.e. their gender, age, place of socialization, education, etc. The authors contemplate types of career paths of young political leaders: professionals, party members, businessmen, officials, public figures, politicians, part-timers.

The paper provides a general description of the young generation of political elite, describes its advantages and disadvantages in comparison with its older one, and highlights the main areas of need adjustments of the current system of recruiting young politicians. It includes the necessity to consider specific factors of political processes and activity based on roles when setting the selection criteria, to annually monitor the forms and levels of recruiting young leaders, to work with young politicians to broaden their experience, and to work with the system of national values and symbols, as well as the ideological foundation of young politicians.

Keywords: political elite, political generations, socio-demographic profile, deputies, governors, selection, recruitment

REFERENCES

1. Myasoedova V.A. Formirovanie instituta molodyozhnykh politicheskikh elit v kontekste politicheskikh preobrazovaniy v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2016. № 4. S. 19–27 (in Russian).
2. Pokatov D.V. Rekrutirovanie sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity kak rotatsiya politicheskoy i administrativno-korporativnoy elitnykh grupp // Vlast' i elity. 2019. T. 6. Vyp. 1. S. 71–97. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.5> (in Russian).
3. Ashin G.K. Ponyatie «elita» i ego rol' v politicheskikh issledovaniyakh // Filosofskie nauki. 2005. № 7. S. 23–43 (in Russian).
4. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity kak ob"ekt issledovaniy v otechestvennoy politicheskoy nauke // Politicheskaya nauka. 2016. № 2. S. 38–73 (in Russian).
5. Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. O problemakh sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity i vozmozhnykh napravleniyakh ikh razresheniy // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2017. № 17 (4). S. 524–541 (in Russian).
6. Batanina I.A., Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. O sostoyanii i mekhanizmaxh rekrutinga sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity // Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 3. S. 3–15 (in Russian).

7. Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. Rekrutirovanie molodykh politicheskikh liderov v sovremennoy Rossii: kanaly, formy, tekhnologii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 455. S. 68–77 (in Russian).
8. Radaev V.V. Millenialy: kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo. M.: ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2019 (in Russian).
9. Semyonova V.V. Sovremennye kontseptual'nye i empiricheskie podkhody k ponyatiyu «pokolenie» // Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik–2003 / Pod red. L.M. Drobizhevoy. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003. S. 213–237 (in Russian).
10. Mangeym K. Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskie ambitsii. M.: INION RAN, 2000 (in Russian).
11. Shestopal E.B. Politicheskaya sotsializatsiya i resotsializatsiya v sovremennoy Rossii // Politika. Zima 2005–2006. № 4. S. 48–69 (in Russian).
12. Palitay I.S., Mayorova M.A. Molodoe pokolenie rossiyskoy politicheskoy elity: sotsial'no-demograficheskiy profil' // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2019. № 4 (837). S. 160–173 (in Russian).
13. Palitay I.S., Danilova A.S. Regional'nye rukovoditeli novogo pokoleniya: rezul'taty politiko-psikhologicheskogo analiza // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 54. S. 252–262 (in Russian).
14. Solov'yov A.I. Rossiyskiy elitogenez: universal'noe i spetsificheskoe // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2010. № 3. T. 3. S. 99–112 (in Russian).

УДК 316.334.3

ГРНТИ 04.21.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ*

Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг.

Российская политическая система много лет сохраняла стабильность. Но теперь мы подходим к периоду так называемого транзита власти, связанного с окончанием в 2024 г. четвёртой легислатуры президента страны В.В.Путина. Эксперты, политики, учёные строят гипотезы о том, как в дальнейшем будет развиваться Россия, кто придёт на смену лидеру, произойдёт ли переход плавно или нас ждёт трудный период политических катаклизмов. Обычно аналитики гадают о возможном преемнике Путина, не ставя задачи разобраться в более глубоких процессах формирования нового поколения управленцев, которые и будут осуществлять «транзит». Но от того, кто будет управлять экономикой, социальной сферой, структурами безопасности в ближайшей перспективе, зависит стратегия развития России. В этой статье мы попытаемся создать коллективный портрет управленческой элиты «второго эшелона» власти, которая в недалёком будущем продвинется на первые позиции, выявить базовые тренды формирования этой группы, особенности жизненных траекторий людей, находящихся сегодня на низком старте.

Ключевые слова: Россия, будущее, прогноз, политическая элита, исполнительная власть, истеблишмент, политическая система, правительство, карьера, власть, управление

Анализом характеристик различных групп элиты занималось не много российских исследователей. Среди наиболее значимых работ, посвящённых анализу механизмов формирования российской национальной элиты, можно выделить работы О.Гаман-Голутвиной [1], Б.Головачёва, Л.Косова и Л.Хахулиной [2, 3], М.Афанасьева [4],

Г.Ашина [5], А.Дуки [6] и др. Отдельно стоит отметить работы Г.Борщевского [7] и Д.Тева [8], посвящённые особенностям рекрутирования политико-административной элиты России, а также труды Н.Алтуховой [9], И.Андросенко [10], М.Бурды [11], Г.Зубарева [12], К.Константинова [13], А.Кочеткова [14], И.А.Лаврова [15, 16]. Эти работы затра-

* **Крыштановская Ольга Викторовна** — доктор социологических наук, директор Центра изучения российской элиты Государственного университета управления, руководитель проекта «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030» (19-011-31467).
E-mail: olgakryshst@ya.ru

гивают некоторые аспекты формирования элиты, используя различные методологические решения, но страдают недостаточной глубиной осмысления генезиса становления нового управленческого класса. Остаётся неясным, что выявленные факты говорят в целом о характере политической системы современной России, а значит не позволяют формировать научно обоснованные ожидания и прогнозы по её дальнейшему развитию. Наше исследование призвано устранить «белые пятна» в этом социальном поле как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах.

Методы и подходы

Ставя задачу выявления основных трендов формирования управленческой элиты страны, в качестве объекта изучения мы выбрали заместителей министров и руководителей федеральных ведомств РФ. Всего в выборку вошли 370 человек, занимающих посты заместителей руководителей федеральных ведомств (министерств, агентств, служб и др.).

Наше правительство, согласно ст. 32 Федерального конституционного закона № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»¹, состоит из двух частей: 19 ведомств находятся в непосредственном подчинении Президента страны, другими 53 ведомствами управляет председатель правительства. На официальном сайте правительства РФ эти ведомства обозначены различными цветами: красным — ведомства, находящиеся под прямым управлением Президен-

та РФ, синим — ведомства под управлением премьер-министра². Мы также иногда будем называть эти группы ведомств «красными» и «синими». В «красную» группу входят пять министерств (МВД, МЧС, МИД, Минобороны, Минюст), 10 служб (ФСБ, СВР, ФСО, ФССП, ФСИН, ФСВТС, ФСТЭК, ГФС, Росгвардия, Росфинмониторинг), 2 агентства (Росотрудничество и Росархив), 2 управления (ГУСП и УДП). В «синюю» группу входят 53 ведомства: 17 министерств, 18 служб, 17 агентств, одно казначейство. Количество заместителей руководителей этих ведомств следующее: 276 чел. являются заместителями руководителей ведомств, находящихся под управлением премьер-министра, и 94 чел. — ведомств, находящихся под прямым управлением Президента РФ.

Исследование «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг.» было проведено на базе использования биографического анализа. Источником информации были только биографии, опубликованные на открытых интернет-порталах. Основными источниками исследования были: сервер органов государственной власти «Официальная Россия»³, официальный сайт Президента РФ⁴, Официальный сайт правительства РФ⁵, сайт партии «Единая Россия»⁶, сайт общероссийского народного фронта⁷, сайт доверенных лиц Президента РФ⁸, сайт кадрового резерва Президента⁹, а также официальные сайты федеральных ведомств, органов управления субъектами Российской Федерации и другие, пользующиеся репутацией надёжных источ-

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17107/ (дата обращения: 14.10.2020).

² <http://government.ru/ministries/> (дата обращения: 14.10.2020).

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17107/ (дата обращения: 14.10.2020).

⁴ <http://www.gov.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

⁵ <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

⁶ <http://government.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

⁷ <https://er.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

⁸ <https://onf.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

⁹ <https://goputin.ru/11995-spisok-doverennyh-lits-prezidenta-rossii-vladimira-putina.html> (дата обращения: 14.10.2020).

ников¹. Вся доступная информация была формализована, классифицирована, закодирована и введена в специально созданную базу данных, разработанную для этого проекта.

Для выявления трендов мы проводили сравнительный анализ. *Во-первых*, сравнивались показатели заместителей министров и министров. Всего для сравнения использовалась информация о 67 первых лицах, среди которых 22 министра, 19 руководителей федеральных агентств, 28 руководителей федеральных служб. *Во-вторых*, мы проводили сравнение разных поколенческих когорт изучаемой группы. Выборочная совокупность была разделена на 4 группы по датам рождения: 1) группа чиновников, рождённых в 40–50-е гг. XX в. («поколение Путина»). Таких в выборке было 71 чел. 2) Группа чиновников, рождённых в 1960-е гг. («поколение Медведева») — 116 чел. 3) Группа чиновников, рождённых в 1970-е гг. («поколение X») — 138 чел. 4) Группа чиновников, рождённых в 1980-е гг. («поколение Y») — 27 чел.

Одной из важных задач нашего проекта было вычленение и описание тех чиновников, которые с наибольшей вероятностью сформируют истеблишмент будущего 10-летия. Каким образом можно было бы спрогнозировать состав будущей элиты? Для выявления самых перспективных чиновников «второго ранга» мы использовали поэтапную стратегию. На первом этапе были отобраны те, чья мобильность имеет строго вертикальную траекторию. На втором этапе среди этой группы выбирали подгруппу, возраст которых позволяет им и дальше двигаться в восходящей волне. На следующих этапах мы искали людей, которым присвоен максимальный для их возрастной группы гражданский чин государственной службы. А также тех, кто входил в кадровый резерв Президента РФ.

Гендер и возраст

Изучение 370 человек заместителей руководителей федеральных ведомств показало, что эта группа имеет ряд особенностей, отличается неоднородностью и высоким темпом вертикальной мобильности. Соотношение мужчин и женщин среди заместителей министров составило 83% к 17% соответственно. Средний возраст — 50,6 лет. Присутствие женщин на втором этаже власти почти в два раза больше, чем среди первых лиц правительства. Этого, однако, недостаточно для констатации тренда повышения гендерной дифференциации в высшем классе российского общества. По этой причине мы разделили группу замминистров на две возрастные когорты (рождённых в 50–60-е гг. и 70–80-е гг.). Этот анализ показал, чем моложе чиновники, тем больше среди них женщин. Наличие этого тренда позволяет нам сделать предположение, что *и в ближайшее 10-летие доля женщин в российском истеблишменте будет расти и достигнет, вероятно, 12–18%*.

Доминирующая возрастная когорта в действующей правительственной элите — рождённые в 1970-е гг. Школьные годы тех, кто родился в 1970–1980-е гг., пришлось на советский период. Самые старшие из них помнят элементы советского образа жизни, большая же часть формировалась в условиях перестройки, когда общество пришло в движение. Они проходили социализацию в отсутствии стабильности, устоявшихся норм и ценностей. Всё подвергалось сомнению, пересматривались незыблемые ранее идеологические каноны, разоблачались ошибки власти, в информационном пространстве царил плюрализм мнений и оценок. В экономике стремительно появлялись новые формы собственности, развивался рынок, шли тектонические сдвиги в законодательной базе. Многие из представителей поколения XY начинали свою трудовую деятельность с бизнеса, не пона-

¹ <https://gossluzhba.gov.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).

слышке знакомились с его особенностями в России. Часть молодых людей поколения ХУ получила возможность путешествовать по миру уже в детские и юношеские годы, изучать иностранные языки. Эти путешествия изменили мировоззрение поколения: они начали лучше понимать культуры других стран, стали более открытыми к диалогу, восприимчивыми к новшествам, что формировало у них большую готовность изменять привычный порядок вещей в своей стране. Добавим к этому широкое внедрение Интернета и связанное с ним изменение повседневности. Социальные сети дали этому поколению широкий круг контактов, в том числе и международных. Постоянно расширяющееся информационное поле сделало доступной любую информацию, приучило жить в условиях прозрачности и высокой мобильности. *Выход на лидирующие позиции поколения ХУ окажет неизбежное влияние на стиль и направленность государственной политики из-за тяготения молодых управленцев к большей открытости и склонности к глобальному мировоззрению.*

География и происхождение

Но ментально поколение рождённых в 70–80-е гг. XX в. неоднородно, так как они проходили социализацию в совершенно разных условиях и системах координат. Одна часть руководителей второго эшелона происходит из благополучных семей Москвы (27,0%) и Санкт-Петербурга (5,9%). Официальные биографии почти не дают нам информации о социальном статусе родителей наших респондентов, но по самому факту рождения в столицах и дальнейшему продолжению обучения в лучших столичных вузах можно предположить, что они либо хорошо учились в школе, либо имеют состоятельных родителей, которые помогли старту их карьеры.

Другая часть изучаемой совокупности родом из российской провинции. Их путь к высоким постам был сложнее, о чём пойдёт речь ниже. Всего обнаружен 41 субъект Федерации, откуда родом управленцы второго уровня. После Москвы и Петербурга третьим городом-поставщиком управленческих кадров стал Красноярск (рис. 1).

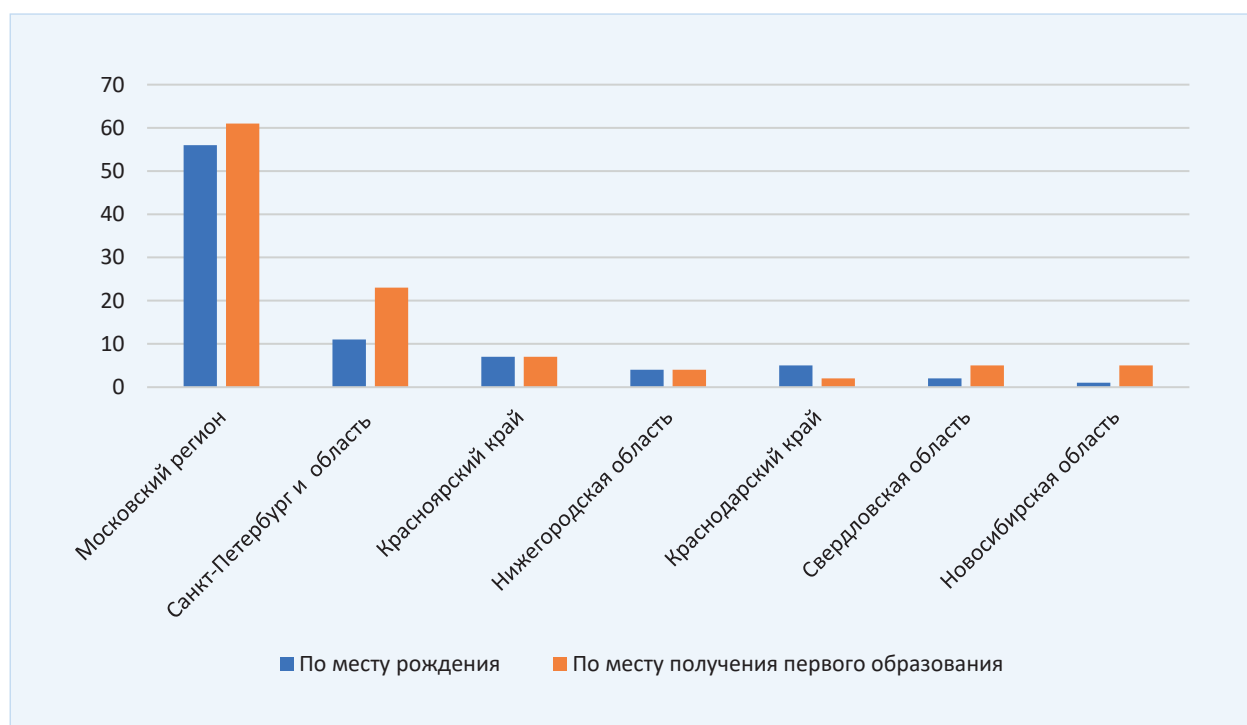

Рис. 1. Регионы – поставщики будущей элиты России, чел.

Уроженцы двух столиц — Москвы и Санкт-Петербурга — и регионалы из таких городов, как Красноярск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, представляют собой почти равные по численности группы, идущие в элиту. Это два основных потока вертикальной мобильности, несущие в высший класс людей с разным социальным бэкграундом и разной ментальностью. Эти два восходящие потока означают, что *на правительственном уровне востребован опыт как столичной интеллигенции, закончившей лучшие вузы страны, так и провинциалов, знающих реалии глубинки.*

Образование

Сегодня управленческая элита страны — одна из самых образованных групп российского общества. Высшее образование имеют 100% заместителей министров. Два диплома об окончании вузов получили 180 чиновников, три и более — 43 чел., учёные степени — 26 чел. Их восхождение началось именно с поступления в лучшие вузы двух крупнейших городов России. Выпускники московских вузов составляют почти 90% изучаемой группы. Но открывает путь наверх для молодых людей окончание определённых вузов, которые можно назвать «элитными», так как они являются главными поставщиками кадров современного российского истеблишмента. Это МГУ им. Ломоносова, МГИМО, МЭСИ, Академия ФСБ и СПбГУ, догоняет их НИУ Высшая школа экономики. Но особую роль в подготовке кадров для высших постов в правительстве РФ играет Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). Почти 20% респондентов были слушателями образовательных программ этого вуза. Получение диплома РАНХиГС прямо связано с дальнейшим карьерным ростом. Сегодня РАНХиГС занимает лидирующие позиции в подготовке управленческой элиты.

Среди городов, в которых представители управленческой элиты получали об-

разование, уверенно лидирует Москва. Именно здесь учились и повышали квалификацию 61,2% министров и 66,5% заместителей руководителей федеральных ведомств. Второе место, хотя и с большим отрывом от столицы, у вузов Санкт-Петербурга — 14,9% министров и 13,4% заместителей министров получили образование в этом городе. Число питерских выпускников имеет наибольшую концентрацию среди поколения, рожденного в 60-е гг. XX в. Надо отметить, что в поколении тех, кому меньше 40 лет, образование, полученное в Санкт-Петербурге, играет меньшую роль при назначении на должность, чем это было в начале президентства Путина.

Среди региональных учебных заведений лидерами на сегодняшний день являются красноярские вузы, в которых было подготовлено 10 заместителей министров (Красноярский государственный аграрный университет — 4 чел., Красноярский государственный университет — 4 чел., Красноярский политехнический институт — 2 чел.). Хорошие показатели также у Уральской государственной юридической академии — 3 чел., Кубанского государственного университета — 3 чел.

Но настоящая кузница правительственных кадров сегодня — РАНХиГС. Если по первому высшему образованию среди вузов лидирующие позиции занимает МГУ им. Ломоносова, то анализ совокупности всех полученных чиновниками дипломов выводит на первые позиции Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 70 из 370 респондентов в разное время были слушателями программ профессиональной переподготовки даного вуза (рис. 2). Это позволяет предположить, что *РАНХиГС и в ближайшее 10-летие останется лидером в подготовке управленцев для правительства.*

Характер образования

В советские годы приоритетным у элиты было инженерно-техническое образо-

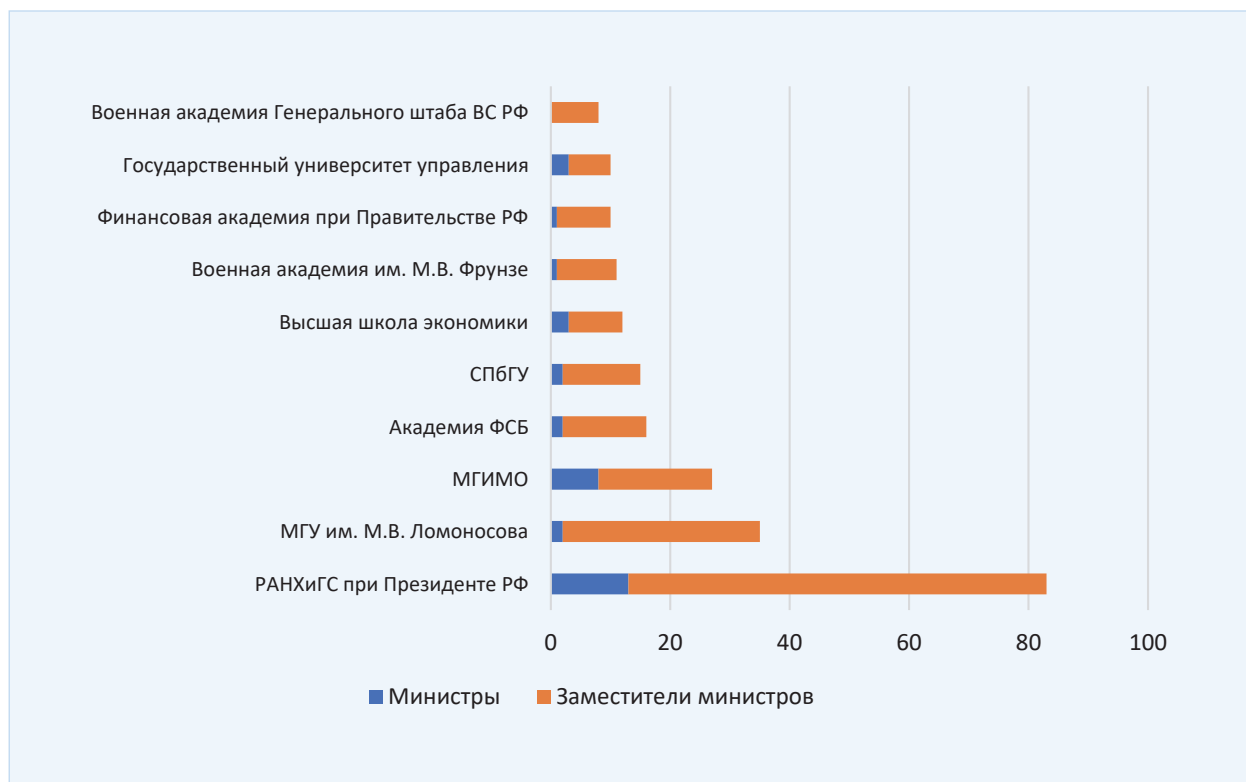

Рис. 2. Вузы – основные поставщики управленческой элиты

вание. Какова превалирующая специализация в образовании сегодняшних управленцев? Наши данные демонстрируют серьёзное изменение тренда: инженеров с каждым поколением становится всё меньше. Техническое образование остаётся востребованным, но только для выходцев из российских регионов. Молодые управленцы предпочитают юридическое и экономическое образование всем прочим. Это значит, что правительственная элита в ближайшие годы будет наполняться специалистами с универсальным образованием, дающим знания как экономики, так и законодательной базы (рис. 3).

Приметой нашего времени стало наличие в структурах государственной власти людей с военным и специальным образованием. Максимальная востребованность «силовиков» приходилась на поколение шестидесятников, потом наблюдается снижение их доли. Чаще всего управленцы с силовым бэкграундом заканчивают высшие военные училища Министерства обороны (48 чел.), вузы МВД (16 чел.)

и специальных служб (12 чел.). *Мода на «силовиков» особенно ярко проявила себя в 2000-х гг., но теперь в процентном отношении их доля стабилизировалась на уровне 23–25%.* По данным нашего исследования, доля специалистов, получивших подготовку в военных училищах и академиях, больше среди заместителей, чем среди министров. Это говорит о том, что численность силовиков в управлении страной стабилизировалась, оформились границы зоны их применения. Это прежде всего сферы безопасности, электронных коммуникаций, контроля над финансами.

В «синей» зоне правительства число управленцев, имеющих основное военное образование и занимающих должности в гражданских министерствах и ведомствах, составляет 29 человек (54,7%). Заместители министров с военным и специальным образованием работают в Минздраве, Минтрансе, Минспорте, Минкавказе, Минтруде, Минкомсвязи, Минэкономразвития (41,2%); в 7 из 18 гражданских феде-

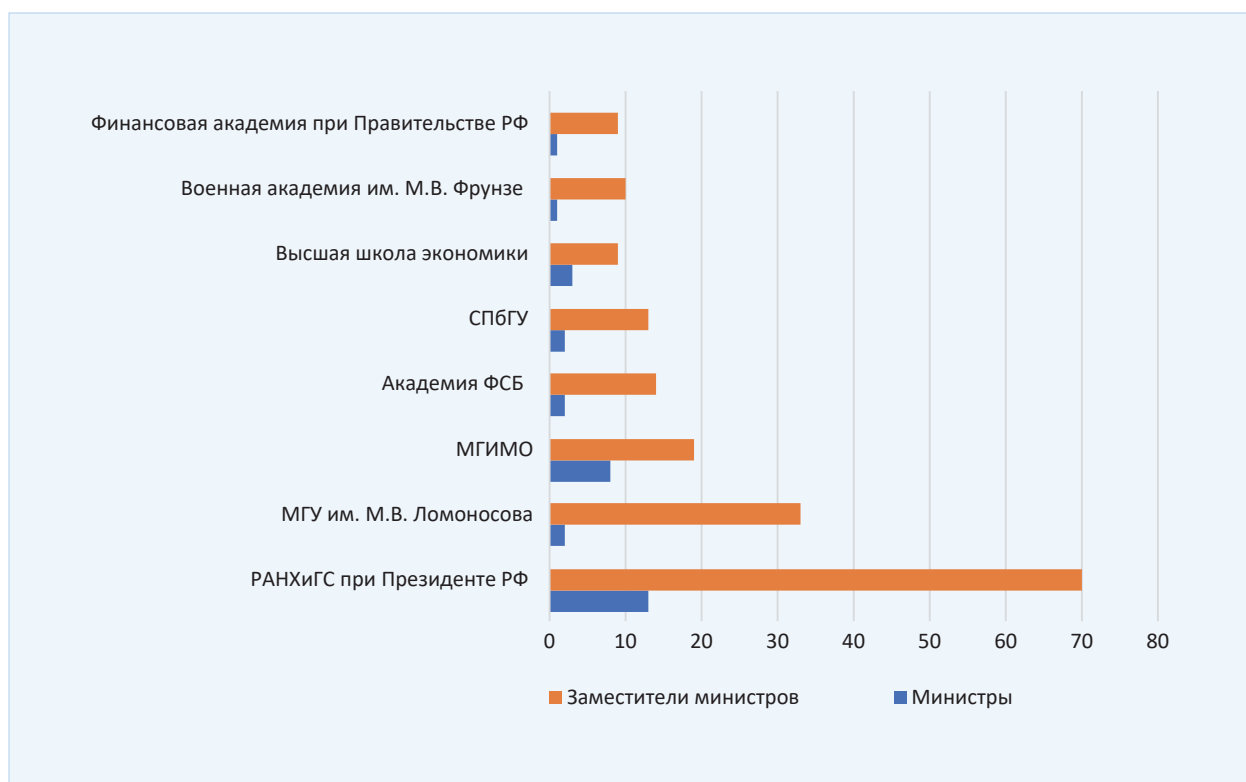

Рис. 3. Характер образования у разных поколений заместителей министров

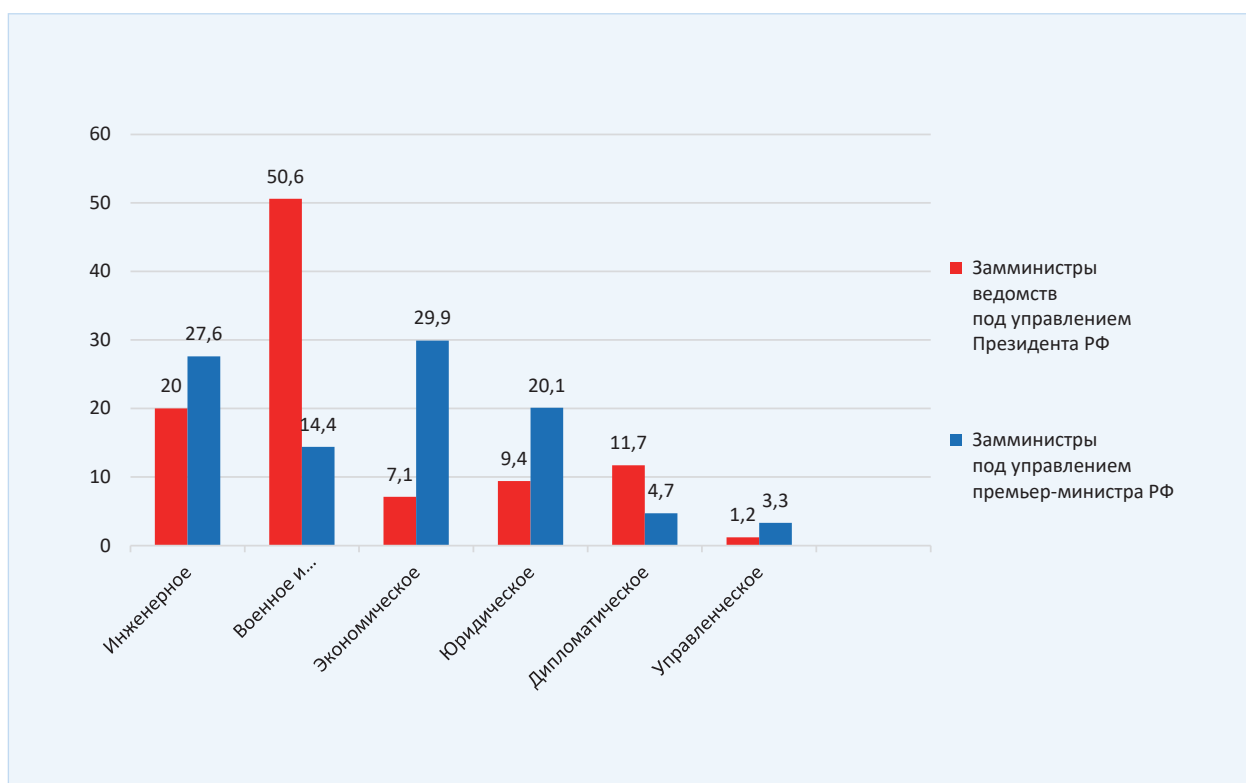

Рис. 4. Характер образования заместителей руководителей федеральных ведомств, находящихся под управлением Президента и премьер-министра РФ (по первому высшему образованию), %

ральных служб (ФАС, ФНС, Росреестр, Роспатент, Роскомнадзор, Росалкогольрегулирование и Ростехнадзор); в 10 из 17 федеральных агентств (Росавтодор, Росавиация, Росжелдор, Росморречфлот, Роспечать, Росрыболовство, Росимущество, Россвязь, ФАДН, ФМБА), а также в Федеральном казначействе.

Наши данные говорят, что присутствие чиновников с военным образованием в гражданских правительственных ведомствах существенно больше, чем присутствие гражданских — в силовых и правоохранительных структурах (рис. 4).

Типы карьер

Анализ переходов и типов карьер строился на следующих принципах. Были выделены основные сферы деятельности, которые говорят о приобретении необходимого для политика опыта. Мы считали, что важную роль для формирования политика имеет работа в региональных структурах власти, в парламентах как федерального, так и регионального уровней, в администрации Президента РФ и аппарате правительства, в силовых и правоохранительных ведомствах, в бизнесе (как госкорпорациях, так и в частных структурах). Учитывался также опыт работы за рубежом.

Понимание, какой именно опыт сформировал человека, какие «социальные сита» (термин Питирима Сорокина) ему пришлось пройти, как и где проходила профессиональная социализация, даёт нам представление (хотя и косвенное) о его образе мыслей. А поскольку мы говорим о людях, которые находятся на важных государственных постах, то именно от их опыта по сути зависит то, как живёт страна. Для анализа карьерных траекторий мы выделили следующие наиболее распространённые типы мобильности.

Федеральный чиновник — к этому типу мы относили респондентов, которые сразу после окончания вуза пришли на работу в федеральное ведомство и затем поднимались по служебной лестнице внутри этого ведомства или внутри бло-

ка правительства (например, такой чиновник мог перемещаться между Минэкономразвития, Росаккредитацией и Росреестром, которые находятся в ведении министерства). Это чиновники, глубоко специализированные в своей сфере (например, специалисты по финансам). Они начинали путь с низовых позиций в ведомстве и постепенно поднимались до высоких должностей. Они не имеют много профессионального опыта, нежели работа в столичных ведомствах. Особенно много таких управленцев мы обнаружили в поколении XY — 19,4%.

Региональный чиновник — тот, кто начинал карьеру в региональных администрациях, а затем перешёл на федеральный уровень (11,2%). Среди действующих министров люди с опытом работы в региональных администрациях составляют 29,8%. Такой значительный поток из регионов в правительство показывает важность данного типа перехода. Работа в региональных органах исполнительной власти даёт человеку понимание «жизни на земле», углубляет его представление об особенностях процесса управления в провинции, даёт возможность ближе взаимодействовать с другими органами власти, правоохранительной системой, бизнесом, СМИ, общественными организациями. Этот тренд набирает силу и достигает максимума у 40-летних заместителей министров.

Депутат-чиновник — к этой группе мы отнесли тех, кто вошёл в систему власти, избираясь в легислатуры любого уровня, а потом перешёл в бюрократию. Избрание в качестве депутата позволяет понять устройство публичной политики, законодательного процесса, требует умения выступать публично, общаться с избирателями, широкой общественностью. Это даёт политический опыт, который может прямо не использоваться правительственным чиновником в его повседневной практике, но безусловно расширяет кругозор и делает выше его шансы стать универсальным политиком.

Рис. 5. Опыт работы в силовых структурах заместителей министров разных поколений, %

Наши прежние исследования российской элиты показывали, что для нашей политической системы характерно разделение истеблишмента на две группы, которые почти не перемешиваются: бюрократию и *электократию* [17]. Первые традиционно работают в органах исполнительной власти, где их *назначают* на должность. Вторые должны *избираться* на выборах. Эти виды деятельности требуют разных навыков: бюрократы работают, как правило, анонимно в командах, электократы зарабатывают авторитет личной привлекательностью, публичными выступлениями [18].

В данном исследовании были обнаружены признаки того, что бюрократическая и электократическая системы стали более проницаемыми, чем раньше. При определённых условиях депутат может менять мандат на кресло федерального чиновника, а чиновник — на какое-то время пойти в парламент (Совет Федерации или Государственную Думу), чтобы переждать сложные времена. Так, среди действующих министров более 7% имеет парламентский опыт. Среди заместителей министров таких всего 2,6%. Причём в по-

колении ХУ таких всего 2 человека (Александр Крутиков, который начинал как муниципальный депутат, и Игорь Кошин, который был и региональным депутатом, и членом Совета Федерации ФС РФ).

Бизнесмен-чиновник — тот, кто в начале своей карьеры занимался предпринимательской деятельностью, работал в частных компаниях (97 чел.). Это самый распространённый тип карьеры, особенно для тех заместителей министров, которые начали свой путь не в столицах, а в провинции. По данным нашего исследования, в госкорпорациях поработали 28,3% заместителей министров, в частных компаниях — 34,9%. Такой тип социализации, безусловно, накладывает отпечаток на дальнейшую деятельность специалиста, который начинает работать в правительственных структурах. В поколении Путина опыт работы в компаниях был у относительно небольшого числа чиновников, но чем моложе управленцы, тем больше среди них тех, кто прошёл школу коммерческих структур. Максимальных показателей этот индикатор достигает у представителей поколения X — более 40% работали в госкорпорациях, и около

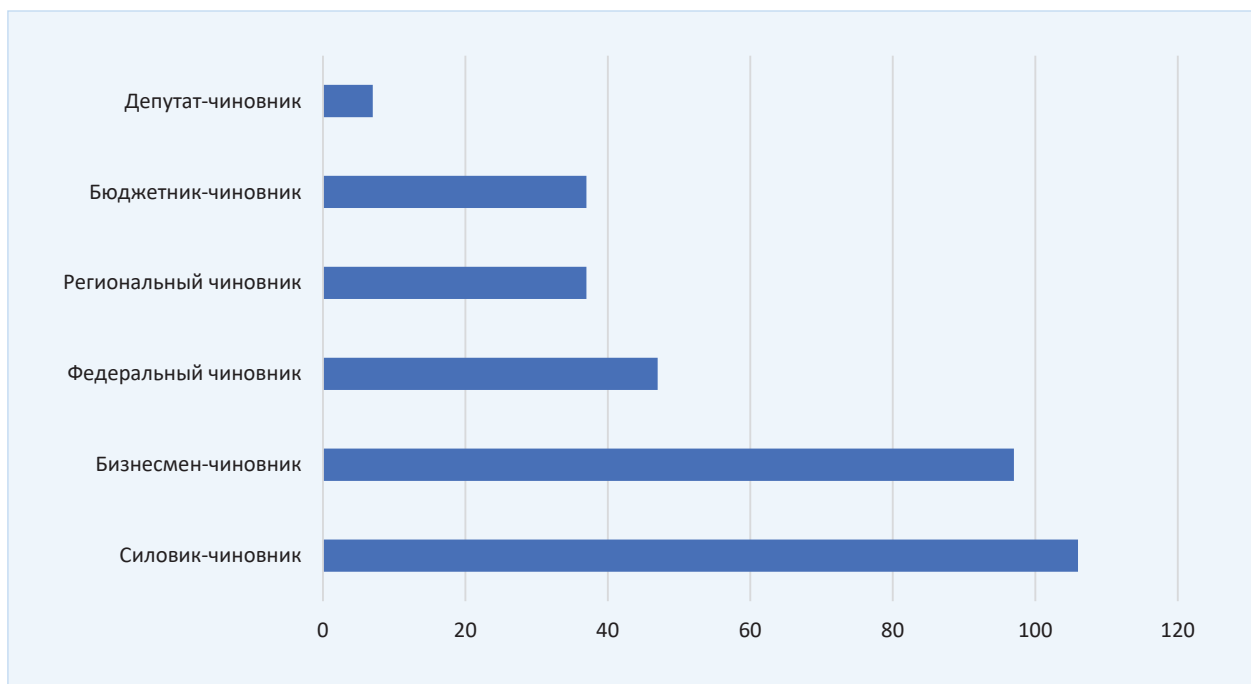

Рис. 6. Типы карьер заместителей министров, чел.

50% — в частных фирмах и банках. Можно предположить, что они обладают предпринимательским мышлением, умеют брать ответственность на себя, генерируют идеи, быстро осваивают новое, оперативно решают возникающие проблемы, способны рисковать и т.п.

Силовик-чиновник — чиновник, начавший карьеру в силовых и правоохранительных структурах, как правило, имеющий военное или специальное образование, затем перешедший в правительственные структуры (106 чел.). Одна из наиболее распространённых траекторий в циркуляции элитных кадров — это переход военных на гражданскую службу. Из них 57,4% продвигаются по службе в «красных ведомствах», находящихся под прямым управлением Президента РФ, а 42,6% переходят на руководящие позиции в гражданских ведомствах. Особенно высока концентрация силовиков в следующих «синих» ведомствах: структурах Минфина (ФНС, ФТС, Росалкогольрегулирование, Казначейство), Минкомсвязи (Роспечать, Россвязь, Роскомнадзор) и Минтранса (Росавиация, Росавтодор, Росморречфлот). Тренд тут такой: чем моложе чиновники,

тем меньше среди них силовиков. Максимальные значения (53,8%) этот показатель имеет в группе управленцев поколения рождённых в 1950-е гг. или раньше. Постепенно их присутствие на втором этаже исполнительной власти снижается, достигая 14% у тех, кто моложе 40 лет (рис. 5).

Бюджетник-чиновник — ещё один тип карьеры управленца, который начал карьеру в бюджетной сфере — больницах, школах, вузах, научно-исследовательских институтах, системе ЖКХ и проч. (37 чел.) (рис. 6).

Закрытые и открытые карьеры

Существует группа правительственных чиновников, которые никогда не меняли ведомства и всю жизнь работали в одной структуре. Такого типа карьеры можно назвать *герметичными*. Узкоспециализированные чиновники работают, как правило, в силовых структурах и характеризуются вертикальным восхождением по линии МВД, ФСБ, прокуратуры и др. Герметичные карьеры имеют и многие дипломаты, поднимаясь во внутренних лифтах Министерства иностранных дел. Но есть и гражданские ведомства,

которые отличаются узкой специализацией. Это прежде всего надзоры (Роспотребнадзор, Россельхознадзор, Рособрнадзор), Росстат, Минприроды, ФАС и др.

Такого рода специалисты нужны федеральным ведомствам, так как готовят специалистов, разбирающихся во всех тонкостях процесса принятия решений в своей узкой области. Отличный финансист не нуждается в опыте работы в сельском хозяйстве или региональном парламенте. Он эффективен именно потому, что великолепно знает свою узкую специальность. Но сможет ли он подняться выше, стать первым лицом ведомства, публичным политиком? Анализ биографий действующих министров показывает, что 9 из 67 министров имели такой закрытый тип карьеры. Прежде всего это относится к руководителям, возглавляющим силовые ведомства (например, глава ФСБ А. Бортников). Д.М. Кириллов, возглавляющий Федеральное агентство водных ресурсов, всю жизнь проработал в структурах Минприроды. Министр финансов РФ Антон Силуанов начал работать в министерстве ещё в советские времена и никогда не переходил в другую сферу деятельности. Его коллега Роман Артюхин тоже начинал в Минфине, но впоследствии перешёл на работу в Казначейство России, а затем и возглавил его. Сфера деятельности Артюхина оставалась той же — финансы.

Опыт работы в *Администрации Президента (АП) РФ* имеет особое значение для дальнейшего прогноза развития потенциала политика. По данным нашего исследования, в АП работало всего 9,7%. Максимальное число чиновников, прошедших школу Администрации Президента РФ, принадлежат к поколению 70-х гг. — 15 чел. Меньше всего таких в поколении Y — один человек. В *аппарате правительства* трудилось также небольшое число респондентов — 7,1%. По самой молодой группе ситуация лучше: 16% тех, кому менее 40 лет, имеют опыт работы в аппарате правительства.

Данные позволяют сделать вывод, что какая-то часть специалистов, имеющих герметичный карьерный трек, способна подняться наверх и вырасти до уровня первого лица ведомства. Но все же мейнстрим для вертикальной карьеры управленцев — это сложный путь со сменой географии и сферы деятельности.

Скорость карьеры

Одним из факторов, влияющих на дальнейшую политическую судьбу чиновника, является скорость, с которой он продвигался вверх. Здесь мы будем понимать под *скоростью карьеры* число лет, прошедших от начала трудовой деятельности до момента назначения на должность заместителя министра или заместителя руководителя федерального ведомства. Позиции замов занимают как возрастные чиновники, карьера которых подходит к концу, так и молодёжь, стремительно врывающаяся в группу принимающих государственные решения. Особый интерес представляет именно группа молодых управленцев, движущихся вверх с высокой скоростью.

Для выявления тех, кто сделал стремительную карьеру, мы посчитали среднюю скорость карьеры для заместителей министров. Биографический анализ показал, что замминистрам потребовалось в среднем 22,3 года для достижения «второго этажа» власти. Причём с каждым годом средняя скорость карьеры увеличивается. Так, если для поколения Путина путь до второй строчки иерархии занимал в среднем 28 лет, для поколения Медведева — 27,9 лет. Резкое ускорение мобильности кадров произошло для поколений 70-х и 80-х: им потребовалось соответственно 17 и 12 лет.

Это говорит о том, что власть ведёт целенаправленную работу по поиску резерва кадров, которые будут способны занять первые позиции через несколько лет, понимая опасность одновременного старения команды Путина. Усилия по формированию новой элиты предпринима-

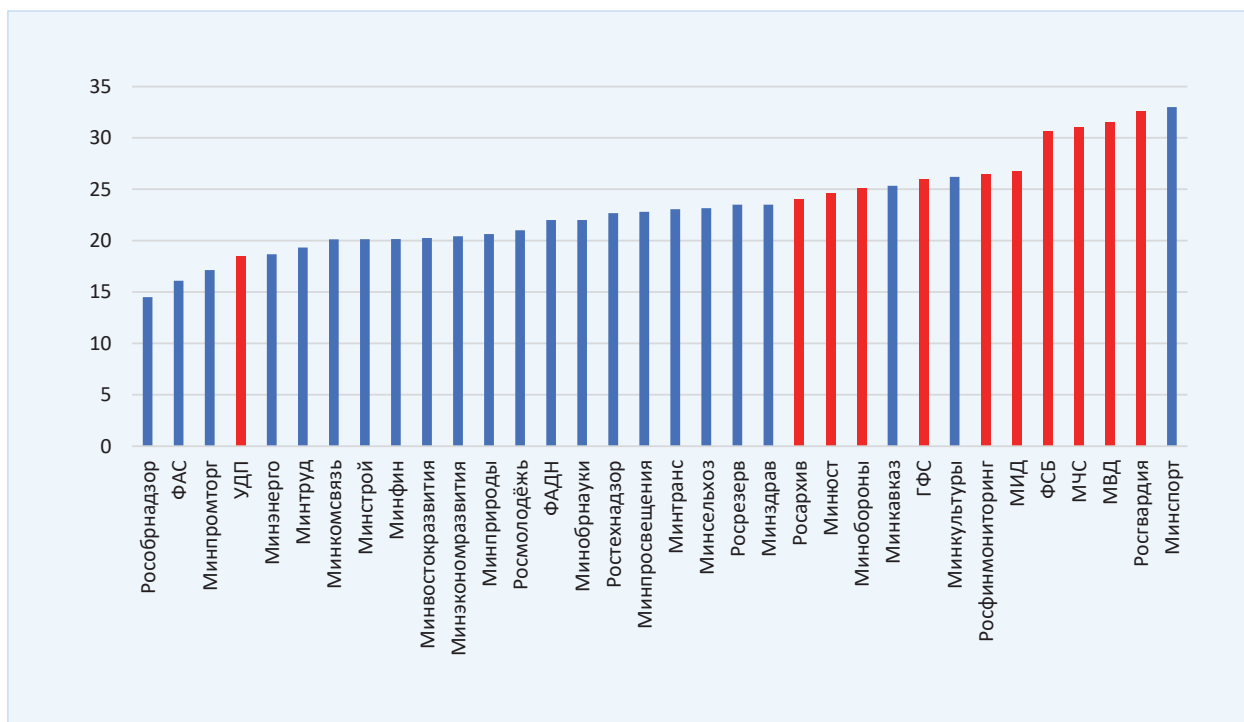

Рис. 7. Средняя скорость карьеры в «красных» и «синих» ведомствах, лет

лись и раньше. Например, в 2006–2007 гг. в правительство пришло несколько молодых политиков, которые затем укрепили свои позиции. Но сейчас мы видим другой процесс: массовое движение наверх молодых, которое происходит в разных сегментах государственной машины.

Наши данные говорят о том, что скорость карьеры силовиков медленнее, чем у экономического блока правительства. Так, замминистрам в силовых ведомствах нужно в среднем 26,7 года, в то время как для этой же группы в экономическом блоке правительства на 6 лет меньше. Самыми «неторопливыми» ведомствами, где карьера чиновников требует больше всего времени, являются Росгвардия (32,6 лет), Министерство спорта (33 года), МВД (32,5), МЧС и Ространснадзор (по 31 году), ФСБ (30,67) и ФСИН (по 30 лет). Почти половине чиновников, пришедших из силовых ведомств (48,7%), потребовалось более 25 лет на то, чтобы достичь второго этажа власти (рис. 7).

Медленные карьеры также у дипломатов, которые обычно имеют герметичный

карьерный трек, дающий им опыт работы только в одном ведомстве — МИДе.

Высокоскоростные карьеры характеризуют чиновников экономического блока правительства (Минэкономразвития, Росаккредитации, Росстандарт и др.).

Цифры свидетельствуют также о том, что выходцам из регионов требуется в среднем 24 года для достижения поста замминистра, а москвичам и питерцам — в среднем на три года меньше. Это связано с тем, что путь из провинции в центр более тернист, а также с тем, что практически все силовики — выходцы из регионов. Военная система образования и сложность преодоления препятствий на пути к центральной власти вызывают этот перекос: регионалы и силовики — более возрастные, а самые молодые управленцы представляют Москву и Санкт-Петербург.

Драйвером карьеры является также работа в бизнесе, особенно в крупных корпорациях. Такие позиции в карьере имеют, главным образом, чиновники из экономического блока правительства: они в 4 раза чаще силовиков имеют опыт

работы в госкорпорациях и в 2,5 раза — опыт работы в частных коммерческих структурах.

Элита 2020–2030: четыре типажа

На основе анализа данных мы можем попытаться нарисовать портрет элиты недалёкого будущего, экстраполируя обнаруженные тренды. Здесь можно с достаточной уверенностью предположить социально-демографические изменения состава управленческой элиты: она помолодеет, увеличится доля женщин. С другими параметрами сделать выводы сложнее, так как были обнаружены различные тренды в рекрутации группы.

Наше исследование выявило четыре основных типа восходящих управленцев, которые отличаются происхождением, образованием, опытом, даже ментальностью (рис. 8), насколько об этом можно судить в рамках биографического анализа. Охарактеризуем кратко каждый типаж.

Первый тип: московский юрист-экономист

Один из самых распространённых типов среди чиновников, набирающих силу. Это мужчина 40 лет, родившийся в Москве или — реже — в Санкт-Петербурге, получивший образование в престижном столичном вузе (чаще всего МГУ им. Ломоносова). Высокие конкурсы в лучших вузах обеих столиц позволяют предположить, что молодые люди, закончившие их, или блестяще учились в школе и набрали высокий балл ЕГЭ, или имеют состоятельных родителей, способных оплачивать качественное образование. Как правило, представители этого типа получили два высших образования: юридическое и экономическое (или в обратном порядке), имеют учёную степень кандидата наук. Часть управленцев этого типа училась за границей и получила степень МВА. Многие до государственной службы не имели никакого опыта работы (герметичный тип карьеры). Но кто-то работал в коммерческих структурах (главным

образом, в крупных банках или госкорпорациях). Быстрому прохождению этапов карьеры зачастую способствовали влиятельные родственники, работающие в федеральных структурах власти или крупном бизнесе. На социализацию представителей этой группы большое влияние оказал опыт учёбы за границей и работы в бизнес-структурах. Это определяет их ментальный типаж: они глобалисты, более приверженные духу рынка и свободы. Многие из них хотели бы видеть Россию открытой страной.

Второй тип: регионал

Второй по распространённости тип управленца чуть старше — ему 42 года. Он родился в столице одного из российских регионов. По образованию это чаще всего инженер или экономист. У такого человека имеется довольно разнообразный опыт: он попробовал себя и в частном бизнесе, и в мэрии или администрации субъекта Федерации. Поехал в Москву повышать квалификацию в РАНХиГС. Часть регионалов получила степень МВА в одном из западных университетов (чаще всего американских или европейских). Этот тип чиновника отличают пёстрый бэкграунд и большой житейский опыт, который помогает им успешно продвигаться внутри властных структур. Они самые амбициозные и гибкие.

Третий тип: силовик

Это численно небольшая, но очень влиятельная группа в растущем поколении истэблшмента. Средний возраст — 44 года, группа состоит почти исключительно из мужчин. Большинство из них родились в провинции, там же получили образование (главным образом, в высших военных училищах). Если для гражданских лиц высшей образовательной ступенью была Академия народного хозяйства и государственной службы, то для военных эту роль играют Академия генерального штаба Министерства обороны РФ и Академия ФСБ. Ментально этот тип противоположен столичным юристами и экономистам. Как правило,

это выходцы из малообеспеченных семей, которым пришлось пробиваться самостоятельно. Они преданы своей корпорации, которая воспитала их в духе патриотизма, этатизма, а иногда и национализма. Как правило, они антиглобалисты, их не пугает вероятность изоляционизма для России.

Четвёртый тип: дипломат

В ходе исследования на втором этаже российской власти была обнаружена ещё одна группа управленцев — это дипломаты. В целом международники — узкая и малочисленная группа среди российского работающего населения. Тем удивительнее, что во власти дипломатов несоразмерно много. Эта группа состоит из двух частей. В первую входят москвичи, которые сразу после школы поступили в МГИМО или в Институт стран Азии и Африки МГУ. Вторую группу составляют регионалы, которые выбрали дипломатическое образование

в качестве второго или третьего высшего (они закончили, как правило, Дипломатическую академию МИД РФ или Всероссийскую академию внешней торговли). Их отличает более долгая карьера закрытого типа (в этом отношении они похожи на силовиков). Знание иностранных языков, международной экономики, политики, юриспруденции делает их востребованными в тех ведомствах, которые имеют активные внешнеполитические контакты. Несмотря на обширные внешние контакты, этот тип чиновника прошёл профессиональную социализацию в корпорации, прививающей этатистские ценности, и словосочетание «национальные интересы» для них не пустой звук.

Вывод. Российская элита ближайшего десятилетия не будет однородной. Уже сейчас видны четыре основных, вверх идущих потока управленческих кадров, которые различаются ментальностью, ти-

Рис. 8. Четыре основных типа восходящих чиновников

пом социализации, социальным и профессиональным бэкграундом.

Столичные экономисты-юристы воспитывались, как правило, в обеспеченных семьях, учились в лучших вузах страны, имели опыт работы в солидных бизнес-структурах, банках. Они много путешествовали, иногда учились за рубежом. Всё это сделало их «людьми мира», глобалистами, которые предпочитают бы жить в открытом обществе. Приход во власть этой части поколения ХУ неизбежно будет вызывать распад многих авторитарных конструкций и их замену на более рациональные рыночные механизмы.

В то же время поднимается группа молодых силовиков, которые воспитывались в российской глубинке. Они старше столичных юристов и экономистов, их опыт формировался в условиях жёстких закрытых систем, где царит единоначалие, а не плюрализм мнений. Они привыкли к дисциплине и послушанию. Они мало путешествовали и почти не имели возможности понять западную ментальность. Они не занимались бизнесом, «протестантская этика» им чужда и мало понятна. Идеологической базой их мировоззрения является консерватизм, основанный на патриотизме и изоляционизме. Силовики относятся к советскому периоду нашей истории иначе, чем либеральные экономисты и юристы. Ментально они как будто и не выходили из системы координат СССР с её этатизмом, служением государству. Они убеждены, что государство имеет право вмешиваться во все важные сферы жизни общества. Величие государства для них важнее, чем права человека. Они проходили профессионализацию в структурах, построенных по строго иерархическому принципу. Воспитанные в среде, формирующей и поддерживающей авторитарный синдром, они вышли в социум, готовые обнаруживать врагов, пытающихся нарушить власть государства. Они являются «охранителями» системы.

Постепенный уход с политической арены России поколения 1950-х гг. приведёт к естественному дефициту тех, кто помнит устройство и принципы функционирования советской системы. Старшее поколение элиты будет стремиться к тому, чтобы передать свои знания молодёжи. И консерватизм старших найдёт большее понимание у той группы поколения ХУ, которая тоже склонна к консерватизму, т.е. у чиновников с силовым бэкграундом.

Это приведёт к тому, что «охранители» системы будут пытаться сделать своими наследниками идеологически близких им молодых силовиков, которые также будут выполнять функцию сохранения status quo. Именно они, находясь в численном меньшинстве, будут выполнять роль «старших братьев» для глобалистски настроенной части истэблшмента, состоящей из московских юристов и экономистов. Ментальное противоречие между этими группами «либералов» и «силовиков» существует и сегодня. Но обеспечивать курс на преемственность власти могут только наследники старой системы. Либеральная часть молодого поколения недостаточно долго жила в СССР, чтобы самостоятельно воспроизводить советские практики. Они живут в XXI в., в то время как более взрослые консерваторы, воспитанные в герметичных структурах, ментально по-прежнему остаются в веке 20-м.

Прозападно настроенная часть правительственной элиты более склонна следовать западным стандартам и ценностям, что постепенно приведет к реформированию сложившегося государства. Чтобы этого не допустить, руководство гражданских ведомств должно быть пронизано людьми молодыми, но «старой закваски». Но тогда возникает другая опасность: силовики не могут эффективно управлять экономикой. Именно здесь, в экономической сфере, мы видим господство столичных глобалистов. Молодые, высококвалифицированные, энер-

гичные, они должны обеспечивать рост и инновации. Но только при условии стабильности системы, которую обеспечивает другая часть истеблишмента, для которой национальные интересы России превыше всего. От того, удастся ли этим группам найти консенсус, будет зависеть путь развития России в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 1998.
2. Головачёв Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 32–38.
3. Головачёв Б.В., Косова Л.Б. Высоко статусные группы: штрихи к социальному портрету // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 45–51.
4. Афанасьев М.Н. Клиентеллизм и российская государственность. М.: МОНФ, 2000.
5. Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 85–96.
6. Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014.
7. Борщевский Г.А. Социологический портрет политико-административной элиты современной России // Социология власти. 2018. Т. 29. № 4. С. 148–171.
8. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130.
9. Алтухова Н.С. Особенности политической элиты современной России. Новосибирский государственный педагогический университет, 2018.
10. Андросенко И.А. Условия и факторы развития политической элиты России. М.: РАНХиГС, 2017.
11. Бурда М.А. Политическая элита современной России: кризис формирования. М.: РАНХиГС, 2017.
12. Зубарев Г.А. Государственная кадровая политика РФ: проблемы формирования политической элиты. Воронежский государственный университет, 2018.
13. Константинов К.В. Особенности формирования «путинской» политической элиты. Тверской государственный университет, 2018.
14. Кочетков А.П. Особенности формирования и развития политического класса современной России. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.
15. Лавров И.А. Катализаторы и ингибиторы политической карьеры в России // Вестник университета. М.: ГУУ, 2019. № 1 (12). С. 193–199.
16. Лавров И.А. Цифровая социология и современные методы изучения политической элиты // Вестник университета. М.: ГУУ. 2019. № 6. С. 173–179.
17. Термин впервые использовался в: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2015.
18. Об этом подробно писал М. Вебер. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1976. S. 126–130.

ENGLISH

The Key Trends in Forming the Governance Elite in Russia in 2020—2030

Olga Viktorovna Kryshtanovskaya – Doctor of Science (Sociology), Director of the Center for the Study of the Russian Elite, State University of Management, head of the project “Key Trends in Forming the Governance Elite in Russia in 2020–2030” (19-011-31467).

E-mail: olgakryshst@ya.ru

The Russian political system has remained stable for many years. Now we are approaching the period of the so-called transit of power, associated with the end of the fourth legislature of President Vladimir Putin in 2024. Experts, politicians, scientists are hypothesizing about how Russia will develop in the future, who will replace the leader, will the transition be smooth or will we face a difficult period of political upheaval. Usually, analysts are guessing about a future Putin's successor without striving to understand deeper processes of establishment of a new generation of governors who will carry out the transition of power. However, Russia's development strategy depends on who is going to manage the economy, the public sector, and security area in short term. The authors attempt at creating a collective portrait of the governance elite of the so-called second echelon of power, who will come to the front in the nearest future. The paper aims at identifying the key trends in the establishment of this group, as well as the specifics of the life path of people who are now at the springboard of power.

Keywords: Russia, future, forecast, political elite, executive branch, establishment, political system, government, career, power, governance

REFERENCES

1. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii. M., 1998 (in Russian).
2. Golovachyov B.V., Kosova L.B., Khakhulina L.A. Formirovanie pravyyashchey elity v Rossii // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 1995. № 6. S. 32–38 (in Russian).
3. Golovachyov B.V., Kosova L.B. Vysoko statusnye gruppy: shtrikhi k sotsial'nomu portretu // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 1. S. 45–51 (in Russian).
4. Afanas'ev M.N. Klientellizm i rossiyskaya gosudarstvennost'. M.: MONF, 2000 (in Russian).
5. Ashin G.K. Pravyashchaya elita i obshchestvo // Svobodnaya mysl'. 1993. № 7. S. 85–96 (in Russian).
6. Duka A.V. Postsovetskaya elita: institutsionalizatsiya i rekrutirovanie // Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: traditsii i sovremennost': Sb. nauch. tr. M.: INION RAN, 2014 (in Russian).
7. Borshchevskiy G.A. Sotsiologicheskiy portret politiko-administrativnoy elity sovremennoy Rossii // Sotsiologiya vlasti. 2018. T. 29. № 4. S. 148–171 (in Russian).
8. Tev D.B. Federal'naya administrativnaya elita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya // Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4. C. 115–130 (in Russian).
9. Altukhova N.S. Osobennosti politicheskoy elity sovremennoy Rossii. Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2018 (in Russian).
10. Androsenko I.A. Usloviya i faktory razvitiya politicheskoy elity Rossii. M.: RANKHiGS, 2017 (in Russian).

11. Burda M.A. Politicheskaya elita sovremennoy Rossii: krizis formirovaniya. M.: RANKHiGS, 2017 (in Russian).
12. Zubarev G.A. Gosudarstvennaya kadrovaya politika RF: problemy formirovaniya politicheskoy elity. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2018 (in Russian).
13. Konstantinov K.V. Osobennosti formirovaniya «putinskoy» politicheskoy elity. Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2018 (in Russian).
14. Kochetkov A.P. Osobennosti formirovaniya i razvitiya politicheskogo klassa sovremennoy Rossii. MGU im. M.V. Lomonosova, 2017 (in Russian).
15. Lavrov I.A. Katalizatory i ingibitory politicheskoy kar'ery v Rossii // Vestnik universiteta. M.: GUU, 2019. № 1 (12). S. 193–199 (in Russian).
16. Lavrov I.A. Tsifrovaya sotsiologiya i sovremennye metody izucheniya politicheskoy elity // Vestnik universiteta. M.: GUU. 2019. № 6. S. 173–179 (in Russian).
17. Termin vpervye ispol'zovalsya v: Kryshchanovskaya O.V. Anatomiya rossiyskoy elity. M.: Zakharov, 2015 (in Russian).
18. Ob etom podrobno pisal M. Veber. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1976. S. 126–130 (in Russian).

МОЛОДЁЖЬ РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

УДК 32.019.52

ГРНТИ 11.15.83

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-135-142

В.С. КОМАРОВСКИЙ*

Будущее России в представлениях студенческой молодёжи

В статье анализируются представления студенческой молодёжи о перспективах развития России в обозримый исторический период (20–25 лет). Данные получены в ходе реализации проекта РФФИ «Наставник» «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодёжи» методом фокус-группового интервью (май–ноябрь 2019 г.) со студентами 10 вузов, расположенных в разных городах страны (Калининград, Севастополь, Ярославль, Махачкала, Красноярск, Краснодар и др.).

В ходе исследования в ряду других задач выяснялись степень оптимизма (пессимизма) студенческой молодёжи относительно возможностей России адекватно реагировать на вызовы времени и успешно конкурировать с другими странами; проблемы, которые, по мнению молодёжи, необходимо решить России в ближайшем будущем.

Ключевые слова: политическое восприятие образа страны, студенческая молодёжь, ценности, реформы, регионы

Теоретической концептуальной основой исследования явилась теория политического восприятия, главным образом в той трактовке, в которой она представлена в работах специалистов кафедры социологии и психоло-

гии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова [1, 2]. Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных специалистов, так или иначе касающиеся образов будущего, прежде всего России [3–10], а так-

* **Комаровский Владимир Савельевич** — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор программы, проекта центра государственно-частного партнёрства, ИГСУ РАНХиГС, руководитель проекта «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодёжи» (19-011-31019). E-mail: poiginalb@yandex.ru

же работы, посвящённые теоретическим аспектам формирования сознания современной молодёжи [11–15].

Суть проблемной ситуации

Анализ литературных и иных источников позволил сформулировать суть проблемной ситуации:

- ◆ в современных условиях «бытия на распутье», огромных изменений, к которым зачастую не может адаптироваться большинство граждан, представление о будущем из сферы надежд и упований на лучшее нередко перемещается в область страха и опасений;
- ◆ увеличивается дистанция между опытом настоящего и ожиданиями будущего. Будущее представляется скорее как преодоление настоящего, нежели его продолжение;
- ◆ сужаются рамки рационального прогноза будущего и горизонт его планирования, равно как и горизонт ожиданий;
- ◆ в общественном сознании обозначился поворот от будущего к прошлому (again policy), проявляющийся в стремлении политиков «вернуть» прежнее величие, гармонию и идентичность;
- ◆ повсеместно наблюдаемое, хотя и с различной степенью интенсивности, падение доверия рядовых граждан и молодёжи в особенности к органам власти, политическим партиям отражает огромный разрыв между элитой и остальными гражданами, что порождает смещение и недоверие этих граждан, в том числе и к предлагаемым элитой моделям будущего;
- ◆ постоянно увеличивается разрыв в уровне и качестве жизни между богатыми и бедными (относительно бедными) странами, преодолеть который (или минимизировать) не представляется возможным в обозримой перспективе; в результате значительная часть населения последних (молодёжи в особенности) перестаёт связывать своё будущее со страной прожи-

вания и стремится эмигрировать в более благополучные страны [16].

Исходные предпосылки

Опираясь на результаты теоретического анализа проблемы, мы полагаем:

- 1) студенты способны заглянуть не только в ближайшее будущее страны, но и в более отдалённую перспективу;
- 2) образ желаемого будущего страны формируется в сознании студентов под воздействием собственных потребностей, запросов и ценностей, но одновременно отражает общие оценки ими текущего положения дел в стране (регионе), позицию СМИ, а отчасти и представление об историческом прошлом;
- 3) в силу большого разрыва в уровне социально-экономического положения отдельных регионов России образ желаемого будущего у студентов, проживающих в различных регионах страны, может существенно отличаться. Однако в этом образе имеется общее ядро, отличающее его от образа других поколенческих категорий, а также представителей политической элиты;
- 4) способность студенчества формировать желаемый образ страны относительна и не может претендовать на целостность.

Вопрос оценки студентами перспектив будущего страны – открытый.

Многие аналитики (а не только публицисты) оценивают состояние сегодняшнего мира и страны прежде всего в категориях «до» (пандемии) и «после». С таким подходом можно согласиться с поправкой, что «после» во многом определяется «до». Это касается и представлений граждан о будущем страны и своём собственном. Для американцев девизом нации стал оптимизм «Завтра наступит новый день» («Tomorrow will be another day»), который будет обязательно лучше. По утверждению некоторых специалистов, даже сегодняшние трудные времена не поколебали эту уверенность американцев [17].

Есть ли у российской молодёжи глубинные идеалы, ценности, архетипы, касающиеся будущего страны?

По полученным данным, абсолютное большинство студентов независимо от места проживания не поглощено исключительно сегодняшним днём, своими личными заботами и проблемами. Так или иначе они задумываются о будущем страны, о том, что её ждёт в перспективе времени. Фактически нет лиц, которые не смогли ответить на вопрос о том, какое будущее ждёт Россию, или заявить (явно или подспудно), что будущее страны им безразлично. Тестируя в контрольных целях ответы на вопросы фокус-группового интервью в интернет-пространстве, мы зафиксировали, что меньше всего времени респонденты тратят на вопрос «Какой Вы хотели бы видеть страну в будущем?». Несколько больше времени у них занимает поиск ответа на вопросы о наиболее существенных проблемах России, которые необходимо решить в будущем, и планирует ли респондент эмигрировать в другую страну. В несколько раз больше времени на раздумье потребовалось респондентам, чтобы ответить на вопрос «Насколько высока вероятность, что страна может достигнуть желаемого будущего?».

По данным фокус-группового интервью значительная часть студентов заявляла, что не только большинство людей, но и страна в целом фактически живут сегодняшним днём. Об этом свидетельствует, по их мнению, как неуклонное ухудшение экономики и экологии в стране, так и «пустые разговоры о будущем» типа «надо слезть с нефтяной иглы», которые ведутся десятилетиями, а «дело топчется на том же самом месте». (Напомним, исследование проводилось в 2019 г., до оглашения Президентом Послания Федеральному Собранию и последовавшей смены Правительства.)

Задумываясь о будущем страны, студенты вольно или невольно соотносят свои пожелания с тем, что они наблюда-

ют в повседневной жизни, анализируют информацию из других источников, пытаясь понять, в какой мере их пожелания могут соответствовать реалиям будущего. Эти реалии будущего просматриваются ими не вполне отчётливо. Целостного образа будущего страны в их сознании нет. Особенно показательны в этом отношении ответы студентов Севастополя: «На наш взгляд, будущее России трудно предугадать, исходя из знания истории. За 20–25 лет в России поменяется столько всего, что не скажешь, что там будет». Позиция части студентов Севастополя в отношении неясности будущего страны вполне объяснима. За короткий по историческим меркам промежуток времени Севастополь несколько раз менял государственный статус, что не могло не отразиться на настроениях и представлениях студентов города.

У части студентов других регионов страны, также нет хотя бы относительно ясного представления о будущем страны, что во многом объясняется реальными трудностями «бытия на распутье», а также тем, что политическая элита страны так и не смогла предложить целостный, ясный и понятный рядовым гражданам проект будущего России. Не исключается и факт отвержения студентами проектов, пусть и не завершённых, предлагаемых различными политическими партиями и движениями, в их программах. Однако из контекста ответов на вопросы следует, что большинство студентов верит в будущее России, но с оговоркой, что в стране будут осуществлены кардинальные реформы. Именно реформы, а не «революция» типа той, которая произошла в Украине.

Запрос на перемены в обществе фиксируется достаточно давно, о чём свидетельствуют, в частности, многочисленные данные различных социологических центров (Институт социологии РАН, ВЦИОМ, Левада-центр) [10].

Отличие позиции современных студентов заключается в том, что этот за-

прос масштабнее, охватывает буквально все сферы жизни общества, во всяком случае его внутреннюю жизнь, включая политику. Характерно высказывание студента Ярославского государственного университета им. П.Р.Демидова: «Если всё будет так, как сейчас, то через 20–25 лет Россия не выдержит конкуренции с другими странами, такими как Китай или даже Индия». По мнению студентов, в реформировании нуждается прежде всего внутренняя политика страны, тогда как внешняя политика большей частью не фигурирует в числе требующих реформирования. Но в некоторых случаях и она подвергнута серьёзной критике. Часть студентов Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград) считает, что «нужно настроиться на диалог и не воспринимать весь мир как агрессоров. Нужно пойти на уступки и решить вопрос Крыма, (в данном вопросе) Россия поступила как обычная империалистическая держава». Не все студенты — участники фокус-группы поддержали такую оценку событий в Крыму. Но более критичная оценка студентами Калининграда внешней политики России и необходимость её изменения — налицо. Особая позиция значительной части опрошенных студентов Калининграда вполне объяснима. Анклавное, пограничное положение, история региона, санкции, осложнения в отношениях с соседями на Западе здесь более негативно сказываются на положении и настроениях людей, чем в других регионах России.

Общая, даже условно позитивная оценка будущего России не разделяется всеми студентами. Часть из них вообще ставит под сомнение будущность страны. Чаще других это делают студенты из депрессивных регионов. Пример — высказывание студентки Дагестанского госуниверситета: «За последние 20 лет в России произошёл регресс, а не прогресс. Экономика стоит на месте с 2008 г., олигархи стали богаче в разы, уровень нищеты и коррупции возрос, жёсткая цензу-

ра на ТВ, ограничение интернета. Всё это произошло и происходит в путинский период. Что же дальше? Ещё 6 лет тоталитаризма? Если на должности Президента РФ будут сидеть такие же, как и В.В.Путин, то будущего у России нет. Нужно поменять всю нашу систему целиком».

У студентов этой же группы есть и прямо противоположные оценки будущего страны: «Через 20–30 лет я представляю нашу страну цветущей и развивающейся». Констатируем: не только между студентами отдельных вузов, расположенных в различных регионах страны, но даже среди одноклассников одного вуза нет консолидированного представления о будущем страны, хотя бы по самым основным показателям (светлое будущее — неясное будущее — отсутствие перспективы вообще).

Причём это осознают и сами студенты. Как заявил один из участников фокус-группы из Сибирского института искусств им. Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск): «Если послушать всех, то у нас не получится единого будущего России. Все (выступающие до автора высказывания) не сходятся друг с другом совершенно». В ходе обсуждения, когда каждому представлялась возможность уточнить свою позицию, полемизировать с другими, происходило некоторое сближение позиций студентов группы относительно будущего страны, но единый подход не формировался. Консолидированного мнения относительно будущего России в студенческой среде нет.

Осторожный оптимизм «если»

При этом всё же вырисовывается некоторая общая тенденция в представлениях студентов о будущем страны: осторожный оптимизм при некоторых условиях, «если...». Осторожный оптимизм «если» — это, конечно, далеко не то же самое, что оптимизм оценок будущего страны президентом.

Один из главных вопросов: что за условия, какой смысл вкладывается в это

«если»? Каков желаемый для студентов образ России, которой они могли бы гордиться и считать в полной мере своей страной? Чего не достаёт в этом плане нынешней России?

Нереалистично ожидать, что студенты смогут охарактеризовать весь комплекс проблем, стоящих перед нынешней Россией, которые необходимо решить в ближайшие десятилетия. Как правило, они или, как уже подчёркивалось выше, оценивают ситуацию в целом («надо менять всё», «надо менять внутреннюю политику»), или, что значительно чаще, указывают на приоритетные направления желаемых изменений.

Соотношение «желаемого будущего», выраженное в необходимости масштабных изменений и частичных улучшений, изменений в конкретных сферах жизни общества существенно различается по регионам. Тем не менее доминируют следующие проблемы: положение в экономике, коррупция в органах власти, ситуация в социальной сфере, положение молодёжи, образование.

Кратко суть необходимых изменений в экономике выразила студентка из Ярославля: «экономикой надо заняться, чтобы мы не продавали ресурсы, а обрабатывали, тогда, возможно, все будет к лучшему». Под «обрабатывали» понимается решение целого комплекса проблем: повышение конкурентоспособности отечественной экономики, внедрение новейших технологий, улучшение инфраструктуры и за счёт всего этого — повышение уровня жизни населения страны.

Обращают внимание студенты и на необходимость создания условий для развития бизнеса (главным образом малого и среднего), строительства дорог, улучшения городской среды, необходимость улучшения условий жизни населения в целом («цены растут, а заработная плата не меняется»), налаживания экономического сотрудничества с зарубежными странами, решения вопросов экологии.

Желаемый образ страны в будущем

Обобщённо, желаемая Россия будущего — это социальное государство с инновационной экономикой, где нет бедности и нищеты («Я бы видела социальное государство в том образце, который представлен в Финляндии» (г. Калининград).

Контрольные данные, полученные от интернет-пользователей уже после обнародования Послания Президента Федеральному Собранию в феврале 2020 г., не меняют сколь-нибудь заметно общую картину. Желаемый образ страны — это «экономически развитая», «процветающая без бедности и нищеты», «развивающаяся не по отчётам Росстата, а реально», «без коррупции», «с развитой системой здравоохранения и образования», «социально ориентированная», «дающая возможность продвигаться молодёжи», «с хорошей экологией».

Если сравнивать ответы студентов с мнениями населения страны в целом, то можно отметить как совпадения, так и некоторые расхождения. Согласно данным исследовательского центра «Ромир» (февраль 2020 г.), главными проблемами, волнующими население страны, являются бедность, низкие зарплаты, рост цен и коррупция. Студенты также болезненно реагируют на эти явления, причём не применительно к себе, а прежде всего к старикам, инвалидам, учителям, многодетным семьям. Но студенты идут дальше в поиске путей решения этих проблем, пытаются определить их глубинные истоки.

На первый взгляд, позиция большинства студентов полностью соответствует общей линии политического руководства страны на ближайшие годы (в первую очередь, путём реализации национальных проектов, направленных на модернизацию экономики страны и решение наиболее острых социальных проблем), но на самом деле ситуация далеко не так однозначна.

Как отметила студентка из Кубанского государственного университета (г. Краснодар): «Политика

должна быть не только писанной, но и показана действиями и не путём демонстрации во время масштабных пресс-конференций Президента, а в повседневной деятельности того уровня власти, где рождается проблема». Другими словами: правильные заявления и красивые тексты убеждают далеко не всех в студенческой среде. Более того, сомнения, настороженность проявляются едва ли не повсеместно.

Логику мышления молодёжи понять можно. Они оценивают будущее исходя, прежде всего, из той ситуации, в которой, по их мнению, находится страна, в которой множество проблем: коррупция (81,9%), неэффективная экономика (64,8%), низкий уровень здравоохранения (61,9%) и т.д. Но есть и положительное, включая природную красоту и ресурсы (85,4%), культуру и искусство (55,2%), науку и технику (30,5%), человеческий потенциал (27,6%); другие положительные факторы назвали не более 10% (данные контрольного опроса, февраль 2020 г.).

Очень редко в ответах студентов величие России связывается с её достижениями в сфере высоких технологий (некоторое исключение касается военной сферы), решением социальных или гуманитарных вопросов, созданием комфортной среды для жизнедеятельности человека.

По мнению большинства опрошенных студентов, и сегодня, и в будущем Россия, безусловно, великая держава, призванная играть значительную роль в современном мире. Но великая она лишь отчасти — в силу своего геополитического положения, военной мощи, истории и культуры, позиции на международной арене, но не как

привлекательный, успешный пример решения насущных экономических и социальных проблем, поиска адекватных ответов на вызовы времени. Часть специалистов утверждает, что военно-политическая составляющая величия страны компенсирует в глазах большинства населения нерешённость внутренних проблем. Применительно к студентам такой компенсации не наблюдается. Скорее, можно говорить об ожидании прогресса в решении внутренних проблем, о том, что потенциал реформирования России не исчерпан. Такая позиция объясняет более или менее условно позитивное представление большинства студентов о будущем страны, её возможностях.

Вместе с тем данное заключение во все не отрицает того факта, что согласно полученным данным значительная часть студентов вообще равнодушно относится к судьбе страны, её будущему и готова её покинуть при первом удобном случае, так как не видит перспектив для реализации своих планов в стране, не верит в её будущность. В то же время необходимо учитывать, что наше исследование основано на данных фокус-группового интервью с бакалаврами младших курсов (главным образом второго). Абсолютное большинство из них пока не работает и не включено в реальные социальные взаимоотношения. Их оценки будущего страны ещё не прошли настоящую проверку практикой и носят во много умозрительный характер. Контрольный опрос студентов старших курсов, и в особенности магистров, выявил, что у них более позитивные представления о будущем России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Ред. Е.Б. Шестопа. М.: Весь мир, 2019.
2. Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В., Цымбал И.А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 4. С. 181–191.

3. Fred L. Polak. The image of the future. Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.
4. Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. М., 2010. — Серия «Общественный диалог».
5. Бессонова О.Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007.
6. Маленков В.В. Образ России в восприятии жителей Тюмени // Власть. 2015. Т. 23. № 12. С. 129–134.
7. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Алиса Паблшер, 2018.
8. Данилин А.Б. Будущее России: суверенитет, качество жизни, модернизация. М.: Современные тетради, 2019.
9. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время: обзор [текст]: Докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / Пер. с англ.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
10. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.
11. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y., 1991.
12. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. McGraw-Hill, 2008.
13. Инфантилизм как норма. Почему стоит переосмыслить возрастные границы. URL: <https://iq.hse.ru/news/219383127.html> (дата обращения: 10.08.2020).
14. Миллениалы и Поколение Z: 4 различия в том, что их волнует. URL: <https://www.criteo.com/ru/insights/миллениалы-и-поколение-z> (дата обращения: 20.08.2020).
15. Коровникова Н.А. Особенности социально-экономической адаптации современных россиян // Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 1 (39). С. 8–29.
16. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–51.
17. Как массовые протесты напомнили силовикам их роль и место в демократическом обществе. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-06-22/15_7891_usa.html (дата обращения: 10.08.2020).

ENGLISH

The Future of Russia as Seen by Students

Vladimir Savelievich Komarovskiy — Doctor of Science (Philosophy), Honoured Scientist of the Russian Federation, director of the program, project of the center for public-private partnership, Institute of Public Service and Administration RANEPА, head of the project “Image of the desired future of Russia as Seen by Students” (19-011-31019).

E-mail: poiginalb@yandex.ru

The paper analyses students' ideas about the prospects of Russia in the foreseeable future (20–25 years). The data were obtained through the Mentor project “Image of the Desired Future of Russia as Seen by Students” of the Russian Foundation for Fundamental Research. The study included focus-group interviews (May–November 2019) with students of 10 universities located throughout the country (Kaliningrad, Sevastopol, Yaroslavl, Makhachkala, Krasnoyarsk, Krasnodar, etc.).

In addition to other goals, the authors determined the extent of optimism (pessimism) of students regarding Russia's capacity to adequately respond to current challenges and to successfully compete with other countries. As young people believe, Russia will have to solve these issues in the nearest future.

Keywords: political perception of the image of the country, young students, values, reforms, regions

REFERENCES

1. Vlast' i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudeniya (1993–2018) / Red. E.B. Shestopal. M.: Ves' mir, 2019 (in Russian).
2. Evgen'eva T.V., Smul'kina N.V., Tsybmal I.A. Mesto Rossii v mire v vospriyatii ryadovykh grazhdan: identifikatsionnoe izmerenie // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. T. 29. № 4. S. 181–191 (in Russian).
3. Fred L. Polak. The image of the future. Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.
4. Kara-Murza S.G., Patokov V.V. Rossiya: tochka 2010, obraz budushchego i put' k nemu. M., 2010. – Seriya «Obshchestvennyy dialog» (in Russian).
5. Bessonova O.E. Obraz budushchego Rossii i kod tsivilizatsionnogo razvitiya. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2007 (in Russian).
6. Malenkov V.V. Obraz Rossii v vospriyatii zhitel'ev Tyumeni // Vlast'. 2015. T. 23. № 12. S. 129–134 (in Russian).
7. Inozemtsev V. Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka. M.: Alisa Publisher, 2018 (in Russian).
8. Danilin A.B. Budushchee Rossii: suverenitet, kachestvo zhizni, modernizatsiya. M.: Sovremennye tetrady, 2019 (in Russian).
9. Milanovich B. Global'noe neravenstvo dokhodov v tsifrakh: na protyazhenii istorii i v nastoyashchee vremya: obzor [tekst]: Dokl. k XV Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 1–4 apr. 2014 g. / Per. s angl.; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2014 (in Russian).
10. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Zapros na peremenu: prichiny aktualizatsii, klyuchevye slagaemye i potentsial'nye nositeli // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 5. S. 119–133 (in Russian).
11. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y., 1991.
12. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. McGraw-Hill, 2008.
13. Infantilizm kak norma. Pochemu stoit pereosmyslit' vozrastnye granitsy. URL: <https://iq.hse.ru/news/219383127.html> (data obrashcheniya: 10.08.2020) (in Russian).
14. Millenialy i Pokolenie Z: 4 razlichiya v tom, chto ikh volnuet. URL: <https://www.criteo.com/ru/insights/millenialy-i-pokolenie-z> (data obrashcheniya: 20.08.2020) (in Russian).
15. Korovnikova N.A. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii sovremennykh rossiyan // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. 2019. № 1 (39). S. 8–29 (in Russian).
16. Komarovskiy V.S. Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya // Vlast'. 2020. № 1. S. 45–51 (in Russian).
17. Kak massovye protesty napomnili silovikam ikh rol' i mesto v demokraticheskom obshchestve. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-06-22/15_7891_usa.html (data obrashcheniya: 10.08.2020) (in Russian).

УДК 32.019.5

ГРНТИ 11.07.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-143-155

Р.В. ПЫРМА*

«Цифровые граждане»: политическое участие российской молодёжи онлайн

Исследование вносит вклад в определение влияния цифровых коммуникаций на гражданское и политическое участие, в объяснение, как социальные медиа опосредуют общественную активность. В статье на основе концепции «цифрового гражданства» раскрываются политические стороны общественной активности российской молодёжи в пространстве цифровых коммуникаций. Эмпирическая модель построена на сочетании методов и процедур прикладного исследования в целях раскрытия содержания гражданского и политического участия, протестной активности молодёжи в цифровой среде. Модель исследования включает в себя социомедийную аналитику и проведение массового онлайн-опроса, репрезентирующие молодёжную аудиторию. В результате на основании анализа информационных потоков социальных медиа отмечается доминирование репрезентации гражданского участия молодёжи над политическим участием, а также зависимость динамики общественной активности от событийного ряда и «повестки дня». На основании социологических данных определён уровень гражданской и политической активности молодёжи в цифровом пространстве коммуникаций, произведена дифференциация аудитории «театра» протестных действий по ролевым функциям: «лидеры», «активисты», «сторонники», «зрители». В целом итоги исследования создают представление о состоянии и содержании активности молодого поколения в цифровом пространстве коммуникаций, на полях которого формируются сообщества и смыслы связующих действий.

Ключевые слова: цифровое гражданство, гражданское участие, политическое участие, протестная активность, социальные медиа, политические коммуникации

Гражданское участие в «цифровой среде»

По мере развития цифровых коммуникаций оценки их влияния на общественное участие претерпели значитель-

ные изменения [1]. Концепция «цифрового гражданства» раскрывается в возможности людей участвовать в жизни общества в режиме онлайн, способствуя социальной интеграции [2]. Сообщество

* **Пырма Роман Васильевич** — кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, руководитель проекта «Культура "цифрового гражданства" российской молодёжи: акторы, технологии формирования, общественно-политические эффекты» (19-011-31291).
E-mail: rpyrma@gmail.com

«цифровых граждан» составляют пользователи новых информационных технологий, получающие контент, реализующие права и исполняющие обязанности посредством новых коммуникаций, которые создают условия для роста гражданской активности. Политические аспекты цифрового гражданства состоят в расширении возможностей общения между людьми, распространении информации, организации совместных действий, мобилизации ресурсов, демократическом участии и давлении на правительства [3]. Интернет стал вторым пространством активности, в которой формируется инфраструктура гражданского участия [4]. Цифровое участие трактуется как скоординированные действия граждан, опосредованные социальными медиа [5]. Современные коммуникации позволяют повысить осведомлённость, сформировать, активировать и мобилизовать социальные сети для оказания политического давления на власть в решении общественных проблем [6].

Ряд исследователей полагает, что преобразующие эффекты влияния цифровых коммуникаций на политическое участие носят специфический характер для молодого поколения, представители которого являются интенсивными пользователями социальных сетей, но имеют несформированные политические навыки и идентичность [7]. Интернет рассматривается как пространство повседневного, социального и свободного гражданского общения молодёжи, как неформальная площадка для выражения своих политических взглядов в общественной сфере [8]. Современные исследователи отмечают, что в мире происходит изменение моделей участия молодёжи, а не снижение гражданской активности. В развитых странах состоялся переход молодого поколения от традиционных форм гражданского участия к альтернативным формам активности в цифровой среде [9]. Репертуар гражданского и политического участия в демократических обществах

расширяется и охватывает различные виды деятельности, большое разнообразие творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм, а также творческие, экспрессивные и индивидуализированные способы действий [10]. Молодёжь значительно чаще участвует в формах прямого действия и протестных акциях [11]. При этом в прошедших электоральных циклах наблюдается тенденция роста участия молодёжи в голосовании на национальных выборах [12]. В целом цифровая среда способствует расширению участия в гражданской и политической жизни общества, что подрывает существующие представления, сформированные в научном сообществе, об абсентеизме и пассивности молодёжи [13].

В данном исследовании ставились задачи соотнести уровни гражданской и политической активности, а также определить структуру протестной аудитории в цифровой среде среди российской молодёжи. Задачи решались на основе сочетания методов социально-медийного анализа и социологических исследований. Сочетание методов позволяет более содержательно раскрыть политические стороны цифрового гражданства.

Основные результаты социально-медийного анализа

В качестве метода сбора данных применялся социально-медийный анализ с использованием сервиса для мониторинга социальных медиа IQBuzz. Характеристики аккумулированного контента: объём выгрузки — 580 000 сообщений, 30 блогахостингов и блогов; глубина выгрузки — 01.01.2018–01.09.2019 гг.; язык — русский.

В ходе предварительного анализа содержания сообщений релевантных предмету исследования социально-медийных сообществ были выявлены темы, детерминировавшие разработку поисковых запросов для аккумулирования социально-медийных документов и отражающие

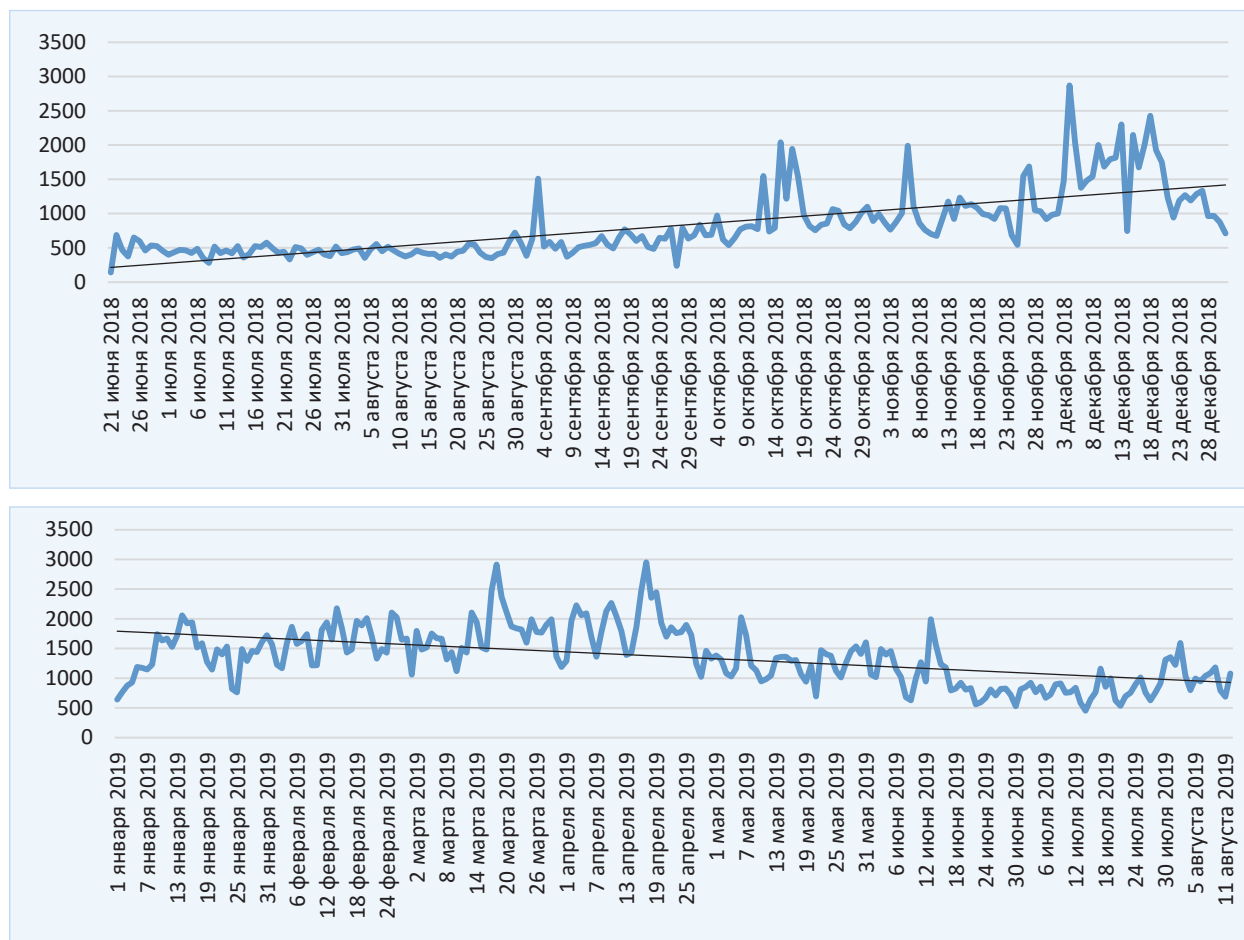

Рис. 1. Динамика потоков, репрезентирующих гражданское участие онлайн российской молодёжи в 2018 и 2019 гг.

гражданское и политическое участие. Темы касались цифрового волонтерства, участия в благотворительной, добровольческой деятельности в онлайн, социальных проектов, направленных на решение значимых общественных проблем, подписание петиций в защиту прав отдельных людей. Политическую активность российской молодёжи в онлайн репрезентировали темы, касающиеся отношения к митингам, готовности к участию в них, опыта участия в политическом протесте, отношения к действующей власти, оценки геополитического статуса и взаимодействия России с зарубежными государствами.

Результаты свидетельствуют о значительно более выраженной гражданской, а не политической активности российской молодёжи. Соотношение удельного веса потоков отражает установки обще-

ственной активности российской молодёжи в онлайн-сетях в пользу гражданского участия (86,2%) перед политическим участием (13,8%). Данное распределение показывает значительно большую заинтересованность молодых пользователей цифровых коммуникаций в гражданском участии, в частности одобрение таких видов деятельности, как добровольчество, реализация социальных инициатив, общественная защита нарушенных прав граждан и сохранение окружающей среды. Динамика сообщений, выражающих гражданское участие молодого поколения РФ онлайн, сменила восходящий тренд в 2018 г. на нисходящий в 2019 г. (рис. 1).

Добавленные к графикам динамики потоков гражданского активизма линии тренда чётко указывают на переломную в январе 2019 г. точку, за которой следу-

ет уменьшение числа социально-медийных документов о гражданском участии. Одно из очевидных объяснений этого перелома – активное обсуждение пенсионной реформы пользователями в течение 2018 г., выражение, в том числе молодыми пользователями, своих гражданских позиций относительно данной социальной реформы российского правительства и постепенное снижение интереса к этой теме после вступления в силу соответствующего нормативно-правового акта. Однако нисходящая динамика анализируемого потока в 2019 г. имеет довольно пологий уклон, и в совокупности с удельным весом сообщений, в сравнении с долей документов о политическом активизме, говорит о стабильно представленном интересе российской молодёжи к темам гражданского участия онлайн.

Динамика репрезентации политического участия онлайн наиболее показательна в интервалах июля–августа 2019 г. Точки-экстремумы в июле отражают пик обсуждений ситуации вокруг выбо-

ров в рамках Единого дня голосования и, в первую очередь, ситуации вокруг выборов в Московскую городскую думу. Точки наивысшей публикационной активности связаны с мобилизацией в социальных медиа протестных установок, а снижение интенсивности изучаемого потока к концу августа может определяться достижением поставленных перед онлайн-сетевыми лидерами мнений задач по протестной мобилизации граждан и, прежде всего, молодёжи. Внимания заслуживают различия вовлечённости представителей гендерных групп в потоках, отражающих политическое и гражданское участие онлайн российской молодёжи (рис. 2).

Данное сопоставление свидетельствует о том, что гражданское участие в большей части – это женская тема. Напротив, политическое участие – это преимущественно «мужское занятие». В целом данное соотношение укладывается в рамки гендерного «контракта» российского общества, согласно которому от женщин

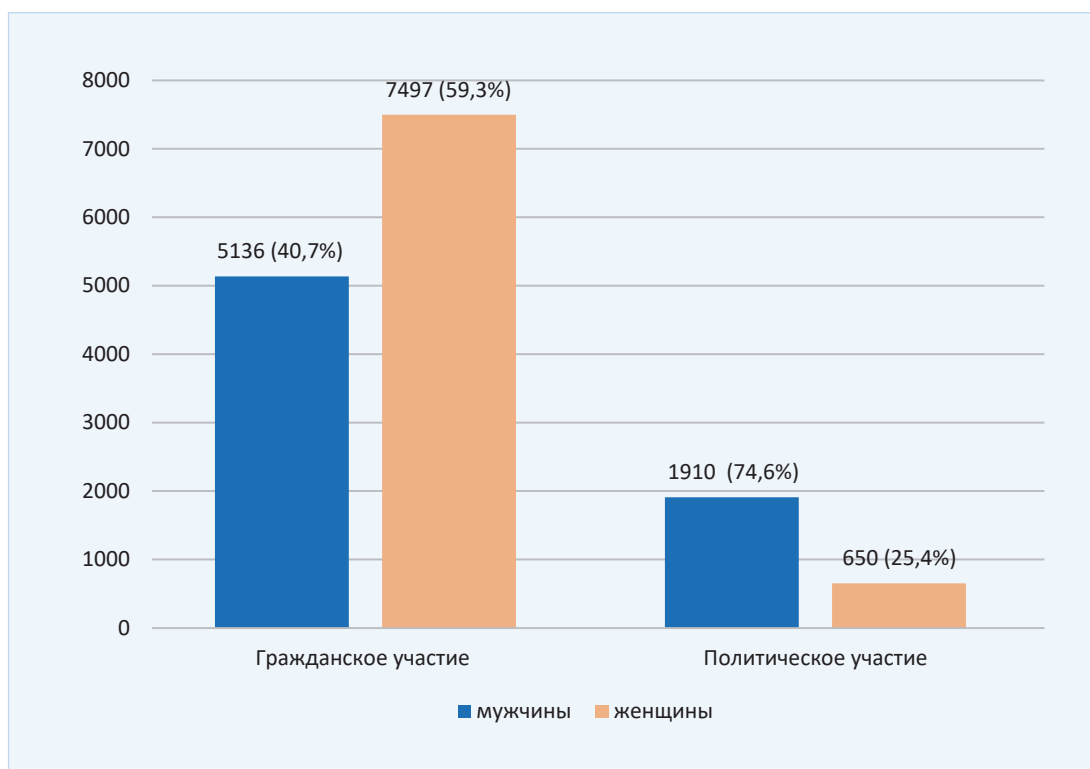

Рис. 2. Соотношение гендерного состава молодёжи (15–30 лет) в аудиториях социальных медиа «Гражданское участие» и «Политическое участие»

ождается забота о ближнем, а политическая борьба и критика больше свойственна мужчинам.

Причём в результате сопоставления гендерной принадлежности авторов релевантных предмету исследования социально-медийных потоков установлена тенденция к уменьшению феминной гендерной группы с ростом возраста молодежи в политической онлайн-активности. В возрасте преимущественно старшеклассников 14–16 лет более трети (37,4%) авторов анализируемых потоков представлены женским полом, в студенческом возрасте 17–24 лет доля пользовательниц составляет уже более четверти (27,3%), а в более зрелом возрасте 25–29 лет их число сокращается до четверти (25,4%). Среди молодых представителей мужского пола наблюдается обратная тенденция. В возрасте старшеклассников доля мужского пола среди политически активной молодежи в социальных медиа составляет уже более половины (62,6%), среди студенческого и зрелого возраста — абсолютное большинство (72,7 и 74,6%, соответственно). Таким образом, молодые россиянки в целом значительно менее политизированы и менее активны в выражении политических установок в социальных медиа, а с переходом из раннего молодежного возраста к возрасту «поздней молодости» ещё более утрачивают интерес к политическому участию онлайн. В то же время молодые россияне мужского пола ещё более укрепляют доминирующее положение в политической активности в цифровой среде.

Анализ динамических характеристик релевантных массивов показывает, что основным актором формирования информационных потоков, репрезентирующих политическую активность российской молодежи онлайн, являются пользователи в возрасте 25–29 лет. Именно данные авторы создают наиболее существенный массив сообщений, в которых проявляются установки на политическое участие молодежи РФ. Динамика пото-

ков разновозрастных авторов указывает на преобладание блогерства ВКонтакте в числе социальных медиа, в которых отражены сообщения, выражающие политическую активность российской молодежи.

Анализ трендов показывает, что для информационных потоков, генерируемых всеми возрастными подгруппами молодежи, характерно возрастание в течение последней недели июля 2019 г. и постепенное снижение публикационной активности авторов анализируемых потоков в течение августа 2019 г. Очевидно, такая динамика может объясняться логикой проведения электоральной кампании в связи с Единым днём голосования — 2019. В конце июля происходит интенсивная мобилизация молодежи на участие в протестных акциях по поводу отказа в регистрации кандидатов представителей оппозиционных сил. В августе отмечается относительное снижение интенсивности онлайн-сетевого сопровождения протестной активности.

Семантическое ядро изучаемых потоков, создаваемых российской молодежью разных возрастных подгрупп, имеет общие и отличительные черты. В числе общих тегов для пользователей всех возрастных подгрупп такие словоупотребления, как «человек», «подписать» и «митинг». Эти ключевые для аккумулярованных потоков слова означают внимание их авторов к таким форматам политической активности онлайн, как подписание петиций и обсуждение возможностей протестных акций в защите интересов граждан. Специфическими для потока, генерируемого группой пользователей моложе 16 лет, служат такие облачные теги, как «город» и «слово», что указывает на сосредоточенность данных авторов на силе онлайн-сетевой вербализации политических установок в решении проблем муниципалитетов. В потоках пользователей старше 15 лет (15–24 и 25–29 лет) в качестве доминирующих словоупотреблений присутствуют «Россия»

и «Москва», что означает акцентуацию авторов данных массивов на своей национально-государственной идентификации и доминирование в социально-медийном пространстве политического сегмента глобальной сети темы протестов в Москве летом 2019 г. Количественное преобладание указанных облачных тегов в анализируемых потоках следует дополнить анализом дискурсов, характерных для массивов сообщений, создаваемых молодыми российскими пользователями разных возрастных подгрупп.

Дискурсивные практики, характерные для младшей возрастной группы российских пользователей (моложе 16 лет), отражают установки наиболее резкой (по сравнению с другими молодыми пользователями) критики существующего порядка, имеют наиболее чётко выраженные радикалистические аттитюды, в них больше механизмов нерациональной, эмоциональной стереотипизации. Пользовательская аудитория изученных потоков, находящаяся в возрасте от 16 лет и старше, генерирует широкую палитру дискурсивных практик политической и гражданской повесток, в которых уже преобладают приёмы рациональной стереотипизации, аргументированной логики в ходе формирования отношения молодёжи к возможностям политического и гражданского участия онлайн. Тематика дискурсов информационных потоков, репрезентирующих политическую и гражданскую активность молодых российских пользователей, довольно широка и включает обсуждение отношений России и Украины, ситуации на Донбассе, геополитического курса, ситуацию вокруг выборов в Мосгордуму. Среди «гражданских тем» в социальных медиа преобладают благотворительность, защита животных и прав человека.

Таким образом, репрезентация гражданского участия российской молодёжи в социальных медиа значительно доминирует над потоками, отражающими установки молодых российских пользо-

вателей на политическое участие. Причём если в поле гражданского участия преобладают представители женского пола, то в поле политического участия доминируют представители мужского пола. Динамика гражданской и политической активности молодёжи в социальных сетях имеет сходные черты: рост в 2018 г. и нисходящий тренд в 2019 г, что объясняется более амплитудной общественно-политической повесткой 2018 г. и финальной фазой решения определённых гражданских и политических задач к августу 2019 г.

Основные результаты социологического онлайн-опроса

Всероссийский массовый опрос молодёжи осуществлён в формате онлайн-анкетирования в сентябре 2019 г. Выборочная совокупность составила 1200 респондентов, репрезентативных по полу, возрасту (в соответствии со статистическими данными о представленности в составе российской молодёжи групп 15–19 лет, 20–24 лет и 25–29 лет) и территориальной принадлежности. Ошибка выборки — 2,8%. В процессе отбора респондентов и их приглашения к участию в опросе использовались социальные сети ВКонтакте, Facebook и Twitter.

Ключевыми параметрами содержания массового онлайн-опроса служили следующие характеристики: интенсивность интернет-коммуникации; тип потребляемого контента; восприятие границ контроля и свободы в глобальной сети, гражданских, политических и онлайн-практик. Обработка базы данных осуществлялась с применением осевого, кросстабуляционного, корреляционного анализа. Кластерный анализ методом К-средних реализовывался поэтапно в процессе обработки данных группировки по следующим параметрам: протестный потенциал молодёжи, отношение пользователей к блокированию незаконного интернет-контента, уровень готовности респондентов к цифровой демократии, специфика

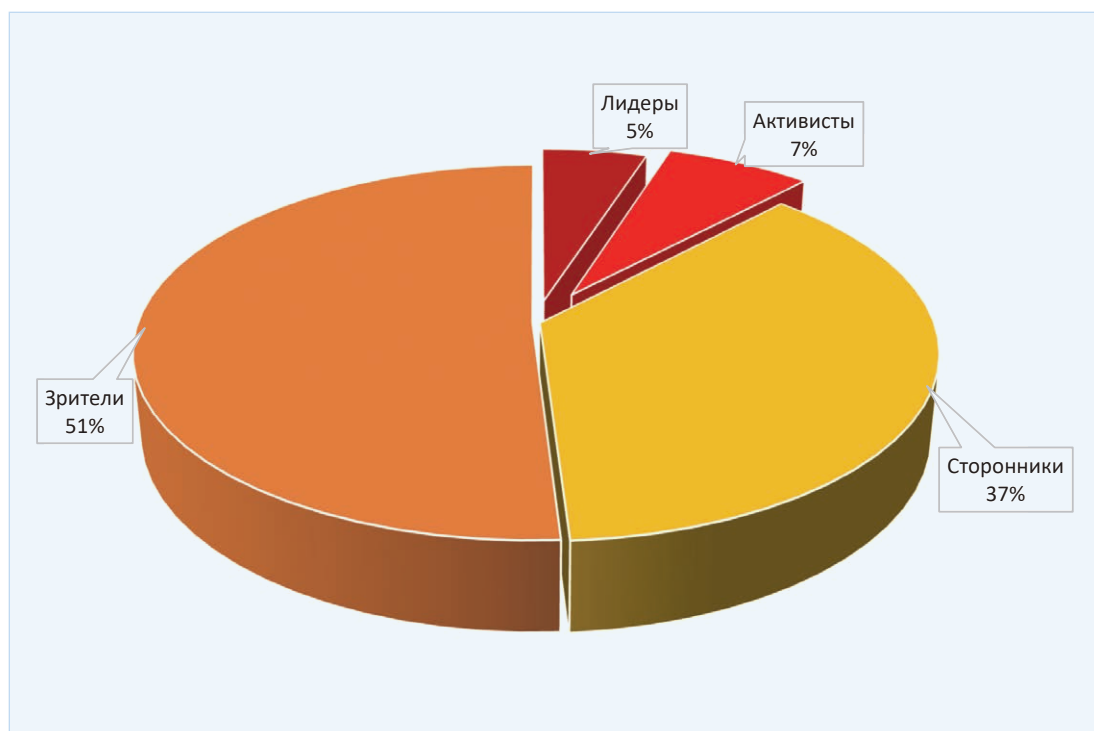

Рис. 3. Распределение ролей в аудитории протеста среди российской молодёжи

жизненных ценностей опрошенной молодёжи.

Основным итогом кластеризации массива базы данных стала дифференциация российской молодёжи по специфике проявления протестной активности в цифровой среде коммуникаций. Аудитория протеста составляет немногим более половины всей молодёжи. Различные модели поведения позволяют определить распределение ролей в молодёжном «театре» протестных действий. Так, половину (51%) протестной аудитории (рис. 3), около четверти от всей молодёжи, составляют «зрители», которые с интересом относятся к протестному контенту, просматривают сообщения и ставят лайки. Более трети (37%) протестной аудитории, что составляет немногим менее пятой части (19%) молодёжи, не только проявляет интерес к политической информации, её комментируют и распространяют, но и проявляют готовность принять участие в протестных действиях в роли «сторонников» оппозиционных сил. В протестной аудитории значимую

роль играют «активисты», численность которых невелика (7%, или 4–5% среди всей молодёжи). Они обладают опытом создания социальных сетей в цифровой среде и организации акций протеста на улицах городов, их общественная деятельность продиктована как политическими, так и меркантильными мотивами участия. Ещё меньшую долю (5%, 2–3% среди всей молодёжи) составляют «лидеры», которые ведут за собой, формируют сообщество, выступают инициаторами и идеологами протестных действий в онлайн и офлайн. Однако «заряженное» меньшинство во многом определяет направленность, ценности и смысл протестных действий.

В структуре протестной активности молодёжи прослеживаются гендерные и возрастные различия. Среди «лидеров», «активистов» и «вовлечённых» немного преобладают представители маскулинной группы, тогда как наибольшая доля «зрителей» представлена феминной группой. Так, качества лидера обозначает 6% мужчин и 4% женщин, качества активи-

ста 9% мужчин и 5% женщин, качества сторонников 38% мужчин и 36% женщин, качества зрителей 47% мужчин и 55% женщин. Показатели соотношения гендерных групп среди представителей различных кластеров российской молодёжи свидетельствуют в целом о большей готовности представителей мужского пола к участию в политической деятельности в сравнении с женским полом. При этом по возрастному признаку ощутимых отличий в стратегиях протестной активности молодых россиян фактически не наблюдается. Лишь небольшое преобладание более молодой возрастной подгруппы молодого поколения российских пользователей заметно среди «лидеров», в свою очередь старшая возрастная подгруппа молодёжи несколько реже в сравнении с остальными возрастными группами демонстрирует поведенческие установки «лидеров» и немного чаще других — установки «зрителей» (рис. 4). Эти данные указывают на существование слабо выраженной тенденции к снижению гражданской активности с увеличением возраста российской молодёжи.

В целом отличия в соотношении представителей разных типов протестной аудитории молодёжи в зависимости от материального дохода незначительные. Однако «лидеров» среди молодых пользователей с минимальным среднедушевым доходом в семье несколько больше (7,4% в сравнении с 3,2% — среди тех, чей среднедушевой доход 25–45 тыс. рублей). Среди молодёжи с низкими доходами (менее 15 тыс. рублей на одного человека в семье) также больше «зрителей», чем среди других материальных подгрупп респондентов (55,1% против, к примеру, 48,7% — среди молодёжи со средним достатком от 15 до 25 тыс. рублей).

Согласно полученным данным, наибольшей протестной активностью отличаются молодые пользователи, живущие в больших и крупнейших городах (соответственно 8,3 и 9,4% «лидеров», при этом минимальные доли «зрителей» — пассивной и абсентеистской молодёжи: 36,8% в крупнейших городах по сравнению с 67,5% — в селе или посёлке городского типа). Анализ свидетельствует о суще-

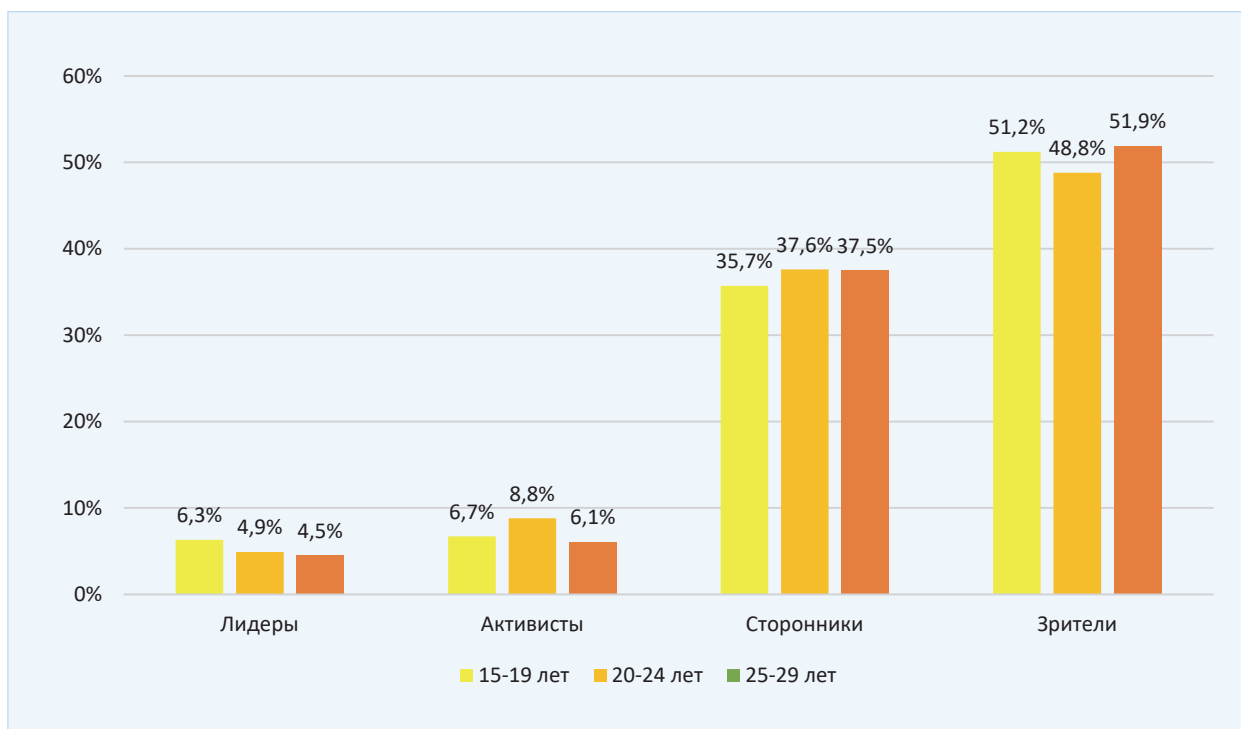

Рис. 4. Соотношение возрастных групп в кластерах аудитории протеста среди российской молодёжи

ствовании тенденции некоторого повышения протестной активности молодёжи с ростом числа жителей в населённом пункте. Закономерность явно проявляется на участке «село, пгт — крупнейший город», что касается города-миллионера, то эта тенденция поддерживается относительно высоким процентом «активистов» (8,8%), «сторонников» (40,0%) и довольно низкой долей «зрителей» (47,4%).

В более существенной степени потенциал протестной активности взаимосвязан с ценностным профилем российской молодёжи. Для «лидеров» и «активистов» выявлены такие ценностные доминанты, как «иметь доступ ко власти», «стать знаменитым», «стать богатым человеком», «попасть в элиту общества». Политически активную молодёжь отличают прагматизм, достижительность и глоричность значимых ценностных ориентиров. Напротив, представители кластеров «сторонники» и «зрители» проявляют наибольший интерес к таким традиционным духовным ценностям, как «создать счастливую семью», «иметь надёжных друзей», «честно прожить свою жизнь», «заниматься любимым делом, творчеством».

Разница в соотношении ценностных профилей различных кластеров российской молодёжи гораздо более ощутима, чем отличия в социально-демографической принадлежности молодых россиян. Жизненный прагматизм, установки на достижение успеха и вертикальную социальную мобильность определяют тип личности, более предрасположенный к проявлению лидерских качеств в политической деятельности. В свою очередь ориентация на ценности семейного благополучия и микросоциальное окружение взаимосвязана с формированием типа личности, имеющего невысокий потенциал политической активности.

Анализ продолжительности пребывания в глобальной сети в зависимости от типа пользователей показывает, что максимальную длительность интернет-коммуникации в течение дня демонстриру-

ют «зрители» и «сторонники» протестных действий. Менее половины (соответственно 41,4% и 46,5%) представителей этих кластеров совокупно проводят в онлайн-среде не меньше 6 часов в день. Модальная продолжительность пребывания в сети Интернет для «лидеров» — от 4 до 6 часов (35,0%), а среди «активистов» больше, чем среди принадлежащих к остальным кластерам, молодых пользователей, находящихся онлайн менее 2 часов в день (12,5%). Таким образом, следует говорить о тяготении к виртуальной среде молодёжи, наименее политически активной, что напрямую коррелирует с их тематическими предпочтениями в глобальной сети.

Более интенсивное потребление развлекательного контента свойственно представителям менее политически активных кластеров «сторонников» и «зрителей». Учитывая предыдущее распределение, следует говорить об использовании социальных медиа «неполитическими» типами преимущественно для творчества и развлечения. Также гораздо чаще представители кластеров с низкой протестной активностью используют онлайн-пространство для профессиональных и образовательных целей. «Сторонники» и «зрители» совокупно фактически вдвое больше, чем «лидеры» и «активисты», пребывают в цифровой среде для решения профессиональных и образовательных задач.

Согласно результатам исследования, интенсивность и направленность информационных потоков в социальных медиа формируют протестные настроения пользователей [14]. Протестный потенциал молодых «цифровых граждан» не является поколенческой характеристикой, а скорее обуславливается социально-экономическими и культурными особенностями реальной жизни офлайн. При этом наибольшим потенциалом протестной активности обладают вовсе не типичные представители цифрового поколения, а политические радикалы, формирующие сообщества, транслирующие ценности и создающие смыслы действий граждан [15].

В контексте исследования представляется, что также важной является идентификация типа и направленности гражданского участия пользователей в зависимости от ценностных установок, политических предпочтений, интенсивности вовлечённости молодёжи в социально-медийные информационные потоки. Данные аспекты будут предметом дальнейших исследований влияния цифровых коммуникаций на общественную активность граждан. Разработанная дифференциация аудитории протестных действий может быть применена к определению ролевых стратегий поведения в гражданской и политической сферах.

Дискуссия об эффектах цифрового влияния

В целом политическое участие, опосредуемое цифровыми коммуникациями, является важной темой современных теоретических и прикладных исследований. В современных исследованиях стала преобладать научная позиция, что социальные медиа являются эффективными инструментами для вовлечения граждан в политические кампании, общественные движения и гражданскую жизнь. Результаты исследований показывают значительную связь между использованием коммуникаций социальных сетей и политической активностью.

При этом среди российских исследователей преобладают суждения, которые сводятся к заключению о негативном влиянии цифровых коммуникаций на общественную активность. Следуя концепции слактивизма, многие из них не находят оснований, чтобы квалифицировать социальные медиа в качестве ключевого триггера гражданского и политического участия, так как подавляющее большинство пользователей цифровых коммуникаций интересуется, прежде всего, возможностью общения, развлечения и поиска информации [16]. Потенциал политического интернет-активизма оказался переоценённым, так как замет-

ных различий в уровне активности между пользователями и непользователями социальных медиа не выявлено [17]. Внедрение интернет-технологий в политическую сферу открывает возможности для развития новых форм активности граждан, но не способствует росту их общественной активности, а доступность информации и возможность свободного выражения мнения способствуют снижению интереса к участию в политике [18]. Интернет-коммуникации становятся благодатной почвой для создания и консолидации новых практик общественной активности, но они зачастую являются несистемными и эпизодическими, препятствуя повышению общего гражданского участия граждан [19, с. 64]. В более современных российских исследованиях влияние цифровых коммуникаций на гражданскую активность оценивается как более значимое. Социальные медиа посредством «слабых сетей» вовлекают граждан в общественную деятельность, подталкивают к участию в публичной политике. Цифровые платформы создают сетевые структуры для формирования коллективных целей и идентичностей, которые «способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал» для последующих уличных действий [20, с. 87].

Происходящая цифровая трансформация общественного порядка имеет важные последствия для отношений между государством и гражданским обществом. Возникает необходимость использования возможностей цифровых коммуникаций для расширения участия граждан в принятии политических решений, что подталкивает к переосмыслению демократии. Тенденция повышения гражданской активности, обусловленная нарастающими социально-экономическими проблемами, подталкиваемая новыми политическими вызовами и подвигаемая расширением влияния цифровых коммуникаций, ведёт к переустройству структуры общества и преобразованиям государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.
2. Mossberger K., Tolbert C., McNeal R. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Massachusetts: The MIT Press, 2007.
3. Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 69–78.
4. Kellerman A. The Internet as Second Action Space. Routledge, 2018.
5. Пырма Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 74–81. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7137>.
6. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. Social Media + Society, 2015. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.
7. Xenos M., Vromen A., Loader B. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies // Information, Communication & Society. 2014. № 17 (2). P. 151–167. doi:10.1080/1369118X.2013.871318.
8. Coleman S. Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process // Public Policy Research. 2007. Vol. 13 (4). P. 257–261.
9. Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // The British Journal of Politics and International Relations. 2016. Vol. 18 (3). P. 521–537.
10. Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // European Political Science Review. 2018. № 10 (1). P. 139–163. doi:10.1017/S1755773916000230.
11. Melo D., Stockemer D. Age and political participation in Germany, France and the UK: A comparative analysis // Comparative European Politics. 2014. № 12. P. 33–53. <https://doi.org/10.1057/cep.2012.31>.
12. Пырма Р.В. Электоральная активность молодёжи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (сравнительное исследование) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 4 (95). С. 188–204.
13. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research // Social Science Computer Review. 2020. № 38 (2), P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.
14. Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодёжи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6 (42). С. 100–110.
15. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.
16. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.
17. Бараш Р.Э., Петухов В.В., Петухов Р.В. Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12). С. 99–125.
18. Балашов А.Н., Бочанов М.А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. 2017. № 2. С. 22–34.
19. Бронников И.А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.
20. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.

ENGLISH

'Digital Citizens': Political Participation of Russian Youth Online

Roman Vasilyevich Pyrma — Candidate of Science (Politics), Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, head of the project "Culture of "digital citizenship" of the Russian Youth: Actors, Technologies of Establishment, Social and Political Effects" (19-011-31291).

E-mail: pyrma@mail.ru

The study contributes to defining the impact of digital communication on civic and political participation, explaining how social media mediate public activism. Based on the concept of the 'digital citizenship' the paper reveals the political aspect of the public activism of Russian youth online. The empirical model is based on a combination of methods and procedures of applied research in order to reveal the details of civil and political participation, and protest activism of youth online. The research model includes analysis of social media and a large-scale online survey of the younger audience. Based on the analysis of social media information flows, the paper states the prevalence of the youth's civic participation over political participation, as well as the fact that the dynamics of social activity depend on the events and the current agenda. The authors describe the level of civic and political activity of youth online based on sociological data. They also divide the audience of the protest theatre according to the following models: leaders, activists, followers, and spectators. In general, the study reveals the status and details of the younger generation's communication activity online, where communities establish and implications of linking actions appear.

Keywords: digital citizenship, civic participation, political participation, protest activity, social media, political communication

REFERENCES

1. Pyrma R.V. Vliyanie tsifrovyykh kommunikatsiy na politicheskoe uchastie // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9. № 4 (40). S. 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69> (in Russian).
2. Mossberger K., Tolbert C., McNeal R. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Massachusetts: The MIT Press, 2007.
3. Pyrma R.V. Politicheskie grani tsifrovogo grazhdanstva // Vlast'. 2019. T. 27. № 4. S. 69–78 (in Russian).
4. Kellerman A. The Internet as Second Action Space. Routledge, 2018.
5. Pyrma R.V. Kontseptsii grazhdanskogo aktivizma v tsifrovom prostranstve kommunikatsiy // Vlast'. 2020. T. 28. № 2. S. 74–81. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7137> (in Russian).
6. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. Social Media + Society, 2015. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.
7. Xenos M., Vromen A., Loader B. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies // Information, Communication & Society. 2014. № 17 (2). P. 151–167. doi:10.1080/1369118X.2013.871318.
8. Coleman S. Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process // Public Policy Research. 2007. Vol. 13 (4). P. 257–261.
9. Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // The British Journal of Politics and International Relations. 2016. Vol. 18 (3). P. 521–537.

10. Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // *European Political Science Review*. 2018. № 10 (1). P. 139–163. doi:10.1017/S1755773916000230.
11. Melo D., Stockemer D. Age and political participation in Germany, France and the UK: A comparative analysis // *Comparative European Politics*. 2014. № 12. P. 33–53. <https://doi.org/10.1057/cep.2012.31>.
12. Пырма Р.В. 'Elektoral'naya aktivnost' molodyozhi v SSHA, Velikobritanii, Frantsii, Germanii i Rossii (sravnitel'noe issledovanie) // *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2019. № 4 (95). S. 188–204 (in Russian).
13. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research // *Social Science Computer Review*. 2020. № 38 (2), P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.
14. Пырма Р.В. Protestnye nastroyeniya rossiyskoy molodyozhi v tsifrovoy seti // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2019. Т. 9. № 6 (42). S. 100–110 (in Russian).
15. Brodovskaya E.V., Khuang T. Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaya mobilizatsiya i politicheskiy protest rossiyskoy molodyozhi // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. № 5. S. 3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01> (in Russian).
16. Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. Grazhdanskiy aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya // *Vlast'*. 2014. № 9. S. 11–19 (in Russian).
17. Barash R.E., Petukhov V.V., Petukhov R.V. Informatsionno-kommunikatsionnye faktory formirovaniya novykh praktik grazhdanskogo aktivizma // *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015. № 4 (12). S. 99–125 (in Russian).
18. Balashov A.N., Bochanov M.A. Internet-tekhnologii kak faktor razvitiya politicheskoy aktivnosti grazhdan: trendy i protivorechiya // *PolitBook*. 2017. № 2. S. 22–34 (in Russian).
19. Bronnikov I.A. Krizis predstavitel'noy demokratii i novye praktiki grazhdanskogo aktivizma // *PolitBook*. 2018. № 1. S. 64–78 (in Russian).
20. Akhremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Set' ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v sotsial'nykh media: teoriya i analiz dannykh // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020. № 2. S. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06> (in Russian).

Н.С. ГРИГОРЬЕВА*

Жизненные планы студенческой молодёжи: семья versus карьера

Цель проекта, реализованного на факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова¹, — междисциплинарное исследование стратегий семейного поведения молодёжи в контексте исполнения Национального проекта «Демография» (2019–2024) и вызовов, связанных с социально-экономическим развитием страны. Были поставлены и решены следующие задачи: выявлены основные стратегии семейного поведения студентов; проведён мониторинг изменений в стратегиях студентов в сравнении с аналогичным исследованием 2008 г.; определены факторы, влияющие на формирование брачно-семейных установок в зависимости от профиля образования и вуза; проведён анализ государственной семейной и молодёжной политики через призму её восприятия в студенческой среде; разработаны рекомендации и предложения по коррекции государственной социальной политики в части проектов и программ по демографии, семейной и молодёжной политике, их мониторингу и оценке. Итоги проекта представлены в докладах на всероссийских и международных конференциях, обсуждены на круглом столе, организованном на факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, и отражены в публикациях в 2019–2020 гг.²

¹ Рабочая группа проекта: Н.С. Григорьева — д.п.н., проф., руководитель проекта, Е.В. Андрияшина — к.п.н., доцент, Е.А. Панова — к.с.н., доцент, С.Ю. Лутошкина — к.с.н., ассистент.

² Андрияшина Е.В., Панова Е.А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодёжи // *Ars administrandi. Искусство управления*. Т. 11. № 2. <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=671>; Андрияшина Е.В., Григорьева Н.С., Панова Е.А. Семейные стратегии современной российской студенческой молодёжи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // *Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал)*. № 77. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10027 — http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/77_2019andryushina_grigorieva_panova.htm; Панова Е.А., Андрияшина Е.В. Семейные стратегии современной российской молодёжи как ключевой фактор демографического развития страны // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 14. № 5. С. 186–200 — <http://www.orel.ranepa.ru/nauka/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk-tom-14-5.php?s=2005>; Андрияшина Е.В., Панова Е.А. Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми: практика современной России // *Власть*. 2019. Т. 27. № 5. С. 105–111 — <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6727>; Андрияшина Е.В., Григорьева Н.С., Панова Е.А. Гендерные аспекты исследований семейных стратегий российской студенческой молодёжи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 годов // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 99–113 — <https://womaninrussian-society.ru/article/andryushina-e-v-grigorieva-n-s-panova-e-a-gendernye-aspekty-izucheniya-semejnyx-strategij-rossijskoj-studencheskoj-molodezhi-rezultaty-komparativnogo-analiza-issledovaniy-2008-i-2019-gg-str/> DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.9.

* **Григорьева Наталия Сергеевна** — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Семейные стратегии современной российской студенческой молодёжи: 10 лет спустя (выводы для современной социальной политики в области семейных отношений)» (19-011-31083). E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

Проект показал необходимость постоянного мониторинга изменений, происходящих в молодёжной среде в отношении семейных стратегий, в целях оперативной адаптации приоритетов государства в ходе реализации национальных проектов России.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, государственная семейная политика, семейные стратегии студентов, репродуктивные и карьерные установки студентов

Институт семьи на протяжении своего долгого исторического развития, с одной стороны, показал себя как одно из самых стабильных социальных образований, а с другой — претерпел значительные изменения; и современная семья всё в большей степени базируется не на ролевых взаимоотношениях, а в основном на межличностных. Это свойство современной семьи отметил ещё Э. Дюркгейм в конце XIX в. [1]. Всего за несколько десятилетий семейная система, в которой «изменения происходили медленнее, чем в любых других общественных системах, трансформировалась радикальнейшим образом» [2], время между различными доминирующими моделями семьи, которые развивались на протяжении тысячелетий, значительно сократилось, а конец XX – начало XXI в. придали этому процессу немислимое до этого ускорение [3]. В результате жизненные графики настолько индивидуализировались, что члены семьи... практически не встречаются лицом к лицу. Многим, для того чтобы такая встреча состоялась, нужно изучить «общую базу данных, куда все члены семьи закладывают информацию о своём расписании» [2].

В России большая часть подобных трансформаций относится к началу 1990-х гг., когда демографические проблемы громко заявили о себе [4]. Наряду с этим пришло понимание, что если ситуация не изменит-

ся, то в долгосрочной перспективе феномен естественной убыли населения приведёт к уменьшению численности населения России, одновременно с его существенным старением. Со всей очевидностью встал вопрос о необходимости модификации государственной демографической и семейной политики. В этом отношении знаковым стало Послание Президента России Федеральному Собранию (2006 г.), в котором подчёркивалось, что преодоление демографического кризиса и решение «семейного вопроса» являются важными для государства и для этого оно готово мобилизовать как экономические, так и идеологические ресурсы. Предложенные меры по стимулированию рождаемости были законодательно оформлены, а после принятия в 2007 г. Концепции демографического развития страны в исследовательском поле появился новый запрос — как меры государственной политики воспринимаются в различных социальных группах населения.

В 2008 г. с целью выяснения отношения современных студентов к семье, её месту в системе жизненных ценностей и приоритетов, институту брака, рождению детей и т.д. был выполнен проект «Семейные стратегии современной студенческой молодёжи»¹. Мы посчитали важным посмотреть, как изменились (изменились ли) эти стратегии спустя 10 лет, для чего было проведено аналогичное исследование с использованием инстру-

¹ Проект был поддержан гендерной тематической группой организаций ПРООН в Российской Федерации. Результаты исследования размещены на сайте субрегионального бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии: «Семейные стратегии современной российской студенческой молодёжи. Решение конфликта «работа–семья» (автор: Григорьева Н.С.). 2009 – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312488.pdf (дата последнего обращения: 16.10.2020).

ментария 2008 г. и на той же исследовательской базе.

Основные методы исследования

В качестве *объекта* исследования выступили студенты старших курсов (возраст 21–22 года) — именно в данной социальной группе в основном сконцентрирован репродуктивный потенциал социума, который в свою очередь в значительной степени зависит от готовности молодых людей к семейным отношениям и рождению ребёнка. *Предмет* исследования — стратегии семейного поведения студентов Москвы в контексте выработки жизненных планов и предпочтений на момент завершения ими обучения в высшем учебном заведении.

В исследованиях в 2008 г. и 2019 г. приняли участие равное число студентов естественных, технических и гуманитарных специальностей вузов Москвы.

Исследование проводилось методом анкетирования. В исследовании 2019 г. повторились переменные 2008 г. и в той же формулировке, что позволило провести компаративный анализ. В 2008 г. анкетирование было аудиторным, очным; в 2019 г. — заочным (опрос через компьютерную сеть для студентов гуманитарных факультетов) и очным (аудиторным) — для студентов естественных факультетов.

В то же время исследование имеет и определённые ограничения — респондентами были студенты ведущих учебных заведений Москвы, что заведомо сужает диапазон выводов.

Важно отметить, что ответы студентов в 2008 г. и в 2019 г. опираются на разный нормативно-правовой фундамент. В 2006 г. была принята программа «Материнский капитал» (вступила в действие с 1 января 2007 г.). Эту меру могли оценить респонденты в 2008 г., что предопределило их ответы. За прошедшие десять лет были приняты принципиальные решения, направленные на оказание помощи семьям, которые нашли отражение

в Национальном проекте «Демография» (2019–2024) и в других документах, что в определённой мере сказалось на ответах респондентов 2019 г.

Тем не менее сходность характеристик респондентов и идентичность вопросов позволили выполнить уникальное сравнительное исследование и получить качественно значимые показатели. Его результаты стали основой для формирования научно-обоснованных, эмпирически верифицированных, а также значимых с точки зрения управления выводов и рекомендаций по совершенствованию государственной демографической и молодёжной политики, одновременно являясь драйвером для развития дальнейших научных исследований в этой сфере.

В ходе подготовки к проекту был проведён обзор публикаций исследований семейных стратегий молодёжи в России за обозначенный в проекте период 2008–2018 гг. Эти публикации условно были систематизированы в три группы. Первая — это труды, в фокусе которых общие вопросы государственной демографической и семейной политики [5–7 и др.]. Во вторую группу были включены публикации, в которых рассматривались проблемы молодёжной семейной политики [8–10 и др.]. И, наконец, третья группа — это, в большинстве своём, работы, основанные на результатах исследований студенческой молодёжи [11–13 и др.], при этом особо были отмечены исследования, проведённые в регионах России [14–16 и др.].

Стратегии семейного поведения студенческой молодёжи: целевые установки и выбор жизненного пути

Результаты исследования

Ответы респондентов были объединены в две группы.

В первую вошли ответы, в которых не удалось обнаружить существенных различий по сравнению с 2008 г., несмотря на изменения исходных условий,

а также действий, реализованных российским государством в сфере демографической, семейной и молодёжной политики. Например, как в 2008, так и в 2019 г. студенты не смогли определиться с ответом на открытый вопрос «Что такое семья?», продемонстрировав высокий разброс мнений. Более того, значительная часть респондентов даже не пыталась как-то сформулировать своё понимание семьи. В ответах молодых людей преобладали скорее эмоциональные характеристики, чем попытки дать хоть какое-то определение.

Так же «единодушны» студенты были при ответе на вопрос «хотели бы Вы повторить модель родительской семьи?». Преобладающее большинство ответило «нет». В то же время у студентов есть в ближайшем окружении ориентиры для формирования представлений о семье — это семьи бабушек и дедушек.

Оценки родительской семьи чаще транслировались через профессиональный (карьерный) рост: «...папа, безусловно, преуспел в карьере, мама тоже не отстаёт» или через степень поддержки: «мои родители всегда меня поддерживают, даже когда я неправ», «...родители показали, как нужно относиться к своим детям — вкладывать, вкладывать и вкладывать...»¹.

В обоих исследованиях лидирующую позицию по привлекательности для молодых людей занимает партнёрская модель брачных отношений, в которой прослеживается сбалансированно распределённый объем функций, закреплённый за каждым из партнёров. Популярность такой системы отношений, как «гражданский брак», остаётся высокой в молодёжной среде во многом «благодаря тому, что на уровне обыденного сознания произошла подмена понятий» [17] и незарегистрированные отношения стали назы-

вать «гражданским браком». Большинство респондентов весьма позитивно воспринимает его как вариант реализации на практике возможности попробовать, что представляет собой семейная жизнь (46,4%) и проверить чувства друг друга в формате повседневной жизни (7,7% опрошенных).

Данные опроса 2019 г. позволяют говорить о том, что, разделяя основные ценности семьи (присутствующие в ней любовь, поддержку, доверие), современная российская студенческая молодёжь наполняет этот базовый контур новым содержанием, реализующемся в новых формах семейных отношений.

В обоих исследованиях планы студентов чётко выражены: образование — карьера — потом всё остальное (в том числе и семья). При этом молодые люди признают ценность семьи, однако в их ответах присутствует выраженный пессимизм в восприятии создания и реализации себя в семье как индикатора успеха в жизни².

Вторую группу составили ответы, в которых были обнаружены значительные расхождения. Особенно это касается планируемого числа детей (рис. 1).

Респонденты — и юноши, и девушки — склонны к модели семьи с двумя-тремя и более детьми. Однако в исследовании 2019 г. зафиксировано значительное увеличение числа тех, кто не планирует иметь детей. По сравнению с исследованием 2008 г. увеличение произошло в 2,5 раза среди юношей и в 1,3 — среди девушек. Эта «планируемая бездетность» в 20-летнем возрасте не может не тревожить. Причём рост этой группы респондентов произошёл «за счёт» уменьшения группы студентов, которые в исследовании 2008 г. были среди тех, кто планировал иметь одного-двух детей. В 2019 г. среди девушек мы отметили и две контртенденции:

¹ Выдержки приведены из эссе, написанных в 2008 г.

² Подробнее с оценкой результатов анкетирования можно познакомиться в публикациях, которые были приведены в начале статьи.

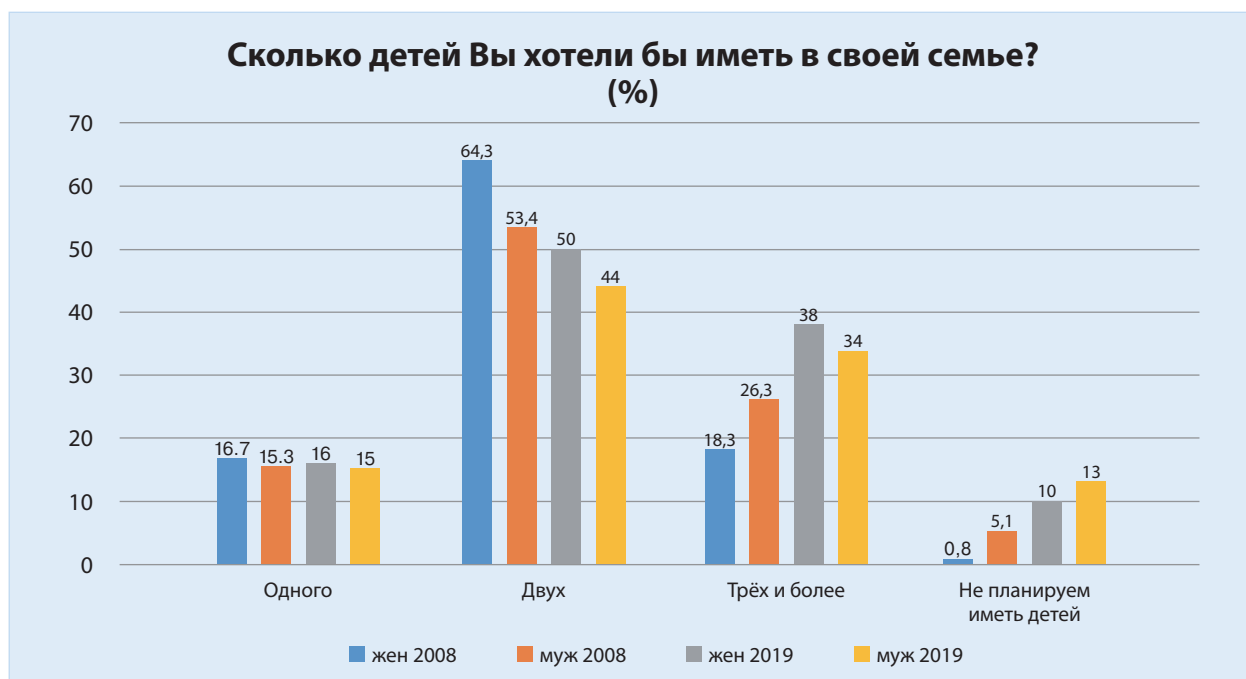

Рис. 1. Планируемое число детей в семье

одновременное увеличение числа девушек, не планирующих иметь детей, и тех, кто хотел бы стать многодетными матерями¹.

Изменилось отношение к факторам, негативно влияющим на желание молодёжи вступать в зарегистрированный брак. На первом месте в 2019 г. уверенно расположился ответ «психологическая неготовность к браку», тем самым отодвинув ответ «отсутствие желаемого уровня жизни», который был наиболее популярен в 2008 г. (табл.).

Значительный блок вопросов был связан с оценкой восприятия в студенческой среде современной государственной семейной и молодёжной политики. Оба исследования показали, что подавляющее большинство респондентов (около 70%) в реализации своих семейных стратегий

полагаются исключительно на собственные силы, роль же государства представляется им довольно ограниченной. В 2019 г., как и в 2008 г., около трети студентов придерживались мнения, что семья — личное дело каждого; при этом столько же были уверены в том, что, если государство ставит перед собой какие-либо цели в сфере семейной и молодёжной политики, оно должно иметь механизм гарантий их реализации. Эти выводы побудили участников проекта провести уточнение привлекательности для респондентов 2019 г. конкретных государственных мер стимулирования рождаемости [18]. Итоговый рейтинг семи вариантов ответов выглядит следующим образом (рис. 2).

Данные опроса выявили, что студенты нуждаются в государственной помо-

¹ Мы отдаём себе отчёт в том, что мнение студентов может измениться. Однако результаты исследования 2012–2013 гг. «Социальные факторы демографического поведения: проблема бездетности в РФ» позволяют говорить о том, что среди различных групп населения растёт число граждан, не планирующих иметь детей и реализовавших эти планы в своих жизненных стратегиях (подробнее см.: Григорьева Н., Дюпра-Куштанина В., Шарова М. Социальная политика в области родительства и бездетности: сравнительный анализ (Россия—Франция) // Журнал исследований социальной политики, 2014. Т. 12. № 1. С. 21–38. <https://jsps.hse.ru/article/view/3398>; Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В.А. Социальные факторы демографического поведения: феномен бездетности в России. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.

Таблица

**Факторы, которые, по мнению респондентов,
негативно влияют на желание вступать в зарегистрированный брак**

Фактор	Место в рейтинге
Нестабильная экономическая ситуация в стране	7
Нестабильная политическая ситуация в стране	10
Недостаточные меры по поддержке семьи со стороны государства	9
Отсутствие надёжного источника дохода	5
Отсутствие желаемого уровня/качества жизни	2
Психологическая неподготовленность	1
Отсутствие жилищных условий для создания семьи	6
Ценностные трансформации в обществе, семья перестаёт быть значимой	4
Неудачный опыт родителей или окружающих при создании семьи	3
Нежелание заводить детей	8

щи в решении жилищного вопроса и в целом — в финансовой поддержке, как и другие социальные группы молодёжи. Однако анализ показал, что современная государственная семейная политика включает ми-

нимумом мер в области поддержки именно студенческих супружеских пар. Адресная политика в отношении данной социальной группы практически отсутствует (в лучшем случае передана на уровень ре-

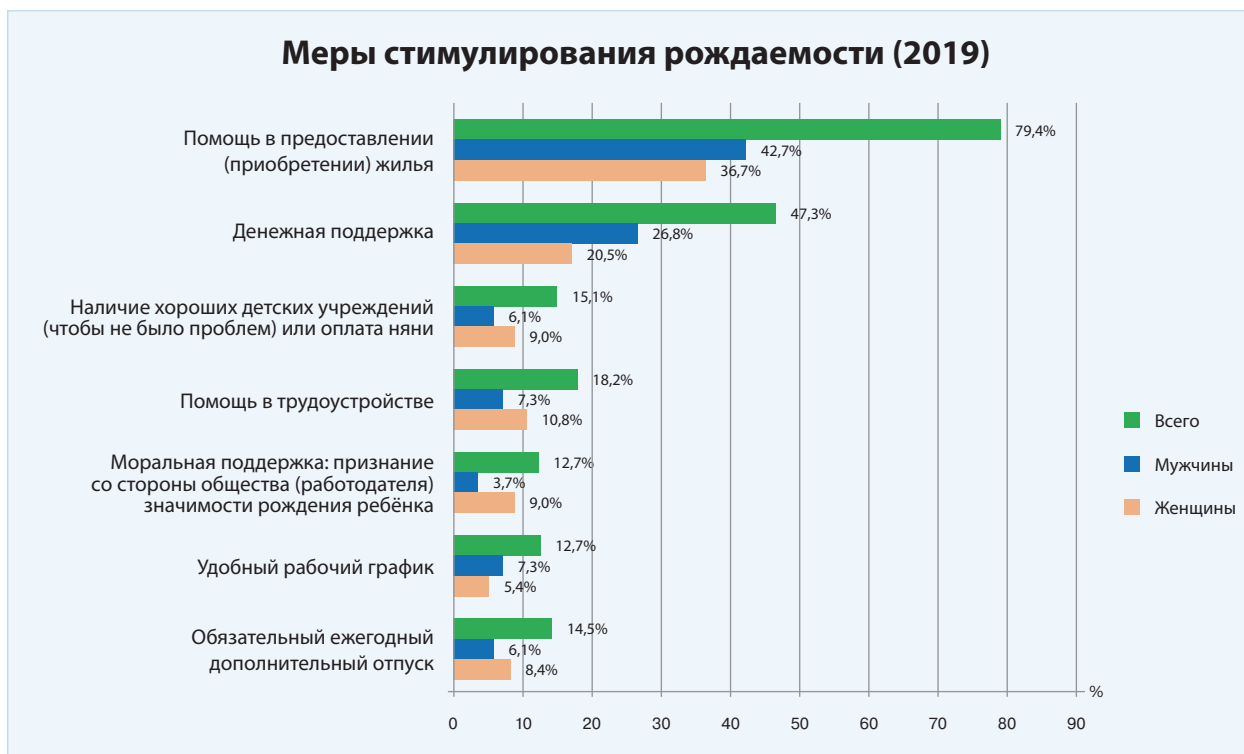

Рис. 2. Ранжирование мер по стимулированию рождаемости

гиональных властей или конкретных учебных заведений). Вероятно, по этой причине студенты в вопросах создания семьи склонны рассчитывать только на себя — отсюда рассуждения о необходимости личной свободы для того, чтобы «выстроить карьеру и достичь материального благосостояния» и о «психологической неготовности к созданию семьи».

Некоторые выводы

Научная значимость данного исследования может быть прослежена по трём основным направлениям. Во-первых, повторение исследования 10-летней давности, сравнительный характер проекта позволяют говорить о тенденциях в семейном поведении студенческой молодёжи, что предполагает возможность «проникновения в будущее» и прогнозирования трендов демографического развития. Во-вторых, новой исследовательской областью является изучение деструктивной мотивации поведения человека, в частности факторов, блокирующих желание студенческой молодёжи вступать в брачно-семейные отношения, рожать детей и т.д.¹ В-третьих, исследование трансформации стратегий студентов представляется важным для коррекции уже исполняемых проектов и про-

грамм в направлении формирования новых моделей управления в социальной сфере.

Вместе с тем семья остаётся важным приоритетом в системе жизненных ценностей студентов, поэтому государство может рассматривать данную социальную группу как активного субъекта демографического поведения и учитывать это при совершенствовании государственной социальной, демографической и молодёжной политики², в том числе и в вопросах грамотного сочетания семейных и профессиональных обязанностей.

Проектный вариант проведённого исследования требует осторожного использования его результатов. Количественные методы обязательно должны быть дополнены качественными. На наш взгляд, необходимо путём неструктурированных интервью со студентами, находящимися в официальном браке, выявить мотивационные механизмы стимулирования к рождаемости детей в российских студенческих семьях. И уже с учётом результатов предложить рекомендации по совершенствованию государственной семейной политики в направлении создания комплекса мер по адресной поддержке студенческих семей, в том числе стимулированию рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 58.
2. Тоффлер Э. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер; [пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун]. М.: АСТ: Профиздат, 2008. С. 57, 91.
3. Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанова В.А., Чубарова Т.В., Яковлева И.В. Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 1–22.

¹ После завершения проекта вышла публикация по материалам проведённых исследований: Григорьева Н.С., Лутошкина С.Ю. Репродуктивные стратегии российских студентов (по материалам исследований 2008, 2013 и 2019 гг.) // Репродуктивное здоровье и проблема абортов. М.: Благотворительный фонд им. Ю. Щекочихина, 2020. С. 25–34.

² В июне 2020 г. в Государственную Думу был внесён законопроект «О молодёжной политике в Российской Федерации» (в ноябре 2020 прошёл первое чтение), в котором определены понятие «молодёжь» и основные направления молодёжной политики.

4. Население России — 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: ИД ВШЭ, 2011. С. 123–124.
5. Елизаров В.В., Кочкина Е.В. Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости. М.: Вариант, АНО Совет по вопросам управления и развития, ИСЭПН РАН, 2014.
6. Рыбаковский О.Л. Демографическая динамика России: основные понятия, показатели, итоги за 1946–2017 гг. // Народонаселение. 2018. № 4. С. 14–22.
7. Носкова А.В., Кузьмина Е.И. Семьи сквозь призму разнообразия (о IX Конгрессе Европейского общества семейных отношений) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 153–155.
8. Коробейникова А.П., Попова Е.В. Молодая семья как объект государственной молодёжной семейной политики // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2013. № 2 (114). С. 34–39.
9. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Левая Н.А. Молодая семья в России в условиях семейного плюрализма: к вопросу о формировании семейной культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 59–63.
10. Гурко Т.А., Тарченко В. С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113.
11. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Репродуктивные установки студенческой молодёжи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 555–567.
12. Стельмах А.М. Российская студенческая семья как объект современной политики государства // Вестник КРСУ. 2017. Т. 16. № 10. С. 75–77.
13. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126–131.
14. Кузьмен О.В. Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодёжи России // Мониторинг. 2014. № 1 (119). С. 144–151.
15. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 73–81.
16. Ондар Л.М., Доспаноол Д.В. Представления тувинской студенческой молодёжи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 1 (15). С. 72–80.
17. Синельников А.Б. Значение семьи для сожителей и законных супругов. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни // Сборник материалов общероссийской научно-практической конференции «I Римашевские чтения» (Москва, 27 марта 2018 г.) / Под общ. ред. В.Н. Локосова; Отв. ред. Е.В. Кочкина; Ред. О.А. Александрова, Е.А. Баллаева, О.Н. Махарова, К.В. Виноградова. М.: ИП Вишняков А.В. М.: ИСЭПЭН РАН, 2016. С. 52–58.
18. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.

ENGLISH

Students' Life Plans: Family versus Career

Natalia Sergeevna Grigorieva – Doctor of Science (Politics), Professor of the Department of Political Analysis of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, head of the project “Family Strategies of Modern Russian Students: 10 Years Later (Conclusions with Respect to the Current Social Policy for Family Relations)” (19-011-31083).

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

The objective of this project, implemented at the Faculty of Public Administration of the Lomonosov Moscow State University, is interdisciplinary studies of family behaviour strategies of young people in terms of the ‘Demography’ National Project (2019–2024) and those of challenges associated with the socio-economic development of the country. The following objectives were set and achieved: the main strategies of students' family behaviour were identified; monitoring of changes in the students' current strategies by contrast of the similar studies carried out in 2008 was conducted; the factors which impact the formation of marital and family attitudes depending on the educational profile and the university were identified; the analysis of the state family and youth policy from the perspective of its perception by students was carried out; recommendations and proposals to adjust the state social policy as part of projects and programs on demography, family and youth policy, as well as those on their monitoring and evaluation were developed. The project outcomes were provided in the reports during national and international conferences and discussed at the round table organized by the Faculty of Public Administration of the Lomonosov Moscow State University and were covered in the publications of 2019–2020.

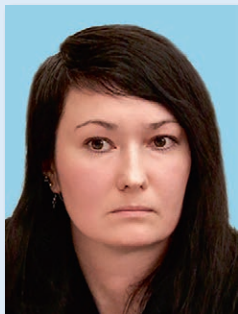
The project highlighted the need for continuous monitoring of changes in the youth milieu with respect to family strategies, in order to quickly realign the state priorities while implementing the national projects of Russia.

Keywords: students, state family policy, students' family strategies, students' reproductive and career attitudes

REFERENCES

1. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. M., 1990. S. 58 (in Russian).
2. Toffler E. Revolyutsionnoe bogatstvo: kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn' / Elvin Toffler, Kheydi Toffler; [per. s angl. M. Sultanovoy, N. Tsyркun]. M.: AST: Profizdat, 2008. S. 57, 91 (in Russian).
3. Grigor'eva N.S., Dyupra-Kushtanina V.A., Chubarova T.V., Yakovleva I.V. Brachnost' i roditel'stvo v kontekste evolyutsii sovremennoy sem'i: obzor mezhdunarodnykh issledovaniy // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2012. № 35. S. 1–22 (in Russian).
4. Naselenie Rossii – 2009: Semnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad / Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: ID VSHE, 2011. S. 123–124 (in Russian).
5. Elizarov V.V., Kochkina E.V. Gosudarstvennaya semeynaya i demograficheskaya politika v Rossii: k razrabotke effektivnykh mer povysheniya rozhdanosti. M.: Variant, ANO Sovet po voprosam upravleniya i razvitiya, ISEPN RAN, 2014 (in Russian).
6. Rybakovskiy O.L. Demograficheskaya dinamika Rossii: osnovnye ponyatiya, pokazateli, itogi za 1946–2017 gg. // Narodonaselenie. 2018. № 4. S. 14–22 (in Russian).

7. Noskova A.V., Kuz'mina E.I. Sem'i skvoz' prizmu raznoobraziya (o IX Kongresse Evropeyskogo obshchestva semeynykh otnosheniy) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 3. S. 153–155 (in Russian).
8. Korobeynikova A.P., Popova E.V. Molodaya sem'ya kak ob"ekt gosudarstvennoy molodyozhnoy semeynoy politiki // Uchyonye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2013. № 2 (114). S. 34–39 (in Russian).
9. Samygin S.I., Vereshchagina A.V., Levaya N.A. Molodaya sem'ya v Rossii v usloviyakh semeynogo plyuralizma: k voprosu o formirovaniy semeynoy kul'tury // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 11. S. 59–63 (in Russian).
10. Gurko T.A., Tarchenko V. S. Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 7. S. 102–113 (in Russian).
11. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Reproduktivnyye ustanovki studencheskoy molodyozhi: tsennostnyy aspekt (obzor empiricheskikh issledovaniy) // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2017. T. 17. № 4. S. 555–567 (in Russian).
12. Stel'makh A.M. Rossiyskaya studencheskaya sem'ya kak ob"ekt sovremennoy politiki gosudarstva // Vestnik KRSU. 2017. T. 16. № 10. S. 75–77 (in Russian).
13. Bagirova A.P., Shubat O.M. Sem'ya i roditel'stvo skvoz' prizmu mneniy studentok // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 126–131 (in Russian).
14. Kuz'men O.V. Rabota, professional'noe obrazovanie, sem'ya v tsennostnykh orientatsiyakh i predstavleniyakh studencheskoy molodyozhi Rossii // Monitoring. 2014. № 1 (119). S. 144–151 (in Russian).
15. Rostovskaya T.K. Sozdanie studencheskoy sem'i: motivatsiya i zhiznennyye strategii chlenov molodykh studencheskikh semey // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2015. № 4 (40). S. 73–81 (in Russian).
16. Ondar L.M., Dospanool D.V. Predstavleniya tuvinskoy studencheskoy molodyozhi o sem'e i brake // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. 2017. № 1 (15). S. 72–80 (in Russian).
17. Sinel'nikov A.B. Znachenie sem'i dlya sozhitel'ey i zakonnykh suprugov. Sberezhenie naseleeniya Rossii: zdorov'e, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni // Sbornik materialov obshcherossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «I Rimashevskie chteniya» (Moskva, 27 marta 2018 g.) / Pod obshch. red. V.N. Lokosova; Otv. red. E.V. Kochkina; Red. O.A. Aleksandrova, E.A. Ballaeva, O.N. Makharova, K.V. Vinogradova. M.: IP Vishnyakov A.V. M.: ISePEN RAN, 2016. S. 52–58 (in Russian).
18. Arkhangel'skiy V.N., Zin'kina Yu.V., Korotaev A.V., Shul'gin S.G. Sovremennyye tendentsii rozhdamosti v Rossii i vliyaniye mer gosudarstvennoy podderzhki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 3. S. 43–50 (in Russian).

И.А. СИМОНОВА*

Социально-политические стратегии молодёжи: между D.I.Y. и институциональными форматами

Современная молодёжь характеризуется множественностью и текучестью коллективных субъектов, заявляющих о своих интересах, правах и потребностях. «Рассеянная» политизация молодёжи ощущается и в расширении репертуара ее социально-политических активностей, реализация которых возможна сегодня не только в вертикали официальных государственных институций, но происходит и в горизонтальной плоскости автономных «низовых» инициатив по принципу D.I.Y. (Do it yourself), что создаёт проблему описания и систематизации указанных феноменов. Цель статьи — актуализировать результаты проведённого в 2019 г. исследования, направленного на создание и апробацию инструментов для описания современных явлений институциональной и самоорганизованной политизации молодёжи, а именно на разработку концепции социально-политической стратегии и определение репертуара таких стратегий в молодёжной среде.

В работе представлена концепция социально-политической стратегии, в том числе методологическая рамка, модель и типология социально-политических стратегий молодёжи России, включающая 10 основных типов, отражающих ориентацию на институциональные и самоорганизованные форматы политической активности с указанием их основных рисков. Методы исследования: контент-анализ высказываний в сети Интернет (на тематических ресурсах и в социальных сетях), анализ эссе студентов и учащихся школ (n = 21) по проблеме самоопределения в политике, интервью с элементами кейсов (n = 10) в 2019 г. и анализ результатов интервью 2017–2018 гг. (n = 17). Прошла апробацию диагностическая методика «Определение типа политической стратегии молодёжи» (n = 55). Методы экспертных оценок и мозговых штурмов с элементами форсайт-технологии использовались на этапе разработки рекомендаций по работе с молодёжью.

Ключевые слова: стратегия, социально-политическая стратегия, молодёжь, D.I.Y., политические институты, молодёжная политика, политическое участие, политическая активность

* **Симонова Ирина Александровна** — кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, руководитель проекта «Социально-политические стратегии молодёжи: между D.I.Y. и институциональными форматами» (19-011-32130).
E-mail: Luboe05@mail.ru

Почему нужно говорить о стратегиях и форматах политизации молодёжи?

В наши дни происходят изменения «тела» политики, её физической организации и содержания, что влечёт за собой необходимость пересмотра понятия политического и делает необходимым ввод представления о различных форматах, которые становятся пространством политизации молодёжи. Наряду с политическими институтами в условиях изменения состояния самих социальных форм (их гибридности, подвижности, размытости границ) в ходе политизации молодёжи формируются пространства, которые носят событийный характер, «распылены», не всегда субстанциональны. У молодёжи появляется выбор путей политизации, и он может носить нелинейный, ризоматический характер. Как следствие — возникает потребность описывать изменившееся политическое поведение молодёжи, понимать события, логику участия в них. Однако описание с точки зрения особенностей молодёжных сообществ или классических политических институтов оказывается не слишком эффективным, поскольку с ними уже не устанавливаются устойчивые социальные связи, они проницаемы, у них много альтернатив.

Современная молодёжь живёт в условиях отсутствия однозначных ориентиров, имеет возможность избегать готовых форм политизации и единых механизмов политической социализации, ей доступно обилие разнообразной информации, практик, референтных групп. Такие условия требуют от человека не просто ассоциировать себя с какой-то одной политической организацией, источником информации, практикой, единой константной целью: молодой россиянин вынужден вырабатывать общий подход к определению, что из предложенного ему ассортимента идей и инструментов годится для решения задач, которые определяются подвижностью (контекста, контингента, ситуаций и пр.). Концепт

«социально-политическая стратегия» — это ответ на описанные вызовы, он соответствует необходимости учёта комбинации когнитивных, контекстуальных, целевых и инструментальных компонентов деятельности человека в условиях «рассеянной» политизации, что позволяет говорить о его эффективности для решения задачи схватывания профилей современной молодёжной политической активности.

Материалы и методы исследования

В статье представлены результаты проведённого в 2019 г. исследования, направленного на создание и апробацию инструментов для описания современных явлений институциональной и самоорганизованной политизации молодёжи, а именно на разработку концепции социально-политической стратегии и определение репертуара таких стратегий в молодёжной среде. Исследование предполагало решение нескольких задач, касающихся установления теоретической рамки, позволяющей увидеть не только организованные «вертикальные» практики молодёжи, но и «горизонтальные» D.I.Y. практики и форматы её политизации; разработку понятийного аппарата концепции; построение модели и типологии социально-политических стратегий; разметку дальнейшей траектории работы с молодёжью с учётом полученных знаний.

На теоретико-методологическом этапе проводился анализ литературы. Для проработки концепции анализировались результаты интервью с молодёжью от 12 до 33 лет ($n = 17$) в 2017–2018 г., они легли в основу формирования рабочей версии типологии и пакета диагностических инструментов. В 2019 г. проведены интервью с элементами кейсов ($n = 10$) с молодёжью от 14 до 30 лет, подбор респондентов определялся разнообразием их биографии (предварительно были проанализированы их страницы в социальных сетях). Кроме того, на этапе сбора эмпирических данных проводится ана-

лиз контента в социальных сетях VK.com и Facebook (сообщества «Усы Пескова», «Концептуальный вандализм», «Интересный Екатеринбург», «Их хотят убить» и др., где бывают резонансные новости). Организованы сбор и контент-анализ эссе на темы «Человек и политика. Я и политика», «Ответственные граждане и горожане», «Молодые горожане: что мы можем?» (n = 21). Выработана и реализована с молодёжью от 12 до 35 лет (n = 55) опросная методика «Определение типа политической стратегии молодёжи». На прогнозном этапе при работе с экспертами были использованы методы оценок и мозговых штурмов с элементами форсайта.

Теоретическая рамка и ключевые положения концепции

В результате определена теоретическая рамка для понимания феномена социально-политических стратегий молодёжи, а также современных форматов её политизации:

- ◆ социальная топология Дж.Ло [1], С.А.Азаренко [2] и др., позволившая рассматривать в качестве основания стратегии определение и регулирование своего относительного положения в социальном пространстве, что подразумевает непредусловленность последнего, поскольку источником его существования и выступает человеческая коммуникация;
- ◆ социальная гетерология (Т.Х.Керимов [3]) и концепция ризомы Ж.Делёза и Ф.Гваттари [4], обеспечившие установку на принципиальную множественность модификаций человеческой практики, несводимости социальных форм к универсальному образцу, принципиальной нелинейности траекторий человеческого существования;
- ◆ методология постопераизма (А.Негри [5], М.Хард [6] и др.), позволившая расширить перечень явлений,

маркируемых как политические благодаря пересмотру самого понятия «политическое», а также постулировавшая присутствие децентрализованных, самоорганизованных форм политической активности (управление коллективным интеллектом) наряду с традиционными формами лидерства и партийной организации;

- ◆ положения теории социальной сборки М.Деланда [7], Ю.Такера [8] (вовлечённости в общественные и политические процессы «рассеянных» форм организации коммуникации (сетей, роёв, множеств) показали вариации форматов внеинституциональной политизации и связь их появления с изменениями в самой сущности политики;
- ◆ теория сцен Р.Хицлера [9], а также мобильности Дж.Урри [10], З.Баумана [11] обеспечили возможность корректно говорить о мобильности, проницаемости, гибридности молодёжных общностей; концепция М.Раше [12], раскрывающая потенциал стратегии как инструмента для социального анализа, интегрирующего перечень когнитивных, целевых и инструментальных компонентов.

Указанные установки обеспечили выработку оригинальной концепции, во-первых, способной описать целый комплекс явлений, связанных с политической активностью молодёжи, которые ранее были методологически вытеснены и трудно определимы как политические в логике институциональной политики; во-вторых, позволяющей дифференцировать молодёжь; в-третьих, дающей дестигматизирующий ракурс понимания её активности.

Таким образом, социально-политическая стратегия рассмотрена как методология определения своего относительного положения и построения сети коммуникаций с учётом прочих субъектов и институтов власти, определяемая результатами интерпретации существующих социальных связей с точки зрения возмож-

ностей и доступа к ресурсам для удовлетворения своих потребностей и интересов значимых для молодого человека (референтных) сообществ.

Можно сказать, что это методология получения доступа к ресурсам, которую реализует молодой человек релевантными для оцениваемой им ситуации средствами. Формат политизации — это социальное место (топос), предполагающее форму социального взаимодействия со специфически организованной коммуникацией, особенностями отношений между людьми, отражающей комбинацию социальных технологий, способных, при необходимости, оказать организующее воздействие на участников. Можно говорить о традиционных институциональных форматах политизации, таких как активность молодёжного правительства или партийное членство, но также и о формах политизации «сделай сам» (D.I.Y.) на базе независимых политических дискуссионных клубов, в рамках стихийно возникающих инициатив во временных объединениях, в сетевой активности, в волонтерских, проектных работах молодёжи.

Молодёжь о себе и политике: результаты эмпирического исследования

Указанное разделение просматривается на уровне эмпирических результатов. Так, удалось выделить две позиции молодых пользователей, выражающих своё мнение в сети: ориентация на институты с запросом на выполнение ими наиболее значимых политических и социальных задач; и ориентация на самоорганизованные формы активности, в том числе на личную инициативу и ответственность каждого как неотъемлемую составляющую современного политического процесса. Последующий контент-анализ эссе обнаружил аналогичные тенденции.

Молодые авторы отмечают наличие проблем в области взаимодействия государства и молодёжи. Размышляя о де-

структивных активностях в городах, многие (наряду с проблемами воспитания, общим уровнем интеллекта конкретных лиц) отмечали в качестве причин такого поведения слабое развитие каналов коммуникации между официальными институтами и молодёжью, оторванность молодых даже от тех институций, которые созданы для работы с ними. Аналогичные результаты были получены в ходе апробации разработанной для данного исследования опросной методики: так, несмотря на то, что официальные политические институты и механизмы политического действия, связанные с ними, признаются достаточно эффективными, уровень доверия к ним низок (рис. 1, 2).

Образ профессионального политика и сама институциональная политическая деятельность не связываются с интересами граждан (порядка 60% связывают политику с понятиями «деньги», «власть», «обман», «неискренность»). Интересно, что процент людей, оценивающих себя как политически пассивных, велик, однако практически все опрошенные прибегали при этом к тем или иным политическим практикам. Такая ситуация, вероятно, связана с желанием дистанцироваться от традиционно понимаемой сферы политического как от не вполне привлекательной. Также порядка 80% считают участие в политической активности опасным.

Интересно расхождение между уверенностью в возможностях молодёжного влияния на политическую ситуацию (рис. 3) и низкими оценками официальных инструментов, предлагаемых для этого (рис. 4), что говорит о видении возможностей успешной политизации вне официальных каналов.

Тревожным является признание в числе эффективных — наряду с институциональными и позитивными D.I.Y. практиками — радикальных политических практик.

Результаты интервью позволили подтвердить намеченные выводы. Респонденты продемонстрировали разнообразные социально-политические стратегии,

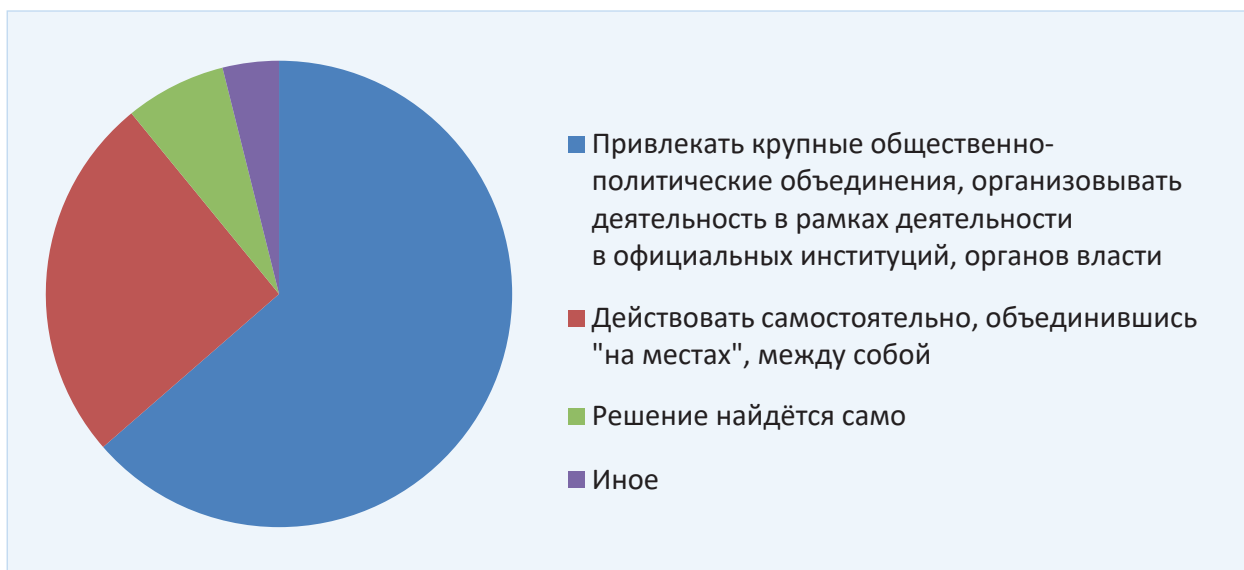

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что эффективнее для достижения значимой для группы людей цели»

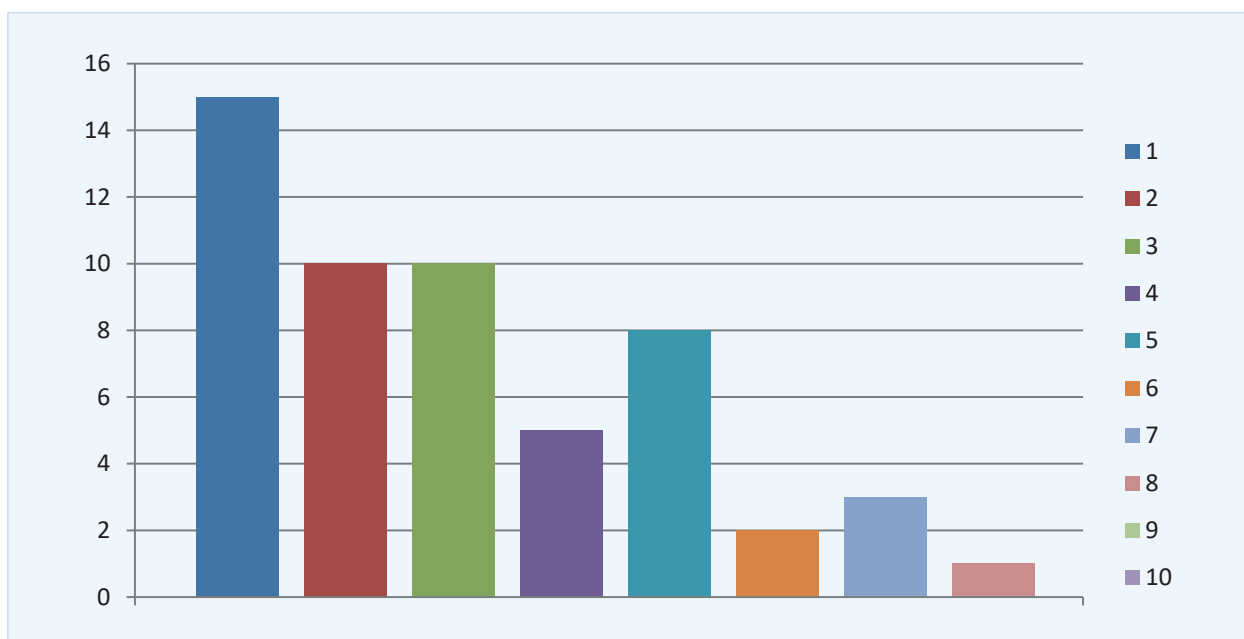

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько вы доверяете официальным политическим институтам (правительству, партиям, политическим объединениям)?», от 1 до 10, где 1 — совсем не доверяю, 10 — полностью доверяю

что выражалось, во-первых, в склонности к самоорганизованным формам активности, сопряжённым с низкими доверием и интересом к официальным институтам, либо в ориентации на институты как на наиболее эффективный источник политизации и реализации значимых проектов; во-вторых, в разной степени

политической осведомлённости и осознанности выбора инструментов политической активности; в-третьих, в разной степени фактической и потенциальной политической вовлечённости.

Интересно, что представления о том, что включается в сферу политического, весьма широки, они выходят у всех опро-

шенных за рамки институциональных феноменов. Отмечается, что ориентация на самоорганизованные D.I.Y. формы политизации, а также опыт сопричастности соответствующим форматам не указывают напрямую на вовлечение в деструктивные формы активности, т.е. молодые люди способны политизироваться за пределами институций, активность такого рода оказывается весьма продуктивной и может носить положительный ха-

рактер с точки зрения общественной полезности.

Примечательно, что даже у тех, кто продемонстрировал высокую осознанность, уровень политической компетентности мог быть достаточно невысоким, в том числе, по собственным оценкам. В целом, все высоко оценивали потенциал молодёжи, но взгляд на её политические возможности в институциональном измерении был скорее пессимистичным. Отме-

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как вам кажется, сегодня политика — это сфера, где молодёжь имеет возможность повлиять на ситуацию?»

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как бы вы оценили механизмы, которые созданы в России для политического участия молодёжи?»

тим, что D.I.Y. активности и соответствующие форматы вызывают больше интереса и доверия, чем институциональные версии, хотя влияние и эффективность официальных институтов признаёт большинство собеседников.

Модель политической стратегии молодёжи

На основании совокупности всех собранных данных была разработана модель политической стратегии молодёжи (рис. 5), состоящая из двух блоков:

Блок 1. Навигационный, включающий методологические элементы: процесс стратегирования, контекст и контент.

Методологический элемент «процесс стратегирования» отражает то, как принимаются решения, определяет особенности выбора влиятельной информации и способов работы с ней. Сюда входят такие характеристики, как уровень

осознанности принятия политических решений, подходы к выбору источников информации и приоритетных точек оценки (что является предметом оценивания).

Методологический элемент «контекст» отражает то, что учитывается при принятии решений (что влияет на изменение решений), какие внешние обстоятельства, контексты. Уклон делается на референтные группы и оценку своих возможностей через их положение. Иными словами, контекстуальный элемент представляет собой совокупность значимых контекстов, влияющих на определение и оценку человеком своего социального места. В него входят такие характеристики, как оценка своего положения в условиях актуальной социально-политической системы, профиль политической автотопологии человека (представление о своих возможностях в отношении до-

Рис. 5. Модель социально-политической стратегии молодёжи

ступности ресурсов и влияния на их распределение).

Методологический элемент «контент» отражает, какие типы решений являются релевантными и доступными, какие поведенческие паттерны присутствуют в числе вероятных инструментов (инструментальный потенциал).

Блок 2. Операционный, состоящий из набора релевантных навигационному блоку практик и техник политической активности. Сюда включены следующие методологические элементы: отбор форматов участия, отбор практикуемых инструментов влияния, устойчивость политических практик, оценка эффективности действий.

Содержание и соответственно тип политической стратегии не являются постоянными и изменяются в результате накопления молодым человеком политического опыта, неизменной остаётся структура, отражённая в представленной модели. В результате каждого акта политизации меняется система социально-политических координат, поскольку происходит пересмотр основных позиций навигационного блока. Модель отражает последовательную связь элементов навигационного блока, где процессная составляющая стратегирования и представления о контексте, которые конструирует и в своих практиках поддерживает индивид, определяют контент (набор допустимых практик действия). Однако контент не определяет напрямую операционный блок, на его содержание влияет комбинация элементов навигационного блока. Навигационный блок, в свою очередь будет зависеть от того, каким содержанием обладал операционный блок в ходе прошлого цикла политизации: насколько интенсивно она протекала, каков был выбор между институциональными и D.I.Y. форматами, какие в соответствии с этим были использованы комбинации инструментов политизации.

Модель показывает, что социально-политическая стратегия не является фикси-

рованным, отстранённым от происходящего умозрительным конструктом или теоретическим планом: стратегия не сложена, она всегда происходит, это всегда процесс, включающий принятие и реализацию решений, оценку того, что вокруг, какова относительная позиция человека, измеряемая (нащупываемая) им в ходе коммуникации по вопросам влияния и обладания ресурсами.

Типология социально-политических стратегий молодёжи

Также на основании собранных эмпирических данных с опорой на предложенную модель была разработана типология социально-политических стратегий молодёжи России. Оценка проводилась по трём основным параметрам:

- ◆ Выбор формата политизации: D.I.Y. (самоорганизация) / институциональный/отстранённый).
- ◆ Осознанность процесса стратегирования: рефлексивный тип/интуитивный тип.
- ◆ Включённость в процессы: активный/пассивный.

В результате выделены 10 основных типов, которые приведены ниже с указанием рисков, связанных с их реализацией индивидом:

- ◆ **Самоорганизованный рациональный активист:** полагается на собственную активность, испытывает недоверие к традиционным политическим институтам, самостоятельно ищет и использует информацию о политической ситуации и своих возможностях, политически активен. Риски: радикализация.
- ◆ **Самоорганизованный интуитивный активист:** ориентирован на локальное решение проблем, не доверяет институтам, интуитивно ориентируется на контекст и не артикулирует свои установки, не ищет информацию, политически активен. Риски: вербовка в делинквентные активности.

- ◆ **Самоорганизованный интуитивный пассивный:** ориентирован на самостоятельные действия, но, как правило, не вовлечён в процессы, скорее поддерживает уже происходящее действие, не вникает в подробности происходящего, испытывает недоверие к официальным институтам, занимает скорее наблюдательную позицию. Риски: малая доступность для официального взаимодействия, сложно обнаружить.
- ◆ **Самоорганизованный рациональный пассивный:** ориентирован на самостоятельное получение, сортировку и обработку информации, негативно настроен в отношении официальных институтов, не готов к активным физическим действиям. Риски: радикализация вследствие негативного жизненного опыта, токсичное политическое поведение.
- ◆ **Институциональный рациональный активист:** доверяет официальным политическим структурам, критически подходит к оценке поступающей информации, рефлексивирует, готов к конкретным действиям. Риски: переход активности в «карьеризм», разочарование в эффективности институтов.
- ◆ **Институциональный интуитивный активист:** вовлечённость в деятельность предпочитаемого политического института, эмоциональное восприятие происходящего, воодушевлённость, готовность к активным действиям. Риски: риск репутационных потерь для институции, дискредитация института, риск отвержения и радикализации, навязчивость, жёсткость, агрессивное поведение.
- ◆ **Институциональный интуитивный пассивный:** верит в эффективность институциональных механизмов, воспринимает готовую информацию без осмысления, не готов становиться субъектом изменений, следует самым очевидным дирек-

тивам. Риски: пассивность в отношении очевидных проблем, подверженность пропаганде, политический сёрфинг, виктимизация.

- ◆ **Институциональный рациональный пассивный:** доверяет эффективности институтов, ищет и оценивает информацию, ориентирован на официальные источники, не готов к активному участию. Риски: игнорирование собственных возможностей, потеря потенциала.
- ◆ **Комбинированный тип:** риски: политический сёрфинг, пассивность в результате отсутствия опций позитивной политизации.
- ◆ **Игнорирующий отстранённый:** не интересуется никакими формами и форматами политизации, игнорирует любые политические активности, не воспринимает политическую информацию. Риски: потеря потенциала, маргинализация.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости сохранения молодёжного разнообразия в пределах норм общественной и национальной безопасности. Это позволит достичь баланса в политической представленности молодёжного контингента, демаргинализации отдельных категорий молодёжи. Для этого целесообразно формирование единого образовательного пространства развития политической и гражданской компетентности, учитывающего неоднородность молодёжи; создание информационной платформы поддержки гражданской и политической субъектности молодёжи (единая поисковая система — люди, проекты, инвесторы, фонды, исследования; платформа с верифицированными пользователями для реализации опций онлайн-гражданства). Необходимы программа поддержки лояльности к политическому и гражданскому участию, мониторинг ситуации; нужны профильные коммуникативные площадки для молодёжи с различными социально-политическими стратегиями. Необходимо сформировать инфраструктуру, позволяющую всем

субъектам иметь доступ к информации друг о друге, легко устанавливать контакты и находить образовательную, ресурсную, технологическую поддержку для разнообразных инициатив. При этом приоритет не должен быть отдан только определённым типам молодёжи со стандартными институциональными стратегиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Law J. After ant: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / Ed. by J. Law J. Hassard. Oxford, 1999. P. 3–14.
2. Азаренко С.А. Сообщество тела. М.: Академический Проект, 2007.
3. Керимов Т.Х. Социальная гетерология. Екатеринбург: УралНАУКА, 1999.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; Науч.ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астель, 2010. С. 6–46.
5. Negri A. Approximations towards an ontological definition of the multitude, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.generation-online.org/t/approximations.htm> (accessed: 20.08.2020).
6. Negri A. and Hardt M. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. Penguin Books. 2004.
7. Delanda M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. L., 2006.
8. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. Part One. Theory. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=422> (дата обращения: 01.10.2020).
9. Hitzler R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute / R. Hitzler, A. Niederbacher. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
10. Urry J. Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000. <https://doi.org/10.4324/9780203021613>.
11. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.
12. Rasche A. The Paradoxical Foundation of Strategic Management. PhysicaVerlag Heidelberg, 2008.

ENGLISH

Social and Political Strategies of Young People: Across D.I.Y. and Institutional Patterns

Irina Aleksandrovna Simonova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Educational Comparativism of the Ural State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Social Philosophy at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, head of the project “Social and Political Strategies of Young People: Across D.I.Y. and Institutional Patterns” (19-011-32130).

E-mail: luboe05@mail.ru

Today's youth are characterized by the diversification and turnover of collective actors claiming their interests, rights, and needs. ‘Dispersed’ politicization of youth is also manifested in the extending range of socio-political activities, which at the moment may take place not only in the vertical structure of official state institutions, but also in the horizontal plane of autonomous ‘grassroots’ initiatives according to D.I.Y pattern (Do It Yourself), which raises the issue of describing and systematizing these phenomena. The

objective of this paper is to compile the outcomes of 2019 studies aimed at creating and testing the tools to describe the current phenomena of institutional and self-organized politicization of youth, namely, to develop the concept of sociological and political strategy and to determine the range of such strategies in the youth milieu.

The paper presents the concept of the sociological and political strategy, including a methodological framework, a model and typology of sociological and political strategies of the Russian youth, comprising 10 main types with the focus on the institutional and self-organized patterns of political activities along with the main risks identified. The research methods: the content analysis of statements on the Internet (on thematic resources and social networks), the analysis of essays by students and school pupils (n = 21) regarding the issue of self-determination with respect to politics, interviews comprising the elements of case studies (n = 10) conducted in 2019 as well as the analysis of interview findings for 2017–2018 (n = 17). The diagnostic method – ‘Determination of the youth political strategy type’ was appraised (n = 55). The Delphi approach and brainstorming with elements of technology foresight were used at the phase of developing recommendations to work with the young.

Keywords: strategy, sociological and political strategy, young people, D.I.Y., political institutions, youth policy, political participation, political activism

REFERENCES

1. Law J. After ant: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / Ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford, 1999. P. 3–14.
2. Azarenko S.A. Soobshchestvo tela. M.: Akademicheskii Proekt, 2007 (in Russian).
3. Kerimov T.Kh. Sotsial'naya geterologiya. Ekaterinburg: UralNAUKA, 1999 (in Russian).
4. Delyoz Zh., Gvattari F. Rizoma // Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / Per. s frants. i poslesl. Ya.I. Svirskogo; Nauch.red. V.Yu. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astel', 2010. S. 6–46 (in Russian).
5. Negri A. Approximations towards an ontological definition of the multitude, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.generation-online.org/t/approximations.htm> (accessed: 20.08.2020).
6. Negri A. and Hardt M. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. Penguin Books. 2004.
7. Delanda M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. L., 2006.
8. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. Part One. Theory. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=422> (data obrashcheniya: 01.10.2020).
9. Hitzler R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute / R. Hitzler, A. Niederbacher. Wiesbaden: VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2010.
10. Urry J. Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000. <https://doi.org/10.4324/9780203021613>.
11. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.
12. Rasche A. The Paradoxical Foundation of Strategic Management. PhysicaVerlag Heidelberg, 2008.

УДК 316.775

ГРНТИ 20.53.19

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-177-187

**Е.А. ИЩУКОВА,
Е.А. ТОЛОМАНЕНКО,
В.Д. САЛМАНОВ***

Влияние коммуникационных средств на современных подростков

Актуальная проблема современного общества, которая лежит в основе данной работы, заключается в том, что большинство подростков в возрасте от 10 до 18 лет проводят всё свободное время в сети Интернет, в том числе в социальных сетях, информация которых может оказывать негативное воздействие на психоэмоциональное состояние и культурно-нравственное воспитание молодёжи.

Целью данной работы является создание механизмов определения воздействия на подростка негативного контента современных коммуникационных сред, разработка комплекса мер, направленных на формирование положительных культурно-нравственных качеств подростка и воспитание культуры поведения в современной коммуникационной среде.

Весь комплекс задач исследования был разделен на два класса: технические и аналитические. Технические задачи заключались в разработке, реализации и исследовании алгоритмов для создания программ автоматизированного анализа страницы пользователя социальной сети. Аналитические задачи состояли в выявлении уровня влияния современной коммуникационной среды на молодых людей в возрасте до 22 лет, в том числе и подростков школьного возраста, а также в создании комплекса мер по поддержке подростков, оказавшихся в тяжёлых ситуациях, в формировании позитивных культурно-нравственных качеств молодых людей и культурного поведения при взаимодействии в современной коммуникационной среде.

Ключевые слова: социальные сети, кибербуллинг, Интернет, нейронные сети, машинное обучение

* **Ищукова Евгения Александровна** — кандидат технических наук, доцент кафедры безопасности информационных технологий Института компьютерных технологий и информационной безопасности (БИТ ИКТИБ) ЮФУ, руководитель проекта «Разработка и исследование методов и подходов, направленных на формирование положительных культурно-нравственных качеств подростка посредством использования современной коммуникационной среды» (19-011-33006).

E-mail: jekky82@mail.ru

Толманенко Екатерина Алексеевна — аспирант кафедры БИТ ИКТИБ ЮФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: kat.tea@mail.ru

Салманов Вячеслав Дмитриевич — аспирант кафедры БИТ ИКТИБ ЮФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: S_A_L_M_A_N_O_V@mail.ru

Задачи исследования

Актуальной проблемой общества сегодня является то, что большинство подростков в возрасте от 10 до 18 лет проводит всё свободное время в Интернете [1–3], в том числе в социальных сетях, где может оказываться негативное воздействие на их психоэмоциональное состояние и культурно-нравственное воспитание [4–6].

В процессе выполнения исследования был поставлен ряд задач, решение которых поможет решить и главную проблему, изложенную выше:

- ◆ разработать и реализовать алгоритм анализа открытых данных на странице пользователя социальной сети с целью выявления негативного контента;
- ◆ разработать и реализовать алгоритм анализа открытых данных на странице пользователя социальной сети с целью обнаружения изменений в его психоэмоциональном состоянии;
- ◆ предложить комплекс мер по оказанию помощи пользователям, чьё психоэмоциональное состояние указывает на то, что они находятся в состоянии стресса;
- ◆ предложить комплекс мер, направленных на формирование положительных культурно-нравственных качеств подростка, использующего современную коммуникационную среду, и провести эксперимент для анализа его эффективности;
- ◆ предложить комплекс мер по влиянию на воспитание культуры поведения в современной коммуникационной среде и провести эксперимент для анализа его эффективности.

Методы и подходы к решению поставленных задач

Весь перечень задач, которые необходимо было решить в рамках выполнения данного исследования, можно разделить на два класса: технические и аналитические.

Технические задачи заключались в разработке, реализации и исследовании ал-

горитмов для создания программ по автоматизированному анализу страницы пользователя социальной сети.

Для того, чтобы иметь возможность анализировать информацию со страницы социальной сети, был разработан и реализован алгоритм парсера. В контексте данного проекта парсер — это алгоритм, который позволяет извлекать данные со страницы социальных сетей для их дальнейшего анализа. В результате исследования было показано, что существующие на сегодняшний день парсеры (такие как Церебро Таргет, Pepper.ninja, Парсер ВКонтакте на базе Datacol, Парсер VK.brakov) не позволяют получить требуемую для анализа информацию, к тому же это, как правило, платные сервисы [7].

Так как согласно исследованиям наибольшее влияние на подростков оказывает социальная сеть ВКонтакте, разрабатываемый парсер был технически направлен на работу с этой соцсетью. Тем не менее, алгоритмы и подходы, предложенные в ходе работы над проектом, могут быть легко адаптированы для других коммуникационных сетей. При разработке парсера использовались методы API, которые делятся на обычные и расширенные. Разработанный программный скрипт запрашивает у приложения VK профиль выбранного пользователя и из введённого нами списка извлекает следующую информацию: фамилия, имя, дата рождения и возраст, образование, семейное положение и ссылку на партнёра и т.д. Поле будет оставаться пустым, если нет соответствующей информации (например, даты рождения).

Вся извлечённая информация является открытой, берётся из открытых полей профиля, которые автор страницы сам заполнил, к скрытым полям и данным разработанная программа доступа не имеет. Для анализа исходного кода страницы сайта и реализации парсера использовались HyperText Markup Language (далее — HTML), Cascading Style Sheets (CSS), Java

Script, Python, библиотека lxml, фреймворк Grab.

Для определения психологического портрета пользователя на основе данных из открытой страницы социальной сети использовался метод психологического анализа «Большая пятёрка», где МакКрае и Коста охарактеризовали меру индивидуальных различий человека с учётом его биологических свойств [8]. Термином «психологический портрет» описывается совокупность следующих признаков: экстраверсия/интроверсия; доброжелательность; сознательность; невротизм/эмоциональная стабильность; интеллект. При выборе этого метода анализа учитывалось то, что о каждом из пяти признаков, приведённых выше, можно судить как о самостоятельной черте характера. Кроме того, данный метод имеет сравнительно низкую погрешность результатов и удобен для процесса масштабной обработки данных. Для опроса были выбраны люди с максимально заполненными страницами личных данных. Всего в опросе приняли участие 1515 человек. Таким образом впервые было составлено множество вида «Аккаунт — результат теста» размером 1515 записей, которое использовалось в качестве обучающей выборки для разработанной нейронной сети.

На основе соотношения результатов тестирования и информации о данных респондентов из социальной сети была разработана и обучена нейронная сеть по анализу и определению темперамента и характера пользователя [9–10]. Учитывая специфику социальной сети ВКонтакте, для машинного анализа мы использовали следующие данные: публикуемые пользователем записи, количество фотографий, количество аудио-, видеозаписей, друзей, подписчиков, подписок на группы и сообщества пользователя. Здесь под «аккаунтом» понимается результат работы парсера — количественная информация о пользователе. «Результатом теста» является результат фактически пройден-

ного теста «Большая пятёрка» владельцами аккаунтов.

Для классификации информации была выбрана нейронная сеть прямого распространения радиально-базисных функций. Отличительные её свойства — применение монотонно убывающих и монотонно возрастающих с отдалением от центра функций, которое позволило бы разделить информацию на нужную и бесполезную и анализировать за счёт этого, а также обучение по методу обратного распространения ошибки. По этому методу сеть получает входные и выходные данные в большом количестве, а ошибкой является дельта между входом и выходом.

Разработанная нами нейронная модель состоит из пяти слоёв: входного, трёх скрытых и выходного. Первый слой представляет собой матрицу, размер которой определяется числом входных параметров и размером первого скрытого слоя. Выходной слой также является матрицей, которая возвращает результаты работы сети — предугаданные параметры, каждый из которых несёт информацию об одной из характеристик «Большой пятёрки» в виде сотой доли; соответственно, чем число больше, тем ярче проявляется характеристика. На скрытом слое нейронной сети происходит подстройка весов, формирование новых связей, которые позволяют сети самообучаться. Для улучшения качества процесса обучения входные данные были нормализованы путём вычисления среднего числа, математического ожидания, дисперсии. Предполагаемые выходные данные также были нормализованы. Оценка качества обучения проводилась путём вычисления функции потерь — среднеквадратичной ошибки MSE [11].

Для задачи определения негативного контента были разработаны два решения. Первое из них базировалось на создании специального словаря из слов, которые прямым или косвенным образом могут указывать на негативный контент. Клас-

сификатор рассчитывает вероятность принадлежности к негативному или позитивному классу тональности, допуская, что признаки в классе могут не зависеть друг от друга. Для решения задачи классификации текста происходит его разделение на n -граммы (униграммы, биграмы и триграммы). После этого алгоритм определяет количество позитивных и негативных текстов, в которых встретился конкретный n -грамм. Отличия этих значений будут характеризовать тон того или иного n -грамма, а вместе с этим — и всего текста.

Следующее решение базировалось на разработке нейронной сети с использованием специализированной библиотеки TensorFlow. При формировании словаря каждому новому его элементу присваивался определённый уникальный индекс, в результате был получен некий массив слов длиной n . Затем исходный текст разбивался на такие же слова и использовался как входной параметр нейронной сети в виде бинарного вектора длиной n . У такого объекта данных на месте совпадающих слов стоит единица, а в остальных позициях — нули. На втором слое нейронной сети участвовали 125 нейронов, на третьем — 25. Каждый нейрон на всех уровнях связывался с каждым нейроном из входящего слоя. На выходе нейронной сети образовывались два значения, которые характеризовали соотношение тональности текста (сумма этих двух параметров сводится к единице).

Для формирования описываемого словаря использовался набор размеченных пользовательских записей, как позитивной, так и негативной окраски. В связи с появлением в словаре редко встречающихся слов, эмоциональный тон которых в ходе обучения был определён однозначно, необходимо было исключить такие значения из словаря для повышения качества работы сети. Обучающимся множеством служила выборка из 200 000 записей пользователей. Для определения изменения психоэмоционального состоя-

ния пользователя анализировалось изменение показателей оценки тональности контента их страниц за разные периоды времени, сменяющие друг друга.

Аналитические задачи сводились к выявлению уровня влияния современной коммуникационной среды на школьников и подростков, а также молодых людей до 22 лет. Исследование предполагало анкетирование, которое было проведено с 01.09.2019 по 30.03.2020 г. Респондентами являлись школьники, подростки и молодые люди, чей возраст не превышал 22 года. Процесс анкетирования был анонимным и проходил на сайте <https://cyberpatronus.ru/>.

Школьники, участвующие в выполнении проекта, проводили работу по составлению наиболее важных вопросов и определению вероятных ответов для них.

Изначально были сформированы 40 вопросов. Но так как поколение Z не обладает усидчивостью и быстро теряет интерес к объёмным заданиям, усилиями школьников начальное число вопросов сократили до 15 основных. Таким образом был составлен опросник, содержащий 15 вопросов и имеющий добавочное поле, где респондент мог высказать своё мнение в любой форме.

Результаты анкетирования были проанализированы, классифицированы, удалены анкеты с заведомо ложными ответами, а также с комментариями, содержащими ненормативную лексику [12–13]. Так, например, в блоке вопросов, связанных с проблемой кибербуллинга, задавались вопросы: «Сталкивались ли Вы каким-либо образом с нападениями и травлей в Интернете?» и «Если бы Вы когда-либо подвергались травле или нападкам со стороны других людей, какую бы Вы хотели получить помощь?». В результате было выявлено, что около 10% опрошенных подростков подвергались травле или нападкам, около 5% принимали непосредственное участие в травле и более 32% опрошенных были свидетелями травли других подростков (рис. 1), при

Рис. 1. Вовлечённость подростков в процесс кибербуллинга

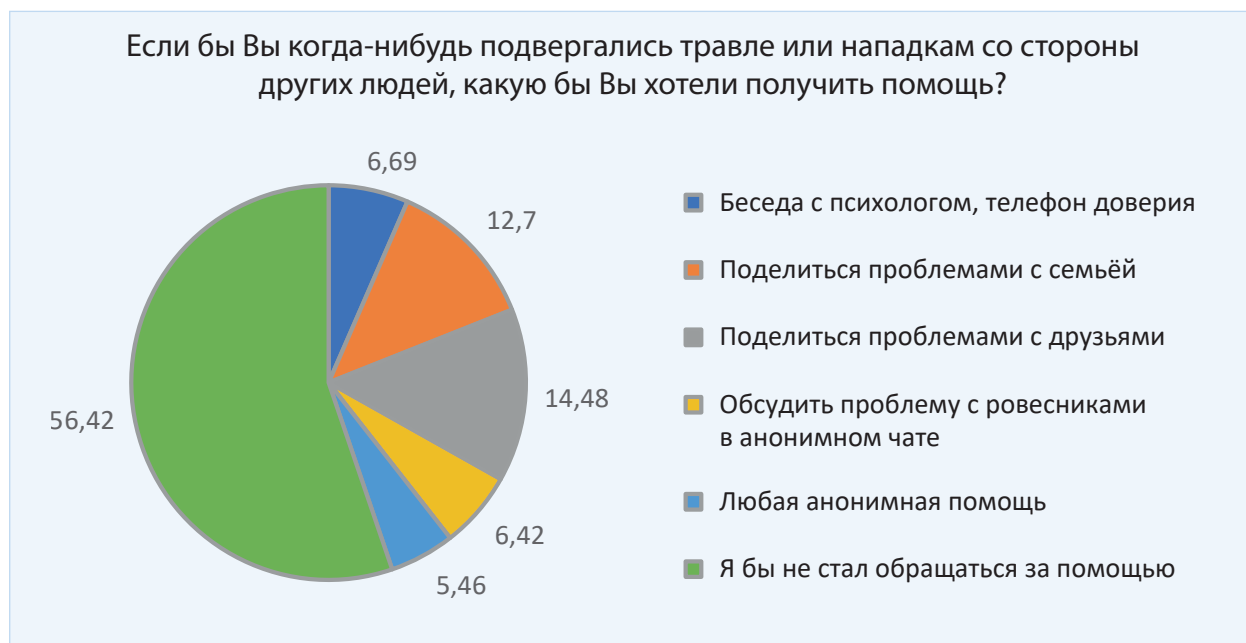

Рис. 2. Ожидание помощи в случае проблем

этом больше 50% опрошенных не стали бы обращаться за помощью (рис. 2).

Полученные результаты исследования

Техническая часть проекта сводилась к разработке и исследованию новых алго-

ритмов для определения негативного контента на открытых страницах социальных сетей пользователей, а также алгоритмов для отслеживания изменений психоэмоционального состояния пользователя. Часть из разработанных алгоритмов внедрена в качестве сервиса, с помощью

которого можно отслеживать изменение тональности сообщений за последние полгода на пользовательских страницах в социальной сети ВКонтакте. Дальнейшее развитие и совершенствование данного сервиса даст современному обществу средство для предотвращения и предупреждения негативных последствий у подростков и молодых людей, которые используют современные коммуникативные сети.

Среди наиболее значимых результатов можно выделить следующие:

1. Разработан, реализован и опробован алгоритм для сбора данных с доступных пользовательских страниц социальной сети и их последующей разметки (парсер).
2. Разработан, реализован и опробован алгоритм для построения «психологического портрета» пользователя на основе метода психологического анализа «Большая пятёрка».
3. Разработан и реализован алгоритм определения тональности текста на основе использования словарей и языковых правил. Для проверки работоспособности алгоритма были созданы три аккаунта в социальной сети ВКонтакте. Первый аккаунт с негативным контентом, второй аккаунт — с положительным и третий — со смешанным. Показано, что при анализе коротких сообщений алгоритм срабатывает правильно в 99% случаев. При использовании длинных сообщений, стихотворных форм, употреблении большого количества географических названий, которые не содержатся в словаре, точность работы алгоритма снижается до 85%.
4. Разработан и реализован алгоритм определения тональности текста, построенный с применением нейронной сети с использованием программной библиотеки TensorFlow. Явным минусом разработанного алгоритма является тот факт, что большинство постов с незнакомыми словами классифицируется как негативные, а публикация с перечнем одиночно стоящих

позитивных слов, но несущих в целом негативный характер, определяется как позитивная. С этой точки зрения алгоритм требует доработки. Точность работы алгоритма оценивается в 86%.

5. Разработан, реализован и внедрён сервис, с помощью которого можно отслеживать изменение тональности сообщений за последние полгода на пользовательских страницах в социальной сети ВКонтакте. Сервис доступен на сайте <https://cyberpatronus.ru/>.
6. Для социальной сети ВКонтакте разработан и реализован чат-бот, который предлагает пользователям перейти на сайт Киберпатронус (<https://cyberpatronus.ru/>), пройти опрос, оценить уровень тональности записей на странице пользователя либо найти помощь и поддержку (статьи и обратная форма связи).

В рамках аналитической части проекта был сформирован опросник, состоящий из 15 ключевых вопросов, которые практически полностью охватывают область влияния сети Интернет на современное молодое поколение, как было подробно описано ранее [12]. Проведённые исследования позволили выявить ряд проблем, которые появляются у подростков в процессе их общения и взаимодействия в цифровом пространстве. Такие недостатки информационно-коммуникационной сферы возникают в связи с высокой скоростью развития информационных технологий, сервисов, доступных в сети Интернет, с изменением образа жизни современного пользователя и формата его общения с реальным на виртуальный. Чтобы глубже изучить ситуацию, лучше понять реальные масштабы проблемы, представляется необходимым расширить географию проводимого опроса, получить данные от большего количества респондентов — подростков в возрасте от 10 лет и старше. Ряд школьников был привлечён к анкетированию благодаря содействию Управления образованием города Таган-

рога, руководителей средних и средних специальных образовательных учреждений, коллег, распространению рекламы в средствах массовой информации и т.д. Для удобства участников опроса из других стран анкета и сайт проекта были переведены на английский язык.

По состоянию на 30 марта 2020 г. в анкетировании приняли участие порядка 2200 подростков из различных субъектов Российской Федерации. По результатам опроса был сформирован массив данных, информация была классифицирована по количественному и качественному признакам. Отвечая на вопросы, респонденты указывали свой возраст, что также учитывалось при классификации — ответы были распределены по возрастным группам: до 14 лет, 15–16 лет, 17–18 лет и старше 19 лет.

На основе анализа полученных результатов сделаны следующие выводы [14]:

1. Ресурсами сети Интернет очень часто (по собственным меркам респондентов) пользуются 83,9% опрошенных подростков. Наибольшую активность проявляет возрастная группа 17–18 лет. В этом сегменте всего 0,4% сообщили, что не пользуются социальными сетями и сетью Интернет, а 12,2% используют эти ресурсы только в образовательных целях.
2. Опрос показал, что более 82% молодых респондентов пользуются интернет-сервисами для коммуникации и просмотра контента — развлекательных видеороликов, фильмов и т.д. Кроме того, важно отметить, что почти 66,8% респондентов занимаются саморазвитием благодаря цифровым ресурсам сети, что безусловно является положительным аспектом.
3. Большинство опрошенных подростков отдаёт предпочтение социальной сети ВКонтакте — более 80% респондентов имеют в ней свои аккаунты. Среди подростков возрастных групп «до 14 лет» и «от 15 до 16 лет» наблюдается тенденция приобретения интереса к соци-

альной сети ВКонтакте — порядка 30% опрошенных. Из этого следует вывод, что примерно в этом возрасте происходит вход подростка в цифровое пространство сети.

4. Опрос также позволяет получить информацию о родителях подростка; примерно треть родителей не имеет своей страницы в социальной сети, поэтому зачастую не видят активности своего ребёнка, публикуемого и просматриваемого контента на страницах своих детей.
 5. Менее половины респондентов (41,5%), сообщают, что чувствуют себя в безопасности, пользуясь сетевыми ресурсами. Остальные признаются, что либо затрудняются дать ответ (34,2%), либо вовсе не чувствуют себя защищёнными (24,3)%.
 6. 10% опрошенных смело могут контактировать с незнакомцами в социальных сетях. При этом около 50% подростков решились бы обсудить возникшие у них проблемы с близкими друзьями или родителями. Однако, примерно 20% никогда не поделились бы ни с кем своими проблемами.
 7. Самым важным наблюдением по итогам опроса является факт того, что почти половина респондентов тем или иным образом причастна к процессу травли в сети — кибербуллинг: были свидетелями цифровой травли, признались, что сами проявляли грубость или же становились жертвами кибербуллинга. При этом более половины опрошенных, 56% подростков, говорят, что не стали бы прибегать к помощи посторонних в случае вовлечения их в процесс кибербуллинга.
- С целью привлечения внимания общества к проблеме травли в сети и оказания разного рода помощи нуждающимся подросткам был организован Всероссийский конкурс творчества молодёжи «Киберпатронус» (<https://cyberpatronus.ru/cyberpatronus-event>) [15]. Конкурс проходил в трёх возрастных сегментах (от 10

до 13 лет, от 14 до 17 лет, от 18 до 22 лет) и в 4 номинациях: «Рисунок», «Стихотворение», «Эссе, рассказ, сказка» и «Плакат с лозунгом».

На конкурс было представлено 75 работ от 62 участников из разных городов нашей страны (Москва, Дмитров, Чебоксары, Калининград, Новокузнецк, Таганрог, Ростов-на-Дону). Участники конкурса и студенты Южного федерального университета выразили желание обсудить проблему кибербуллинга, а также оставили положительные отзывы о промежуточных результатах проекта, разработанных технологических решениях и тематике проекта в целом.

Итоги конкурса планировалось обсудить в виде панельной дискуссии, однако из-за пандемии коронавируса и самоизоляции они были подведены в онлайн-формате на сайте проекта.

Результаты проведённого опроса показали, что большинство пользователей современных коммуникационных сетей не чувствуют себя в безопасности. Данная ситуация актуальна в равной мере для всех возрастных групп участников опроса. Это подтверждает гипотезу о том, что количество времени, прово-

димое в Интернете, не способствует повышению ИТ-грамотности пользователей сети. Почти каждый подросток, пользуясь современными компьютерными технологиями, не осознаёт, что таким образом может подвергнуть себя опасности в связи со скрытыми злонамерениями нечестных людей. Многие пользователи при этом не знакомы со способами защиты от возможных опасностей в сети. Вместе с тем порядка 90% респондентов опроса указали, что готовы при необходимости оказать помощь своим друзьям или родственникам, если те подвергнутся кибербуллингу. Это даёт надежду на то, что решение данной проблемы может иметь поддержку изнутри целевой группы, а не только из вне, со стороны старшего поколения.

По итогам выполнения проекта был подготовлен ряд статей, направленных на оказание помощи и поддержки для тех, кто попал в сложную ситуацию <https://cyberpatronus.ru/>. Для родителей и учителей был разработан сервис, с помощью которого можно отслеживать изменение настроения пользователя социальной сети ВКонтакте по содержанию его постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топюк А.В. Влияние социальных сетей на формирование морально-нравственных, духовных и коммуникативных качеств молодёжи // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: Сборник статей по материалам III Международной студенческой научно-практической конференции. Часть 3. URL: sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_3.pdf (дата обращения: 03.03.2019).
2. Шумских Т.Ю., Гладских Н.А., Буданова М.В. Влияние сети Интернет на процессы социальной адаптации школьников и студентов // <http://www.cscb.su/n/020901/020901001.htm> (дата обращения: 05.02.2020).
3. Социальные сети: возможности и риски для обучения и воспитания: Методические рекомендации / Министерство общего и профессионального образования Свердловской области; Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования»; Кафедра информационных технологий; авт.-сост. Н.В. Шпаруга, Г.А. Бутакова. Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2017.
4. Сейедтахер Г.А. Влияние Интернета на морально-духовные и социальные ценности студенческой молодёжи: Дисс. ... канд. пед. н. по специальности 13.00.01. 2013.

5. Шпак Н.О., Лихтенфельд В.В. Воздействие сети Интернет на духовно-нравственное развитие молодёжи // Общество и этнополитика: Материалы Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 24–26 сентября 2015 г.): В 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр.; Под науч. ред Л.В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. Ч. 2. С. 33.
6. Данина М.М., Шаляпин А.А. Социально-психологический аспект исследования социальных сетей в Интернете. <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/sotsialno-psikhologicheskiy-aspekt-issledovaniya-sotsialnykh-setey-v-internete> (дата обращения: 10.02.2020).
7. 35 инструментов для аналитики социальных сетей. <https://popsters.ru/blog/post/35-instrumentov-dlya-analitiki-socsetey> (дата обращения: 05.02.2020).
8. Тест Большая пятёрка (Big five). Пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста). Методика диагностики личностных факторов темперамента и характера (5PFQ). Источник: <https://psycabi.net/testy/388-test-bolshaya-pyaterka-pyatifaktornyj-lichnostnyj-oprosnik-r-makkray-p-kosta-metodika-diaagnostiki-lichnostnykh-faktorov-temperamenta-i-kharaktera-5pfq>.
9. Калябин А.А., Салманов В.Д., Ищуква Е.А. Психологический портрет пользователя на основе открытых данных профиля в социальной сети // Материалы VIII Всероссийской молодёжной школы-семинара по проблемам информационной безопасности «Перспектива-2019». Таганрог: Лукоморье, 2019. С. 150–153. https://drive.google.com/file/d/1n15Wn1bYgz_AqfrTQkJh8UfvP1sTxiFa/view.
10. Ishchukova E., Salmanov V., Kalyabin A. and Antonenko A. Approaches to construct a psychological portrait of users based on analysis of data in open profiles of social networks // 1st International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency SUMMA2019 // Proceedings – 2019 1st International Conference on Control Systems, Mathematical Modelling, Automation and Energy Efficiency, SUMMA 2019 – SCOPUS. <https://ieeexplore.ieee.org/document/8947520>.
11. Ishchukova E., Salmanov V., Antonenko A., Kryuk D. Algorithms for Automated Sentiment Analysis of Posts in Social Networks // 2020 Ural Symposium on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBREIT). DOI: 10.1109/USBREIT48449.2020.9117684. <https://ieeexplore.ieee.org/document/9117684>.
12. Ельчанинова Е.Р., Шамильян О.П., Толманенко Е.А. Исследование негативного влияния сети Интернет на подростков // Материалы VIII Всероссийской молодёжной школы-семинара по проблемам информационной безопасности «Перспектива-2019». Таганрог: Лукоморье, 2019. С. 140–145. https://drive.google.com/file/d/1n15Wn1bYgz_AqfrTQkJh8UfvP1sTxiFa/view.
13. Ельчанинова Е.Р., Ищуква Е.А., Салманов В.Д. Кибербуллинг как проблема духовно-нравственного воспитания молодёжи // Современная наука и её ресурсное обеспечение: инновационная парадигма: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. С. 124–128. – РИНЦ. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42524032>.
14. Ищуква Е.А., Толманенко Е.А., Салманов В.Д. Проблемы молодого поколения в контексте использования современной коммуникационной среды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Вып. 2. 2020. https://www.online-science.ru/products/social_science/gid5638/pg0/.
15. Всероссийский творческий конкурс для детей и юношества «Киберпатронус». <https://www.cyberpatronus.ru/cyberpatronus-event>.

ENGLISH

The Impact of Communication Media on Today's Adolescents

Evgeniya Aleksandrovna Ishchukova – Candidate of Science (Engineering), Associate Professor at the Department of Information Technology Security at the Institute of Computer Technologies and Information Security, South Federal University, head of the project “Development and Exploration of Methods and Approaches Aimed at Building Positive Cultural and Moral Values of Adolescents Through the Use of Modern Communication Environment” (19-011-33006).

E-mail: jekky82@mail.ru

Ekaterina Alekseevna Tolomanenko – postgraduate Student of the Department of Information Technology Security at the Institute of Computer Technologies and Information Security, South Federal University, the executor of the same project.

E-mail: kat.tea@mail.ru

Vyacheslav Dmitrievich Salmanov – postgraduate Student of the Department of Information Technology Security at the Institute of Computer Technologies and Information Security, South Federal University, the executor of the same project.

E-mail: S_A_L_M_A_N_O_V@mail.ru

The topical issue of the modern society, being the basis of these studies is that most adolescents aged 10 to 18 years spend all their free time surfing the web, in social networks, inter alia, which content can have a negative impact on the psycho-emotional state and cultural and moral values of young people.

The objective of these studies is to create mechanisms to determine the impact of negative content of modern communication environments on adolescents, to develop a set of measures aimed at building positive cultural and moral values in adolescents and fostering positive behaviour patterns in the modern communication environment.

The entire set of tasks as part of the studies was divided into two classes: technical and analytical ones. The technical tasks included the development, implementation and exploration of algorithms to create automated programs to perform the analysis of users' social network page. Analytical tasks covered the determination of the impact level of the modern communication environment on young people under the age of 22, including school teenagers, as well as creation of a set of measures to support adolescents in difficult situations, while building positive cultural and moral values in young people and positive behaviour patterns for interaction in the modern communication environment.

Keywords: social networks, cyberbullying, Internet, neural networks, machine learning

REFERENCES

1. Topyuk A.V. Vliyanie sotsial'nykh setey na formirovanie moral'no-nravstvennykh, dukhovnykh i kommunikativnykh kachestv molodyozhi // Nauchnoe soobshchestvo studentov: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: Sbornik statey po materialam III Mezhdunarodnoy studentcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 3. URL: sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_3.pdf (data obrashcheniya: 03.03.2019) (in Russian).
2. Shumskikh T.Yu., Gladskikh N.A., Budanova M.V. Vliyanie seti Internet na protsessy sotsial'noy adaptatsii shkol'nikov i studentov // <http://www.cscb.su/n/020901/020901001.htm> (data obrashcheniya: 05.02.2020) (in Russian).
3. Sotsial'nye seti: vozmozhnosti i riski dlya obucheniya i vospitaniya: Metodicheskie rekomendatsii / Ministerstvo obshchego i professional'nogo obrazovaniya Sverdlovskoy oblasti; Gosudarstven-

- noe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Sverdlovskoy oblasti «Institut razvitiya obrazovaniya»; Kafedra informatsionnykh tekhnologiy; avt.-sost. N.V. Shparuta, G.A. Butakova. Ekaterinburg: GAOU DPO SO «IRO», 2017 (in Russian).
4. Seyedtakher G.A. Vliyaniye Interneta na moral'no-dukhnovnye i sotsial'nye tsennosti studencheskoy molodyozhi: Diss. ... kand. ped. n. po spetsial'nosti 13.00.01. 2013 (in Russian).
 5. Shpak N.O., Likhtenfel'd V.V. Vozdeystvie seti Internet na dukhovno-nravstvennoe razvitie molodyozhi // Obshchestvo i etnopolitika: Materialy Mezhdunarzhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 24–26 sentyabrya 2015 g.): V 3 ch. / RANKHIGS, Sib. in-t upr.; Pod nauch. red L.V. Savinova. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2015. Ch. 2. S. 33 (in Russian).
 6. Danina M.M., Shalyapin A.A. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt issledovaniya sotsial'nykh setey v Internete. <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/sotsialno-psikhologicheskiiyaspekt-issledovaniya-sotsialnykh-setey-v-internete> (data obrashcheniya: 10.02.2020) (in Russian).
 7. 35 instrumentov dlya analitiki sotsial'nykh setey. <https://popsters.ru/blog/post/35-instrumentov-dlya-analitiki-socsetey> (data obrashcheniya: 05.02.2020) (in Russian).
 8. Test Bol'shaya pyaterka (Big five). Pyatifaktornyy lichnostnyy oprosnik (R. MakKrae, P. Kosta). Metodika diagnostiki lichnostnykh faktorov temperamenta i kharaktera (5PFQ). Istochnik: <https://psycabi.net/testy/388-test-bolshaya-pyaterka-pyatifaktornyj-lichnostnyj-oprosnik-r-makkrae-p-kosta-metodika-diagnostiki-lichnostnykh-faktorov-temperamenta-i-kharaktera-5pfq> (in Russian).
 9. Kalyabin A.A., Salmanov V.D., Ishchukova E.A. Psikhologicheskii portret pol'zovatelya na osnove otkrytykh dannykh profilya v sotsial'noy seti // Materialy VIII Vserossiyskoy molodezhnoy shkoly-seminara po problemam informatsionnoy bezopasnosti «Perspektiva-2019». Taganrog: Lukomor'e, 2019. S. 150–153. https://drive.google.com/file/d/1n15Wn1bYgz_AqfrTQkJh8UfvP1sTxIFa/view (in Russian).
 10. Ishchukova E., Salmanov V., Kalyabin A. and Antonenko A. Approaches to construct a psychological portrait of users based on analysis of data in open profiles of social networks // 1st International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency SUMMA2019 // Proceedings – 2019 1st International Conference on Control Systems, Mathematical Modelling, Automation and Energy Efficiency, SUMMA 2019 – SCOPUS. <https://ieeexplore.ieee.org/document/8947520>.
 11. Ishchukova E., Salmanov V., Antonenko A., Kryuk D. Algorithms for Automated Sentiment Analysis of Posts in Social Networks // 2020 Ural Symposium on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBREIT). – DOI: 10.1109/USBREIT48449.2020.9117684. <https://ieeexplore.ieee.org/document/9117684>.
 12. El'chaninova E.R., Shamil'yan O.P., Tolomanenko E.A. Issledovanie negativnogo vliyaniya seti Internet na podrostkov // Materialy VIII Vserossiyskoy molodezhnoy shkoly-seminara po problemam informatsionnoy bezopasnosti «Perspektiva-2019». Taganrog: Lukomor'e, 2019. S. 140–145. https://drive.google.com/file/d/1n15Wn1bYgz_AqfrTQkJh8UfvP1sTxIFa/view (in Russian).
 13. El'chaninova E.R., Ishchukova E.A., Salmanov V.D. Kiberbulling kak problema dukhovno-nravstvennogo vospitaniya molodyozhi // Sovremennaya nauka i ee resursnoe obespechenie: innovatsionnaya paradigma: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Petrozavodsk: MTSNP «Novaya nauka», 2020. S. 124–128. – RINTS. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42524032> (in Russian).
 14. Ishchukova E.A., Tolomanenko E.A., Salmanov V.D. Problemy molodogo pokoleniya v kontekste ispol'zovaniya sovremennoy kommunikatsionnoy sredy // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Vyp. 2. 2020. https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid5638/pg0/ (in Russian).
 15. Vserossiyskiy tvorcheskii konkurs dlya detey i yunoshestva «Kiberpatronus». <https://www.cyberpatronus.ru/cyberpatronus-event> (in Russian).

**Т.Б. РЯБОВА,
Л.Л. КЛЕЩЕНКО***

«Они же дети!». Символ детства в политической мобилизации в современной России

Первая часть статьи затрагивает теоретические аспекты проблемы политизации детства. Авторы показывают, что репрезентации детства в политической риторике, с одной стороны, отражают существующие в обществе представления о нём, с другой — выступают существенным фактором их формирования. Во второй части анализируется привлечение российскими СМИ символа детства при освещении протестного движения 2017–2019 гг. В третьей части на основании проведённых авторами интервью исследуется общественное мнение по вопросам участия несовершеннолетних в политике и использования символа детства политическими акторами.

Авторы делают вывод о том, что в общественном мнении есть запрос на участие несовершеннолетних в политической жизни. При этом большинство информантов понимает манипулятивный характер использования образа детства политическими акторами.

Ключевые слова: символ детства, политическая мобилизация, политический символ, возрастные стереотипы

В последние несколько лет образы детей интенсивно привлекаются российскими СМИ для освещения митинговой активности, отражая как вовлечённость юных граждан в политические процессы, так и представления о манипулятивном характере использования символа детства [1–3]. Известный

интернет-мем «Они же дети», родившийся в период событий 2013–2014 гг. на киевском Майдане (см. подробнее [4]), стал востребованным и в России. В настоящей статье предметом анализа является использование образа детства в политической мобилизации в современной России.

* **Рябова Татьяна Борисовна** — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Символ детства в политической мобилизации в современной России» (19-011-31711).

E-mail: riabova2001@inbox.ru

Клещенко Людмила Леонидовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена, исполнитель того же проекта.

E-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

Символ детства в политической мобилизации: теоретические основания анализа

Содержание понятия детства пластично, оно зависит от социального и культурного контекста [5], варьируясь с учётом этнических, классовых, религиозных идентификаторов сообществ. Этот конструкт является важным интерпретативным фреймом во многих обществах [6]. Борьба политических акторов за выгодную для себя интерпретацию символа детства также повышает степень вариативности его значений. Среди источников формирования семантики детства в современной России необходимо выделить и политический дискурс.

При этом, несмотря на пластичность данного символа, можно установить некоторую сумму его значений, которые являются характерными, по крайней мере, для эпохи Модерности, прежде всего в европейских культурах.

Общей характеристикой детства является инаковость по отношению к норме — состоянию взрослого человека, прежде всего взрослого мужчины. В целом детство символизирует некую нехватку, несформированность, близость к природе, а не культуре. В связи с этим ребёнок служит воплощением несамостоятельности, подчинённости, слабости и беспомощности. Кроме того, детство — это недостаточная компетентность и неспособность к самоконтролю, приоритет эмоций над разумом, игнорирование суровых реалий жизни — то, что, как правило, обозначается термином «инфантилизм». Однако Иное амбивалентно: позитивные значения в случае с детством — это, прежде всего, подлинная человечность, не испорченная цивилизацией, искренность, безобидность, беззаботность, а иногда и высшая мудрость. Дети олицетворяют будущее; с их образами связаны надежды на обновление, и в этом смысле они символизируют продолжение жизни — как коллективной, так и индивидуальной (см. подробнее [1]).

Образ детства обладает большой значимостью, задействуя широкий комплекс чувств и эмоций. Этот образ обладает всеми свойствами символа, которые делают его удобным для использования политическими акторами: связь с мифом и сакральным, что обуславливает мобилизационный потенциал символа и определяет его способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; пластичность и субъективность в интерпретации; способность создавать символические границы сообщества и служить механизмом включения и исключения; относительно невысокая затратность в использовании (о политических символах см. подробнее [7, 8]).

Было бы удивительно, если бы различные политические акторы не стремились использовать символ детства себе во благо. Данный символ используется для легитимации власти, поскольку, будучи связан с отношениями родства, является эссенциализирующим символом (о роли семейной метафоры см. в [9]); он привлекается для демонстрации морального превосходства политического актора, символизируя безобидность и невинность, он является маркером для обозначения отношений власти и подчинения. Символ детства включается в практики политической мобилизации. Мобилизующая сила образов страданий детей настолько велика, что даёт право защищать их любым способом, нередко игнорируя прочие социальные нормы.

При этом образ оппонента как воюющего со слабыми, женщинами и детьми, позволяет представить его как лишённого и благородства, и мужества. Манипулятивный потенциал данного символа обнаруживает себя, например, в дискурсе цветных революций: делегитимация власти нередко достигается за счёт репрезентации её как осуществляющей насилие над беззащитными детьми. Сегодня такого рода образы становятся важнейшими в избирательном толковании международного права.

Проанализируем, как эти черты проявляют себя в мобилизационных практиках в современной России?

Символ детства в дискурсе российских СМИ 2017–2019 гг.

Прежде всего отметим, что как протестующие, так и сторонники власти активно привлекали символ детства; различия касались, во-первых, репрезентаций самих детей. В провластных СМИ дети были представлены в основном как жертвы, как объект манипуляций со стороны лидеров несистемной оппозиции. Журналисты нередко обращали внимание на то, что, по их мнению, оппозиция эксплуатирует «неокрепший ум ребёнка» (например, Взгляд, 2019. 3 сентября); между тем, дети по причине их уязвимости нуждаются в защите. Напротив, в дискурсе оппозиции используется представление о детях как воплощении чистоты и неспорченности взрослой жизнью. В «Письме политологов», обращении группы учёных, опубликованном 16 августа 2019 г. в Facebook, подчёркивается, что «совсем юные граждане» (очевидно, в отличие от взрослых) обладают «острым чувством справедливости», что и является причиной их протестной активности (К.Рогов, Facebook, 2019. 16 августа). Кроме того, там же привлекается ещё одна черта стереотипа детства – юные оппозиционеры символизируют будущее; именно им принадлежит право определять пути развития России. Наконец, обещая неизбежный ответ юных граждан на репрессию власти, авторы «Письма политологов» акцентируют такую характеристику детства, как максимализм.

Во-вторых, символ детства включается в характеристики власти и оппозиции. Протестующие пытались представить жёсткость, проявляемую представителями власти по отношению к несовершеннолетним, как чрезмерную, и подобные репрезентации власти как негуманной были направлены на её делегитимацию. В частности, такой приём был задейство-

ван при освещении истории с арестом членов движения «Новое величие» (акция «Отпустите детей домой!» прошла 16 августа 2018 г. (Коммерсантъ, 2018. 16 августа)), а также при репрезентациях митинговой активности лета 2019 г. Обсуждая поведение росгвардейцев на митингах лета 2019 г., журналист «Эха Москвы» в статье «Спасите наших детей» обосновывает право граждан защищать собственных детей от произвола власти (Эхо Москвы, 2019. 6 августа).

В свою очередь, лозунг о необходимости защиты детей был использован при делегитимации протестного движения. В прокремлёвских медиа организаторы протестов обвинялись в том, что те, подставляя детей «под дубинки росгвардейцев», эксплуатируют детей в своих корыстных целях. Особый резонанс вызвал инцидент, произошедший на митинге 27 июля 2019 г., когда один из организаторов митинга, С.Фомин, был обвинён в том, что он использовал грудного младенца «в качестве живого щита» для того, чтобы избежать задержания и скрыться от правоохранителей. Как сами родители ребёнка, так и оппозиционный политик были представлены как лишённые нормальных человеческих чувств. Более того, такая дегуманизация экстраполировалась на лидеров протестного движения в целом («По барабану на детей», Царьград, 2019. 26 августа).

Для верификации этих предположений мы провели контент-анализ российской прессы, отобрав материалы СМИ различных идеологических ориентаций, либеральные и консервативные, опубликованные с 26 марта по 26 апреля 2017 г. Выбор данного хронологического периода для исследования обусловлен повышенным вниманием к отмеченной теме в связи с организацией антикоррупционных митингов, в которых приняли участие подростки и молодёжь. Среди либеральных СМИ были выбраны имеющие широкую аудиторию «Новая газета», «Медуза», «Эхо Москвы», блог А.Навального. При отборе

изданий мы руководствовались критерием разнообразия их форм (печатное издание, интернет-издание, блог, радиостанция).

Среди консервативных СМИ, в разной степени критикующих «европейские ценности» и поддерживающих курс на защиту национальных интересов и суверенитет, примат силы во внешней политике, были отобраны как провластные, так и оппозиционные издания (интернет-издание «Спутник и Погром», официальный сайт телеканала «Царьград», информационно-аналитическая служба «Русская народная линия», газета «Комсомольская правда»).

Смысловыми единицами анализа выступили следующие индикаторы: 1) дети как неполноценные взрослые (несамостоятельность, зависимость, некомпетентность, инфантилизм и др.); 2) дети как жертвы (беспомощность, безобидность, уязвимость и др.); 3) дети как герои (мужество, бесстрашие, собственное мнение, решительность и др.); 4) дети как будущее (олицетворение вечности, надежда на лучшее будущее, продолжение жизни); 5) дети как неиспорченные обществом взрослые (миролюбие, высшая мудрость, без-

грешность, беззаботность, человечность); 6) дети как помощники взрослых (дисциплинированность, исполнительность, ответственность).

Исследование показало, что в либеральных СМИ в рассматриваемый период (здесь и далее речь идёт о 2017-м г.) отмечается существенный рост внимания к теме детства (например, около четверти материалов «Новой газеты» и «Медузы» за 26–30 марта было связано с этой темой). Наиболее широко были представлены следующие образы детства: «дети-герои», «дети-жертвы», «дети-неполноценные взрослые» (рис.). Позитивные смыслы детства в либеральных СМИ использовались значительно чаще, чем негативные. Такие характеристики детства, как бесстрашие, решительность, бескомпромиссность, энергичность, инициативность, честность, создают образ «детей-героев», самостоятельных субъектов политики. Они показаны как альтернатива взрослым, пассивный конформизм которых не позволяет им активно участвовать в политике (см. напр.: «...они лишены советского менталитета, им несвойственна эта идея: ой, я выйду куда-нибудь, а меня уволят, бумажку накачают.

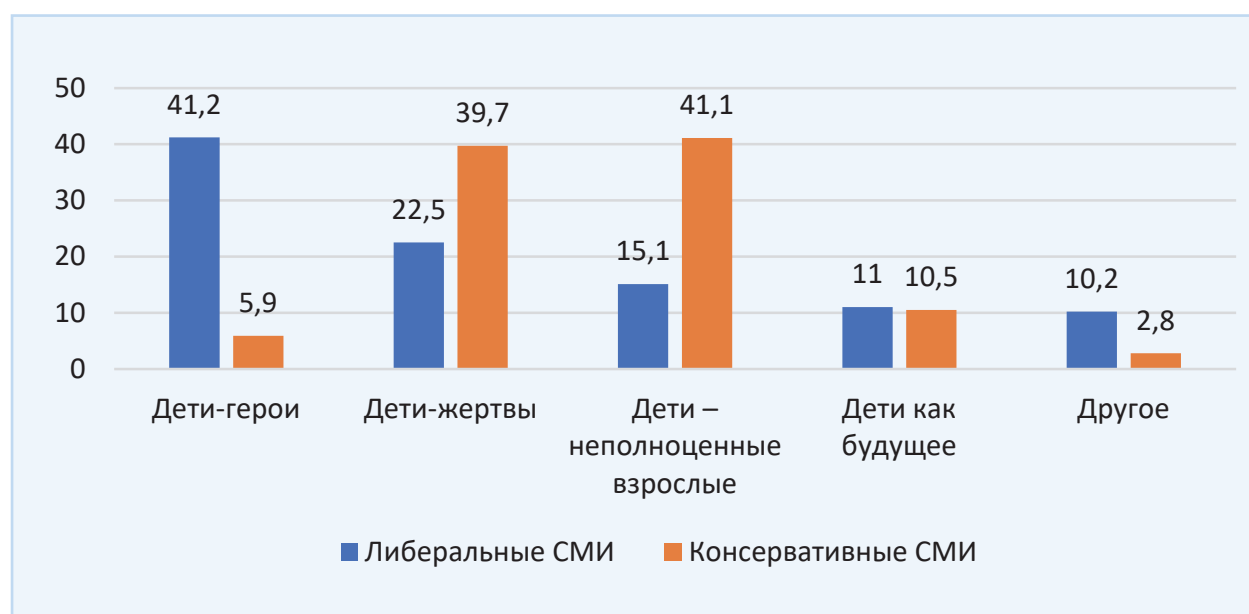

Рис. Образы детей и детства в российских СМИ различных политических организаций (март–апрель 2017 г.)

Они, конечно, опасаются, что их, условно, выгонят из школы, но приходят» (Медуза. 27.03)). Автор аналитической статьи в «Медузе», опубликованной в конце года как итоговой, назвал подростков, принимающих участие в митингах, «героями 2017 года» и подчеркнул, что они являются самостоятельными субъектами деятельности, гражданами, выражающими свою этическую, а также и политическую позицию: «главные мотивы этих молодых людей — усталость от вранья, стремление к справедливости и чувство собственного достоинства» (Медуза. 29.12). Говоря об участии детей и подростков в политике, либеральные СМИ особо подчёркивают его автономный характер, публикуют большое количество материалов, содержащих прямую речь подростков (например, «мы вышли постыдиться за свою страну и погордиться ей» (НГ. 2017. 31.03; см. также НГ. 24.04; Медуза. 27.03)).

Кроме того, значимым маркером в либеральных СМИ становится индикатор «дети-жертвы»: юные протестующие показываются беззащитными перед силой взрослых — представителей правоохранительных органов. Очевидно, это было направлено на делегитимацию власти. Ещё одна форма использования образа «детей-жертв» связана с напоминанием, что у задержанных политиков-оппозиционеров есть дети, а также с описанием страданий детей при аресте их родителей (Медуза 13.04.2017; Блог А. Навального. 2017. 13.04).

Негативные смысловые оттенки образа детства (инфантильность, несерьёзность, несамостоятельность, капризность) используются в либеральном дискурсе преимущественно при упоминании детей вне политического контекста, а также в метафорическом значении: в репрезентациях поддерживающих власть высокопоставленных чиновников как инфантильных детей, как несамостоятельных фигур, не способных к серьёзному политическому диалогу (о метафоре инфантилизма в российской политической риторике см. [10]).

В консервативных СМИ в рассмотренный период также отмечается рост интереса к тематике детства. Исследование показало, что в консервативном дискурсе доминируют такие образы, как «дети — неполноценные взрослые» и «дети-жертвы». Важным отличием консервативных СМИ от либеральных является то, что в них детям отказывают в политической субъектности, подчёркивая их несамостоятельность, несерьёзность, безответственность, некомпетентность, их зависимость от взрослых, которые манипулируют ими. Митинги сравниваются со школьной дискотеккой, участников которой обманул «дядя Лёша», пообещавший денежную компенсацию за задержание. Участники митингов характеризуются как «школьники», «студиозусы», «школота», «дети Навального», «тинейджеры», «молодняк», «детвора», «инфантильные недоросли»; «а те подростки, которые в 15 лет командовали подразделениями или совершали блестящие операции в тылу врага, они были другими в плане мотивации. Они это делали, потому что были идеологичны, мотивированы, и их детская жестокость и простота подхода были идеальны в тех ситуациях... Здесь же вышел скучающий и тоскливый, пресыщенный и вяло жующий» [подросток — прим. авт.] (Русская народная линия (далее — РНЛ)). 27.03). Если сравнения детей и взрослых в оппозиционных консервативных СМИ выигрышны для первых, то в провластных, напротив, критикуется новое поколение: «Степень развращённости и нехорошей опытности современных школьников вполне соответствует взрослому человеку недавнего прошлого» (РНЛ. 28.03).

Исключение составляет издание «Спутник и Погром», где представлено иное отношение к политическому участию молодёжи, схожее с либеральным: образ детства используется для противопоставления поколений — старшего (советского) и молодого, лишённого советского опыта. Это единственный пример использова-

ния образа детей-героев в консервативном дискурсе.

Консервативные СМИ используют образ «детей — неполноценных взрослых» и с помощью метафоры инфантилизации; она применяется для характеристики политических оппонентов. (Например, «Русская народная линия» пишет, что «сравнивать Милокова, Родзянко, Гучкова, Керенского с Навальным всё равно что сравнивать профессора университета и первокурсника» (РНЛ. 10.04).)

Кроме того, в консервативном дискурсе образ «дети-жертвы» используется для делегитимации лидеров протестного движения. В ряде публикаций «Русской народной линии» антикоррупционные митинги 26 марта названы «Крестовым походом детей» (РНЛ. 27.03). Семантика детского крестового похода включает здесь смыслы предательства интересов детей обманувшими их взрослыми (как известно, участвовавшие в том Крестовом походе дети почти все погибли или были проданы в рабство). Использование этого образа применительно к митингам призвано, таким образом, проиллюстрировать популярную в консервативных СМИ мысль о том, что оппозиционные политики используют детей в политических целях: «детей подставляют под правоохранительную машину, а они из-за этого потом страдают» (КП. 4.04; см. также КП. 23.04).

Консервативные СМИ, в отличие от либеральных, активно эксплуатируют популярный мем «они же дети», появившийся в 2013–2014 гг. во время событий на киевском Майдане, и проводят параллели между событиями марта 2017 г. в России и украинскими событиями: «Мы все знаем, с чего начался государственный переворот на Украине — молодёжь, подростки вышли на площадь повеселиться, потусить... почти дискотека под открытым небом» (РНЛ. 26.03; см. также Царьград, 27.03). Заметим, что в религиозных консервативных СМИ образ «дети-жертвы», кроме того, используется при обращении

к проблематике аборт и ювенальной юстиции (РНЛ. 26.04).

Таким образом, можно заключить, что в период митингов, в которых участвовали несовершеннолетние, тема детства была значима и для либеральных, и для консервативных СМИ. Наличие определённого сходства в репрезентациях детства в консервативном (светском и религиозном) и либеральном дискурсах свидетельствует о том, что не только идеология, но и лояльность действующей власти являются важными факторами, определяющими специфику использования символа детства в российской политике. Либеральное восприятие детства более гомогенно, чем консервативное, что связано с тем, что среди консервативных изданий встречаются как провластные, так и оппозиционные.

И либеральные, и консервативные СМИ активно используют образы детства как в материалах, имеющих прямое отношение к детям и подросткам, так и в других, где «детскость» выступает метафорой неполноценности, несерьёзности, неопытности. Равным образом и те, и другие СМИ обращаются к образу «дети-жертвы»; он выполняет функцию делегитимации власти в либеральных СМИ и делегитимацию лидеров протестного движения в консервативных СМИ. Ключевым отличием использования символа детства в зависимости от идеологических ориентаций является отрицание политической субъектности современных детей и подростков консервативными СМИ.

Общественное мнение об использовании символа детства политическими акторами

Как само российское общество относится к использованию семантики детства при обсуждении участия детей в митингах и ко включению тематики детства в политическую риторику? Материалом для анализа этого аспекта проблемы послужили данные серии нестандартизированных интервью (N = 35), проведённых

в 2019 г. в Санкт-Петербурге и Иванове — городах, различающихся размером, качеством жизни, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции. Информанты дифференцировались по полу, возрасту (взрослые и дети от 13 до 17 лет) и политическим предпочтениям.

Исследование показало, что представления о семантике детства являются в значительной степени гомогенными; на эти представления не оказывали влияния ни пол, ни политические ориентации информантов, ни регион их проживания. Участники интервью указывали и на позитивные, и на негативные смыслы символа детства. К последним наиболее часто относили недостаточную развитость детей («недостаток интеллекта», «неразвитость речи» и т.д.), неопытность, несамостоятельность и зависимость, недостаток самоконтроля, наконец, максимализм и радикальность в оценке мира. Среди позитивных смыслов детства наиболее часто упоминались эмоциональность, особый взгляд на мир («непосредственность», «открытость»), гибкость мышления («любопытность», «креативность»), активность. Эти маркеры фигурировали в аргументации информантов при оценке возможности политического участия детей. Большинство информантов (прежде всего поддерживающих власть, приверженцев левой идеологии и политически индифферентных граждан) высказывало мнение о том, что полноценное участие в политической жизни возможно лишь с 18 лет, возраста совершеннолетия, ссылаясь на «неразумность» и недостаточную ответственность детей (заметим, так считало и большинство несовершеннолетних опрошенных). Сторонники либеральной идеологии, в том числе и дети, снижая возрастной ценз, апеллировали к позитивным смыслам детства.

Представления о семантике детства влияют и на оценку информантами участия несовершеннолетних в митинговой активности. Можно выделить две ос-

новные позиции. Согласно первой, дети неразумны, незрелы, несамостоятельны и безответственны («были «подкуплены», «обработаны СМИ, лидерами, соцсетями»), поэтому они должны быть объектом защиты государства. Такой взгляд разделяло подавляющее большинство сторонников власти и политически индифферентных граждан, как взрослых, так и частично самих детей. Вторая позиция, встречающаяся реже, была основана на представлениях о том, что дети способны к осознанному участию в политике; они могут быть более компетентными, чем взрослые, и иметь свои политические убеждения. Поэтому они должны быть не только объектом политики, но и её субъектом. Среди тех, кто отстаивал эту позицию, были, прежде всего, несовершеннолетние (и поддерживающие власть, и поддерживающие либералов и левых). Сочувствующие либеральной идеологии взрослые разделяли эту позицию чаще, чем граждане с другими политическими ориентациями, а жители Санкт-Петербурга — чаще, чем жители Иванова.

Среди аргументов в защиту позиции о субъектности детей появлялись не только ссылки на образованность и активность современных детей, но и апелляции к позитивным смыслам детства. Приведём наиболее часто встречающиеся аргументы: именно дети могут почувствовать фальшь и не побояться об этом заявить; «дети — это будущее страны», и с их мнением необходимо считаться; юношеский максимализм, который сторонники первой позиции трактуют как недостаток ответственности и компетентности, интерпретируют здесь в позитивном ключе — как бесстрашие и открытость. Приверженцы левой идеологии оказались не столь категоричны, указывая, что одних детей следует защищать, а другие и сами могут отстаивать свои интересы.

Примечательно, что несовершеннолетние, придерживающиеся либеральных убеждений, видят в задержаниях де-

тей на митингах аргумент в пользу равенства прав детей и взрослых в отстаивании своей политической позиции — ведь сам факт задержаний свидетельствуют, по их мнению, о равной ответственности со взрослыми.

Как информанты относятся к использованию символа детства политическими акторами? Прежде всего, мы попытались оценить мобилизационный потенциал образа детской уязвимости, выясняя, насколько он будет значим лично для информантов. Для этого мы показали им два советских военных плаката периода Великой Отечественной войны, использующих сюжет с детьми, которым угрожает враг («Воин Красной Армии, спаси!» и «Смерть детоубийцам!») (оба плаката написаны В.Корецким в 1942 г.). Вопрос о том, почему художники обращаются к образу ребёнка, затруднений не вызвал; большинство расценили эти плакаты как эффективный призыв к воинам, объясняя это родительскими чувствами людей по отношению к беззащитным детям. Однако фигурировала и точка зрения о манипулятивном использовании подобного рода призывов. Среди тех, кто разделял эту позицию, преобладали сторонники либеральной идеологии («самый лёгкий способ агитации — это ударить по родительским инстинктам. Что для человека может быть дороже, чем его собственные дети?» (Алексей, 24 года, Иваново)).

Что же касается оценок мобилизационных призывов, использующих символ детства в период протестных митингов, то они были более разнородными. С одной стороны, большинство информантов, в том числе и сторонники либеральной идеологии, осудило поведение оппозиционера, который взял чужого грудного ребёнка на руки, чтобы выйти из оцепления и избежать ареста. С другой стороны, информанты разделились во мнениях по вопросу, какие чувства вызывают фотографии силовых задержаний несовершеннолетних, проводимых представителями

правоохранительных органов. Были высказаны три точки зрения. Первую — однозначное осуждение детей — высказывают, прежде всего, информанты, поддерживающие власть, в том числе и несовершеннолетние («Если дети нарушают закон, который установлен, то наказание должно быть, иначе будет хуже» (Лера, 16 лет, Санкт-Петербург)). Вторая — однозначная поддержка детей как борцов с несправедливостью власти — оказалась в абсолютном меньшинстве. Чаще всего её высказывали несовершеннолетние сторонники либеральной идеологии. Семнадцатилетняя девочка из общественно-политического движения «Весна» сказала: «Приятно удивляет, что даже дети такого возраста интересуются политикой. Меня это воодушевляет — бороться за справедливость. Негодование по отношению к тому, как полицейский относится к ребёнку. И воодушевление» (Вика, 17 лет, Санкт-Петербург).

Самым разделяемым, однако, оказалось мнение о том, что, хотя детям и не место на митингах, но так с ними поступать нельзя. Информанты осуждали власть, апеллируя именно к необходимости защиты детей. Так высказывались и несовершеннолетние информанты, в том числе и те, кто поддерживает власть.

Подведём итоги. Политизация символа детства — эмоционально насыщенного, связанного со сферой сакрального и с мифом, близкого личному опыту каждого, — происходит прежде всего потому, что в самой оппозиции «взрослый—ребёнок» заложена возможность использования её в установлении и поддержании властных отношений. Репрезентации детства в политической риторике, с одной стороны, отражают существующие в обществе представления о нём, с другой — выступают существенным фактором их формирования. Символ детства обладает значительным манипулятивным потенциалом, эксплуатация которого была заметной и в освещении российскими СМИ протестного движения в 2017–2019 гг.

Медиа различной политической ориентации уделяли образам детей большое внимание; при этом либеральные СМИ акцентировали способность несовершеннолетних играть роль политических акторов, провластные / консервативные – необходимость защиты детей. В обществен-

ном мнении, как показало проведённое авторами интервью, есть запрос на участие несовершеннолетних в политической жизни; при этом большинство информантов понимает манипулятивный характер использования образа детства политическими акторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образ детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 95–112.
2. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. № 4. С. 312–319.
3. Панкратова Е.В. Взгляд россиян на политическое участие детей (по материалам социологического исследования) // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: Материалы II Сибирского социологического форума с международным участием / Под ред. С.В. Ровбель и С.А. Ильиных. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2019. С. 96–101.
4. Fournier A. Immature publics: democratic revolutions and youth activists in the eye of authority // Anthropological Quarterly. 2015. Vol. 88. №. 1. P. 37–66.
5. Cook D.T. Interrogating Symbolic Childhood // Symbolic Childhood / Ed. by D.T. Cook. New York: Peter Lang, 2002. P. 1–14.
6. Prout A., James A. A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems // Constructing and reconstructing childhood: Contemporary issues in the sociological study of childhood / Ed. by A. James & A. Prout. London: Falmer Press, 1997. P. 7–34.
7. Elgenius G. Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
8. DeZalia R.A.P., Moeschberger S.L. The Function of Symbols that Bind and Divide // Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict / Ed. by R.A.P. DeZalia, S.L. Moeschberger. New York: Springer, Cham, 2014. P. 1–12.
9. Lauenstein O., Murer J.S., Boos M., Reicher S. 'Oh motherland I pledge to thee...': a study into nationalism, gender and the representation of an imagined family within national anthems // Nations and nationalism. 2015. Vol. 21. No 2. P. 309–329.
10. Riabova T., Riabov D. Infantilization of the Other: Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations // Australian Slavonic & East European Studies. 2020. Vol. 34. P. 125–149.

ENGLISH

'They are just children!' The Symbol of Childhood in Political Mobilization of Modern Russia

Tatiana Borisovna Riabova – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Political Science of the Herzen State Pedagogical University of Russia, head of the project "The Symbol of Childhood in Political Mobilization of Modern Russia" (19-011-31711).

E-mail: riabova2001@inbox.ru

Lyudmila Leonidovna Kleshchenko – Candidate of Science (Political Science), Senior Lecturer of the Department of Political Science of the Herzen State Pedagogical University of Russia, the executor of the same project.

E-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

The first part of the paper describes the theoretical aspects of the issues regarding the politicization of childhood. The authors demonstrate that the representation of childhood in political rhetoric, on the one hand, reflects the ideas about it existing in society, and on the other hand, is its significant forming factor. The second part provides the analysis of the symbol of childhood along with the media coverage of 2017–2019 protest movement in Russia. The third part provides for the study of public opinion on the participation of minors in politics and the use of the symbol of childhood by political actors, based on interviews conducted by the authors.

The authors conclude that according to the public opinion there is a need for minors to participate in political life. At the same time, in the course of using the image of childhood by political actors, the majority of informants is aware of its manipulative nature.

Keywords: symbol of childhood, political mobilization, political symbol, age stereotypes

REFERENCES

1. Ryabova T.B., Ryabov O.V. *Obraz detstva i detey v simvolicheskoy politike* // *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2019. T. 15. № 3. S. 95–112 (in Russian).
2. Kleshchenko L.L. *Reprezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoy Rossii* // *Kompleksnyye issledovaniya detstva*. 2019. T. 1. № 4. S. 312–319 (in Russian).
3. Pankratova E.V. *Vzglyad rossiyan na politicheskoe uchastie detey (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)* // *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoye pole sotsiologii: Materialy II Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem* / Pod red. S.V. Rovbel' i S.A. Il'inykh. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya, 2019. S. 96–101 (in Russian).
4. Fournier A. *Immature publics: democratic revolutions and youth activists in the eye of authority* // *Anthropological Quarterly*. 2015. Vol. 88. № 1. P. 37–66.
5. Cook D.T. *Interrogating Symbolic Childhood* // *Symbolic Childhood* / Ed. by D.T. Cook. New York: Peter Lang, 2002. P. 1–14.
6. Prout A., James A. *A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems* // *Constructing and reconstructing childhood: Contemporary issues in the sociological study of childhood* / Ed. by A. James & A. Prout. London: Falmer Press, 1997. P. 7–34.
7. Elgenius G. *Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
8. DeZalia R.A.P., Moeschberger S.L. *The Function of Symbols that Bind and Divide* // *Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict* / Ed. by R.A.P. DeZalia, S.L. Moeschberger. New York: Springer, Cham, 2014. P. 1–12.
9. Lauenstein O., Murer J.S., Boos M., Reicher S. *'Oh motherland I pledge to thee...': a study into nationalism, gender and the representation of an imagined family within national anthems* // *Nations and nationalism*. 2015. Vol. 21. No 2. P. 309–329.
10. Riabova T., Riabov D. *Infantilization of the Other: Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations* // *Australian Slavonic & East European Studies*. 2020. Vol. 34. P. 125–149.

**Я.В. ДИДКОВСКАЯ,
Д.В. ТРЫНОВ***

Молодые политические активисты Уральского региона: возможности политической карьеры или перспективы общественных перемен?

В статье изложены результаты исследования процесса политического активизма молодёжи на примере сравнительного анализа молодых активистов провластных и оппозиционных политических организаций Уральского федерального округа. Выводы авторов основываются на результатах количественного опроса активистов из провластных молодёжных общественно-политических организаций (N = 304) и активистов несистемной оппозиции (N = 298), а также материалах неформализованного интервью с молодыми представителями политических партий и движений (22 интервью).

Согласно полученным результатам, в мотивации политического участия молодых активистов ключевую роль играют ценностные социоцентристские установки: чувство гражданской ответственности и желание более справедливого общества. Прагматические установки на карьеру и самореализацию в общественно-политической сфере имеют меньшее значение. Негативное социальное самочувствие характерно для обеих групп респондентов, но сильнее оно выражено среди оппозиционно настроенной молодёжи и выступает для них основным мотивирующим стимулом вхождения в политику.

Выявлены значимые различия между провластными и оппозиционными активистами в их политической самоидентификации: для провластно настроенных активистов характерна размытость и неопределённость идеологических взглядов, тогда как идеологические ориентации оппозиционной молодёжи более чётко определены и сфокусированы в основном на либерализме.

Общим моментом в представлении об идеальном общественном устройстве для обеих групп активистов является высокий уровень жизни населения. В остальных представлениях о социальном идеале провластные активисты и оппозиционеры существенно расходятся: оппозиционно настроенная молодёжь в большей мере придаёт значение роли информационных технологий, рыночной экономике, толерантности

* **Дидковская Яна Викторовна** — доктор социологических наук, доцент Уральского федерального университета (УрФУ), руководитель проекта «Молодёжь как субъект политики: социальное самочувствие и стратегии политической карьеры в контексте гражданской активности» (19-011-31601).

E-mail: diyana@yandex.ru

Трынов Дмитрий Валерьевич — старший преподаватель УрФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: dmitrynov@inbox.ru

к меньшинствам и гуманизму, а провластные активисты существенно чаще говорят о важности сильной государственной власти и международном авторитете страны.

Указанные различия в представлениях о целях политического участия на фоне несколько разной степени негативности социального самочувствия приводят к выбору молодёжью соответствующих форм политической активности.

Ключевые слова: молодые политические активисты, социальное самочувствие, мотивация политического участия, протестная активность, политическая карьера, политическая самоидентификация

Введение

Всплеск интереса исследователей к политической активности молодого поколения, вновь наблюдающийся в последнее время после длительного периода констатации политической апатии и абсентеизма молодёжи, обусловлен рядом наметившихся актуальных трендов.

Во-первых, наблюдается, по-видимому, глобальная тенденция активизации молодёжного, и не только молодёжного, политического и гражданского протеста [1, 2]. Это наглядно иллюстрируется протестами Black Lives Matter в США и Европе, массовыми акциями в Белоруссии и другими последними политическими событиями в мире. В данный тренд, как можно заметить, вписывается и Россия, где начиная с 2017 г. происходит заметный рост массовых протестов, выразившийся в серии политических акций не только в столицах, но и в регионах с активным вовлечением и участием молодёжи [3].

Во-вторых, происходит изменение характера политической активности у молодого поколения, а именно переход от традиционных форм участия в политике, не особо пользующихся спросом у молодёжи, к новым формам политического и гражданского онлайн-участия, перевод политической активности в цифровую среду [4–6]. Вследствие чего создаётся некая иллюзия сохраняющегося неучастия, равнодушия молодёжи к политике, но фактически, как показывают исследования, в силу процесса цифровизации ин-

тернет-участие молодёжи в политике растёт, а значит, потенциально имеется возможность реализоваться и в офлайн [7].

В-третьих, наметился внутренний российский тренд, связанный с ростом протестного потенциала и готовности молодёжи к политическому участию — как конвенциональному, так и не конвенциональному — на фоне недовольства и снижения показателей доверия политическим институтам и неудовлетворённости текущей ситуацией в стране, возможностями каким-либо образом влиять на неё [8]. Так, согласно исследованиям Левада-центра, доля россиян, считающих, что страна движется по неверному пути, выросла с периода Крымских событий почти в два раза: с 22–23 до 42% в августе 2020 г. [9].

Поскольку молодёжь, занимая неопределённое положение в системе социального неравенства, но имея высокий потенциал социальной мобильности, ориентирована на социальные изменения [10], то активизация молодёжного участия в политике, как правило, означает, что в обществе созрел запрос на перемены. Каким образом будет реализован этот запрос — через расширение поля легализованных возможностей влияния политически активной молодёжи на принятие решений или путём дальнейшего усиления протестности и радикализации общества при попытке сохранить статус-кво со стороны власти, — ключевой вопрос для развития актуальной социально-политической ситуации.

В связи с этим, представляя в статье результаты реализованного научного проекта и продолжая исследование политической активности молодого поколения, мы попытались дать ответы на следующие вопросы. Что мотивирует и движет молодёжь на активное участие в политической жизни? Какова самоидентификация молодых активистов в политике, какие ценности и идеалы общественного развития они готовы реализовывать? Каким образом собираются достичь эти идеалы, и приемлем ли для них политический диалог?

Концепция исследования опиралась на положение, согласно которому процессы развития социальной субъектности и формирования политических карьер молодёжи в современном обществе носят принципиально нелинейный характер: в условиях динамично меняющейся социальной реальности политическая активность молодёжи возникает не как производная прохождения молодыми людьми стандартизированных социализационных стадий, а как проекция собственных настроений и установок молодых людей, отражающих их запросы и мнение о текущих событиях в обществе [11].

Другими словами, важным субъективным мотивационным контекстом вхождения молодёжи в политику выступает её социальное самочувствие, которое становится проекцией настроений молодёжи относительно социальной действительности и возможностей её изменения, тем самым предопределяет конкретные формы проявления гражданской и политической активности молодых людей, стратегии их политической карьеры. Социальное самочувствие молодёжи является интегральным показателем, отражающим степень удовлетворённости человеком той социальной реальностью, которая его окружает; для молодёжи оно во многом определяется складывающимся в сознании данной группы образом социального будущего, а именно общественными идеалами и социальными ожиданиями [12].

Методы и эмпирическая база исследования

Политическая активность молодёжи в контексте её социального самочувствия изучалась нами на основе данных эмпирического социологического исследования, реализованного в июне–августе 2019 г. в Уральском федеральном округе. Анализ текущей социально-политической и правовой ситуации показал, что все возможности социально-политической мобильности в исследуемых регионах сводятся к двум основным формам политического участия молодёжи: во-первых, через провластные каналы вовлечения молодёжи, выраженные в форме политического участия-поддержки; во-вторых, через оппозиционные каналы вовлечения, которые имеют выражение, в основном, только в протестном участии. Изначально в объекте исследования были выделены две группы политических активистов: провластная молодёжь (активисты-сторонники) и оппозиционная молодёжь (активисты-оппозиционеры), и выборка формировалась с учётом этого обстоятельства.

Респонденты первой группы отбирались на основе участия в созданных государством каналах политической активности, считающейся желательной и допустимой с точки зрения действующей власти, рекрутинг респондентов проводился через такие организации, как «Молодая гвардия Единой России», а также региональные молодёжные парламенты, правительства, молодёжные общественные палаты. Респонденты второй группы были рекрутированы из организаций, регулярно оппозирующих власти с самых разных идейных позиций, в неё вошли представители современного молодёжного протеста, прежде всего волонтёры штабов А.Навального и либертарианской партии.

В качестве конкретных кейсов были выбраны четыре наиболее крупные и политически значимые области, входящие в состав УрФО: Свердловская, Тюменская, Челябинская и Курганская. Выбор

данных регионов объясняется наличием в них наиболее благоприятных условий для проявления политического участия молодёжи и построения ею политической карьеры, поскольку они характеризуются достаточно высокой степенью урбанизации и высокой концентрацией (по сравнению с другими) центров возможной политической активности молодёжи: университетов и колледжей, крупных индустриальных предприятий.

В качестве метода сбора социологической информации мы использовали анкетный опрос с применением условно-количественных шкал измерения показателей социального самочувствия и характеристик политического участия и карьеры. Результаты анкетирования были дополнены материалами неформализованного интервью с представителями молодёжных политических организаций. Всего мы опросили более 600 респондентов, из которых 304 активиста из провластных молодёжных общественно-политических организаций и 298 представителей несистемной оппозиции. Взяты 22 интервью у представителей политических партий Молодая гвардия «Единой России» (МГЕР), ЛДПР, «Яблоко», «Справедливая Россия», КПРФ, «Либертарианская партия» (не зарегистрирована), «Партия прогресса» (не зарегистрирована), а также молодёжных региональных парламентов, правительства и избирательных комиссий, общественных организаций ФБК (Фонд борьбы с коррупцией) и штабы А. Навального. Возраст опрошенных и интервьюируемых активистов находился в диапазоне 18–30 лет.

Мотивация политического участия провластных и оппозиционных активистов

Согласно полученным результатам, в мотивации политического участия молодых активистов, представляющих оба полюса политической активности — и провластный, и оппозиционный, ключевую роль играют ценностные социо-

центристские установки: чувство гражданской ответственности и желание более справедливого общества, нежели установки на личную карьеру в общественно-политической сфере, стремление к самоутверждению и самореализации (табл. 1).

Тем не менее, несмотря на определённое сходство в иерархии мотивов между провластными и оппозиционными активистами, нам удалось выявить статистически значимые различия: мотивы политической карьеры и реализации своих способностей и талантов заметно более значимы для провластных активистов, а потребность в защите прав и стремление к справедливости в большей мере движет оппозиционно настроенной молодёжью.

Стремление к более справедливому общественному устройству как доминирующий мотив политического участия напрямую указывает на влияние социального самочувствия, социальных настроений и оценок ситуации в обществе на процесс политизации молодёжи. В рамках количественного опроса респонденты давали оценки в баллах текущей ситуации в стране (1 — дела в стране идут в совершенно неправильном направлении; 5 — дела идут в совершенно правильном направлении). Средняя оценка состояния дел в экономике среди активистов — сторонников власти составила 2,68 балла, а среди оппозиционных активистов еще ниже — 1,27. Состояние дел в политике провластные активисты оценили на 3,09, оппозиционеры — на 1,23; в социальной сфере соответственно — на 3,01 и 1,36.

Интересно, что хотя негативное социальное самочувствие и критические настроения безусловно выражены сильнее среди массива респондентов-оппозиционеров, они в принципе характерны для обеих групп респондентов. Однако именно для оппозиционно настроенных активистов негативное социальное самочувствие, неудовлетворённость существующим и желание добиться резких изменений выступают мотивирующими

Таблица 1

**Мотивация политического участия провластных
и оппозиционных молодых активистов, в % от числа ответов**

В чём лично Ваши мотивы участия в политической жизни?	Формы политической активности	
	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Это вопрос наших прав, все граждане должны быть активны и участвовать в политической жизни	56	81
Меня интересуют проблемы построения справедливого общества	38	57
Я бы хотел сделать карьеру политического или общественного деятеля	38	12
Это интересно, здесь я могу приложить свои способности и таланты	31	22
Меня вдохновляет опыт и авторитет выдающихся людей, моих близких и знакомых	18	12
Другие мотивы	6	1
Итого	187	185

стимулами для вхождения в политику. Это наглядно прослеживается на материалах неформализованного интервью: «Мой личный мотив политического участия? ... Думаю, что беззаконие и несправедливость, я не могу так просто молчать, мне очень больно видеть, что происходит со страной: расслоение общества, растущая бедность, закредитованность, доходы не растут» (Алексей, 25 лет, волонтер штаба Навального); «Самое худшее, что могло произойти с этой страной, это повышение пенсионного возраста... Мой личный мотив прихода в политику – желание изменить страну» (Алексей, 22 года, волонтер штаба Навального).

Среди провластных активистов желание и необходимость изменений не артикулирована так четко либо вообще не прослеживается. Более очевидный дискурс здесь – стремление к самоутверждению и самореализации в поле не столько политической, сколько гражданской активности: «/Хотела/ проявить какие-то свои лидерские качества, то есть показать, что мы значимы, мы тоже имеем какое-то своё право реализовывать

свои идеи и мероприятия» (Анастасия, 20 лет, активист МГЕР).

Среди них присутствует намерение и в дальнейшем связать свою карьеру с общественно-политической деятельностью, присутствием в различных властных структурах: «Да, я вижу себя депутатом своего округа, в котором я сейчас живу, чтобы здесь уже что-то делать» (Александр, 25 лет, активист МГЕР). Вхождение в политику для них является достаточно продуманным, целенаправленным действием, связанным с получаемым образованием, опытом проектной или волонтерской деятельности: «Сама была изначально волонтером года и решила попробовать себя в новой, так сказать, сфере деятельности» (Анастасия, 20 лет, активист МГЕР).

Интервьюируемые оппозиционные активисты, напротив, подчёркивают некоторый ситуативный приход в политику, на фоне общей неудовлетворённости действительностью. Своеобразным «инсайтом» для них послужили фильмы, статьи лидеров оппозиционного движения или ролики в социальных медиа: «В 11 классе посмотрел фильм («Он вам не Димон»)

и твёрдо решил, что буду заниматься политикой» (Никита, 20 лет, волонтер штаба Навального); «Я где-то до начала 2017 года совершенно не интересовался политикой, мне было 20 лет. Потом я ходил на митинг 26 марта, посмотрел фильм у Навального и понял, что очень много здесь достойных людей» (Виктор, 23 года, волонтер штаба Навального)

Политическая самоидентификация и идеал общественного устройства

Достаточно значимые различия между провластными и оппозиционными активистами были выявлены в их политической самоидентификации. Характерной чертой провластно настроенных активистов является размытость идеологических взглядов: подавляющее большинство указали, что у них нет конкретных политических взглядов, либо затруднились с ответом на вопрос, какой политической идеологии они придерживаются. Взгляды оппозиционной молодёжи достаточно чётко сфокусированы на либеральной или даже либертарианской идеологии (табл. 2).

Материалы интервью позволяют уточнить некоторые моменты в политической самоидентификации активной молодёжи: характеризуя свою идеологическую позицию, информанты обеих групп довольно часто подчёркивают незначимость идеологии как таковой в современной политической борьбе, расценивая её как некое устаревшее понятие, нерелевантное конкретным практическим целям своей политической деятельности: *«Не думаю, что в данный момент очень важно идентифицировать себя с какой-то из политических сил. У нас политических силы две: условно провластная и условно невластная» (Алексей, 25 лет, волонтер штаба Навального); «Сейчас понимание политических взглядов размывается, получают интегрированные идеологии, вбирающие диаметрально разные модели» (Ирина, 21 год, молодёжная избирательная комиссия).*

Интервью выявили и ещё одну особенность идеологических предпочтений провластных активистов — проявление лояльности не к определённой идеологии политического спектра, а той идео-

Таблица 2

Политическая самоидентификация молодых активистов, в % от числа ответов

Приверженцем каких политических взглядов Вы себя могли бы назвать?	Формы политической активности	
	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Не придерживаюсь каких-то конкретных идеологических взглядов	40	27
Социал-демократические взгляды	15	7
Консерватизм	7	1
Коммунизм	3	0
Либерализм/либертарианство	14	51
Анархизм	1	8
Национализм	2	4
Другое	0	1
Затрудняюсь ответить	18	1
Итого	100	100

Таблица 3

**Идеалы общественного устройства политически активной молодёжи,
в % от числа ответов**

Варианты ответов	Формы политической активности	
	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Общество с высоким уровнем жизни	62	73
Общество, ориентированное на развитие высоких технологий	44	64
Общество эффективной рыночной экономики	40	64
Общество равенства и справедливости	48	32
Гуманистическое общество	17	30
Общество с сильной государственной властью	41	2
Толерантное общество, терпимое к меньшинствам	15	35
Общество, с которым считаются другие страны	23	9
Общество, где высоко ценят традиции	17	5
Итого	306	312

логии, которая соответствует правящему политическому курсу: «Я придерживаюсь взглядов, направления мышления Единой России – партии, просто потому что оно максимально универсальное...» (Александр, 21 год, активист МГЕР). Оппозиционные активисты, как правило, не апеллируют к взглядам лидеров движений и партий, в которых они состоят.

Несмотря на декларируемую информантами незначимость идеологических взглядов, некоторое предпочтение либеральной идеологии всем прочим среди оппозиционеров и лояльность любой идеологии, но вписывающейся в правящий политический курс, среди провластной молодёжи обуславливают цели политического участия молодых активистов, выраженные в их взглядах на идеал общественного устройства (табл. 3).

Наиболее важной характеристикой идеального общества и единственной интегрирующей позиции активистов обоих полюсов активности выступает высокий уровень жизни населения. В остальных представлениях о социальном идеале

провластные активисты и оппозиционеры существенно расходятся: оппозиционно настроенная молодёжь в большей мере считает, что общественный идеал должен строиться на высокой роли информационных технологий, рыночной экономике, толерантности к меньшинствам и гуманизме; провластные активисты существенно чаще говорят о важности сильной государственной власти, международном авторитете страны и роли традиций.

Формы и способы гражданской и политической активности молодёжи

Различия в представлениях об общественном идеале и в целях политического участия на фоне несколько разной степени негативизма социальных настроений и самочувствия приводит к выбору соответствующих форм политической активности.

Весь спектр деятельности, практикуемой политическими активистами, мы разделили на четыре группы: действия, которые примерно в равной мере совершали и провластные, и оппозиционные

Таблица 4

Виды общественно-политической деятельности молодёжных активистов, %

Какими видами общественно-политической деятельности Вы занимались в последние 1–3 месяца?	Формы политической активности	
	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Деятельность, практикуемая обеими группами активистов в равной мере		
Принимал участие в работе правозащитных организаций	12	17
Деятельность, характерная больше для провластных активистов		
Оказывал помощь ветеранам, инвалидам, престарелым	40	8
Участвовал в волонтерских акциях, спортивных культурных и спортивных мероприятиях	80	47
Принимал участие в работе молодёжных объединений (правительства, парламента, общественной палаты, политических партий и т.д.)	65	23
Деятельность, характерная больше для оппозиционных активистов		
Участвовал в забастовках, антиправительственных пикетах, митингах, шествиях	18	92
Создавал и организовывал сбор подписей под петицией	4	17
Деятельность, мало практикуемая в обеих группах		
Выполнял функции помощника депутата (советника должностного лица)	7	1
Участвовал в подготовке законопроекта (иного государственного решения)	7	1

активисты; действия, которые чаще практикуются сторонниками власти; действия, которые более характерны для оппозиционной молодёжи, и, наконец, действия, которые достаточно редко практикуются обеими группами (менее 10% в обеих группах) (табл. 4).

Деятельность провластных активистов преимущественно сосредоточена вокруг волонтерской активности, а также работы в различных молодёжных объединениях (правительствах, парламентах, общественной палате и др.). Её ядром выступает, как правило, реализация идей в рамках проектной активности: «*Это какие-то конкретные проекты, конкретные мероприятия либо позиционирование нашей организации в информационном поле*» (Артём, 22 года, Молодёжное правительство). По сути, их активность носит не политический,

а общественно-гражданский характер. Оппозиционно настроенная молодёжь существенно чаще участвует в протестных формах политической активности: митинги, забастовки и иные способы демонстрации открытого недовольства становятся для многих из них основной формой политической активности.

Результаты интервью показывают определённое взаимное неприятие форм участия, характерных для противоположных сторон, а именно оппозиционные активисты критически оценивают возможности влияния и эффективность каналов политической социализации молодёжи, представляемых со стороны власти: «*Там настолько приелась эта коррупция, свои родственники и друзья, настолько изнутри это сложно менять. Только извне*» (Никита, 20 лет, активист штаба Навального); «*...в таких местах*

оказываются типичные карьеристы... это не настоящие политики» (Марат, 26 лет, активист партии «Яблоко»); хотя возможность диалога и сотрудничества тоже присутствует: «Чем больше людей будет стараться прийти во власть, тем больше вероятность, что кто-то из них... будет декларировать свои взгляды уже с официальных легитимных трибун» (Марат, 26 лет, активист партии «Яблоко»).

Среди провластных активистов, как правило, присутствует такое же резкое неприятие протестных форм активности, практикуемых оппозиционерами: *«Выйти и устраивать какой-то митинг, кричать что-то под окнами администрации, я не вижу, есть ли в этом какой-то толк вообще» (Анастасия, 20 лет, активист МГЕР). Однако при определённых условиях такого рода акции всё же признаются допустимыми: «Я могу представить себя в акции протеста, но пока опыта у меня не было» (Ирина, 21 год, молодёжная избирательная комиссия).*

Вообще вопрос о границах допустимого в контексте связи политики и морали представляется нам достаточно интересным, он высвечивает ещё одно различие между исследуемыми группами активистов. Ключевым критерием допустимости для провластных активистов выступает соответствие действия букве закона: *«Надеюсь, что никогда не буду участвовать в чём-то несанкционированном» (Татьяна, 17 лет, активист МГЕР); для оппозиции таким критерием выступает ненасилие, т.е. общечеловеческая норма в данном случае ставится выше юридической: «Я готов помогать всем оппозиционным политическим кампаниям с условием, что они антинасильственные» (Алексей, 25 лет, штаб Навального).*

Таким образом, поскольку радикальные взгляды непопулярны среди обеих групп респондентов, в том числе и среди оппозиционных активистов, то число тех, кто идентифицирует себя с коммунистической, анархистской или национали-

стической идеологией, оказывается крайне мало (см. табл. 3), а умозаключения о том, что протестные настроения молодёжи однозначно окрашены в экстремистские и деструктивные тона [13] представляются нам несколько необоснованными.

Отметим, что и в формах политического участия активистов можно найти несколько сходных черт, несмотря на принципиальные различия между ними: деятельность активистов обеих групп зачастую выходит за рамки сугубо политической деятельности в сторону гражданского активизма и становится направленной на достижение конкретной практической пользы: *«Вот, например, история со сквером. Он останется, это здорово» (Виктория, 23 года, активист штаба Навального); «Молодая гвардия запустила акцию «Для Антона с региона», за несколько дней была собрана необходимая сумма, за 3–4 дня. Вот парень спокойно со всем оборудованием отправился в Абу-Даби на Олимпиаду специальную и занял первое место» (Александр, 21 год, активист МГЕР).*

Заключение

Исследование уральских политических активистов было предпринято нами в разрезе влияния настроений и самочувствия молодёжи на характер их политического участия и возможной политической карьеры. В статье мы в основном сфокусировались на мотивации политической активности, самоидентификации, социальных идеалах и формах политического участия, сравнивая две противоположные по векторам политической и гражданской активности группы молодёжи. Результаты исследования позволили выявить как общие для обеих групп, так и специфичные для каждой характеристики политического участия.

Приход в политику оппозиционно настроенной молодёжи происходит спонтанно, на фоне негативного социального самочувствия и острого ощущения несправедливости общественного устройства, его несоответствия желаемым век-

торам общественного развития. В силу этого основной целью и мотивирующим фоном политической деятельности становится желание изменить действительность. При этом эффективность предлагаемых молодёжи способов влияния на ситуацию посредством продвижения в политику через провластные каналы социально-политической мобильности оценивается скептически.

Вовлечение в политику другой категории политически активной молодёжи — лояльно настроенной к власти — идёт на фоне менее критичного восприятия действительности и в большей мере мотивировано стремлением молодых людей к самореализации, самоутверждению и продвижению на политическом поприще. Определённый скепсис, однако, вызывает наличие установки на «вписывание» в существующие структуры, го-

товность адаптироваться к системе, поскольку с приходом новых поколений в политику, как правило, связываются надежды на позитивные изменения, а не на стабилизацию достигнутого.

Исследование показало и точки соприкосновения этих двух полюсов политической активности, открывающие возможности будущего политического диалога между ними: неравнодушие и высокий уровень гражданской активности, желание внести свой вклад в улучшение жизни в стране. Определённый оптимизм вселяет практическое отсутствие радикальных и экстремистских взглядов, признание возможности и необходимости конструктивного сотрудничества со стороны обеих групп активистов для достижения желаемого образа социального будущего — общества с высоким уровнем жизни и социальной справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Loukakis A., Portos M. Another Brick in the Wall? Young people, Protest and Nonprotest Claims Making in Nine European Countries // *American Behavioral Scientist*. Vol. 64 SI. 2020. Pp. 685–669. UNSP 0002764219885435.
2. Renstrom E.A., Aspernas J., Back H. The young protester: the impact of belongingness needs on political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2020. May 2020. DOI: 10.1080/13676261.2020.1768229. URL: <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>.
3. Аюшеева Д.А. Участие молодёжи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // *Управленческое консультирование*. 2019. № 6. С. 147–153.
4. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // *Political Communication*. Vol. 35 (3). 2018. Pp. 192–212.
5. Edgerly S., Vraga E.K., Bode L. & coauthors. New Media, New Relationship to Participation? A Closer Look at Youth News Repertoires and Political Participation // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 95 (1). 2018. Pp. 192–212.
6. Кружкова О.В., Воробьёва И.В., Кривощёва М.С. Политическая активность современной российской молодёжи и маргинальные политические практики // *Педагогическое образование в России*. 2019. № 9. С. 22–31. DOI: 10.26170/po19-09-03.
7. Bode L. Gateway Political Behaviors: The Frequency and Consequences of Low-Cost Political Engagement on Social Media // *SOCIAL MEDIA + SOCIETY*. Vol. 3 (4). 2017. Pp. 1–10. DOI: 10.1177/2056305117743349.
8. Шаматонова Г.Л. Социально-политическая активность молодёжи в современной России: состояние и тенденции развития // *Социальные и гуманитарные знания*. 2018. 4 (2). С. 82–87.
9. Оценка текущего положения дел в стране. Опрос Левада-центра. Электр. Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane> (дата обращения: 25.10.2020). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. М.: Academia, 2008.
11. Руденкин Д.В. Полюсы политической активности российской молодёжи: сравнение активистов провластных и оппозиционных движений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 203–215. DOI: 10.17223/1998863X/55/21.
12. Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Политически активная молодёжь: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // LOGOS ET PRAXIS. 2019. Т. 18. № 3. С. 88–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.10>.
13. Дементьева И.Н. Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности // SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS. 2020. Т. 3. № 2. С. 88–103. DOI: 10.14258/ssi(2020)2–06.

ENGLISH

Young Political Activists in the Ural Region: are there Political Career Opportunities or Prospects for Social Changes?

Yana Viktorovna Didkovskaya – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Ural Federal University, head of the project “Youth as Political Actors: Social Well-Being and Political Career Strategies in Terms of Civic Engagement” (19-011-31601).

E-mail: diyana@yandex.ru

Dmitry Valeryevich Trynov – Senior Lecturer at the Ural Federal University, the executor of the same project.

E-mail: dmitrynov@inbox.ru

The paper provides the study outcomes with respect to the political activism process by young people as illustrated by the comparative analysis of campaigns by young activists of pro-governmental and opposition political organizations of the Urals Federal District.

The conclusions made by the authors are based on the results of the quantitative survey of activists from the pro-governmental youth socio-political organizations (N = 304) and non-systematic opposition activists (N = 298), as well as on informal interviews with young representatives of political parties and movements (22 interviews).

According to the findings, the crucial role in motivating the political participation of young activists is played by value-based sociocentric attitudes: a sense of civic responsibility and a strive for a more equitable society. Pragmatic attitudes towards career and self-fulfilment in the socio-political sphere are of less importance. Negative social well-being is typical for both groups of respondents, but it is stronger among opposition-minded young people and is the major motivator for them to be engaged with politics.

The significant differences between the pro-government and opposition activists in the course of their political self-identification have been identified: pro-government activists are characterized by the vague and indefinite ideological views, while the ideological orientation of opposition youth is more clearly defined and focused mainly on liberalism.

The common characteristic of the idea regarding the ideal social structure for both groups of activists is a high standard of living. However, pro-government and opposition activists significantly differ in their views regarding other ideas about the social ideal: opposition-minded young people put a greater focus on the role of information technologies, the market economy, tolerance for minorities, and humanism, while pro-government activists much more often refer to the significance of a strong government and the country's international credibility.

These differences in ideas regarding the goals of political participation on the background of the negative social well-being of varying degrees determine the choice of relevant forms of political activities by young people.

Keywords: young political activists, social well-being, motivation for political participation, protest activity, political career, political self-identification

REFERENCES

1. Loukakis A., Portos M. Another Brick in the Wall? Young people, Protest and Nonprotest Claims Making in Nine European Countries // *American Behavioral Scientist*. Vol. 64 SI. 2020. Pp. 685–669. UNSP 0002764219885435.
2. Renstrom E.A., Aspernas J., Back H. The young protester: the impact of belongingness needs on political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2020. May 2020. DOI: 10.1080/13676261.2020.1768229. URL: <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>.
3. Ayusheeva D.A. Uchastie molodyozhi v protestnykh aktsiyakh v sovremennoy Rossii kak sposob samoidentichnosti // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2019. № 6. S. 147–153 (in Russian).
4. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // *Political Communication*. Vol. 35 (3). 2018. Pp. 493–470.
5. Edgerly S., Vraga E.K., Bode L. & coauthors. New Media, New Relationship to Participation? A Closer Look at Youth News Repertoires and Political Participation // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 95 (1). 2018. Pp. 192–212.
6. Kruzhkova O.V., Vorob'yova I.V., Krivoschchyokova M.S. Politicheskaya aktivnost' sovremennoy rossiyskoy molodyozhi i marginal'nye politicheskie praktiki // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2019. № 9. Ctr. 22–31. DOI: 10.26170/po19-09-03.
7. Bode L. Gateway Political Behaviors: The Frequency and Consequences of Low-Cost Political Engagement on Social Media // *SOCIAL MEDIA + SOCIETY*. Vol. 3 (4). 2017. Pp. 1–10. DOI: 10.1177/2056305117743349.
8. Shamatonova G.L. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' molodyozhi v sovremennoy Rossii: sostoyanie i tendentsii razvitiya // *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018. 4 (2). S. 82–87 (in Russian).
9. Otsenka tekushchego polozheniya del v strane. Opros Levada-tsentra. Elektr. Rezhim dostupa: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane> (data obrashcheniya: 25.10.2020). ANO «Levada-Tsentr» vnesena Minyustom v reestr nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta (in Russian).
10. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Sotsial'naya regulyatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodyozhi. M.: Academia, 2008 (in Russian).
11. Rudenkin D.V. Polyusy politicheskoy aktivnosti rossiyskoy molodyozhi: sravnenie aktivistov provlastnykh i oppozitsionnykh dvizheniy // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020. № 55. S. 203–215. DOI: 10.17223/1998863KH/55/21 (in Russian).
12. Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Politicheski aktivnaya molodyozh': strategii politicheskogo uchastiya v kontekste obraza sotsial'nogo budushchego // *LOGOS ET PRAXIS*. 2019. T. 18. № 3. C. 88–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.10>.
13. Dement'eva I.N. Protestnye nastroyeniya zhitel'ey regiona kak proyavlenie destruktivnykh form grazhdanskoy aktivnosti // *SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS*. 2020. T. 3. № 2. S. 88–103. DOI:10.14258/ssi(2020)2–06 (in Russian).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛЫ, МОДЕЛИ, УЧАСТНИКИ

УДК 32.019.5

ГРНТИ 11.15.86

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-210-223

Н.В. СМУЛЬКИНА*

Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании

В работе были определены основные модели формирования символических пространств карт мира в российском массовом сознании, классифицированы факторы формирования символических репрезентаций. Автор рассматривает возможные риски, связанные с формированием неблагоприятных символических очертаний в репрезентациях политической карты мира в каждой из моделей. Риски, прежде всего, были связаны с негативными влияниями тревожности на уровень массовых настроений; с символической пустотой отдельных образов стран; негативными установками в отношении международного порядка; существованием конфликтной или, наоборот, идеализированной призмы восприятия всего международного (внешнеполитического); с трансформацией россицентричности в образ противостояния «своих» и «чужих» в условиях недостаточно чётко сформированной национально-государственной идентичности и пассивно-неудовлетворённых настроений; со стереотипизированным, зачастую когнитивно бедным и «клиповым» восприятием собственной страны российской молодёжью.

Символические представления и о возможных, и о желаемых международных тенденциях в российском массовом сознании можно назвать фрагментированным, что, вероятно, можно объяснить недостаточной наполненностью символического пространства политической карты мира. Неясность представлений россиян о месте своей страны в мире, её возможных стратегиях поведения в международной политике делает внешнеполитическое восприятие гиперчувствительным и зависимым прежде всего от стереотипов и от информационной повестки СМИ, что также выступает в качестве риска.

В результате проведённого исследования был предложен комплекс социально-политических механизмов и мероприятий, способных предупредить и минимизировать выявленные проблемы и указанные риски. Наиболее важным видится необходимость формирования продуманной системной информационной политики (через работу СМИ, культурно-просветительскую и молодёжную политику, образовательную систему, работу НКО), направленной на уменьшение символической пустоты карты мира

* **Смулькина Наталья Валентиновна** — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Политико-психологическое измерение политической карты мира в сознании российских граждан: символические репрезентации» (19-011-32128).
E-mail: smulkina@mail.ru

в представлениях российских граждан, на формирование национально-государственной идентичности и символически наполненных образов собственной территории и образов других стран, на системное и адекватное информирование граждан о текущих международных событиях, международных контактах диалогового формата.

Ключевые слова: политико-психологический анализ, политическая карта мира, политические образы, символическое пространство, восприятие страны и международных отношений, факторы политического восприятия, модели восприятия карты мира, риски, неблагоприятные символические очертания

Теоретические основания исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступал политико-психологический подход, обладающий теоретическими и инструментальными возможностями для изучения символических репрезентаций политической картины мира – сложного психологического феномена массового политического сознания.

Проблемное поле исследования определило необходимость опоры на совокупность политологических, психологических, социологических подходов, среди которых следует выделить три основных блока.

Работы первого блока отражали особенности различных подходов к исследованию образа страны. Наиболее ценными здесь были труды культурологов, историков, социологов, рассматривающих ментальные особенности восприятия своей и другой страны. Внимание в большей степени было обращено на достижения современной социологии. Исследовательские проекты политических социологов всё чаще затрагивают масштабные темы формирования политических представлений о своих и чужих странах, об изменениях впечатлений о мировой политике, сосредоточивая внимание на особенностях внешнеполитического восприятия и связанного с ним взаимного восприятия странами друг друга [1, 2].

Геополитические аспекты политического восприятия рассматриваются не-

редко и в рамках научных проектов в сфере теории международных отношений и регионалистики [3, 4]. Научные разработки данных теорий позволили уточнить авторский подход к анализу и классификации международных отношений, к структуре внутреннего и внешнего образа страны. Чрезвычайно ценными оказались здесь научные разработки авторов геополитических концепций, объясняющих причины формирования «стратегии концентрических кругов», «психологии окружённости», феноменов пространственности и пограничности [5, 6]. Достаточно хорошо разработанные на сегодняшний момент теоретические концепции, предложенные политическими географами, также легли в основу исследовательской модели [7–9].

Работы второго блока были посвящены факторам политического восприятия, определяющим специфику формирования политического образа, политических представлений в сфере глобальной политики. Ценными здесь были работы о психологии принятия решений политическими лидерами в контексте психологии международных отношений [10]. Среди российских исследований коммуникативного аспекта процесса формирования образа страны во внешнеполитическом дискурсе наиболее значимыми стали работы В. Колосова, И. Киселёвой [9, 11]. Несознаваемые аспекты восприятия образов в международных отношениях рассматриваются, как правило, в контексте изучения

искажений восприятия, страхов, угроз, рисков [12, 13]. Эти работы оказались полезными. Для разработки комплекса факторов символических репрезентаций основой стали факторная модель политического восприятия и концепция структуры образа страны, предложенные в российской политической психологии [14].

Третий блок включает труды, посвящённые теоретическим аспектам формирования символических репрезентаций национально-государственной идентичности в современном мире. В качестве наиболее значимых можно привести работы М.Кастельса, Д.Маккрона и Ф.Беххофера, Т.В.Евгеньевой, В.В.Титова, А.В.Селзнёвой [15], И.С.Семененко [16]. Не менее важными для разработки концептуально-теоретической модели были теории репрезентаций, разработанные в рамках рефлексивного, конструктивистского, интернационального теоретических подходов [17], концепции социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана [18], концепции символической политики [19], концепции символической репрезентации политических явлений и процессов, связанной с теориями «символической власти» П.Бурдьё [20], проект исследования символической политики, инициированного О.Малиновой в ИНИОН РАН в 2012–2017 гг. [21].

Характеристика исследования

Согласно программе исследовательского проекта в 2019 г. были проведены 150 формализованных интервью, включающих в себя проективные тесты: процедуры конструкции (картоидный метод, рисуночные персонификации Bubbles); процедуры завершения; экспрессивные методы (рисуночные тесты, конструирование сказочных сюжетов). Формализованные интервью были направлены на рассмотрение символических репрезентаций стран, изучение особенностей группирования и дифференциации респондентами символических образов стран. В результате проведения формализованных интервью выявлены наиболее значимые для россиян субъекты международных отношений (помимо стран), рассмотрены символические репрезентации этих субъектов на уровне массового сознания. Затем были проведены 256 фокусированных интервью, включающих проективные техники (процедуры завершения, ассоциативные, интрепретативные техники (ТАТ) и картоидный метод), с целью выявления основных символических репрезентаций в представлениях россиян о международных отношениях, мировом балансе сил, политической карте мира как сложносоставном феномене политического сознания.

Обработка и анализ полученных материалов проводились при помощи специально разработанного качественно-количественного инструментария. С описанием используемых методик и первичной интерпретацией результатов эмпирического исследования можно ознакомиться в работах автора [22]. В данной статье уделим внимание рассмотрению процесса формирования символического пространства политической карты мира в сознании российских граждан. Для этого определим несколько задач, выдвинутых в исследовательском проекте.

Во-первых, рассмотрим оригинальные по набору символических репрезентаций политико-психологические модели формирования политических карт мира у российских граждан.

Во-вторых, определим и проведём классификацию факторов формирования символических репрезентаций стран и международных отношений в российском восприятии.

В-третьих, сделаем попытку оценить возможные риски, связанные с формированием неблагоприятных символических очертаний в репрезентациях политической карты мира. Это позволит предложить комплекс социально-политических механизмов и мероприятий, способных предупредить выявленные проблемы и указанные риски.

Модели формирования символических пространств политической карты мира

Анализ данных, полученных в результате эмпирического исследования, позволил определить четыре основных модели политического восприятия карты мира, согласно характерным для них символическим пространствам, вероятно, по-разному наполняющимся под влиянием разнородных факторов. Определение и трансформация моделей осуществлялись по определённым критериям:

- ♦ критерию эмоционального знака восприятия (позитивного, негативного, амбивалентного);
- ♦ критерию фокуса внимания (на достижения и успехи, на страновую и цивилизационную самобытность, на вызовы и угрозы, международные зависимости, международные влияния);
- ♦ критерию связанности и группировки и категоризации символических репрезентаций.

Представим краткую характеристику данных моделей.

Модель тревожного типа восприятия: символическое пространство политической карты мира наполнено негативизированными сюжетами. Политические представления и образы сформированы под влиянием рационализированной и неосознанной тревожности воспринимающего (рис. 1, 5). Воспринимающему свойственно иметь пессимистический взгляд на будущее мира или же склонность к неосознанному отчуждению от обсуждаемой международной тематики. Нередко образы стран в сознании воспринимающего с подобной моделью мифологизированы, а в его оценках международных отношений внимание сконцентрировано на восприятии угроз и вызовов (что примечательно – и сквозь призму существующих внутривнутриполитических вызовов). Данному типу была свойственна психология окружённости (выражалась в склонности на контурной карте расширять границы или отмечать сферы влияния, выстраивая своеобразную «буферную зону», «зону безопасности»).

Модель позитивно-оптимистичного типа восприятия: воспринимающий

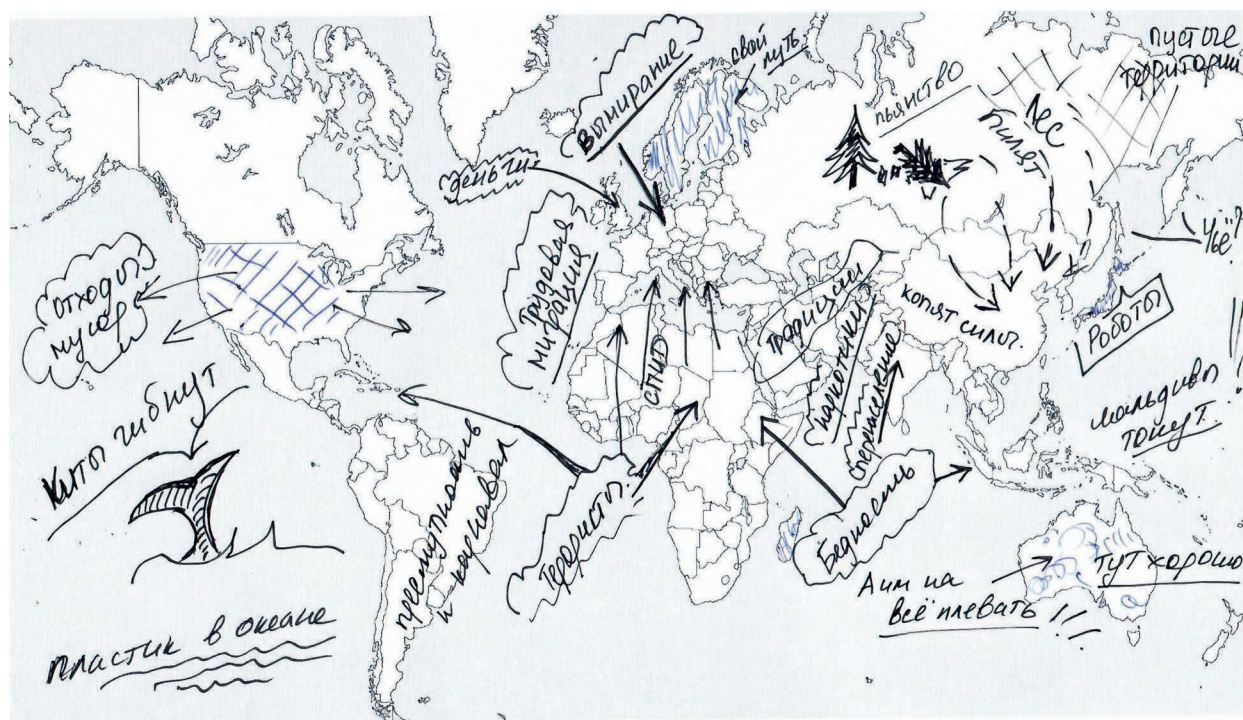

Рис. 1. Картоид. Символическая карта респондента с моделью тревожного типа восприятия

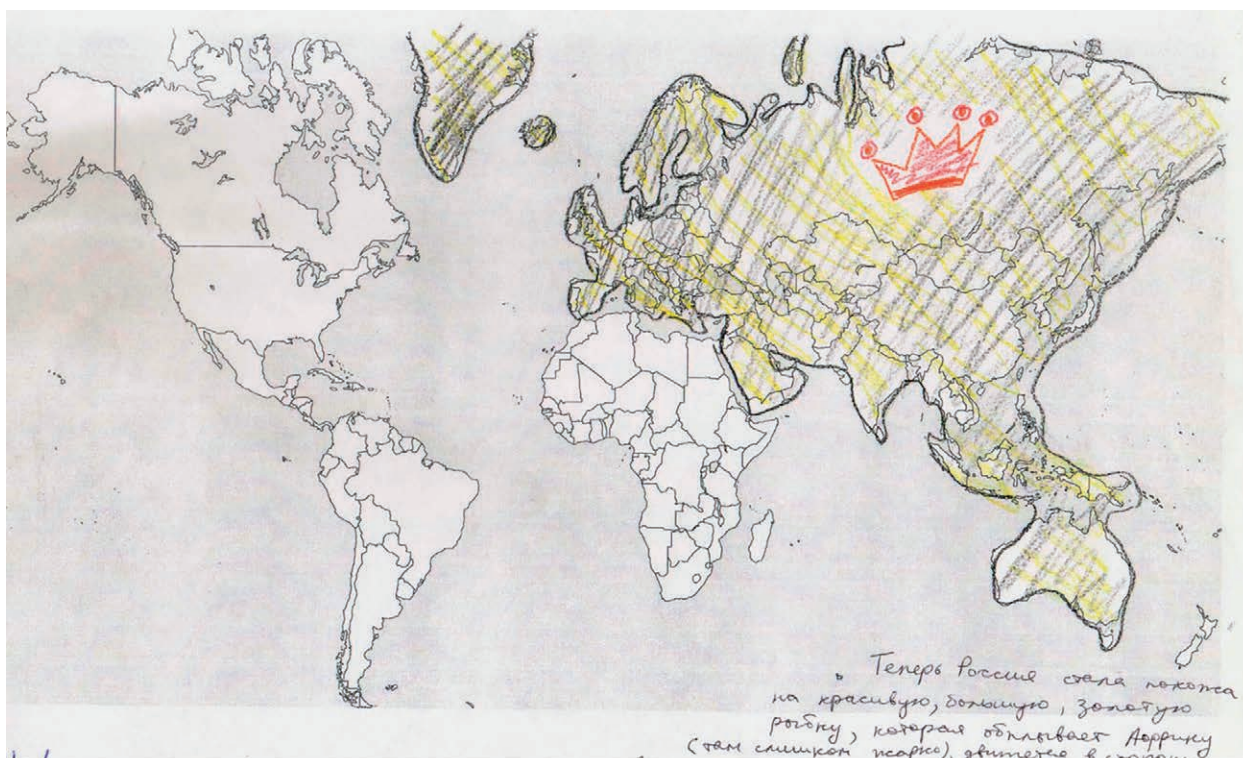

Рис. 2. Картоид. Символическая карта респондента с позитивно-оптимистичным типом восприятия

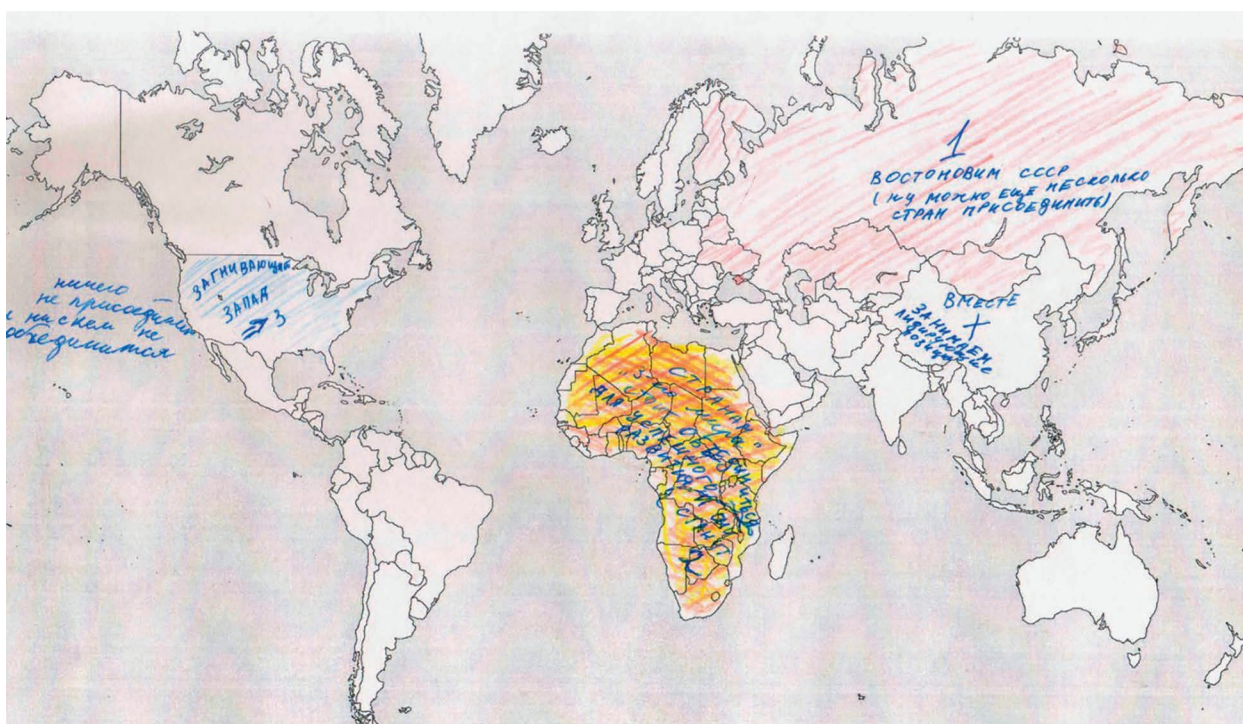

Рис. 3. Картоид. Ретроориентации в восприятии политической карты мира

Рис. 4. Картоид. Символическая карта респондента с моделью прагматично-рационального типа восприятия. Комментарий респондента: «Нужно следить за их внутривнутриполитическими процессами...»

определяет символическое поле политической карты мира через наборы позитивных, зачастую мифологизированных, сюжетов (рис. 2). Акцент в внешнеполитическом восприятии смещается на определение для себя шансов, надежд, связанных с мировой политикой и международными отношениями. При озвучивании возможностей и благоприятных сценариев развития международной ситуации респондент завуалированно транслирует собственные тревоги и страхи в отношении восприятия глобального мира и отдельных стран.

Модель прагматично-рационального типа восприятия: символическая карта мира достаточно сложна и структурирована. Внимание воспринимающего сконцентрировано на выстраивании сложноподчинённой иерархичной системы международных связей и отношений, упоминаются международные темы, связанные со сферами влияния, конфликтами, блоками. Образ международных отношений рационализирован, нередко

опирается на ретроориентации (рис. 3, 4). Именно для этой модели в наибольшей мере характерны разбалансированность и неконгруэнтность восприятия. На рациональном уровне преобладает склонность к властьцентричному восприятию международных отношений и политике карты, на неосознаваемом же уровне преобладает нравственноцентричный характер восприятия.

Модель фрагментарно-неопределённого типа восприятия: символическое поле политической карты мира размыто, когнитивно бедно, наполнено стереотипизированными образами. Карта мира ассоциируется с набором не связанных между собой неполитических символов разных территорий и регионов, стран, международных событий. Образ своей страны может быть представлен в виде набора «зарубежных» клишированных символов (Россия – балалайка, медведь, водка). Данная модель наиболее чувствительна к влиянию коммуникативного фак-

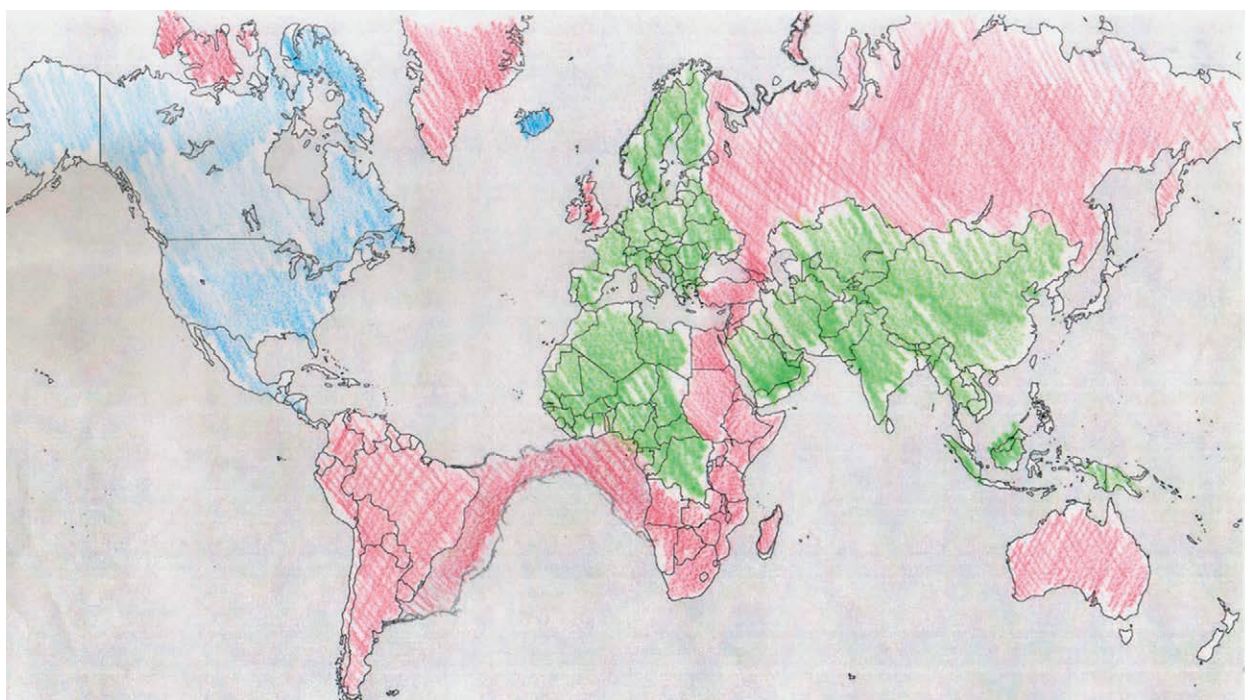

Рис. 5. Картоид. Психология окружённости. Комментарий респондента:
«Россия должна занимать большую территорию, окружать США для сдерживания их силы
и занимать благоприятную территорию, как Египет или Турция»

тора СМИ, зависима от информационной повестки. Символически «плывущее» восприятие политической карты мира и своей страны на ней может быть объяснимо здесь и значительными проблемами национально-государственной идентичности у воспринимающих.

Предложенные модели политического восприятия карты мира предоставляют возможность более детального изучения процесса формирования символических образов с учётом возможностей корректировки отдельных факторов репрезентаций карты мира в сознании россиян. Моделирование в данном случае значимо и потому, что является обязательным условием для последующего обсуждения возможных рисков и угроз, связанных с формированием неблагоприятных символических очертаний политической карты мира.

Факторы формирования символических репрезентаций стран и международных отношений

Анализ полученных материалов позволяет предположить влияние ряда факторов

на формирование символических образов международных отношений и политической карты мира в российском массовом сознании. Их можно классифицировать как факторы субъектного и объектного характера.

К субъектным факторам (т.е. факторам, связанным с воспринимающей стороной) могут быть отнесены психологические состояния воспринимающих (как отдельного индивида, так и групп, с которыми он себя отождествляет); психологическое состояние массового сознания всего общества (направленность настроений, степень тревожности, социального напряжения, ауто- и гетеростереотипов); социально-демографический фактор; особенности национально-государственной, этнической, конфессиональной, политической и других идентичностей; культурный фактор (ментальные особенности); характер способов (каналов) получения воспринимающими информации о странах и международных отношениях (включая пространственный опыт).

Рис. 6. Проективный рисунок
«страна как несуществующее животное».
Привлекательный образ Казахстана

К группе *объектных факторов* можно отнести характеристики воспринимаемого, а также контекст, в рамках которого происходит формирование символических репрезентаций политической карты мира. Значимыми в данном случае можно назвать геоэкономический и геополитический факторы, исторический аспект (и характер взаимоотношений отдельных субъектов карты мира в истории и ретроориентации), информационную повестку (которая включает как саму повестку, так и образы стран и международных событий, сформированные в СМИ).

Оценивая специфику воздействия факторов обеих групп на формирование у российских граждан символически наполненных образов политической карты мира, следует помнить о комплексном характере их влияния. Не представляется возможным однозначно утверждать, что воздействие одного из факторов в наибольшей или наименьшей мере формирует символическое поле образов стран, международных отношений или всей карты мира в целом. Однако при этом присутствует возможность говорить, что некоторые выявляемые тенденции восприятия детерминированы вполне

определёнными факторами. Так, например, символическое наполнение образов стран на уровне политического сознания во многом зависит от личного опыта воспринимающих: от посещения страны, личных контактов россиян с представителями данных стран, а также от степени внимания респондентов к новостям международной тематики.

Образы стран, с которыми у России существуют близкие экономические и культурные контакты, а также стран с развитой сферой туризма отличались большим символическим наполнением. Полученные в ходе исследования данные продемонстрировали наибольшее символическое многообразие в случае оценок Великобритании, США, Германии, Украины, Белоруссии, Казахстана (рис. 6), с которыми у нашей страны существовали и продолжают существовать многообразные (пусть

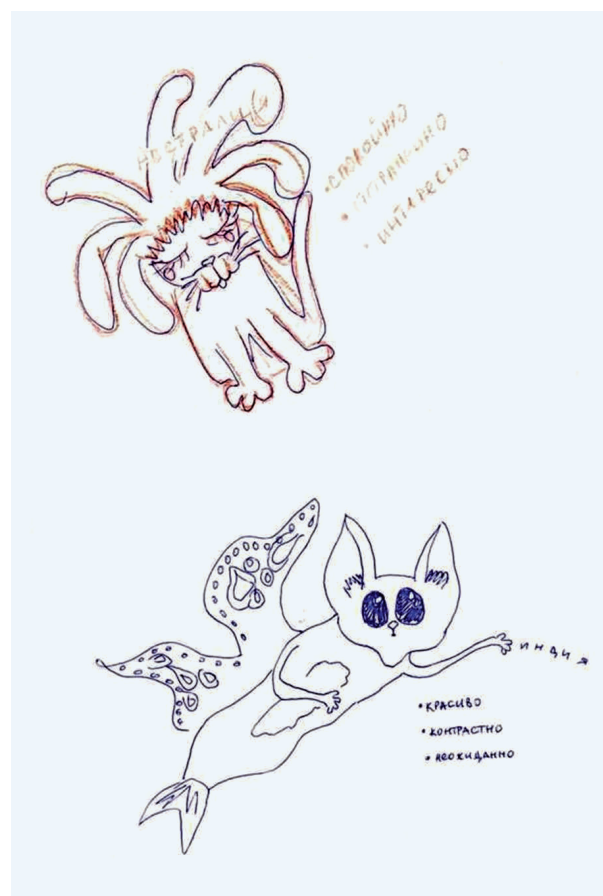

Рис. 7. Проективный рисунок
«страна как несуществующее животное».
Образ Бразилии (верхний). Образ Индии (нижний)

даже и неоднозначные) культурные, экономические, исторические и другие связи. Страны, менее известные для рядового россиянина, предстают в его восприятии в виде привлекательных, но абстрактных экзотичных образов (рис. 7).

Неконгруэнтность в представлениях россиян о месте своей страны в мире, её возможных стратегиях поведения в международных отношениях делает восприятие политической карты мира чувствительным и зависимым прежде всего от информационной повестки СМИ, стереотипизации информационного контента. Восприятие структуры международных отношений в значительной степени определено особенностями политической социализации гражданина, соответственно актуальными здесь становятся поколенческие особенности восприятия. Формирование символических очертаний представлений российских граждан о принципах международных отношений также в значительной степени зависит от субъектных факторов восприятия (социальных, демографических и психологических особенностей воспринимающих).

Риски формирования неблагоприятных символических очертаний в репрезентациях политической карты мира

Проведённое исследование позволяет определить возможные риски, связанные с формированием неблагоприятных символических очертаний в репрезентациях политической карты мира. В наибольшей степени в данном случае обращает на себя внимание модель тревожного типа восприятия. Как осознаваемые, так и неосознанные страхи, проявившиеся в восприятии международной реальности, способны находить выход в росте неудовлетворённых настроений, чувств неуверенности и неоправданных надежд в отношении властей, в политической апатии, в усилении отстранённости от социально-позитивных форм активности, в формировании своеобразной установки на международный

эскапизм. С другой стороны, страхи могут проявляться в усилении националистических настроений, ксенофобии, этнической нетерпимости, во вспышках немотивированной социальной агрессии.

И конфликтная, и, наоборот, идеализированная призма восприятия всего международного/внешнеполитического способны выступить в качестве вероятного риска, поэтому нельзя сказать, что модель оптимистично-прагматического типа восприятия карты мира не несла в себе возможных рисков и угроз. Эта модель также демонстрировала риск нарастающей скрытой тревожности во внешнеполитическом восприятии. Совместно с моделью фрагментарно-неопределённого типа модель позитивно-оптимистичного типа восприятия карты мира отчётливо демонстрировала стереотипизацию символических представлений россиян о своей стране, других странах и международных отношениях.

Выявленные особенности восприятия позволяют говорить о склонности россиян оценивать мобилизационный потенциал своей страны и других субъектов международных отношений в контексте конфликтного или тревожного восприятия ими международной обстановки. Это особенно значимо, так как материалы, полученные в результате использования уникальных авторских проективных методов, демонстрируют, что для современного политического восприятия россиянами политической карты мира характерны символическая фрагментарность и как следствие — ситуативность, гиперчувствительность прежде всего к информационному контексту. С этим связана проблема стабильности психологического состояния российского массового сознания. В условиях тревожности, пассивно-неудовлетворённых настроений вышеупомянутая тенденция восприятия может приобрести характер угрозы, так как формирует благоприятные условия для манипулирования, дестабилизации обществ, для неконвенционального протеста.

Выявленная в ходе исследования тенденция восприятия российским массовым сознанием карты мира как символически фрагментированной и часто размытой актуализирует опасность непредсказуемости общественных реакций на внезапные отдельные международные события, агрессивность реакций на слишком активное навязывание средствами массовой информации отдельных свёрхупрощённых образов России и отдельных стран в международной политике. У ряда молодых респондентов эта тенденция проявлялась в нейтральном отношении к потенциальным территориальным потерям России при описании возможных изменений политической карты мира. Часть опрошенных молодых респондентов (8%) заявила о необходимости возвращения Крыма в состав Украины, о выгодах от совместного хозяйствования на территории Курильских островов. Молодые респонденты чаще остальных упоминали о том, что именно большие масштабы мешают России занять место среди мировых лидеров.

Необходимость выстраивания осознанной политики в отношении формирования международных образов, прежде всего у молодёжи, проявила себя и при выделении рисков и угроз, связанных с негативными установками в отношении международного порядка. Это было в большей степени характерно для модели прагматично-рационального типа восприятия карты мира. Формирование неблагоприятных символических очертаний карты мира обусловлено возможными трансформациями россиецентричности в образ противостояния «своих» и «чужих», друзей и врагов в условиях недостаточно чётко сформированной национально-государственной идентичности и пассивно-неудовлетворённых настроений у российской молодёжи. Характерное именно для российской молодёжи стереотипизированное, когнитивно бедное и «клиповое» политическое восприятие собственной страны может спо-

собствовать слабости в отношении внешних информационных влияний, манипулятивных угроз.

Символические представления и о возможных, и о желаемых международных тенденциях в российском массовом сознании можно назвать фрагментированными, «плывущими», что, вероятно, объясняется недостаточной наполненностью символического пространства политической карты мира. Неясность представлений россиян о месте своей страны в мире, её возможных стратегиях поведения в международной политике делает внешнеполитическое восприятие гиперчувствительным и зависимым прежде всего от стереотипов, клише и от информационной повестки СМИ, что также выступает в качестве риска. В связи с этим предлагается разработать комплекс социально-политических механизмов и мероприятий, способных предупредить и минимизировать выявленные проблемы и указанные риски. Разработаны рекомендации по формированию в политическом сознании российских граждан конгруэнтной, целостной, упорядоченной политической карты мира.

Заключение

Россицентричность внешнеполитического восприятия определила необходимость «начать с себя». Важным видится акцентирование внимания прежде всего на осуществлении продуманной политики национально-государственной идентичности, на предложении властью российскому обществу символически очерченного образа будущего, на повышении активности властей субъектов РФ в сфере регионального брендинга.

Значимым является фокусирование внимания в информационной политике на заполнении «пустот символического пространства» собственной территории. Рекомендуется акцентировать внимание на освещении тем ресурсного потенциала собственной страны, возможностей

позитивного сотрудничества России со странами, которые россияне уже относят к условно «своему лагерю», и со странами с наиболее размытыми символическими образами.

В связи с этим важным шагом видится формирование продуманной системной информационной политики (через работу СМИ, культурно-просветительскую и молодёжную политику, образовательную систему, работу НКО) с целью конструирования в российском сознании символически наполненных международных образов. Тенденция сопостранственности и гетеротопии в восприятии карты мира россиянами, а также иерархичность восприятия отдельных стран определяют значимость системного и адекватного информирования граждан о текущих международных событиях, международных контактах диалогового формата. Необходима системная политика, направленная на информирование россиян об отдельных странах мира и международных связях с ними России; но при этом следует учитывать специфику символических представлений о различных странах мира. Так, например, в отношении формирования образа Африки требуется информирование россиян о социально-экономическом, политическом и культурном

разнообразии её стран. В случае постсоветских стран в информационной политике следует формировать установку на рационально-прагматичную оценку отношений России со странами постсоветского пространства, так как образ «ненастоящего зарубежья» может способствовать в будущем усилению разочарований при оценке россиянами международного контекста. Необходимым представляется увеличение в современной информационной повестке числа тем, освещающих отношения России с отдельными европейскими странами, которые выступают в качестве самостоятельных субъектов международных отношений.

Символическое заполнение карты мира в политическом массовом сознании россиян требует системного продуманного подхода. Его осуществление в свою очередь невозможно без последующих исследований символических образов карты мира в сознании россиян с учётом анализа современной информационной повестки; образов стран в российских СМИ; образов мировой истории, образов прошлого России, представленных в школьных учебниках; особенностей изучения географии в современной российской школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2016.
2. Снежкова И.А., Калачева И.И., Шалыгина Н.В., Громов Д.В. Образы России и Белоруссии в представлениях молодёжи двух стран // Власть. 2019. № 1. С. 107–112.
3. Вилков А.А. Ментальное восприятие региональной власти // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2010. Вып. 4. Т. 10. С. 23–35.
4. Мельвиль А. Ю. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 6–14.
5. Мирошниченко И.В. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодёжи // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 31–44.
6. Чернышов Ю.Г. Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов // Дневник АШПИ. 2015. № 33. С. 76–81.

7. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. 2011. № 4. С. 60–67.
9. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170–187.
10. Scammell M. Political Brands and Consumer Citizens: The Rebranding of Tony Blair. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2007.
11. Киселёв И.Ю., Смирнова А.Г. Особенности восприятия населением результатов внешней политики // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 136–154.
12. Buzan B. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991.
13. Смирнова А.Г. Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // Политическая экспертиза. 2007. Т. 3. № 4. С. 193–208.
14. Палитай И.С., Селезнёва А.В. Восприятие своей страны российской молодёжью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 123–135.
15. Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодёжи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4. С. 48–64.
16. Семенов И.С. Образ и имидж в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.
17. Hall S. The work of representation // Representation: Cultural representation and signifying practices / Ed. by Stuart Hall. London: Sage publ. The Open univ., 1997.
18. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.
19. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1985.
20. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 288.
21. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.
22. Смулькина Н.В. Символические образы международных отношений в сознании российских граждан: политико-психологический анализ // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 89–116.

ENGLISH

Building the Symbolic Space of the Political World Map in Russian Collective Consciousness

Natalia Valentinovna Smulkina – Candidate of Science (Politics), Senior Lecturer of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, head of the project “The Political and Psychological Dimension of the Political World Map in the Minds of Russian Citizens: Symbolic Representations” (19-011-32128).

E-mail: smulkina@mail.ru

The paper describes the major models of building symbolic spaces of the world maps in the Russian collective consciousness and provides the classification of the factors to build symbolic representations.

The author considers the potential risks associated with shaping unfavourable symbolic outlines in the representations of the political world map with respect to each model. Risks were primarily related to the negative impact of anxiety on the level of collective attitudes; the symbolic voidness of images of certain countries; negative attitudes towards the international order; the conflicted or, conversely, idealized viewpoint on the entire international (foreign) affairs; the transformation of russocentrism into the image of confrontation between 'us' and 'them' in the context of the insufficiently built national-state identity and passive dissatisfaction; the stereotyped, often cognitively shallow and 'mosaic' perception of own country by Russian youth.

The symbolic ideas of both possible and desirable international trends in Russian collective consciousness can be described as fragmented, which can probably be due to the inadequate completeness of the symbolic space of the political world map. The vague ideas by Russians regarding the country's place in the world and its possible behaviour strategies in international politics make foreign policy perception hypersensitive and dependent primarily on stereotypes and the media's informational agenda, which is also a risk.

Following the study outcomes, a set of socio-political mechanisms and measures that can prevent and minimize the identified challenges and the risks was proposed. The need to frame an elaborate and consistent information policy (through media, cultural, educational and youth policy, educational system, non-profit institutions) aimed at minimizing the symbolic voidness of the world map perceived by Russian citizens, at building the national-state identity and forming symbolically complete images of own territory and those of other countries as well as at systematic and adequate informing citizens about current international events and contacts through dialogs is of major importance.

Keywords: political and psychological analysis, political world map, political images, symbolic space, perception of the country and international relations, factors of political perception, models of perception of the world map, risks, unfavourable symbolic outlines

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Vneshnepoliticheskie orientatsii rossiyan v kontekste vyzovov sovremennoy global'noy politiki // Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya: nauchnoe izdanie / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. M.: Izd-vo Aspekt Press, 2016 (in Russian).
2. Snezhkova I.A., Kalacheva I.I., Shalygina N.V., Gromov D.V. Obrazy Rossii i Belorussii v predstavleniyakh molodyozhi dvukh stran // Vlast'. 2019. № 1. S. 107–112 (in Russian).
3. Vilkov A.A. Mental'noe vospriyatie regional'noy vlasti // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. 2010. Vyp. 4. T. 10. S. 23–35 (in Russian).
4. Mel'vil' A. Yu. «Politicheskii atlas sovremennosti»: zamysel i obshchie teoretiko-metodologicheskie kontury proekta // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 5. S. 6–14 (in Russian).
5. Miroshnichenko I.V. Prostranstvennyy obraz Evropy v predstavleniyakh rossiyskoy molodyozhi // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2018. № 2. S. 31–44 (in Russian).
6. Chernyshov Yu.G. Pogranichnoe prostranstvo kak bar'er mezhdutopicheskimi i real'nymi obrazami stran i regionov // Dnevnik ASHPI. 2015. № 33. S. 76–81 (in Russian).
7. Zamyatin D.N. Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh. M.: ROSSPEN, 2004 (in Russian).
8. Zamyatina N.Yu. Smysl polozheniya: mesto v mental'no-geograficheskikh prostranstvakh // Kul'turnaya geografiya. 2011. № 4. S. 60–67 (in Russian).
9. Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopoliticheskoe videnie mira rossiyskimi grazhdanami: pochemu Rossiya ne Evropa // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 5. S. 170–187 (in Russian).
10. Scammell M. Political Brands and Consumer Citizens: The Rebranding of Tony Blair. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2007.

11. Kiselyov I.Yu., Smirnova A.G. Osobennosti vospriyatiya naseleniem rezul'tatov vneshney politiki // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 19. С. 136–154 (in Russian).
12. Buzan B. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991.
13. Smirnova A.G. Vospriyatie ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v poiskakh teoreticheskikh osnovaniy // Politicheskaya ekspertiza. 2007. T. 3. № 4. S. 193–208 (in Russian).
14. Palitay I.S., Selezneva A.V. Vospriyatie svoey strany rossiyskoy molodyozh'yu: tsennostno-simvolicheskiy i politiko-kul'turnyy aspekty // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. T. 10. № 2. S. 123–135 (in Russian).
15. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Transformatsiya natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodyozhi v postsovetskiy period: tsennostnye osnovaniya i simvolicheskie reprezentatsii // Politika: Analiz. Khronika. Prognoz. 2017. № 4. S. 48–64 (in Russian).
16. Semenenko I.S. Obraz i imidzh v diskurse natsional'noy identichnosti // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. № 5. S. 7–18 (in Russian).
17. Hall S. The work of representation // Representation: Cultural representation and signifying practices / Ed. by Stuart Hall. London: Sage publ. The Open univ., 1997.
18. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.
19. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1985.
20. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2007. S. 288 (in Russian).
21. Malinova O.Yu. Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii. M.: INION RAN, 2013 (in Russian).
22. Smul'kina N.V. Simvolicheskie obrazy mezhdunarodnykh otnosheniy v soznanii rossiyskikh grazhdan: politiko-psikhologicheskiiy analiz // Antinomii. 2020. T. 20. № 1. S. 89–116 (in Russian).

УДК 316.334.52
ГРНТИ 04.71.31; 11.15.23; 11.15.89; 11.07.51
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-224-235

Д.С. ДОКУЧАЕВ*

Историческая политика на региональном уровне: модели, цели и акторы

Историческая политика на региональном уровне представляет собой, с одной стороны, частный пример политики памяти, с другой стороны, её следует рассматривать как совокупность региональных практик, используемых различными акторами в целях конструирования образа прошлого. Использование истории на региональном уровне предполагает её включение в имиджевую политику территории (в том числе для продвижения на уровне федерации, развития туризма), в то же время локальная история (и её интерпретации) задействуется в процессе региональной идентификации. Основная цель исследования состоит в попытке анализа использования символического капитала региональной истории в политической повестке местных властей на современном этапе (в 2010-х гг.), выявлении основных акторов и моделей исторической политики.

В результате выделены четыре основные модели использования истории на региональном уровне: традиционалистская, институциональная, электорально-ориентированная и прагматическая. Каждая из этих моделей исторической политики преследует конкретные цели, решает определённые задачи, имеет различных акторов и свои методы. Установлено, что смена моделей исторической политики, как правило, происходит во время транзита региональной власти.

Ключевые слова: историческая политика, регионализм, региональная идентичность, образ территории, региональный дискурс

Введение

История региона — это не только героические и славные традиции сообщества, живущего на определённой территории, факты и события; это ещё и арена для политической борьбы. В коллектив-

ном прошлом каждое сообщество пытается отыскать основания для воспроизводства социальности, а следовательно, идентичности. Проведение границы между «своими» и «чужими» в процессе идентификации невозможно без обра-

* **Докучаев Денис Сергеевич** — кандидат философских наук, заведующий отделением журналистики, рекламы и связей с общественностью Ивановского государственного университета, руководитель проекта «Историческая политика в регионах России: от интерпретации прошлого к конструированию будущего» (19-011-32123).

E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

щения к прошлому — как «своему», так и «чужому». История как состоявшееся прошлое локального сообщества, региона, нации или даже всего человечества всегда была и будет подвержена селекции и манипуляциям.

Цель настоящего исследования заключается в попытке выявить основные принципы интерпретации истории региона для политических целей, а также определить и охарактеризовать основных политических акторов, использующих исторические символы для легитимации и делегитимации власти в регионе, выявить основные модели исторической политики на региональном уровне.

Объектом исследования является историческая политика в региональном измерении, рассматриваемая как совокупность региональных практик, используемых различными акторами в целях изменения образа прошлого. Предмет исследования — цели, акторы и методы исторической политики на уровне региона.

Степень изученности проблемы и методология исследования

Региональный ландшафт России гетерогенен. Разнородность проявляет себя не только в социальной сфере или сфере экономики, но и в культурных особенностях региональных сообществ. Так, М.В.Назукина выделила в России четыре типа региональной идентичности, которые можно соотнести с различными типами регионов:

- ◆ регионы с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении;
- ◆ регионы с сильным культурным ядром и стратегическим его выражением;
- ◆ регионы со слабым ощущением культурного единства при активной имиджевой политике;
- ◆ регионы, в которых отсутствует выраженное культурное единство и стратегическое оформление (подробнее см. [1]).

Для каждого типа региона характерны свои особенности политики идентично-

сти, символической политики и политики памяти. Соответственно, для каждого типа региона можно выделить как основные, так и вспомогательные модели исторической политики, которые используются, с одной стороны, в имиджевых целях, а с другой стороны — в целях конструирования локальной (региональной) идентичности.

Многие исследователи склонны рассматривать историческую политику в качестве частного примера глобальной тенденции политизации истории и одного из примеров политики памяти (подробнее см. [2, с. 8; 3]). Под политикой памяти в данном случае понимается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры» [3, с. 140]. Стоит согласиться с А.И.Миллером в том, что «именно политическая природа феномена, который мы обозначаем понятием историческая политика, требует, чтобы исследователи сосредоточились не только и даже не столько на различных интерпретациях прошлого в рамках исторической политики, сколько на вопросах об акторах, институтах, методах этой политики» [2, с. 12].

Говоря о политике памяти и исторической политике на региональном уровне, следует понимать, что речь идёт, прежде всего, о конкурентном позиционировании территорий и о формировании региональной (локальной) идентичности. Поскольку именно в этих сферах историческая политика проявляется чаще всего. С одной стороны, использование истории на региональном уровне предполагает её включение в имиджевую политику территории (в том числе для продвижения на уровне федерации, развития туризма и пр.), с другой стороны, локальная история (и её интерпретации) задействуется в процессе региональной идентификации.

А.Ю.Бубнов предлагает рассматривать понятие «историческая политика» в широком и узком смыслах. В широком смыс-

ле под исторической политикой следует понимать не только совокупность самых различных практик по политическому использованию прошлого, но и «борьбу в публичном поле влиятельных общественных групп за утверждение своих версий интерпретации коллективного прошлого. В узком смысле историческая политика может пониматься как стратегия укрепления идентичности через позитивную оценку собственной истории» [4, с. 6].

Историческая политика, по мнению А.И.Миллера, проявляется в нескольких сферах, и методы её он предлагает разделить на пять групп [2, с. 17–19]. Во-первых, это создание специальных институтов, которые формируют и пропагандируют конкретные интерпретации истории. Во-вторых, это вмешательство власти в деятельность СМИ. В-третьих, избирательная работа с архивными документами. В-четвёртых, разработка мер контроля над профессиональными историками. И наконец, в-пятых, вмешательство в сферу исторического образования. Деление, конечно, условное, однако на региональном уровне стоит выделить ещё одну сферу проявления исторической политики – воздействие на музейную коммуникацию при предъявлении артефактов прошлого (подробнее см. [5]). Региональный музей стоит рассматривать не только в качестве самостоятельного актора исторической политики, но и в роли проводника официальной позиции органов власти.

Современные исследования исторической политики в меньшей степени сконцентрированы на уровне регионов. Традиции изучения коллективной памяти в России складывались по нескольким направлениям, среди которых можно выделить политологическое и социологическое. В рамках политологического направления отметим уже упомянутые работы А.И.Миллера, О.Ю.Малиновой, а также исследования В.А.Ачкасова [6], О.В.Рябова [7, 8], Г.Л.Тульчинского [9] и др. В центре их внимания – политический дискурс

(О.Ю.Малинова), взаимодействие власти с профессиональным сообществом историков (А.И.Миллер), использование символов в политике и трансформация отдельных исторических образов (О.В.Рябов). Социологическое направление занимается изучением проблемы коллективной памяти сквозь призму массовых источников. В последнее время стали появляться прикладные социологические исследования, связанные с изучением исторической политики на уровне регионов. Например, М.А.Красноборов исследовал источники конструирования исторической памяти пермских школьников. Автор пришёл к выводу, что каркасом локальной и региональной идентичности выступает семейная история, которая неминуемо оказывается более сложной и персонализированной. А поэтому несоответствие, а иногда и прямое противоречие между государственной политикой памяти и исторической памятью семьи чревато возникновением конфликтных ситуаций на уровне чувства принадлежности к нации и территориальной самоидентификации, что уже является важной социальной и управленческой проблемой [10].

В качестве основного методологического подхода выделим критический дискурс-анализ (КДА), который применительно к региональным политологическим исследованиям демонстрирует неплохую эффективность в плане моделирования политической дискурсивной реальности [11].

Критический дискурс-анализ, предложенный Н.Фэркло (Norman Fairclough), представляет собой анализ диалектических отношений между дискурсом и другими элементами социальных практик [12, с. 26–27]. Дискурс в КДА – это важная форма социальной практики, которая одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, включая отношение власти, и в то же время сам дискурс формируется другими социальными практиками и структурами. Таким образом, дискурс находится в диалектических от-

ношениях с другими социальными изменениями.

Эмпирическую основу исследования составили стандартизированные экспертные опросы и массовый опрос. В качестве экспертов привлекались специалисты из регионов Центра, Северо-Запада России, Поволжья и Урала. Массовый опрос (N = 384), посвящённый исторической политике на региональном уровне, был проведён в Ивановской области в 2019 г. (результаты подробнее см. [13]). Кроме этого использовались материалы средств массовой информации, а также официальные документы.

Результаты исследования и дискуссия

В рамках проведённого исследования выделены четыре основные модели использования истории на региональном уровне: традиционалистская, институциональная, электорально-ориентированная и прагматическая (схема). Каждая из этих моделей исторической политики преследует конкретные цели, решает опреде-

лённые задачи, имеет различных акторов и свои методы. Смена моделей исторической политики, как правило, происходит во время транзита региональной власти.

Главная цель традиционалистской модели исторической политики состоит в постоянном поддержании устойчивых исторических нарративов и дискурсов, некогда сформировавшихся образов коллективного прошлого, актуальность которых сохраняется из поколения в поколение на территории региона. Эта модель главным образом используется в качестве инструмента для поддержания и (вос)производства локальной (региональной) идентичности. Она реализуется прежде всего в сфере образования и социально-культурной деятельности сообщества. К акторам такой модели исторической политики следует отнести профессиональных историков, сообщество учителей истории, краеведов, музейных работников, общественные организации, которые занимаются изучением и популяризацией региональной истории. Главным образом это

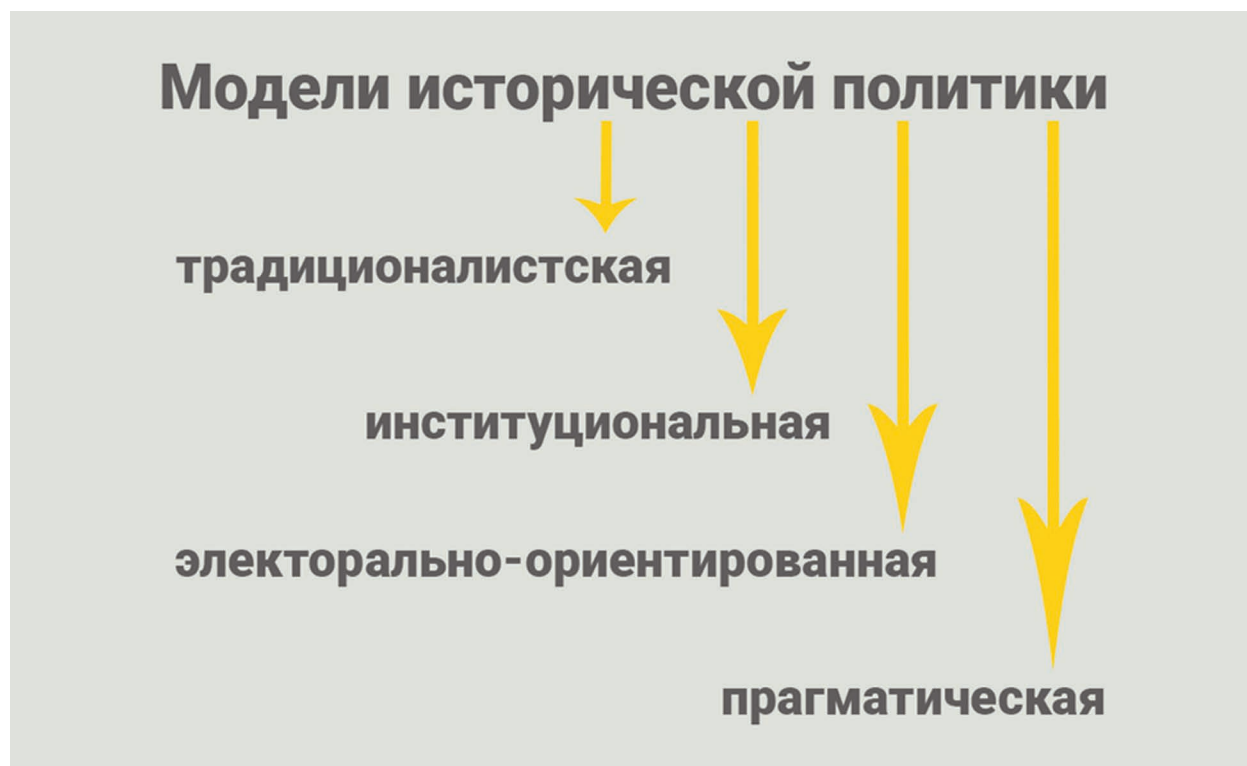

Схема. Модели исторической политики на региональном уровне

Фото 1. Занятие в историко-краеведческом музее им. Д.Г. Бурulina (Иваново)

те, кто конструирует и транслирует официальный дискурс местной истории и отбирает для него соответствующие нарративы. Что касается каналов доставки исторической информации в рамках такой модели, то к ним можно отнести средства массовой информации, музеи, образовательные продукты в сфере истории, например, музейные занятия или музейные мастер-классы (фото 1), научно-популярную литературу и т.д.

Говоря о методах такой политики, стоит отметить, что сама по себе она скорее формирует «поле» региональной истории без какой-либо акцентуации на отдельных исторических событиях или фактах. Традиционалистская модель выступает фундаментом политики идентичности и может использоваться последней в самых разных практиках. Кроме того, сама по себе эта модель не предполагает проектируемого образа будущего. Настоящее понимается через связь с прошлым, но в самом прошлом посылы для будущ-

ности не ищутся и не артикулируются. Переход от одной модели исторической политики к другой возможен тогда, когда появляется базовый интерпретатор регионального прошлого.

Главная цель институциональной (легитимирующей) модели исторической политики состоит в том, чтобы, используя механизмы исторической и политической памяти, способствовать легитимации как отдельных институтов власти, так и самой власти. С одной стороны, такая модель предполагает выстраивание адекватных границ политической коммуникации при обосновании выбора важных общественно-политических решений. С другой стороны, она задействуется для формирования символического капитала, который позволяет региональному сообществу воспринимать и характеризовать власть как «согласованную» и «оправданную».

Важной отличительной чертой институциональной модели является наличие

базового интерпретатора дискурса региональной истории. Если традиционалистская модель предполагает формирование относительно гомогенного «поля» регионального исторического дискурса, то при переходе к институциональной модели можно зафиксировать отбор адекватных системе нарративов и выстраивание необходимых коммуникаций вокруг них. Интерпретация региональной истории начинает разворачиваться относительно всего доступного массива событий, однако через селекцию в публичную плоскость попадают далеко не все. Какие-то события прошлого предаются «забвению», какие-то второстепенные, но важные для политической ситуации факты, наоборот, наделяются новыми значениями и смыслами.

Основные методы институциональной модели связаны с расстановкой акцентов в региональной истории, с политизацией имён, ревизией регионального прошлого, героизацией одних исторических персонажей и нивелированием заслуг других (фото 2). Конечная цель состоит в формировании доверия к определённым институтам власти, конкретным представителям власти и региональной политической системе в целом со стороны общества.

Институциональная модель исторической политики на региональном уровне проявляет себя как минимум в двух случаях. Во-первых, во время транзита власти — смены высшего должностного лица или переизбрания регионального парламента в значительно изменённом составе. Во-вторых, во время перераспределения влияния между законодательной и исполнительной ветвями власти на уровне региона или при наделении новыми полномочиями отдельных органов власти, представителей власти. Оба этих случая предполагают временную ситуацию неопределённости в плане принятия решений и одобрения их со стороны населения, поэтому выстраивание адекватных границ политической коммуникации

и использование символического капитала территории предполагает обращение власти, в том числе к методам исторической политики.

В последние годы институциональная модель проявлялась на уровне российских регионов в связи чередой переназначений глав субъектов в 2017–2018 гг. Губернаторский корпус был значительно обновлён в этот период. Причём, как правило, на год в регион назначался временно исполняющий обязанности губернатора, который становился основным фаворитом на выборах, а затем побеждал. Именно в период временного назначения и вплоть до объявления выборов и работы, на наш взгляд, институциональная модель. Её цель в этот период заключалась, в том числе, в формировании «позиции согласованности» по вопросам общего регионального прошлого. Для указанной модели исторической политики характерно наличие фигуры заказчика, им является конкретный институт власти. Однако проводниками (агентами) такой политики становятся общественные организации, сообщества историков-краеведов, подведомственные учреждения культуры и искусства и даже сфера образования, а основным каналом доставки исторического нарратива — средства массовой информации и интернет.

Электорально-ориентированная историческая политика имеет ограниченное во времени назначение. Её цель состоит в том, чтобы, используя символический капитал территории в виде региональных исторических образов и мифов, склонить на сторону конкретного кандидата(ов) или партии значительную часть электората.

Многим из врио губернаторов, назначенных в 2017–2018 гг., пришлось примерить на себя «роль варягов». Эта метафора активно использовалась оппозиционными кандидатами в отношении назначенцев. Подобную ситуацию подтвердили в ходе стандартизированного экспертного опроса респонденты из Псковской

Фото 2. Переизданный учебник «Ивановский край в истории Отечества» и приложение к нему «Замечательные люди Ивановского края»

и Новгородской областей. Характерна она была и для ивановского региона. Для любого внешнего кандидата на пост главы региона задача номер один — в кратчайшие сроки стать для местного сообщества «своим». Один из наиболее адекватных способов — это выражение сопричастности к региональной истории и культуре, признание их значимости и уникальности, поддержка историко-образовательных и культурных инициатив.

Главная особенность электорально-ориентированной модели исторической политики состоит в предварительном отборе нарративов, с которыми предстоит работать. Если есть необходимость сформировать у части избирателей негативное отношение к конкретным политическим партиям или кандидатам, то выстраивается работа по ревизии их базовых историко-культурных ценностей. Например, во время выборов депутатов Ивановской областной думы в 2018 г. правящая партия попыталась провести «перезагрузку» позиционирования этой области от образа «родины первых Советов» к образу древней и самобытной земли, имеющей

героическое прошлое, богатой талантами и традициями предпринимательства. Основная цель — дискредитация коммунистических ценностей, идеалов и соответственно оттягивание потенциальных избирателей от КПРФ и Коммунистов России. В рамках предвыборных дебатов, например, подчёркивалось, что именно коммунисты виноваты в развале страны, что с перестройкой и развалом СССР закончилась история успеха ивановской текстильной отрасли, а жители области остались на задворках новой России, и что именно правящая партия помогла Ивановской области встать на путь развития.

Электорально-ориентированная модель предполагает использование привычных и известных исторических образов во время предвыборных кампаний. Если образ универсален и известен в региональном сообществе, то его использование несёт, в том числе, консолидирующий потенциал. Вокруг таких исторических образов не только выстраивается коммуникация, но и конструируется побуждающий мотив принять участие в таком важном

для региона историческом событии, как выборы. Исторические символы и образы используют не только избирательные комиссии для привлечения граждан на участки, но и политические партии в своей агитации. В Новгородской области, например, во время предвыборных кампаний задействуется весь традиционный набор: родина российской государственности, Вечевой колокол, самый древний православный город России и так далее. Эксперт из Пермского края отметил, что в электоральном цикле иногда апеллируют к истории города, используют генев места. К примеру, имя Татищева всплывает чаще остальных, из культурных акторов — Дягилев и Пастернак. В целом акцентирование территориальной идентичности сводится к визуализированным маркерам — например, кандидат публикует фотографии на фоне знакового для города и региона места. Тем не менее некоторые из опрошенных экспертов отметили, что им неизвестны случаи использования в их регионах исторических образов, мифов и генев места в предвыборных материалах.

В качестве основных акторов электорально-ориентированной модели исторической политики следует отметить политические партии, избирательные объединения, инициативные группы граждан по выдвижению кандидатов на выборы, лидеров общественного мнения, политтехнологов и избирательные штабы кандидатов и партий.

Нередко в отношении общей региональной истории на конкретной территории существуют конкурирующие образы прошлого, причём достаточно мощные по своей силе и значимости, но отличающиеся интерпретацией событий, набором героев места и т.д. За каждым из таких образов стоят разные элитарные группы. Например, для бизнес-элит значимым может быть один из периодов истории, который для политической элиты является малозначительным, противоречивым, и наоборот. Противоречия в оценках

регионального прошлого могут сосуществовать и в среде интеллектуальной или творческой элиты. Соответственно, в разные периоды власть может использовать то один образ, благоволя одной элитарной группе, а в иные периоды может поддерживать альтернативную версию прошлого, исходящую от другой группы.

В таком случае речь идёт о прагматической модели исторической политики. Она нацелена на получение определённых предпочтений (например, лояльности элит в конкретных вопросах) и в то же время может быть направлена на формирование символического капитала самой власти и территории. Иными словами, для прагматической модели использование истории связано с получением выгоды в конкретный момент. Прагматическая модель исторической политики характерна для регионов с разнородным этническим составом и регионов, где проводится взвешенная внутренняя национальная политика. В этом случае прагматизм региональной власти направлен на поиск и достижение общественного компромисса, формирование терпимости (толерантности) к разным культурам и их историческим основаниям, межэтнического согласия. Кроме того, всякого рода имиджевые экономические проекты, например благоустройство малых городов и исторических поселений, создание туристической инфраструктуры и событийного туризма, предусматривающие выделение федеральных средств, будут предполагать и использование прагматической модели исторической политики. Борьба за средства федерального бюджета для реализации подобных проектов предполагает жёсткую конкуренцию регионов, а потому символический капитал территории (в том числе исторические образы и мифы) используется субъектами федерации максимально эффективно и прагматично. Иногда подчёркивается уникальность территории, её включённость в общероссийскую историю, значимость местных традиций или культуры

для всей страны. За счёт правильно расставленных акцентов в позиционировании Палеха, Кинешмы и Шуи, например, Ивановской области удалось привлечь серьёзные бюджетные и частные инвестиции для благоустройства этих поселений и развития в них туризма.

Если говорить об акторах прагматической модели исторической политики, то к ним следует отнести региональные элиты, высших должностных лиц субъектов Федерации, кураторов внутренней политики в регионах, национально-культурные автономии и организации, некоммерческие фонды поддержки и развития местных культурных инициатив.

Исторический дискурс региона не является константой. Нарративы о прошлом могут меняться на протяжении времени и в соответствии с требованиями как власти, так и самого локального сообщества. Задача исторической политики состоит в том, чтобы создавать и продвигать конкурирующие дискурсы истории. Их обсуждение может происходить в самых разных формах. Но условная схема продвижения конкурирующих интерпретаций истории может выглядеть так: предложенный нарратив и его интерпретация — трансляция и закрепление дискурса в СМИ — обсуждение в сообществе — выбор или отбор — принятие или отклонение. При этом конкуренция исторических дискурсов, наличие как минимум нескольких точек зрения на прошлое региона или отдельных событий в истории сообщества — это возможность для власти совершить манёвр в случае изменения политической конъюнктуры или для электоральных целей. Последний пункт ярко проявляется в выделенных нами прагматической и электорально-ориентированной моделях исторической политики.

Выводы и рекомендации

По итогам проведённого исследования могут быть предложены следующие рекомендации.

Поскольку обращение в политической риторике к региональной истории может нести в себе как консолидирующий потенциал, так и дестабилизирующую угрозу, органам власти субъектов Федерации, отвечающим за внутреннюю политику, стоит привлекать на постоянных или общественных началах специалистов-экспертов по оценке социокультурных рисков, связанных с использованием методов исторической политики. На данный момент такая работа в регионах не ведётся, и это подтвердили опрошенные кураторы внутренней политики на местах.

Слабое знание населением местной и региональной истории создаёт пространство для манипуляций с коллективным прошлым. Власти это может дать возможность использовать малозначительные исторические факты и эпизоды в своих целях для обоснования принимаемых решений условной традицией. Однако подобного рода случаи, как правило, сразу фиксируются профессиональными историками и в перспективе могут привести к репутационным издержкам самой власти. Но слабое знание населением истории может использоваться, в том числе, против действующей власти. Поэтому любой диалог на исторические темы на уровне региона должен вестись открыто и публично с привлечением всех заинтересованных сторон. В противном случае могут возникнуть определённые угрозы и риски.

В повестке региональных властей практически отсутствуют проектируемые образы будущего. Как показало проведённое в Ивановской области социологическое исследование, большая часть населения живёт настоящим, но в старшей возрастной группе доля тех, кто хотел бы жить в прошлом, превышает 40%. А среди молодёжи каждый пятый хотел бы жить в будущем. Тем не менее никаких образов будущего местная власть не предлагает, за исключением электоральных периодов, когда формируются туманные перспективы развития региона. В связи

с этим локальная история должна стать тем фундаментом, на основе которого анализируется прошлое, оценивается настоящее и проектируется будущее.

В электоральные периоды использование исторических символов, образов и мифов должно быть заранее определено. Спонтанное и необдуманное использование исторических нарративов может

привести к нежелательным результатам на выборах как в отношении действующей власти, так и в отношении конкурентов. Отбор исторических нарративов для избирательной кампании должен проводиться с использованием методов социологической науки: изучения общественного мнения по конкретным событиям и фокус-группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. н.: 23.00.02 / Назукина Мария Викторовна; [Место защиты: Перм. гос. ун-т]. Пермь, 2009.
2. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М., 2012.
3. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>.
4. Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 3–12.
5. Докучаев Д. Музеефикация региона, или какие истории нужны локальным сообществам // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2014. № 5. С. 62–66.
6. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2 (79). С. 181–192.
7. Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 41–60.
8. Рябов О.В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 78–95.
9. Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. М., 2015. № 5. С. 24–33.
10. Красноборов М.А. Источники конструирования исторической памяти пермских школьников (по материалам социологического исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 486–496. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-486-496.
11. Докучаев Д.С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 70–78.
12. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ.; 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
13. Докучаев Д.С. Социальное измерение исторической политики на региональном уровне (на примере Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1. С. 117–123.

ENGLISH

Historical Politics at the Regional Level: Models, Goals and Actors

Denis Sergeevich Dokuchaev – Candidate of Science (Philosophy), Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations of Ivanovo State University, head of the project “Historical Politics in the Russian Regions: from Interpreting the Past to Building the Future” (19-011-32123).

E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

Historical politics at the regional level is, on the one hand, a particular pattern of politics of memory; however, on the other hand, it should be regarded as a combination of regional practices used by various actors to build the image of the past. Having recourse to history at the regional level means its incorporation in the image policy of the territory (including for promotion at the federal level, tourism development), at the same time, local history (and its interpretations) is involved in the process of regional identification. The main objective of the study is an attempt to analyse the use of the symbolic capital of regional history in the political agenda of local authorities at the present stage (in the 2010s), to determine the main actors and models of historical politics.

As a result, four basic models of the history use at the regional level are identified: traditionalist, institutional, electoral-oriented and pragmatic ones. Each of these models of historical politics has its specific goals, certain objectives, diverse actors and methods. According to the findings, the change in historical politics models usually occurs during the transit of regional power.

Keywords: historical politics, regionalism, regional identity, image of the territory, regional discourse

REFERENCES

1. Nazukina M.V. Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskiy analiz: Avtoref. dis. ... kand. polit. n.: 23.00.02 / Nazukina Mariya Viktorovna; [Mesto zashchity: Perm. gos. un-t]. Perm', 2009 (in Russian).
2. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka // Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statey. M., 2012 (in Russian).
3. Malinova O.Yu. Ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 6. S. 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (in Russian).
4. Bubnov A.Yu. Istoricheskaya politika i bor'ba interpretatsiy kollektivnogo proshlogo v publichnoy sfere // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 4. S. 3–12 (in Russian).
5. Dokuchaev D. Muzeefikatsiya regiona, ili kakie istorii nuzhny lokal'nym soobshchestvam // Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. 2014. № 5. S. 62–66 (in Russian).
6. Achkasov V.A. Rol' «istoricheskoy politiki» v formirovaniy rossiyskoy identichnosti // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2015. T. XVIII. № 2 (79). S. 181–192 (in Russian).
7. Ryabov O.V. Politika identichnosti i simvolicheskie granitsy // Simvolicheskaya politika. Vyp. 5: Politika identichnosti / Pod red. O.Yu. Malinovoy. M.: INION RAN, 2017. S. 41–60 (in Russian).
8. Ryabov O.V. «Rodina-mat'» v simvolicheskoy politike postsovetskoy Rossii // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2015. № 3–4. S. 78–95 (in Russian).

9. Tul'chinskiy G.L. Istoricheskaya pamyat' v simvolicheskoy politike i informatsionnye voyny // *Filosofskie nauki*. M., 2015. № 5. S. 24–33 (in Russian).
10. Krasnoborov M.A. Istochniki konstruirovaniya istoricheskoy pamyati permskikh shkol'nikov (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2017. Vyp. 3. S. 486–496. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-486-496 (in Russian).
11. Dokuchaev D.S. Regionalizm kak politicheskiy diskurs: metodologiya interpretatsii // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 2012. № 4. S. 70–78 (in Russian).
12. Yorgensen M.V., Fillips L.Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* / Per. s angl.; 2-e izd., ispr. Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr, 2008 (in Russian).
13. Dokuchaev D.S. Sotsial'noe izmerenie istoricheskoy politiki na regional'nom urovne (na primere Ivanovskoy oblasti) // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2020. № 1. S. 117–123 (in Russian).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРЕШЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 327.56
ГРНТИ 11.25.33

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-236-245

**А.И.НИКИТИН,
С.П.АРТЕЕВ***

Перспективные подходы в международной конфликтологии: коммуникационный аспект

В статье представлен анализ современных политических коммуникаций с точки зрения обеспеченности политического дискурса адекватными информационными и научно-образовательными источниками. Теоретико-методологическая рамка статьи сформирована преимущественно на основе политической коммуникативистики как одного из важнейших направлений современной политической науки. Авторы представляют анализ истории и современного состояния проблематики политической коммуникации в качестве элемента и инструмента изучения политических процессов, выявляют специфические характеристики публичного политического дискурса в контексте имеющихся противоречий общественного развития.

Для разрешения части сложностей авторы представляют новый уникальный интерфейс (связку) между политической наукой и политическим дискурсом — электронные ресурсы систематизированной политологической литературы и политических документов в виде онлайн-библиотек книг, статей, докладов, документов — «Библиотека политолога» и «Библиотека конфликтолога», которые являются своеобразной формой инвентаризации имеющихся научно-образовательных ресурсов. «Библиотека политолога» носит более универсальный характер и предназначена для достаточно широкой аудитории. «Библиотека конфликтолога», хотя и является более узкоспециализированным информационно-аналитическим ресурсом, но в то же время содержит мультимедийные (фото, видео, карты, инфографика) и интерактивные (тест-игра по шести конфликтам) компоненты, что соответствует современной образовательной и научно-

* **Никитин Александр Иванович** — доктор политических наук, профессор МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, руководитель проекта «Прикладные технологии анализа, деэскалации и урегулирования внутривнутриполитических и международно-политических конфликтов (на систематизированных материалах конфликтов на постсоветском пространстве и конфликтов с участием России в дальнем зарубежье)» (20-011-31341).

E-mail: an@inno.mgimo.ru

Артеев Сергей Павлович — кандидат политических наук, старший преподаватель МГИМО МИД России; научный сотрудник ИМЭМО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: artsp7@yandex.ru

исследовательской парадигме. Данные ресурсы по-новому систематизируют политологическую литературу, они предназначены для информационной и библиографической поддержки современного научного дискурса в России по актуальным проблемам внутренней политики России и международной политики, а также международно-политической конфликтологии в геополитическом ареале интересов России.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, информационные технологии, информационные ресурсы, внутренняя политика, международная политика, онлайн-библиотеки, структура политической науки

Политическая коммуникация как инструмент политики и политическая коммуникативистика как субдисциплина политической науки

Одним из ключевых понятий, в равной мере востребованных в рамках естественно-научного, технического и социогуманитарного знания, является понятие *коммуникации*, которое обретает специфическое содержание в каждой из перечисленных областей. В категориально-понятийном аппарате *политической науки* данный термин и связанное с ним понятие в их современном понимании закрепились относительно недавно. Поиски первых прецедентов употребления данного понятия приводят к относящемуся к началу XX в. высказыванию Ф.Ратцеля о том, что «передача информации в политическом отношении является самой важной из всех коммуникационных услуг» [17]. По мнению руководителя Анненбергской школы коммуникативистики в США Джона Гербнера, если бы Маркс жил сегодня, он озаглавил бы свой основной труд не «Капитал», а «Коммуникации» [14, с. 358].

Начало системному изучению *политической* коммуникации положено трудами известного американского социолога и политического психолога Г.Лассуэлла, который в 1920–1930-х гг. сосредоточил усилия на изучении технологии, психологии и инструментов *политической* коммуникации, в том числе в её инструментальном измерении. Однако, несмотря

на вклад Лассуэлла и его коллег по Чикагской школе, изучение политической коммуникации имело фрагментарный характер, и интеграция коммуникативных подходов в предметное поле политической науки, сопровождавшаяся формированием понятийной новации «*политическая коммуникация*», произошла только после Второй мировой войны. Выделение исследований политической коммуникации в относительно самостоятельное направление на стыке социальных и политических наук, получившее название *политической коммуникативистики*, было стимулировано расширением массовости политических движений после Второй мировой войны и общей демократизацией политических процессов в мире на протяжении второй половины XX в., возникновением и возрастанием роли новых информационных технологий, а также развитием кибернетической теории.

Кибернетическая теория стала революционной вехой в развитии исследований коммуникации, и благодаря её автору Н.Винеру термин «коммуникация», прежде употреблявшийся главным образом в техническом обороте, стал междисциплинарным понятием. С точки зрения кибернетики, политическая коммуникация представляет собой создание, отправление, получение и обработку сообщений, оказывающих существенное воздействие на политические процессы. Это воздействие может быть как прямым, так

и косвенным, а его результаты могут проявляться как мгновенно, так и во временной перспективе. К. Дойч назвал политическую коммуникацию «нервной системой государственного управления», считая политические сообщения фактором, определяющим политическое поведение [13, с. 17]. По мнению Ж.-М. Коттре, роль коммуникации в политической жизни общества сопоставима со значением кровообращения для организма человека [12, с. 9, 112].

В качестве авторов и трансляторов сообщений могут выступать и индивидуумы, и массовые акторы — как политики, так и те, кто не имеет к политике непосредственного отношения, что равно характеризует и получателей сообщений. Критерием «политического» в данном контексте является способность послания производить существенный политический эффект, формируя сознание, убеждения и поведение индивидуальных и массовых политических акторов.

Статус политического сообщения как ключевого элемента политического процесса определяется тем фактом, что подавляющую часть политически значимой информации современный человек черпает не из собственного опыта, а из институциональных источников. В связи с этим обоснованно суждение Кеннета Бёрка о том, что «большая часть нашей реальности формируется вербально. И лишь очень незначительную часть реальности мы познаём путём непосредственного опыта, полная же картина складывается благодаря системе символов. Что касается таких абстрактных понятий, как «демократия» или «справедливость» и ещё ряда политических феноменов, то здесь не существует эмпирической основы. Их толкование полностью зависит от вербальных символов. То же самое можно сказать о большинстве политических явлений» [11, р. 5].

Серж Московичи стал одним из первых, кто обратил внимание на то, что изменение форм и средств политической

коммуникации неизменно влечёт за собой изменение природы и формы власти. Власть невозможно понять без анализа форм и процессов социализированной коммуникации, которая в сетевом обществе включает как традиционные масс-медиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие в Интернете и в целом в пространстве беспроводной коммуникации. По мнению М. Кастельса, теория власти в сетевом обществе равносильна теории коммуникационной власти [10, с. 271].

М. Маклюэн предложил схему, отражающую эволюцию инструментов коммуникаций: в первобытный век доминирующим сенсорным рецептором было ухо; в век грамотности (после изобретения фонетического алфавита) — глаз; в печатный век (после изобретения печатного станка) — глаз; в электрический век (после изобретения телеграфа и радио) — ухо и тактильное восприятие информации. Теперь же, по его мнению, возможна и пятая эра — доминирования электронных (цифровых) сообществ, конфликтующих не в борьбе за материальные ресурсы, а по вопросам интерпретации информации, убеждений и ценностей, контроля над информационными потоками. Электронный век — эра мгновенной информации, что превращает современный мир в «глобальную деревню», в которой техно-теле-медиумы (Интернет, мобильная связь и проч.) обретают не свойственную им ранее роль уникальных по охвату и мощи институтов.

Осуществлённый А.И. Соловьёвым анализ эволюции роли коммуникаций в политической сфере, определяемой динамикой социально-экономического и культурного контекста (и, как следствие, задающих коммуникативные способности акторов, используемые ресурсы и т.д.), позволяет выявить ключевые вехи данной эволюции [10].

Коммуникация становится ключевым фактором детерминации формата политических отношений и в настоящее время

не просто отражает содержание политики как противоречивого единства публичных и латентных дискурсов, но и формирует новые источники и формы организации политической власти.

Публичный политический дискурс как форма организации политического поля

Характеристикой современного отечественного социума является снижение способности к взаимному пониманию и конструктивному взаимодействию различных групп гражданского общества. В основе данной тенденции лежит ряд причин, однако важнейшей является недостаточно глубокое понимание значительными группами населения ключевых социально-политических процессов внутреннего и международного характера. Недостаток социального взаимопонимания, в свою очередь, обуславливает формирование определённой отчуждённости между различными социальными слоями российского общества, что чревато нарастанием социальной напряжённости и конфликтности.

Субъективные факторы слабой ориентации многих слоёв и социальных групп нашего общества в текущих социально-политических процессах связаны с развитием инструментов и техник манипуляции общественным мнением и формированием феномена «постправды», присутствием в информационном пространстве большого количества непрофессиональных, непроверенных, неполных, искажённых источников политической информации и знаний, отвлекающих внимание людей от немногих подлинно профессиональных политологических ресурсов.

Активное развитие российской политической науки с 1991 г. по настоящее время привело к созданию комплекса дисциплин и субдисциплин, которые методологически и содержательно принципиально отличны от государственоведческих и политологических работ советского периода и обладают относительной са-

мостоятельностью от основных течений мировой политической науки. Однако до настоящего времени не была проведена тематическая и методологическая систематизация различных направлений и субдисциплин отечественной политологии постсоветского периода, которая представила бы исследователям, преподавателям, студентам и аспирантам, а также интересующейся политикой общественности развитый и достаточно полный электронный онлайн-доступ к систематизированной панораме наиболее качественных учебных и научных материалов российской политологии. Такой доступ должен включать инструменты систематизации, поиска, классификации публикаций по многим параметрам (дисциплины и субдисциплины, темы и разделы, исторические периоды, региональные кластеры и др.). На решение обозначенной задачи и нацелены новые проекты, реализованные силами Российской ассоциации политической науки при участии Института международных исследований МГИМО МИД России. Отметим, что Российская ассоциация политической науки (РАПН) является единственной международно признанной структурой, представляющей отечественных политологов в международных организациях, и старейшим профессиональным объединением российских политологов.

Приступая к совместному созданию новых электронных ресурсов политологической информации, участники данного проекта провели масштабную инвентаризацию существующих научно-образовательных интернет-ресурсов различных стран с целью создания востребованных ресурсов, повышающих эвристический потенциал российского академического сообщества.

Технологии инвентаризации академических интернет-ресурсов по профилю политической науки

Киберпространство приобрело важнейшее значение для развития науки в XXI в.,

что прогнозировалось ещё два десятилетия назад [1, 2, 3, 7, 8, 15]. «Всемирная самоизоляция», вызванная пандемией COVID-19 в 2020 г., показала критическую значимость Интернета для проведения научной работы в новых условиях. Если рассматривать науку как систему, то следует отметить, что научные публикации представляют собой главный продукт исследовательской деятельности, особенно в общественных науках.

Среди научно-образовательных ресурсов сети особую роль играют онлайн-библиотеки, классификация которых может быть осуществлена по параметрам тематической ориентации (универсальные и специализированные) и типу контента (текст, мультимедиа).

К числу крупнейших зарубежных онлайн-библиотек относят Академию Google¹ и JSTOR², хотя далеко не во всех случаях при их использовании есть возможность получить доступ к полнотекстовым версиям публикаций. При этом несмотря на «догоняющий» характер российской цифровизации, на сегодняшний день удалось реализовать сразу несколько крупных проектов универсальных онлайн-библиотек с полнотекстовым доступом: «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU»³, «КиберЛенинка»⁴.

Как российские, так и западные аналитические центры и вузы имеют свои специализированные онлайн-библиотеки: Российская ассоциация политической науки⁵, Российский совет по международным делам⁶, МГИМО МИД России⁷, ИМЭМО РАН⁸, RAND⁹ (США), Stratfor¹⁰ (США), Брукингский институт¹¹ (США), Royal Institute of International Affairs – Chatham House¹² (Соединённое Королевство), Institut français des relations internationales – IFRI (Франция)¹³, Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP¹⁴ (ФРГ). Недостаток таких сетевых ресурсов связан с тем, что на них размещены только научно-аналитические публикации, вышедшие под эгидой именно этих организаций.

Таким образом, в российском сегменте Интернета сегодня наблюдается нехватка специализированных онлайн-библиотек, особенно с развитой системой навигации и без жёсткой привязки к конкретной эгиде. На заполнение данной лакуны направили свои усилия авторы интернет-проектов «Библиотека конфликтолога» (сайт запущен в ноябре 2020 г.) и «Библиотека политолога» (сайт действует с 2019 г.). Концепция обоих проектов позволяет рассматривать их и в качестве эпистемологического инструментария современного политолога.

¹ Академия Google. – URL: <https://scholar.google.com> (дата обращения: 20.11.2020).

² JSTOR. – URL: <https://www.jstor.org> (accessed: 18.11.2020).

³ eLIBRARY.RU. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 17.11.2020).

⁴ КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.11.2020).

⁵ РАПН. – URL: <https://www.rapn.ru/library.php> (дата обращения: 15.11.2020).

⁶ РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd (дата обращения: 09.10.2020).

⁷ МГИМО. – URL: <https://mgimo.ru/library/publications> (дата обращения: 16.09.2020).

⁸ ИМЭМО РАН. – URL: <https://www.imemo.ru/publications> (дата обращения: 17.09.2020).

⁹ RAND Corporation. – URL: <https://www.rand.org/pubs.html> (accessed: 14.12.2020).

¹⁰ Stratfor. – URL: <https://www.stratfor.com> (accessed: 10.11.2020).

¹¹ Brookings. – URL: <https://www.brookings.edu> (accessed: 09.11.2020).

¹² Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. – URL: <https://www.chathamhouse.org/research/publications/all> (accessed: 14.09.2020).

¹³ Institut français des relations internationales. – URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri> (accessed: 15.11.2020).

¹⁴ Stiftung Wissenschaft und Politik (the German Institute for International and Security Affairs, SWP). – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publications> (accessed: 27.11.2020).

Эвристический потенциал информационных ресурсов

Сегодня онлайн-библиотеки выступают в качестве интеллектуальных платформ с функционалом, включающем в себя систематизирующую и коммуникативную функции. Представляемые интернет-проекты «Библиотека политолога» (www.politdiscourse.ru) и «Библиотека конфликтолога» (www.conflict-studies.ru) призваны выполнять функции педагогической, научно-исследовательской и экспертно-консультативной платформы.

Общемировая тенденция на повышение конфликтности делает особенно

необходимым создание интернет-библиотек по политической конфликтологии [16], которые в равной степени подходили бы для исследователей-международников и политологов, занятых как теоретическими, так и практически вопросами. Тем более что сохраняет свою актуальность задача соединения научных исследований и практики разрешения конфликтов [4, 5, 6]. Хотя в последние годы была проделана большая работа, но по-прежнему есть существенные резервы для более плотного взаимодействия между научным сообществом и политическим классом в сфере опти-

Ил. 1. Субдисциплины и тематические поля раздела «Внутренняя политика»

Ил. 2. Субдисциплины и тематические поля раздела «Международные отношения»

мизации механизмов принятия и реализации управленческих решений [9]. Именно для этого предназначены объёмные разделы сайта «Библиотека конфликтолога» — «Теория и история конфликтов» и «Практика урегулирования конфликтов».

Проект «Библиотека конфликтолога», помимо прочего, призван решить фундаментальную научную проблему — создать структурированную модель политологи-

ческих субдисциплин. Экспертный и Научный советы РАПН провели большую работу по отбору наиболее качественных публикаций для включения в библиотеку по каждому разделу. Особое внимание на этапе технического проектирования уделялось созданию системы удобной навигации. В результате ресурс представляет интерес не только для профессиональных политологов, но и для широких слоёв населения.

Методами осуществления данного исследования выступили кластеризация (разбиение массива публикаций на множества с заданными характеристиками), систематизация, а также ряд методов компаративных исследований. В результате были выделены 59 тематических полей, которые стали основой для классификации массива научных материалов. Структура данного ресурса (внутренние кластеры субдисциплин, разделов и подразделов) сама по себе стала научной новацией. На основе сравнительного анализа структур политологических субдисциплин и тематических полей в различных отечественных и зарубежных образовательных изданиях и коллективных моно-

графиях участники проекта разработали и применили следующую классификацию субдисциплин и тематических полей политической науки (ил. 1 и 2).

Подводя итог, необходимо отметить, что онлайн-проекты «Библиотека политолога» и «Библиотека конфликтолога», реализованные как онлайн-ресурсы с качественным политологическим контентом по широкому диапазону проблем, призваны эффективно решать образовательные, просветительские и научные задачи. Это является ещё одним вкладом Российской ассоциации политической науки в процесс развития гражданского общества и совершенствования деятельности государственных институтов нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г.И. Политика цифровизации в современной России // POLITBOOK. 2019. № 4. С. 6–20.
2. Динамика инноваций / Отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск, 2011.
3. Инновационный человек и инновационное общество / Отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск, 2012.
4. Мировая политика в условиях кризиса / Под ред. С.В. Картунова. М., 2010.
5. Политический класс в современном обществе / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. Сер. Библиотека РАПН. М.: РОССПЭН, 2012.
6. Политология / Под ред. В.С. Комаровского. М., 2006.
7. Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы / Под ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: Новая Наука, 2019.
8. Сморгунов Л.В. Ресурсы сравнительной политологии в Интернете и их использование в преподавании // Вторая международная конференция «Интернет. Общество. Личность: ИЮЛ-2000: новые информационно-педагогические технологии». СПб.: Открытое общество, 2000. С. 143.
9. Современная элита России: политико-психологический анализ / Отв. ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева. М.: Аргамак Медиа, 2015.
10. Соловьёв А.И. Коммуникативизм в исследованиях политики // Современная политическая наука. Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс, 2019.
11. Burke K. Language as Symbolic Action. Berkeley, 1966. P. 5.
12. Cotteret J.-M. Gouvernants et gouvernes: La communication politique. P. 1973. P. 9, 112.
13. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. L., 1963.
14. Gerbner G. The importance of being critical – In one's own fashion // Journal of Communication. 1983. Vol. 33. № 3.
15. Kaas M. Political science and the Internet // Intern. Polit. Science Rev. L., 2000. Vol. 21, No. 3. P. 265–282.

16. Media, Democracy and Freedom: the Post-Soviet Experience / M. Dyczok, O. Gaman-Golutvina, eds. Bern: Peter Lang, 2009.
17. Ratzel F. Politische Geographic. Oldenburg, 1903.

ENGLISH

Promising Approaches in International Conflict Studies: Communication Perspective

Aleksandr Ivanovich Nikitin – Doctor of Science (Politics), Professor at MGIMO of the MFA of Russia, National Research University Higher School of Economics and Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at IMEMO (Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov), Russian Academy of Sciences, head of the project “Applied Technologies of Analysis, De-Escalation and Resolution of National and International Political Conflicts (based on the consolidated materials regarding conflicts in the post-Soviet states and conflicts beyond the CIS countries participated by Russia)” (20-011-31341).
E-mail: an@inno.mgimo.ru

Sergey Pavlovich Arteev – Candidate of Science (Politics), Senior Lecturer at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Researcher at IMEMO of the Russian Academy of Sciences, the executor of the same project.
E-mail: artsp7@yandex.ru

The paper presents the analysis of modern political communications in terms of availability of adequate information and scientific and educational resources within the political discourse. The theoretical and methodological framework of the article is based on political communication studies being the most essential focus area of modern political science. The authors present the analysis of history and the current state of political communication issues being an element and a tool to study political processes, identify the specific characteristics of public political discourse in the context of existing contradictions in social development.

To resolve some of the difficulties, the authors present a new unique interface (link) between political science and political discourse – electronic resources of systematized political science publications and political documents in the form of online libraries with books, articles, reports, documents available – ‘Library of a Political Scientist’ and ‘Library of a Conflictologist’, which are a unique form of inventory of available scientific and educational resources. ‘The Library of a Political Scientist’ is more universal in nature and is intended for rather broad audience. ‘The Library of a Conflictologist’, although being a more specialized information and analytical resource, at the same time contains multimedia (photos, videos, maps, infographics) and interactive (test game on six conflicts) components, which is in line with the modern educational and research paradigm. These resources are a new way of filing political science publications; they are intended to maintain by means of information and references modern scientific discourse in Russia on topical issues of Russian national and international policy, as well as international political conflictology in the geopolitical arena of Russian interests.

Keywords: political communication, political discourse, information technologies, information resources, national policy, international policy, online libraries, structure of political science

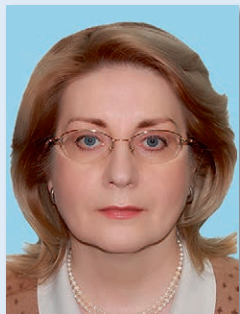
REFERENCES

1. Avtsinova G.I. Politika tsifrovizatsii v sovremennoy Rossii // POLITBOOK. 2019. № 4. S. 6–20 (in Russian).
2. Dinamika innovatsiy. Otv. red. V.I. Suprun. Novosibirsk, 2011 (in Russian).
3. Innovatsionnyy chelovek i innovatsionnoe obshchestvo. Otv. red. V.I. Suprun. Novosibirsk, 2012 (in Russian).
4. Mirovaya politika v usloviyakh krizisa. Pod red. S.V. Kortunova. M., 2010 (in Russian).
5. Politicheskiy klass v sovremennoy obshchestve. Otv. red. O.V. Gaman-Golutvina. Ser. Biblioteka RAPN. Moskva: Rosspen, 2012 (in Russian).
6. Politologiya. Pod red. V.S. Komarovskogo. M., 2006 (in Russian).
7. Razvitie nauki v epokhu tsifrovizatsii: problemy, tendentsii, prognozy. Pod red. M.V. Posnovoy. Petrozavodsk: Novaya Nauka, 2019 (in Russian).
8. Smorgunov L.V. Resursy sravnitel'noy politologii v Internetе i ikh ispol'zovanie v prepodavanii // Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya «Internet. Obshchestvo. Lichnost': IOL-2000: novye informatsionno-pedagogicheskie tekhnologii». SPb.: Otkrytoe obshchestvo, 2000. S. 143 (in Russian).
9. Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskiy analiz. Otv. red. E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. M.: Argamak Media, 2015 (in Russian).
10. Solov'ev A.I. Kommunikativizm v issledovaniyakh politiki // Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy, A.I. Nikitina. M.: AspektPress, 2019 (in Russian).
11. Burke K. Language as Symbolic Action. Berkeley, 1966. P. 5.
12. Cotteret J.-M. Gouvernants et gouvernes: La communication politique. P. 1973. P. 9, 112.
13. Deutsch K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. L., 1963.
14. Gerbner G. The importance of being critical – In one's own fashion // Journal of Communication. 1983. Vol. 33. № 3.
15. Kaas M. Political science and the Internet // Intern. Polit. Science Rev. L., 2000. Vol. 21, No. 3. P. 265–282.
16. Media, Democracy and Freedom: the Post-Soviet Experience. Dyczhok M., Gaman-Golutvina O., eds. Bern: Peter Lang, 2009.
17. Ratzel F. Politische Geographic. Oldenburg, 1903.

УДК 327(439)

ГРНТИ 11.15; 11.15.91; 11.25.40

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-246-259

Л.Н. ШИШЕЛИНА*

Современные политические тенденции в Центральной Европе: уроки и вызовы для России

В 2019 г. исполнилось 30 лет со времени «бархатных революций» и де-факто начала всеобъемлющих реформ в странах Центральной Европы и регионе в целом. Смена общественных систем и вступление стран бывшей Восточной Европы в общий европейский рынок повлияли на глобальную расстановку сил, сместив мировой баланс в пользу монополярности с её преимущественно трансатлантическими ценностями установками. Однако сегодня мы наблюдаем зарождение тенденции к изменению политического вектора в этих странах и к формированию нового, более сбалансированного международного порядка, в котором венгры, поляки, словаки и чехи по прошествии ста лет после возникновения политической Центральной Европы, наконец, желают играть более заметную роль, нежели это было ранее. Не роль буфера или барьера, отводимую им после мировых войн державами, а роль, исторически принадлежавшую этому региону до начала мировых войн и революций. Этот феномен интересен не только с точки зрения раскрытия специфики региона, перспектив формирования новых общественно-экономических и интеграционных моделей, но также может представлять интерес для сопоставительного анализа и осмысления политической и экономической эволюции в России.

Россия и Центральная Европа имеют приблизительно схожий по протяжённости период осуществления общественных трансформаций, который уходит в глубину 1980-х гг. Тем не менее наши страны разминулись в поставленных целях и формах трансформаций в начале 1990-х гг., хотя теперь перед нами опять стоят во многом схожие проблемы. Мы находимся на разных стадиях трансформационного процесса, однако это не разделяет нас касательно задач определения дальнейшего пути политического, социально-экономического, культурно-идеологического развития. Ощущение незавершённости начатых преобразований доминирует и в Центральной Европе, и в России. Одновременно зреют сомнения относительно западной модели социальной политики. Этот процесс захватывает не только внутреннее развитие, но и региональные отношения, международную сферу, предыдущая матрица которой была разрушена 30 лет назад, а новая так и не появилась. Поэтому опыт центральноевропейских стран может быть полезен нам и с точки зрения анализа проведённых ими внутренних реформ, и моделей формирования регионального взаимодействия, а также построения нового типа международных отношений на двустороннем, союзническом и глобальном уровнях.

* **Шিশелина Любовь Николаевна** — доктор исторических наук, заведующая отделом Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, руководитель проекта «Современные политические тенденции в Центральной Европе: уроки и вызовы для России» (19-011-31594).
E-mail: l.shishelina@gmail.com

Ключевые слова: Центральная Европа, Россия, трансформации, реформы, многопартийность, историческая политика, формирование новой идеологии

Задачей проекта, выполненного в рамках первого совместного конкурса РФФИ и ЭИСИ, являлось определение главных трендов современного политического развития на основе анализа эволюции общественных систем в «переходных странах» Центральной Европы, а также новых тенденций в конвергентных процессах на евроатлантическом пространстве. На конечном этапе исследования предполагалось оценить возможность / целесообразность адаптации опыта постсоциалистических стран в России и на постсоюзном пространстве.

В ходе работы над проектом был проведён детальный анализ главных политических трендов в государствах с близкими России проблемами, схожей культурно-цивилизационной историей и некогда составлявших единое с нами геополитическое пространство. Объектом комплексного политического исследования стали наиболее продвинувшиеся по пути реформ и наиболее крупные по масштабам страны Центральной Европы, входящие с 1991 г. в Вишеградскую группу – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия. В частности, были отслежены и проанализированы:

- ♦ эволюция партийно-политической системы как отдельных стран, так и региона в целом;
- ♦ влияние политических аспектов на региональное единство;
- ♦ развитие отношений с Европейским союзом и ведущими мировыми державами;
- ♦ эволюция национально-государственной политики стран региона;
- ♦ современные политические предпочтения избирателей;
- ♦ эволюция избирательной и представительской системы;
- ♦ формирование партийной идеологии и ценностных ориентиров;
- ♦ роль политики памяти в формировании идеологических основ современных обществ;
- ♦ влияние внешних факторов на формирование демократической политической системы.

Результаты исследования были опубликованы в ряде отечественных и зарубежных изданий [1–7], прозвучали на известных международных площадках, таких как Международный экономический форум в Кринице (Польша), на представительной международной конференции в Будапеште «The Blue Sky», на съезде политологов Центральной Европы в Кракове, в международном летнем университете в г. Кёсег (на границе между Австрией и Венгрией).

В ходе реализации проекта были получены уникальные для отечественной политической науки результаты. В частности, по результатам изучения ряда аспектов политической трансформации, проведённой в странах Вишеградской группы, были выявлены основные факторы, способствовавшие сравнительно быстрому преобразованию практически всех сфер жизни центральноевропейских обществ, их переходу мирным путём от прежней однопартийной административно-командной системы с чертами тоталитаризма к модели западных демократических обществ с преобладанием многопартийности, адекватным регионализмом и вовлечённостью граждан в большинство уровней политической жизни стран через систему гражданского общества. Таким образом, в вишеградском регионе была выполнена поставленная в ходе «бархатных революций» цель возвращения в Европу в буквальном и переносном смыслах.

До сих пор в отечественной политологии преобладали устаревшие представления и оценки событий рубежа 1990-х гг. Закрепились констатации о буквально тотальной неудовлетворённости граждан — ныне уже центральноевропейских стран — итогом реформ, в том числе вхождением в Европейский Союз и НАТО. Явное снижение интереса к этим странам, последовавшее за деконструкцией системы, сформировало поле для роста неадекватных представлений и фантазий относительно современного этапа развития центральноевропейских обществ. В этом смысле новаторство авторов, основанное на реалистическом подходе и критической сравнительной оценке событий, которые произошли за три десятилетия на всём постсоциалистическом пространстве, очевидно. Авторы считают, что исследование эволюции современных обществ и взаимодействия между ними должно основываться прежде всего на реальных фактах, подтверждённых широким инструментарием современной социологии. Таким образом, исследование, проведённое коллективом нашего проекта, является уникальным не только по содержанию, но и по объективности и комплексности.

Использованный при проведении исследований метод системного политического анализа позволил рассмотреть современный масштабный политический кризис как кризис идеи системной трансформации. Используемый автором и его учениками на протяжении многих лет уникальный метод пространственно-временной локализации общественно-политических процессов позволил, вычленив исторически сложившуюся систему закономерностей в формировании общественных отношений в Центральной Европе, помочь в более точном определении причин кризиса конвергенции, актуальных сложностей в строительстве партийно-политических систем нового типа, способствовать выходу на действенные предложения по преодолению существу-

ющей кризисной ситуации. В ходе работы над проектом также был задействован метод сравнительно политического и этнополитического анализа, который позволил выявить основные закономерности развития поликультурных обществ на постсоциалистическом пространстве.

Результаты исследования были сгруппированы по трём направлениям, два из которых относятся к уровню нового государственного строительства и один — к регионально-международному.

На первом уровне мы сгруппировали выводы, относящиеся к эволюции партийно-политической и представительской системы отдельных стран, связав исследование с такими показателями, как эволюция политических предпочтений, динамика избирательной активности, региональные факторы [5].

Исследование второго уровня позволило нам определить процесс формирования идеологических основ современных обществ, не последнюю роль в котором играют историческая политика и этнокультурные аспекты [3].

Третий уровень также весьма важен для сравнительного анализа с процессами, которые происходят на пространстве бывшего СССР. Мы нашли достаточно оснований, чтобы определить Вишеградскую группу как новую форму регионального взаимодействия, сопоставив её успех с альтернативными планами региональной интеграции в Центральной Европе [8].

В данной статье остановимся на первом уровне.

Эволюция партийно-политической системы

За время трансформаций представления о реформировании политической системы в странах Центральной Европы эволюционировали в двух направлениях. Первое имело внутренние корни и опиралось преимущественно на предыдущий исторический опыт, а также на представления о пределах возможно-

го в актуальных международных условиях. Второе можно назвать «западническим», поскольку в условиях недовольства существующей социалистической системой западная демократия представлялась интеллигенции и оппозиционно настроенной части партийного истеблишмента эталоном гуманизма и справедливости.

Если со второй частью более или менее понятно: она представляла собой в большей мере кальку с западных моделей, то «исторические представления» в странах региона достаточно широко варьировались в зависимости от национальной традиции. Влияние на формирование новой политической системы оказали также кризисные события XX в., а именно — боязнь повторения негативных уроков 1956, 1968, 1980 гг. [8, 9].

Что касается обобщённой картины по Центральной Европе, то сразу же после «бархатных революций» здесь возникло политико-экономическое попури из вышеперечисленных представлений, имевшее целью осторожную ассимиляцию западного опыта на фоне попыток сохранить некоторые достижения социальной системы. С середины 1990-х гг., т.е. с момента подачи этими странами заявок на вступление в ЕС, началась уже масштабная и планомерная работа по адаптации трансформационных процессов к условиям Европейского союза. Таким образом, на первом этапе работа по переводу коммунистических систем в демократические западного образца осуществлялась не только реформаторами в самих странах, но и корректировалась «дорожными картами», составленными местными министерствами совместно с Брюсселем. И только со второго десятилетия, т.е. по прошествии пяти лет членства, на-

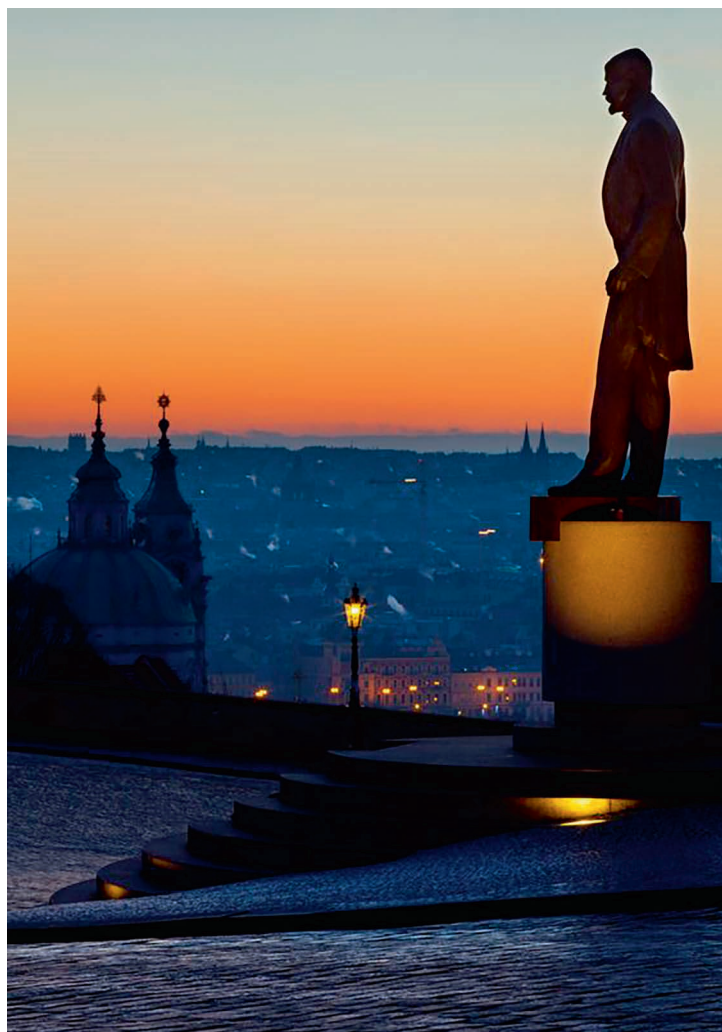

Фото 1. Памятник одному из отцов-основателей Чехословацкого государства и его первому президенту Т.Г. Масарику. Скульпторы Й. Вайц и Я. Бартош

чался процесс сбалансированной конвергенции [10]. Это движение к состоянию «сбалансированности» привело к укреплению в политической жизни тенденции к двухпартийности с присутствием проевропейского фактора и традиционно консервативного, а также многочисленных «промежуточных» партий, которые в зависимости от ситуации согласованно оказывали поддержку ослабевающей тенденции и тем самым способствовали нивелированию конфронтационных настроений в обществе.

Характерными тенденциями второго десятилетия стали подъём правых партий и в целом ослабление либеральных. Возвышение правых/националистов в стра-

Фото 2. Вацлав Гавел в дни Бархатной революции в Праге

нах Центральной Европы имело несколько волн. Последний раз они пришли к власти в Польше и Венгрии на волне идейного сопротивления директивам Брюсселя в конце первого десятилетия XXI в. [12]. В Чехии и Словакии позиции националистов оказались слабее из-за отсутствия правой традиции в не столь долгой государственной истории, а также вследствие особенностей геополитики этих стран. Вместе с тем, оказавшись у власти, партии стали настойчиво искать пути и способы закрепиться у руля как можно дольше в рамках многопартийной избирательной системы. Здесь не пошли, как в России, по пути создания «партий сверху», т.е. когда сначала формируется правящий слой, который затем превращается в «правлящую партию» с единственной идеологией — идеологией власти. Всё же демократические традиции межвоенного времени за относительно небольшой отрезок времени в два десятилетия успели закрепиться в политическом сознании региона на перекрестке между западной и византийской культурой.

Общества Центральной Европы, и именно их ядро — Вишеградские страны, име-

ют достаточно «брутальную» историю второй половины XX в., через которую красной нитью проходят жёсткое противостояние системе и гражданская война. Сегодня это в силу других задач (скорее международных, геополитических) — одна из наиболее задействованных политических тем, а потому и избиратель, и политики стараются держать ситуацию «в неконфронтационных рамках» [13]. Одним из механизмов поддержания такого баланса и спокойствия в обществе стал открытый и прозрачный избирательный процесс, следствием которого является сменяемость партий. За 30 лет ни в одной стране Центральной Европы не наблюдалось прецедента подтасовки итогов выборов, попыток узурпации власти. Основная интрига разворачивается в ходе избирательной кампании, и только в её ходе могут иметь место попытки использования властных полномочий. Однако это встречает резкую реакцию оппозиции, поэтому власти избегают оказывать давление подобным способом. Характерно, что в небольших по размерам странах Центральной Европы не менее важное значение, чем пар-

ламентские, имеют муниципальные выборы. Если они проходят накануне парламентских выборов, то обычно служат своеобразным смотром сил и возможностей перед главными выборами.

Во всех странах Центральной Европы после смены власти установились парламентские республики [14]. Президенты не имеют полномочий, которыми располагает премьер-министр страны, однако есть нюансы в зависимости от количества полномочий и личной харизмы президента или же премьер-министра. Случается и так, что премьер-министр представляет один политический спектр, а премьер-министр — другой. Полномочия органов власти неоднократно перераспределялись в большинстве стран, изменялись конституции. Оценивая результаты реформы партийно-представительской и конституционной системы в странах Вишеградской группы/Центральной Европы, можно утверждать, что в итоге она обрела базу, опирающуюся как на западные демократические образцы, так и на национальные политические традиции, и в целом отвечает запросам обществ.

Говоря об итогах последних выборов 2019–2020 гг., стоит подчеркнуть уже упоминавшийся общий центральноевропейский тренд в сторону нетрадиционных партий, движений и независимых политических персоналий. Это косвенно свидетельствует о том, что и во внешней, и во внутренней жизни стран Центральной Европы назревают новые решения. Однако какими они должны быть, мало кто пока представляет. В обществе явно присутствует запрос не только на обновление политической элиты, но и на более чёткую артикуляцию руководством задач, целей, способов его достижения. Популизм — опора на сиюминутные требования — в определённой мере является проявлением этого отсутствия ориентиров на всех уровнях политики не только в центральноевропейском регионе, но и практически на глобальном уровне.

Формирование идеологических основ современных обществ

В странах Центральной Европы, несмотря на наличие политических сил, которые превысили несколько сроков нахождения у власти, нет такого явления, как партии власти. Партии реально имеют свою идеологию, программу действий и, соответственно, сторонников. Причём по мере развития по пути демократии идеологии партий также эволюционируют. К первым выборам в Венгрии, Чехословакии и Польше пришли более или менее одинаковые по своей идеологической направленности партии. Это были объединения системных реформаторов (той части бывших компартий, которые ратовали за изменения); партии, собравшие активных оппозиционеров — антикоммунистов; либеральные партии, ориентированные на вливание в глобальный мейнстрим, общеевропейское пространство; партии националистического толка, нацеленные на особый путь, возрождение национальных традиций и уклада.

Сейчас мы наблюдаем картину, когда социалисты уходят, либералы преобразуются. Причинами эволюции и тех и других стали окончание периода борьбы с коммунизмом и отсутствие тех задач реформ, на которые они были заострены. Социалисты, пришедшие к власти на рубеже 1990-х гг., имели идею преобразования построенного в этих странах планового социализма в рыночный. Поспособствовав переводу экономик своих стран на рыночные рельсы, активно поучаствовав в процессе приватизации, социалисты, однако, не нашли новой идеологической основы для привлечения населения, и их программные установки в одних странах слились с либеральными, в других — превратились в клише наподобие «за всё хорошее, против всего плохого». Сегодня социалистические партии ещё выходят на вторые-третьи места в выборных гонках там, где имеют харизматичных лидеров и где пытаются солидаризироваться с рабочим классом, соревнуясь на одном поле с ком-

мунистами (Чехия), однако в целом это уже, скорее, уходящая натура.

Вообще парадигма «лево-право» с развитием технологий и нового производства теряет смысл. Этим объясняется постепенный уход «левых» с арены во многих странах. Если после неудачи на предыдущих выборах польские левые в 2019 г. смогли взять относительный реванш, то одновременно с этим чешские коммунисты явно теряют свои позиции в обществе. Правда, падению интереса чехов к партии рабочих активно способствует их поддержка партии премьера-предпринимателя, но, тем не менее, тенденция обозначилась [15].

На самом деле сегодня идёт борьба за ценности, конкретнее — за размежевание между их национально-государственными и трансатлантическими разновидностями. Это особенно характерно для элит. Потому они всё больше отрываются от народа. Последний в свою очередь чаще отдаёт предпочтение несистемным кандидатам, людям, не связанным с традиционными партиями. Однако опять же ситуация меняется от страны к стране.

Этот феномен замечен в Словакии, где набрал силу социальный протест. Он близок к результату в Чехии, где на последних выборах больше мест получила несистемная оппозиция, а разрыв на президентских выборах между действующим главой государства и его явно независимым беспартийным оппонентом оказался минимальным [13]. В Венгрии и Польше, однако, это не работает. Правые в принципе более понятны и близки населению, нежели витающие в общеевропейских транснациональных идеалах либералы. Тем более, что происходит всё это на фоне размывания трансатлантических ценностных установок самими их носителями.

В формировании идеологий современных центральноевропейских обществ большое место отведено политике памяти [17]. Её главной общей задачей явилось искоренение всех исторических, ментальных и культурных символов, связанных

с советским периодом. Однако далее намечается как раз то, что можно назвать формированием партийной идеологии. Сюда относится выбор новых героев, исторических эпизодов, символов, традиционнокультурной поведенческой модели. Где-то этот процесс изначально направлялся, где-то происходил стихийно и сопровождался разрушением имиджа прошлого. Одновременно новая власть занялась памятниками и памяtnыми датами, отменила старые и ввела новые государственные праздники, которые, по её мнению, были призваны консолидировать нацию.

В Польше во главу исторической политики было положено противопоставление России — сперва коммунистической, а затем и современной. На волне возрождения свободной Польши постепенно реанимировались и её европейские амбиции, выразившиеся в продвижении своих, прежде всего геополитических, интересов, которые всегда были антагонистичны российским.

Несмотря на 30-летний период развития центральноевропейских стран без России, историческая память о её присутствии до сих пор занимает большое место в политической риторике. В зависимости от государства отношение к прошлому разнится, и чем голос критики в отношении России сильнее, тем активнее вовлекается в действие политика памяти, которая, к сожалению, работает односторонне на воспроизведение негативных страниц истории. Так, Польша использует образ России для её противопоставления Западу и для дистанцирования от прошлого, которое было травмировано советским вмешательством — вплоть до потери независимости, восстановление которой произошло в 1989 г. Чехи не рассматривают так болезненно социалистический период как время утраты самостоятельности, хотя отмечают, что тот идеологический уклад был навязан и не соответствовал чешскому выбору. Власти же Словакии позитивно оценивают вклад советских войск в восстановление

Фото 3. «Солидарность» во главе польской оппозиции

чехословацкой государственности и не видят в современной России врага. Впрочем, это объясняется также и тем, что самостоятельное словацкое государство возникло на карте Европы уже после краха СССР и как отдельный субъект не видело в нём (а соответственно и в России) угрозу своему существованию [13].

Весомую роль в формировании новой центральноевропейской идеологии играла католическая церковь. Особенно сильными её позиции были в Польше, где верующими себя считают более 90%. В Чехии же, напротив, высок уровень религиозной индифферентности. В Венгрии и Словакии христианские ценности играют более важную роль в жизни общества, чем в Чехии, но менее, нежели в Польше. Хотя и в этих странах политические партии не могут не использовать религиозные чаяния населения при формировании своих программ, политического курса в целом и избирательных кампаний в частности [18].

На протяжении трёх десятилетий трансформаций коррективы вносились и в этнонациональную политику. Этот аспект был особенно важен для стран Центральной Европы, поскольку после распада Австро-Венгрии здесь неоднократно корректировались границы, сто лет назад появились новые государства с многонациональным составом. Наличие этнических диаспор считалось потенциальным источником нестабильности новых демократических государств, а потому на решение этой проблемы во всех государствах Центральной Европы были направлены большие интеллектуальные и материальные усилия. Страны региона по-разному подошли к решению проблемы, а вернее — к снижению напряжённости по данному поводу.

В Венгрии пошли по пути усиленной легитимной инкорпорации соседних венгерских диаспор, вынося на территорию стран их проживания культурно-образовательные объединения под предлогом

создания культурных автономий. Однако со временем политика Венгрии латентно превзошла эти нормы и власти предложили своим соотечественникам по сути и форме второе гражданство. Так сначала, в 2000-х гг., было введено удостоверение венгра, а после вступления в ЕС венгры из Закарпатья, Трансильвании, Словакии, Сербии стали получать и венгерский паспорт — по сути второе гражданство. Проблему осложняло то, что в Словакии и на Украине второе гражданство запрещено законом. Поэтому на деле это не ослабляло напряжённость и не решало проблему, а наоборот, обостряло её, приводя к преследованию венгров, получивших венгерский паспорт [19].

В Польше и Чехии проблема связи с соотечественниками в ближнем и дальнем зарубежье решается верхними палатами парламента. Кроме того, в Польше с 2007 г. введена так называемая карта поляка. Она выдаётся всем заявившим о своей при-

надлежности к польскому народу и также обеспечивает её владельца рядом мер социального характера. В отличие от венгерского удостоверения, однако, её владелец не имеет права принимать участие в выборах в государственные органы власти.

Лицам, обладающим картой поляка, разрешается бесплатно получать долгосрочную национальную визу, дающую право на многократное пересечение границ Польши без предоставления дополнительных документов (приглашение, разрешение на работу и так далее); легально работать на территории Польши без получения специального разрешения на работу; заниматься на территории Польши предпринимательской деятельностью на тех же основаниях, что и граждане Польши; имеют 37-процентную скидку на железнодорожный транспорт на территории Польши; в чрезвычайных ситуациях могут обращаться за бесплатной экстренной медицинской помощью

Фото 4. Лидеры современной Центральной Европы: премьер-министры стран Вишеградской группы и канцлер Австрии (слева направо): Виктор Орбан, Себастьян Курц, Андрей Бабиш, Матеуш Моравецкий, Петер Пеллегрини

на тех же условиях, что и польские граждане; пользоваться на территории Польши бесплатной системой образования на тех же основаниях, что и граждане Польши; в первоочередном порядке получать финансовые средства, предназначенные для поддержки поляков за границей, из бюджета польского государства или из бюджета местного самоуправления на уровне гмины и т.д.

В случае Чехии и Словакии существовала иная проблема — инкорпорации национальных меньшинств, проживающих на территории этих стран. Чаще всего речь шла о венгерском и немецком меньшинствах. С этой целью были разрешены культурные автономии, национальные представительства и национальные партии, хотя имеет место и предвзятое отношение к деятельности национальных партий и политиков [20].

Заключение

В каком бы ракурсе мы ни анализировали сегодня итоги трёх десятилетий реформ в Центральной Европе, с какой бы из предложенных нами в начале статьи позиций не рассматривали произошедшее — налицо существенные перемены. Они повсюду: в сознании, способе хозяйствовать и стиле жизни. Возможно, главные испытания и сдвиги для региона ещё впереди. Однако важно, что она достойно прошла уже путь длиной в три десятилетия, найдя способ существования без межэтнических и межгосударственных конфликтов, в которые в прошлом веке затягивала весь остальной мир. Удалось осуществить идею Центральной Европы, к которой подступало не одно поколение наследников второй крупнейшей империи мира. Эта идея и стиль жизни воплотились в реально новой форме межгосударственного регионального взаимодействия, которую сегодня представляет Вишеградская группа, имеющая все задатки стать ядром нового центральноевропейского процесса.

Какие уроки может извлечь Россия из опыта центральноевропейских стран,

практически одновременно с ней начавших в 1980-х гг. реформирование своих систем и обществ?

Сначала о внутривнутриполитических аспектах.

Эти страны гораздо дальше России продвинулись по пути демократизации в её классическом понимании. Безусловное влияние на результат процесса оказало то, что реформа политической сферы велась: а) по дорожным картам Европейского союза; б) при участии политиков, имевших опыт довоенной демократии.

Реформы отличались большей последовательностью, в том числе благодаря ясности целей как во внутренней, так и во внешней политике. Обе цели образно именовались «возвращением в Европу».

В ходе реформ ставка делалась на средний класс, что позволило избежать большого расслоения и приблизило страны к состоянию гражданского общества.

В этих странах партии формировались снизу, а не сверху, здесь отсутствует понятие «партия власти». Каждая крупная партия имеет чёткую идеологию. Популизм свойствен лишь партиям, ориентированным на харизматичного лидера.

Со временем увеличивается активность избирателей, которые поверили в то, что участие в выборах может реально изменить их жизнь.

В последние годы наметилось увеличение сроков нахождения определённых партий у власти в этих странах. Это связано со многими факторами, такими как ясность программ, харизма лидеров, выполнение обязательств и эффективных решений на пользу обществу и населению.

Тем не менее наблюдается и усталость избирателя от партий. Всё больше на выборах побеждают независимые кандидаты, заявившие свою активную гражданскую позицию либо запомнившиеся конкретной деловой активностью.

Последние выборы показали ослабление позиций социалистов, эволюцию либерального направления в сторону эко-

Фото 5. Президенты V4 Милош Земан, Андрей Киска, Янош Адер, Анджей Дуда на одной из встреч

логистов, усиление центристов на фоне опять же ослабления наметившегося было усиления правых.

Политика памяти является основой идеологии большинства партий. В странах Центральной Европы во главу угла ставятся отказ от коммунистической идеологии и всяческое осуждение связанного с ней периода; возвышение исторических периодов и личностей, связанных с усилением национальных основ государственности, просвещения и т.п. Одновременно пересматриваются и становятся краеугольным камнем новой идеологии события 1956, 1968 и 1980 гг.

Большим достижением является то, что страны смогли в консенсусном ключе разрешить проблему национальных меньшинств, которая досталась им 100 лет назад при создании новых государств.

Этим странам удалось создать уникальную мягкую форму регионального взаимодействия, которая не наращивает чиновничий аппарат, но совершенно очевидно содействует не только выработке единой политики и решений, но и новой региональной идентичности – это Вишеградская группа.

Вишеградская группа выступает единым фронтом на всех направлениях соседства, находясь одновременно внутри ЕС: в Восточном партнёрстве, Балканской политике, в отношениях с Австрией и Германией.

Понятно, что по своим параметрам и роли в мировой политике эти страны уступают России, но их решимость к переменам, как и многочисленные позитивные результаты, заслуживают пристального анализа и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shishelina L.N. Relacje Rosji i Krajów Wyszegradzkiej z Perspektywy 30-Lecia Reform // Polityka i Gospodarka. Teoria i Praktyka. UEK, Kraków, 2019. P. 329–333.

2. Шишелина Л.Н. Центральная Европа: выборы в Европарламент в общеевропейском контексте // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. 2019. С. 17–23.
3. Шишелина Л.Н. Возрождение Центральной Европы // Вишеградская Европа. Центрально-европейский журнал 2019. № 1. URL: <http://visegradeurope.ru/journal/2019-1-1/shishelina/>.
4. Шишелина Л.Н., Ведерников М.В. Выборы в Европейский парламент 2019 года и новый этап консолидации Вишеградской четвёрки // Современная Европа. 2019. № 5.
5. Шишелина Л.Н. Некоторые итоги трёх десятилетий трансформации Центральной Европы // Современная Европа. 2019. № 6.
6. Шишелина Л.Н. «Бои за город Будапешт»: муниципальные выборы в Венгрии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5.
7. Ведерников М.В. Президентские выборы в Словакии 2019 г. как кризис доверия власти // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2. С. 59–66.
8. Задорожнюк Э.Г. Революции нового типа: от «in vitro» к «in natura» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: Аквилон, 2015. Вып. 52. <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-52.pdf>.
9. Щербакова Ю.А. Что мы чувствуем через двадцать лет после краха коммунизма // Клаус В. Мы, Европа и мир (реферат) // Политические лидеры в современной Восточной Европе: Сборник научных трудов. Сер. «Проблемы общественной трансформации стран Восточной Европы и России» / Отв. ред. Л.Н. Шаншиева. М., 2017. С. 176–184.
10. Шишелина Л.Н. Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 33–38. DOI: 10.15211/vestnikieran520183338.
11. Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / [Л.Н. Шишелина и др.]; Под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова; Ин-т Европы РАН. М.: ИЕ РАН, 2018.
12. Шишелина Л.Н., Габарта А.А., Дрыночкин А.В., Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / Ред. Л.Н. Шишелина; Институт Европы РАН / Доклады ИЕ РАН. № 342. М., 2017.
13. Правый радикализм в Восточной Европе: Сборник научных трудов / ИНИОН РАН; Отв. ред. Л.Н. Шаншиева. М., 2018. С. 11–21.
14. Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / Л.Н. Шишелина и др.; Под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова; Ин-т Европы РАН. М.: ИЕ РАН, 2018.
15. Ведерников М. Несостоявшийся референдум против Милоша Земана. РСМД. 29 января 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nesostoyavshiysya-referendum-protiv-milosha-zemana/> (дата обращения: 18.11.2019).
16. Ведерников М.В. Президентские выборы в Словакии 2019 г. как кризис доверия власти // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2. С. 59–66. DOI: 10.15211/vestnikieran220195965.
17. Пок А. Срединная Европа (1915–2004). Посткоммунистический некролог из Венгрии // Современная Европа, 2017. № 7.
18. Корнась Е. Пределы дедемократизации польской политической системы // Современная Европа. 2017. № 7.
19. Shishelina L. A nemzetiségi kérdés mint a tárgyalások új témája / Rendszerváltó Archivum, 2017 különszám. Bp., dec. 2017, old. 12–16. URL: http://archivum.retorki.hu/folyoirat/korabbi_szamok/rendszervalto_archivum_2017_kulonszam.
20. Ведерников М.В. Особенности функционирования малых государств (на примере Чехии) // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2019. С. 142–145.

ENGLISH

Current Political Trends in Central Europe: Lessons and Challenges for Russia

Lyubov Nikolaevna Shishelina – Doctor of Science (History), Head of the Department of Central and Eastern Europe at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, and head of the project “Current Political Trends in Central Europe: Lessons and Challenges for Russia” (19-011-31594).
E-mail: l.shishelina@gmail.com

The year 2019 marks the 30th anniversary of the Velvet Revolutions and the de facto start of comprehensive reforms in Central Europe and in the region as a whole. The change of social systems and the entry of the former Eastern European countries to the common European market had its impact on the global balance of power resulting in a shift to the unipolarity with its predominantly transatlantic values. Today, however, we may observe the emerging trend both towards a political vector change in the mentioned countries and a new, more balanced international order due to which Hungarians, Poles, Slovaks and Czechs, a century later upon formation of political Central Europe, are finally willing to play a more prominent role than they did before. It is not about the role of a buffer or barrier assigned to them by the powers upon the world wars, but the role that was historically played by this region before the world wars and revolutions. This phenomenon is interesting not only in terms of discovering the region specifics, the prospects for building new socio-economic and integration models, but may also be relevant for a comparative analysis and insight into the political and economic evolution in Russia.

Russia and Central Europe have had a period of social transformations, almost similar in duration, which goes back to the 1980s. Nevertheless, the countries differed in their goals and forms of transformations occurring in the early 1990s, although at the moment we are to address highly similar problems again. These countries are at different stages of their transformation process; however, they are rather similar in terms of the objectives to determine the future path to political, socio-economic, cultural and ideological development. The sense of incompleteness of the initiated transformations is prevalent both in Central Europe and in Russia. At the same time, there are doubts regarding the Western model of social policy. This process involves not only national development, but also regional interaction and international affairs, which matrix was destroyed 30 years ago, while the new one has not been created yet. Therefore, the Central European countries' experience can be of value both to analyse their internal reforms and models of regional interaction, as well as to build a new type of international relations in a bilateral, allied and global manner.

Keywords: Central Europe, Russia, transformations, reforms, multi-party system, historical politics, formation of a new ideology

REFERENCES

1. Shishelina L.N. Relacje Rosji i Krajów Wyszegradzkiej z Perspektywy 30-Lecia Reform // *Polityka i Gospodarka. Teoria i Praktyka*. UEK, Kraków, 2019. P. 329–333.
2. Shishelina L.N. Tsentral'naya Evropa: vybory v Evroparlament v obshcheevropeyskom kontekste // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. № 3. 2019. С. 17–23 (in Russian).
3. Shishelina L.N. Vozrozhdenie Tsentral'noy Evropy // *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeyskiy zhurnal* 2019. № 1. URL: <http://visegradeurope.ru/journal/2019-1-1/shishelina/> (in Russian).

4. Shishelina L.N., Vedernikov M.V. Vybory v Evropeyskiy parlament 2019 goda i novyy etap konsolidatsii Vishegradskoy chetvyorki // *Sovremennaya Evropa*. 2019. № 5. (in Russian).
5. Shishelina L.N. Nekotorye itogi tryokh desyatiletiy transformatsii Tsentral'noy Evropy // *Sovremennaya Evropa*. 2019. № 6. (in Russian).
6. Shishelina L.N. «Boi za gorod Budapesht»: munitsipal'nye vybory v Vengrii // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. 2019. № 5 (in Russian).
7. Vedernikov M.V. Prezidentskie vybory v Slovaki 2019 g. kak krizis doveriya vlasti // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. 2019. № 2. S. 59–66 (in Russian).
8. Zadorozhnyuk E.G. Revolyutsii novogo tipa: ot «in vitro» k «in natura» // *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii*. M.: Akvilon, 2015. Vyp. 52. <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-52.pdf> (in Russian).
9. Shcherbakova Yu.A. Chto my chuvstvuem cherez dvadtsat' let posle krakha kommunizma // Klaus V. My, Evropa i mir (referat) // *Politicheskie lidery v sovremennoy Vostochnoy Evrope: Sbornik nauchnykh trudov*. Ser. «Problemy obshchestvennoy transformatsii stran Vostochnoy Evropy i Rossii» / Otv. red. L.N. Shanshieva. M., 2017. S. 176–184 (in Russian).
10. Shishelina L.N. Ideya «Trimor'ya»: ot vzniknoveniya do segodnyashnego dnya // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. 2018. № 5. S. 33–38. DOI: 10.15211/vestnikieran520183338 (in Russian).
11. Tsentral'naya Evropa: politicheskiy portret na fone 100-letiya / [L.N. Shishelina i dr.]; Pod red. L.N. Shishelinoy, M.V. Vedernikova; In-t Evropy RAN. M.: IE RAN, 2018 (in Russian).
12. Shishelina L.N., Gabarta A.A., Drynochkin A.V., Vishegradskaya chetvyorka v Evropeyskom soyuze: dilemmy konvergentsii / Red. L.N. Shishelina; Institut Evropy RAN / *Doklady IE RAN*. № 342. M., 2017 (in Russian).
13. Pravyy radikalizm v Vostochnoy Evrope: Sbornik nauchnykh trudov / INION RAN; Otv. red. L.N. Shanshieva. M., 2018. C. 11–21 (in Russian).
14. Tsentral'naya Evropa: politicheskiy portret na fone 100-letiya / L.N. Shishelina i dr.; Pod red. L.N. Shishelinoy, M.V. Vedernikova; In-t Evropy RAN. M.: IE RAN, 2018 (in Russian).
15. Vedernikov M. Nesostoyavshiysya referendum protiv Milosha Zemana. RSMD. 29 yanvarya 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nesostoyavshiysya-referendum-protiv-milosha-zemana/> (data obrashcheniya: 18.11.2019) (in Russian).
16. Vedernikov M.V. Prezidentskie vybory v Slovaki 2019 g. kak krizis doveriya vlasti // *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. 2019. № 2. S. 59–66. DOI: 10.15211/ vestnikieran220195965 (in Russian).
17. Pok A. Sredinnaya Evropa (1915–2004). Postkommunisticheskiy nekrolog iz Vengrii // *Sovremennaya Evropa*, 2017. № 7 (in Russian).
18. Kornas' E. Predely dedemokratizatsii pol'skoy politicheskoy sistemy // *Sovremennaya Evropa*. 2017. № 7 (in Russian).
19. Shishelina L. A nemzetiségi kérdés mint a tárgyalások új témája / *Rendszerváltó Archívum*, 2017 különszám. Bp., dec. 2017, old. 12–16. URL: http://archivum.retorki.hu/folyoirat/korabbi_szamok/rendszervalto_archivum_2017_kulonszam.
20. Vedernikov M.V. Osobennosti funkcionirovaniya mal'nykh gosudarstv (na primere Chekhii) // *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie*. M., 2019. S. 142–145 (in Russian).

УДК 316, 321.01, 323.1
ГРНТИ 11.01.39; 11.25.40
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-260-272

Е.Г. ПОНОМАРЕВА*

«Новое прошлое» Западных Балкан

Западные Балканы (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и частично признанная Республика Косово) являются одной из реперных точек мировой политики. В настоящее время здесь происходит апробация новых технологий как по переформатированию политической карты мира, так и по воздействию на сознание больших масс людей. Обращение к прошлому — важный ресурс легитимации власти и формирования политической идентичности. Проведённое исследование выявило, во-первых, что милитаризация повседневности современной Сербии и архетип «человека воюющего» продолжают оставаться особой социальной и психологической характеристикой сербского социума, что находит отражение в политической практике. Во-вторых, существует зависимость символических инвестиций и использования концепции «нового прошлого» не столько от внутренних, сколько от региональных проблем (враждебное соседство). В-третьих, в конструировании и использовании символического капитала значительна роль внешних игроков.

Научное обоснование происходящих в балканских странах процессов крайне актуально для формирования внешнеполитической повестки РФ, поскольку проведённый компаративный междисциплинарный анализ позволил выявить потенциал исторических символов в политическом процессе, определить характер и возможности его использования во внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: Западные Балканы, милитаризация повседневности, албанский вопрос, гражданская идентичность, тренды идентификации

На протяжении столетий Балканы были и остаются турбулентной, стратегически уязвимой зоной мировой политики. Такое положение вещей имеет как внутренние, уходящие глубоко в историю, так и внешние

причины. В последнем случае сохраняющийся потенциал нестабильности определён столкновениями интересов ведущих игроков современности. Эта специфика развития региона — ещё одно эмпирическое подтверждение как

* **Пономарева Елена Георгиевна** — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, руководитель проекта «Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан» (19-011-31138).
E-mail: nastya304@mail.ru

реалистских традиций, так и заложенных К. Уолтцем неореалистских представлений о международной системе как «совокупности элементов, которые, вступая во взаимодействие друг с другом, приобретают новое качество, отсутствующее в элементах, и формируют некую целостность» [1, с. 65].

Милитаризация повседневности: как прошлое определяет настоящее

Отличительная черта, имманентно присущая характеру государственности западнобалканских стран, — такое «особое социальное и психологическое явление» [2, с. 8], как архетип «человека воюющего». Его рождение определено многовековыми конфликтами проживающих в регионе народов, сражающихся как на стороне, так и против устанавливающих здесь своё господство внешних игроков (империй, государств, военно-политических блоков). Проведённое в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ исследование позволило сделать важный вывод: в условиях нового этапа деструкции Западных Балкан (прежде всего, это казусы Боснии и Герцеговины, Северной Македонии и Сербии) феномен милитаризации становится важным фактором активизации концепта «нового прошлого». Многие проблемы и возможные сценарии развития текущей балканской реальности раскрываются именно сквозь призму милитаризации повседневности балканских народов, а также мифологизированных и устойчивых стереотипов коллективной памяти, которые рождаются и шлифуются в академических кругах, распространяются на систему образования и тиражируются в массовой культуре. Например, в сербских научных публикациях Первая мировая война «воспевается как некое необычайно важное для жизни государств явление, последствия которого ключевым образом отразились на последующей судьбе народов европейского континента, а «эпическое» или «героическое» видение её событий в свою очередь

уже давно стало признанным воспитательным элементом в формировании общественной лояльности» [3, с. 29].

В рамках проекта было доказано, что в сербской политической истории «человек воюющий» имел свои черты и специфические внешние проявления (рис. 1). В процессе становления сербской государственности именно этот архетип сыграл особую роль, а развитие её политических и общественных институций иллюстрирует пример того, как «психология войны», укладываемая в концепцию «нового прошлого», может стать цементирующим элементом социально-экономических и политических основ государства [4, с. 40]. Фактор постоянного ожидания войны создал особые общественные ценности, которые привели сербское государство к тому, что её «тотальный характер отражался на коллективной и индивидуальной психологии» [5, с. 156]. А использование политическим режимом идеи милитаризации повседневности, внедрение в сознание сербского социума враждебного образа «другого» сегодня, как и столетие назад, являются одним из главных способов внутренней консолидации нации. Следует отметить, что в настоящее время процессы возрождения данного феномена отличают не только сербское общество, но характерны в значительной степени для хорватов, боснийских мусульман и косовских албанцев.

В текущей реальности развитие милитаризации повседневности как отличительной черты *Homo Balkanicus* начала XX в. формирует внутривнутриполитическую конструкцию необходимости защиты от ближайших (балканских же) соседей, которую успешно используют в своих интересах внешние игроки. Обработка ранее неизвестных архивных документов позволила сделать аргументированный вывод о том, что традиция проектно-конструкторской деятельности по формированию новых наций как противовеса сербской доминанте и закрепления конфликтной модели развития региона была заложена

Рис. 1. Второе сербское восстание против Османской империи в Таково (П. Йованович, 1895)

на в конце XIX в. имперским правительством Австро-Венгрии. Одним из триггеров современных балканских споров остаётся так называемый венский рецепт выращивания национализма «этнократических лимитрофов» [6, с. 48]. т.е. политическое дробление европейских окраин по национальному принципу и недопущение их объединения на основе региональной или культурно-цивилизационной идеи.

«Новое прошлое» албанского вопроса

Классическим примером успешности такого рода деятельности служит албанский кейс (хотя следует признать, что Вена преуспела и в конструировании современной хорватской нации). Буквально за несколько десятилетий¹ Венскому пра-

вительству удалось из довольно аморфных и даже враждебных друг другу этнических сегментов — говорящих на разных диалектах и не имеющих общей письменности племён гегов (преимущественно католики) и тосков (преимущественно мусульмане) — сформировать сильный политико-демографический противовес сербскому влиянию. Достигнуто это было посредством реализации комплексной культурно-просветительской программы. «Венский рецепт» включал подготовку в специализированных интернатах учителей для курируемых Веной школ в албанских землях; постепенный переход преподавания в национальных школах с итальянского и турецкого языков на албанский; параллельное преподавание немецкого языка; введение института стипендий лучшим воспитанникам албанских школ

¹ Старт проекту по формированию албанской нации был дан на тайных конференциях под председательством имперского министра иностранных дел графа А.М. Голуховского (мл.) в декабре 1896 г., а уже в 1913 г. по соглашению великих держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции — на политической карте появилась «независимая» Албания.

Рис. 2. Карта «Великой Албании» в 1939–1944 гг.

для продолжения ими образования в империи; создание и финансирование проавстрийских албанских газет и журналов; поддержку публикаций карт, учебных, исторических и литературных произведений на албанском языке; подготовку «нового поколения» католических священников; создание благотворительных органи-

заций. Такая политика не имела конечной цели формирования нации, но работала на «достижение той точки невозврата, после которой развитие невозможно обратить вспять, и оно продолжится, даже если поддержка извне прекратится» [7, с. 394].

Окончательно «точка невозврата» была пройдена уже в социалистической Юго-

Рис. 3. Карта «Великой Албании» в современных проектах

славии, когда произошло территориально-административное закрепление границ проживания косовских албанцев и режим Тито продолжил венскую практику развития самосознания албанских племён (в 1970-е гг. в Приштине был открыт

университет, учреждена Академия наук и искусств, создана киностудия «Косовофилм»; в автономном крае издавались десятки газет и журналов на албанском языке, в средних школах и в университете обучение велось на албанском язы-

ке [8, с. 114–115]). Весьма показателен факт активной оппозиции со стороны сербских коммунистов открытию университета в Приштине: они справедливо считали его «предвестником автономии Косово» [9, с. 136]. Провидческими оказались и слова американского дипломата Л. Иглбергера, сказанные югославскому журналисту Б. Богуновичу в 1974 г.: «Могила Югославии копается в Приштине: вы открыли в Косово один из самых больших университетов в стране, дали албанцам Академию наук, готовите каких-то политологов, социологов и философов, чем создаёте великую армию будущих недовольных, которые не будут ни хотеть, ни уметь делать что-нибудь серьёзное и которые выйдут на улицы и потребуют своё государство и свою республику» [10, с. 655]. Уже в марте 1981 г. требования независимости края под лозунгами «Косово — республика», «Мы албанцы, а не югославы», «Косово — косоварам» [11, с. 358], как и предвидел Иглбергер, стали главным триггером масштабного восстания, давшего старт открытой борьбе за самостоятельность косовских албанцев.

Современное развитие албанского проекта продолжается в определённом в конце XIX в. антисербском русле. Противостоять «инвазивным и гегемонистским аппетитам» Сербии [12] можно, по мнению албанской стороны, лишь объединив ресурсы четырёх «государств-новичков» [13, с. 79] Евроеклада, где значителен албанский элемент: это Албания, Косово, Черногория и Северная Македония. Подобные сценарии, имеющие прямые аналогии с событиями Второй мировой войны, когда под патронатом Германии и Италии была создана «Великая Албания» (рис. 2–3), — ещё одно подтверждение значимости концепта «нового прошлого». Балканы всей своей историей доказали, что конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия играют важнейшую роль в формировании наций, национальных идей и государственных образований.

Проведённый в рамках проекта анализ позволил сделать вывод о возможном уже в среднесрочной перспективе переформатировании политического пространства региона, что чревато фундаментальными изменениями политической и социокультурной карты всей Европы. Прежде всего, речь идёт о создании на территориях, населённых албанцами, радикальной политики (албанской унии), тесно связанной с международными криминальными и террористическими структурами, что в свою очередь усиливает угрозу безопасности всего европейского региона [14, с. 234–237].

Изученный опыт политических трансформаций балканских стран выявил устойчивую тенденцию поиска ими новых идентификационных основ в давнем и недавнем прошлом. Сегодня всё чаще прошлое становится символом настоящего и будущего. С одной стороны, это сопровождается возрождением таких агрессивных форм, как нацизм и фашизм (например, канонизация военного викария усташей А. Степинаца [15], участвовавшего в организации этнорелигиозного геноцида сербов, проживавших в Независимом хорватском государстве [16]; возрождение нацистской риторики и символики в молодёжной среде современной Хорватии [17, с. 20]; героизация участников националистической фашистской организации «Бали Комбетар» [18]). С другой стороны, современные великоалбанские и боснийско-мусульманские идеи тесно связаны с радикальной идеологией ваххабизма и экстремизма [19, с. 5–6], что в итоге формирует новый для Европы геополитический и социокультурный контур.

Ближневосточные страны и радикальные исламистские группировки, в том числе структуры международного терроризма, во многом воспроизводят «венский рецепт» гуманитарного влияния, уделяя пристальное внимание формированию национального сознания балканских мусульман. Причём если Вена более века назад делала акцент на светские школы, то сегодня основная обработка

и вербовочная деятельность происходят преимущественно в мечетях, масштабное строительство которых ведётся за счёт как государств, так и средств частных компаний из Катара, Кувейта, Саудовской Аравии (СА). Широкое распространение получает арабский язык. Обработкой сознания молодёжи занимаются не только проповедники, но и целая сеть исламских некоммерческих организаций. В Боснии и Косово работают Saudi Joint Relief Committee; Al Haramain Humanitarian Foundation; Al Wakt l Islami; World Association of Muslim Youth; Islamic International Relief Organization и др. фонды. В Албании пропагандой радикального ислама занимаются, в частности, Хафиз-центры, финансируемые фондом «Drita» (показательно, что именно так называлась газета, издаваемая Веней в конце XIX в. для формирования албанского самосознания), получающим средства из Кувейта и СА. Самый известный среди такого рода структур – институт «Эль-Хагри» в городе Эльбасане, финансируемый кувейтским «Комитетом доброты». Все центры и институты имеют свои частные школы, где обязательно изучается Коран на арабском языке.

Отобранные по разным критериям учащиеся этих заведений позже отправляются в исламские школы в Египет, Йемен, Пакистан, СА. По возвращении на Балканы молодые люди формируют группы или ячейки, плотно вписанные в сеть исламских структур [20]. В результате такой деятельности радикальные исламистские взгляды охватывают всё большую аудиторию, формируя симбиоз албанизма, вахабизма и исламизма.

Применительно к сербам – самому крупному балканскому этносу – концепция «нового прошлого» позволяет объяснить специфику общественного сознания сербского социума. Главные его характеристики определены доминированием исторического наследия: неоконченностью политической роли, неустойчивостью территориальных и политиче-

ских отношений, так как сербы остаются разделённым народом, лишённым исторического ядра своей государственности (Косово и Метохия). Комплекс этих установок мешает политическому развитию сербских сегментов и формированию устойчивой гражданской идентичности. В результате до сих пор остаётся открытым вопрос не столько духовной, сколько политической общности сербов, проживающих в Боснии и Герцеговине (БиГ), Северной Македонии (СМ), Сербии и Черногории.

«Новое прошлое» и проблема гражданской идентичности балканских народов

Политико-социологический анализ идентичности как соединительного элемента индивидуальных и надывидуальных срезов политического сознания балканской молодёжи, определяющего поведение и одновременно отражающего динамику и состояние общественных настроений, «и сопряжённую с ними рефлексию их носителей» [21, с. 8], выявил отсутствие объединяющих гражданских идентитарных основ. А это – одно из свидетельств неустойчивости и крайней уязвимости данных государственных образований. Существование балканских народов в границах, обозначенных в социалистический период, носит инерционный характер и в случае изменения региональной и мировой конъюнктуры может быть поставлено под сомнение как внутрибалканскими, так и внешними игроками.

Процесс формирования гражданской идентичности особенно важен для переходных, многонациональных обществ. В качестве кейсов исследования были выбраны две наиболее гетерогенные и разделённые не только в национальном, но и в политическом смысле страны: Босния и Герцеговина и Северная Македония. Так, в БиГ формирование гражданской идентичности характеризуется наложением трёх процессов нациестроительства: конструирования

Таблица 1

Иерархия идентичностей (%)

	1	2	3	4	5	6	7
Пол	12,90	9,68	22,58	14,52	8,06	9,68	22,58
Возраст	1,61	22,58	17,74	25,81	17,74	9,68	4,84
Образование	46,77	19,35	20,97	6,45	0,00	3,23	3,23
Профессия	19,35	32,26	11,29	20,97	11,29	1,61	3,23
Гражданство	1,61	3,23	9,68	19,35	29,03	19,35	17,74
Национальность	6,45	11,29	20,97	12,90	14,52	17,74	16,13
Место жительства	1,61	1,61	6,45	16,13	19,35	22,58	32,26

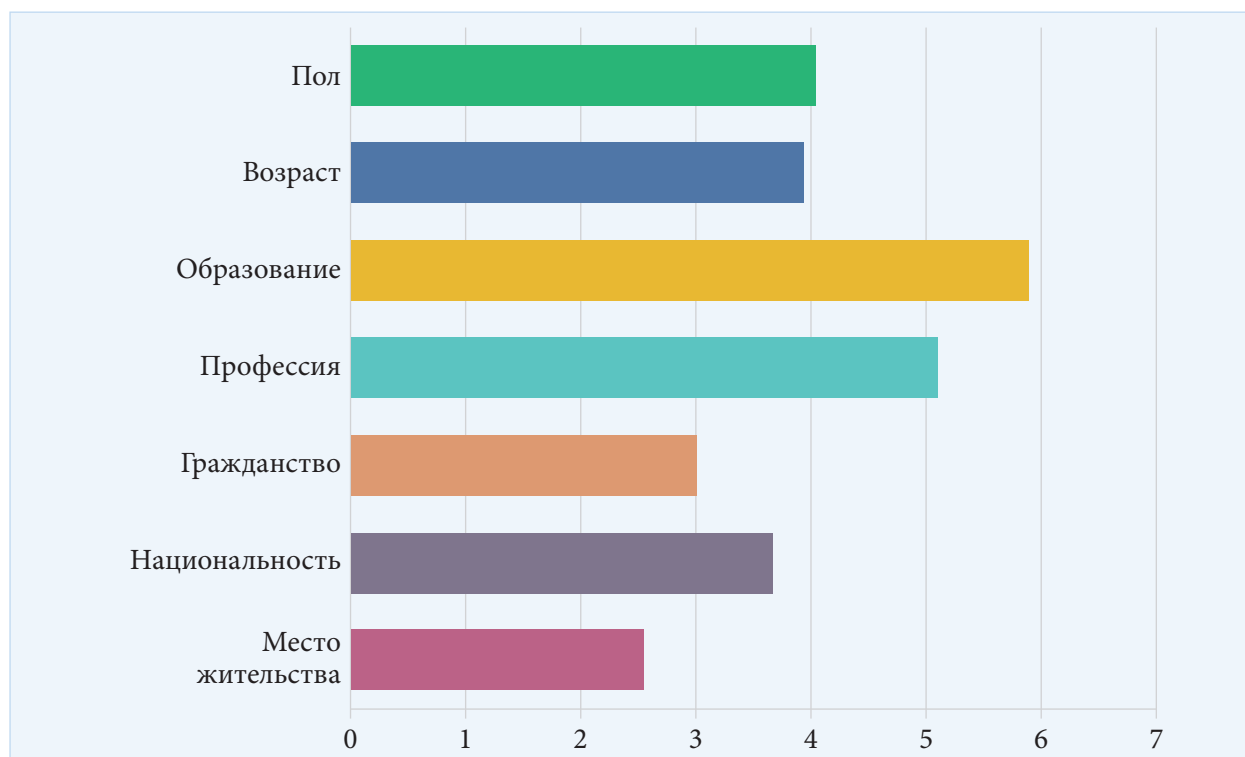

Рис. 4. Иерархия идентичностей

новой нации бошняков, основу которой составляют этнические сербы, принявшие ислам; тяготения к Хорватии как материнскому государству хорватского меньшинства и строительства собственного государства в рамках квазифедеративной единицы БиГ (Республика Сербская) боснийскими сербами, которые всё чаще позиционируют себя как «самых правильных сербов». Идентификационная политика СМ по формированию единой гражданской/

политической нации осложняется наличием двух, по сути, автономных и настроенных враждебно по отношению друг к другу национальных сегментов: македонцев и албанцев [22, с. 104].

В целях получения максимально объективной картины было проведено онлайн-исследование настроений молодежи названных стран в возрасте от 15 до 35 лет. В анкетировании приняли участие 62 респондента: 29 — из Боснии и Герцеговины

Таблица 2

**Играет ли вопрос собственной идентичности
в Вашей жизни значительную роль? (%)**

Варианты ответов	Ответы
Да	43,55
Да, но незначительную	30,65
Иногда	20,97
Не играет	4,84
Общее число	100

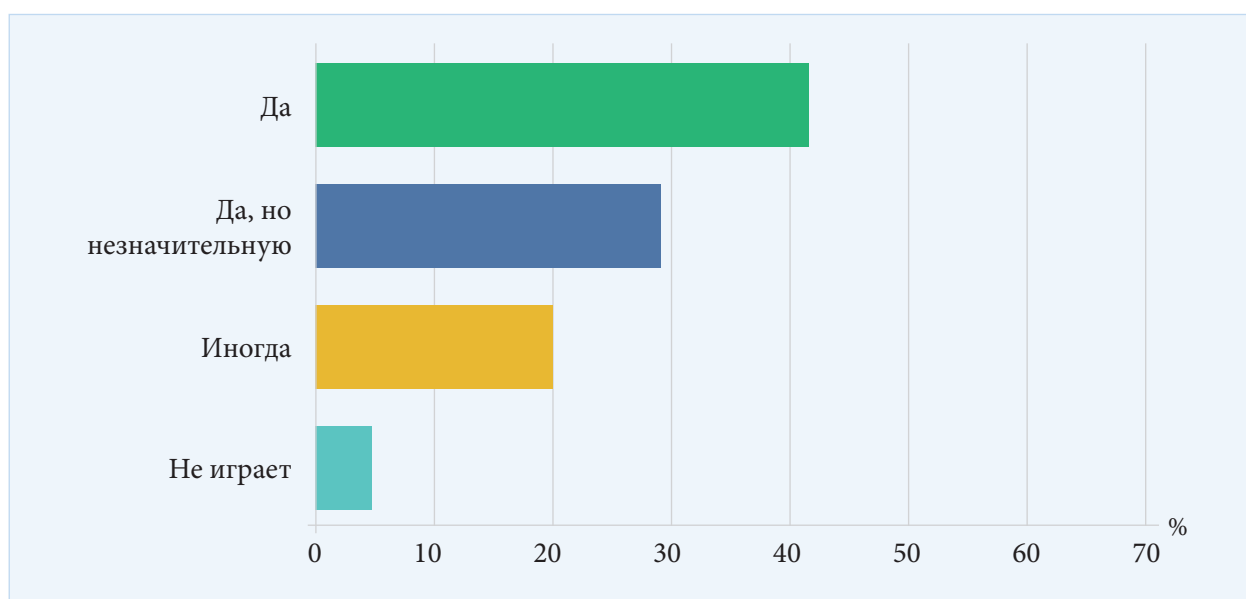

Рис. 5. Вопрос собственной идентичности

и 33 — из Северной Македонии. 38% всех опрошенных — женского пола, 62% — мужского. Группа до 18 лет составила 2% респондентов, от 18 до 24 лет — 8%, от 25 до 35 лет — 90%. Доминирующее число опрошенных имеет высшее образование (80%) и постоянную работу (56%). Все респонденты проживают в городах: в БиГ — это Сараево, Восточное Сараево, Баня Лука, Рогатица; в Северной Македонии — Скопье, Битола, Куманово, Прилеп. То, что принять участие в опросе решили исключительно городские жители, — свидетельство активной жизненной позиции представителей именно этого сегмента балканского общества. Кроме того, были проведены экспертные интервью с пред-

ставителями боснийских и македонских научных и политических кругов, а также индивидуальные глубинные интервью с молодыми людьми обеих политий, сохраняющих гендерный и этнический баланс репрезентативной группы.

Исследование показало схожесть позиций и ценностных ориентиров в отношении основ идентичности у молодёжи БиГ и СМ. В ходе анкетирования были выявлены два взаимосвязанных тренда, свидетельствующих об идентификационном диссонансе сознания респондентов. С одной стороны, существует образовательно-профессиональная тенденция идентичности (табл. 1; рис. 4). С другой — доминирование негативного трен-

да групповой идентификации молодёжи: противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» (этнополитический конфликт внутри государств), а также самоопределение через отрицание внешних «других» (табл. 2; рис. 5). Этот вывод принципиальной важности, так как история развития региона не раз подтверждала тезис: «многие масштабные конфликты связаны с противоречивым характером формирования идентичности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса» [23, с. 494–495].

Результаты анкетирования подтвердили также выводы ряда зарубежных исследований. Так, последние опросы Фонда им. Ф.Эберта в БиГ [24] и Северной Македонии [25] выявили разочарованность молодых людей действиями политической элиты своих государств. В Боснии и Герцеговине более 50% опрошенных не доверяют политикам и оценивают действия политических институтов как неэффективные. В СМ число недовольных среди молодёжи политическим курсом правительства ещё выше – 61%. В то же время молодёжь стремится к расширению своего присутствия в государственной политике: наблюдается её высокая вовлечённость в электоральный процесс. Например, в БиГ регулярно ходят на выборы 78%, в СМ – более 80% молодых людей. Как отмечается в этих исследованиях и коррелируется с данными нашего проекта, этнический фактор до сих пор играет одну из определяющих ролей при выборе политических предпочтений и построении социальных связей (семья, друзья, место работы), хотя молодые люди уже не так явно объясняют систему своих убеждений этническим национализмом, как это было в исследованиях прошлых лет.

Проблема идентичности балканской молодёжи, особенно православной, есть отражение, как и у русских, сложного, исторически многосвязанного и отчасти мистифицированного пространства: представления о себе и «других» лабиль-

ны и крайне зависимы от социально-политической и социокультурной динамики, всегда имеющей на Балканах исторические аллюзии. С одной стороны, это требует особой деликатности при обсуждении и анализе идентификационных трендов. С другой – позволяет довольно чётко прогнозировать разграничительные доминанты групповой идентичности.

Выводы

Использованные в ходе реализации проекта историко-политологический и политико-социологический подходы позволили сформулировать следующие выводы.

Во-первых, милитаризация повседневности остаётся отличительной характеристикой сербского социума, а архетип «человека воюющего», ставший для Сербии совершенно особым явлением, причём как социальным, так и психологическим в конце XIX в., актуализируется в начале нового столетия в условиях продолжающегося сжатия сербского исторического пространства.

Во-вторых, одним из самых проблемных вопросов балканского региона остаётся албанский. Такое положение вещей определено не столько очевидными геополитическими рисками возможного признания Сербией независимости «Республики Косово», сколько набирающими силу деструктивными процессами албанизации всего региона. Проведённое исследование показало: триггером прошлых и настоящих балканских споров является поддерживаемый и инициируемый внешними игроками национализм «малых наций».

В-третьих, выявленный в ходе исследования современный ценностный ландшафт молодого населения гетерогенных и многосоставных балканских стран может быть определён как идентификационный диссонанс, выражающийся в существовании наднациональной (образовательно-профессиональной и общеевропейской) и этнической идентичностей. В последнем случае доминирует негатив-

ный тренд групповой идентификации. Таким образом, можно констатировать консервацию групповых разграничительных этнических линий. Такое положение вещей не только существенно затрудня-

ет процессы формирования гражданской идентичности и устойчивой государственности, но видится одним из значимых маркеров грядущих политических трансформаций Западных Балкан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фененко А.В. Неореализм в политической теории // Современная политическая наука: Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 61–83.
2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
3. Вишняков Я.В. Сербский социум в начале XX века. «Милитаризация повседневности» // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 6. С. 28–45. DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-28-45.
4. Пономарева Е.Г. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии // Полис. 2005. № 3. С. 34–43.
5. Йованович М. «Умереть за Родину». Первая мировая война, или столкновение «обычного человека с тотальной войной» // Последняя война императорской России / Под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 136–157.
6. Поляков Ю.М. Быть русским в России. М.: Аргументы недели, 2019.
7. Толева Т. Австро-Венгрия и становление албанской нации. М.: Ин-т славяноведения, 2018.
8. Факты о Югославии. Београд: Издавачко-графички завод, 1985.
9. Kostovicova D. Kosovo: the politics of identity. London; New York: Routledge, 2005.
10. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001.
11. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика // De Conspiratione. М.: КМК, 2019. С. 331–522.
12. Бајрам Косуми: Створити модерну конфедерацију // Нова српска политичка мисао. – Mode of access: <http://www.nspm.rs/hronika/bajram-kosumi-stvoriti-modernu-konfederaciju-albanije-kosova-crne-gore-i-makedonije.html> (дата обращения: 28.03.2020).
13. Галковский Д. Необходимо и достаточно. М.: Циолковский, 2020.
14. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: Монография / Под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018.
15. МИД Сербии направил Хорватии ноту протеста из-за реабилитации Степинаца // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160727/1472926241.html?in=t> (дата обращения: 28.03.2020).
16. Ривели М.А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М.: ФИБ, 2011.
17. Штоль В.В. Россия на балканском рубеже // Обозреватель-Observer. 2018. № 9. С. 19–32.
18. Djokic B. Balisti kao sinonim za albanske zločine na Kosovu i Metohiji 1941–1945. godine: prilog stradanju srpskog stanovništva // Годишњак за истраживање геноцида. 2017. № 9. С. 75–94.
19. Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан: Дисс. ... канд. полит. н. М.: МГИМО, 2019. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/dimitrovska-diss.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).
20. Јоксић Д. Радикални ислам на Балкану // Vesti-Online. – Режим доступа: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Tema-dana/334971/Radikalni-islam-na-Balkanu-1-Gde-se-skoluju-buduciteroristi> (дата обращения: 28.03.2020).

21. Семененко И.С., Фадеева Л.А. (ред.). Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
22. Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Тренды идентификации в молодёжной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 98–119.
23. Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т., Шафранец К. Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникационный потенциал. Вестник РУДН. Социология. 2018. № 18 (3). С. 494–506. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506.
24. Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019. Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).
25. Youth study North Macedonia 2018/2019. Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).

ENGLISH

The 'New Past' of the Western Balkans

Elena Georgievna Ponomareva – Doctor of Science (Politics), Professor at the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, head of the project “The New Past and its Role in Political Transformations: Experience of the Western Balkan Countries” (19-011-31138). E-mail: nastya304@mail.ru

The Western Balkans (Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro and the partially recognized Republic of Kosovo) are one of the reference points of the world politics. At present, new technologies with respect to both reformatting of the political world map and effecting on the consciousness of large masses of people are being put to a test here. The recourse to the past is an important resource for legitimizing power and forming political identity. This study has found, first, that the militarization of everyday life in modern Serbia and the archetype of the ‘man at war’ still remain a particular social and psychological characteristic of the Serbian society, which is manifested in political practices. Second, there is a dependence of symbolic investments and the use of the concept of the ‘new past’ on regional problems (rival neighbours) rather than national ones. Third, the role of external players in the course of forming and using the symbolic capital is rather significant.

The scientific substantiation of the processes taking place in the Balkan countries is extremely relevant to setting the foreign policy agenda of the Russian Federation, as the comparative interdisciplinary analysis conducted has allowed identifying the capacities of historical symbols in the political process, determining the nature and possibilities of their application with respect to the national and foreign policy.

Keywords: Western Balkans, militarization of everyday life, Albanian question, civic identity, identification trends

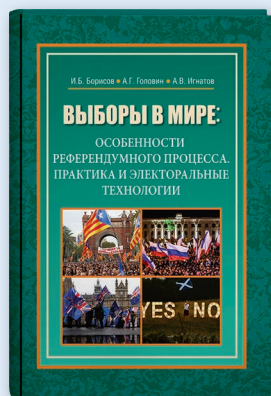
REFERENCES

1. Fenenko A.V. Neorealizm v politicheskoy teorii // *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy, A.I. Nikitina. M.: Aspekt Press, 2019. S. 61–83 (in Russian).
2. Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii*. M.: ROSSPEN, 1999 (in Russian).

3. Vishnyakov Ya.V. Serbskiy sotsium v nachale XX veka. «Militarizatsiya povsednevnosti» // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2019. T. 12. № 6. S. 28–45. DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-28-45 (in Russian).
4. Ponomareva E.G. Khronopoliticheskoe izmerenie modernizatsionnykh protsessov v sovremennoy Serbii // Polis. 2005. № 3. S. 34–43 (in Russian).
5. Yovanovich M. «Umeret' za Rodinu». Pervaya mirovaya vojna, ili stolknovenie «obychnogo cheloveka s total'noy voynoy» // Poslednyaya vojna imperatorskoy Rossii / Pod red. O.R. Ayrapetova. M., 2002. С. 136–157 (in Russian).
6. Polyakov Yu.M. Byt' russkim v Rossii. M.: Argumenty nedeli, 2019 (in Russian).
7. Toleva T. Avstro-Vengriya i stanovlenie albanskoj natsii. M.: In-t slavyanovedeniya, 2018 (in Russian).
8. Fakty o Jugoslavii. Beograd: Izdavachko-grafichki zavod, 1985 (in Russian).
9. Kostovicova D. Kosovo: the politics of identity. London; New York: Routledge, 2005.
10. Gus'kova E.Yu. Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000). M.: Russkoe pravo, 2001 (in Russian).
11. Ponomareva E.G. Proekt «Kosovo»: mafiya, NATO i bol'shaya politika // De Conspiratione. M.: KMK, 2019. S. 331–522 (in Russian).
12. Bajram Kosumi: Stvoriti modernu konfederatsiju // Nova srpska politichka misao. – Mode of access: <http://www.nspm.rs/hronika/bajram-kosumi-stvoriti-modernu-konfederaciju-albanije-kosova-crne-gore-i-makedonije.html> (data obrashcheniya: 28.03.2020).
13. Galkovskiy D. Neobkhodimo i dostatochno. M.: Tsiolkovskiy, 2020 (in Russian).
14. Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoy obstanovki po stranam i regionam: Monografiya / Pod red. M.V. Aleksandrova, O.E. Rodionova. M.: MGIMO-Universitet, 2018 (in Russian).
15. MID Serbii napravil Khorvatii notu protesta iz-za reabilitatsii Stepinatsa // RIA Novosti. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20160727/1472926241.html?in=t> (data obrashcheniya: 28.03.2020) (in Russian).
16. Riveli M.A. Arkhiepiskop genotsida. Monsen'or Stepinats, Vatikan i ustashskaya diktatura v Khorvatii 1941–1945. M.: FIV, 2011 (in Russian).
17. Shtol' V.V. Rossiya na balkanskom rubezhe // Obozrevatel'-Observer. 2018. № 9. S. 19–32 (in Russian).
18. Djokic B. Balisti kao sinonim za albanske zlo ine na Kosovu i Metohiji 1941–1945. godine: prilog stradanju srpskog stanovni tva // Godishnjak za istrazhivawe genotsida. 2017. № 9. S. 75–94.
19. Dimitrovska A. Deyatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsiy v stranakh Zapadnykh Balkan: Diss. ... kand. polit. n. M.: MGIMO, 2019. – Rezhim dostupa: <https://mgi-mo.ru/upload/diss/2019/dimitrovska-diss.pdf> (data obrashcheniya: 28.03.2020) (in Russian).
20. Joksih D. Radikalni islam na Balkanu // Vesti-Online. – Rezhim dostupa: <http://www.vestionline.com/Vesti/Tema-dana/334971/Radikalni-islam-na-Balkanu-1-Gde-se-skoluju-buduciteroristi> (data obrashcheniya: 28.03.2020).
21. Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (red.). Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. M.: IMEMO RAN, 2011 (in Russian).
22. Ponomareva E.G., Popad'eva T.I. Trendy identifikatsii v molodezhnoy srede Bosnii i Gertsegoviny i Severnoy Makedonii // Diskurs-Pi. 2019. № 3 (36). S. 98–119 (in Russian).
23. Onosov A.A., Gasparishvili A.T., Spafranets K. Kul'turnaya model' russkoy identichnosti: aksiologiya, semantika i kommunikatsionnyy potentsial. Vestnik RUDN. Sotsiologiya. 2018. № 18 (3). S. 494–506. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506 (in Russian).
24. Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019. Rezhim dostupa: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf> (data obrashcheniya: 28.03.2020).
25. Youth study North Macedonia 2018/2019. Rezhim dostupa: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf> (data obrashcheniya: 28.03.2020).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-273-275

С.А. АВАКЪЯН*

Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2019. — 278 с. **

Ключевые слова: референдум, выборы, демократия, прямая демократия, народовластие, конституционное право, сравнительное правоведение

Книга, подготовленная авторским коллективом в составе И.Б.Борисова, А.Г.Головина и А.В.Игнатова и изданная Российским общественным институтом избирательного права в 2019 г., посвящена актуальным проблемам исследования института референдума как одной из двух форм высшего непосредственного выражения власти народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в нашей стране, закреплённого в таком качестве статьёй 3 Конституции Российской Федерации. Провозглашая указанное положение референдума в качестве одной из основ конституционного строя России и гарантируя в части 2 статьи 32

Конституции Российской Федерации гражданам страны право участвовать в референдуме, конституционный законодатель делегировал федеральному законодателю весьма широкую свободу усмотрения при регулировании федеральным конституционным законом порядка назначения референдума Российской Федерации главой государства и его организации и проведения, а федеральным законом — порядка назначения, организации и проведения референдумов субъектов Федерации и местных референдумов в России. Дискреционные полномочия федерального законодателя при этом увеличены и в связи с существенно меньшим объёмом

* **Авакьян Сурен Адиекович** — доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации.
E-mail: suren@law.msu.ru

** Проект 19-011-34038.

мом международных обязательств Российской Федерации в сфере организации и проведения референдумов по сравнению с такими обязательствами в сфере организации демократических выборов.

При этом проблемы организации и проведения референдума как одной из форм высшего выражения власти народа вызывали значительно меньший интерес со стороны отечественных исследователей-правоведов по сравнению с вопросами организации и проведения выборов, что, безусловно, частично объясняется и соотношением количества выборов и референдумов на всех уровнях публичной власти (не в пользу численности референдумов), и схожестью ряда процедур организации указанных форм прямой демократии (в частности, вопросов информационного обеспечения, финансирования, организации и проведения голосования, подсчёта голосов, установления итогов и обжалования результатов).

Авторы предприняли попытку проанализировать институт референдума как элемента участия населения в вопросах управления делами государства, подчеркнуть позитивные и проблемные стороны данного института, в том числе с позиций его негативного использования в предвыборных целях. Провозглашая референдум и свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа и гарантируя право граждан страны на участие в каждой из указанных форм непосредственной демократии, Конституция Российской Федерации исходит из того, что они равноценны и, будучи взаимосвязаны, дополняют друг друга. Авторы справедливо отмечают, что референдум не может использоваться как институт, подменяющий иные институты непосредственной демократии, равно и как противовес институтам представительной демократии.

Такой подход согласуется и с зарубежной практикой: во многих странах референдумы, будучи официально предусмо-

трены, бывают редко. Это объясняется простой логикой: для решения соответствующих вопросов формируются, в том числе на прямых выборах, органы государственной власти: избираются парламенты, президенты, есть правительство, которые уполномочены принимать решения; лишь в определённых случаях законодательство не даёт им права решать вопрос и обязывает вынести его на голосование народа. Мировая практика показывает, что к референдуму вряд ли можно прибегать часто: с одной стороны, относительно редко возникают ситуации, когда без референдума не обойтись; с другой стороны, дело ещё и в огромных организационных усилиях и материальных расходах, связанных с проведением референдума.

Анализируя развитие отечественного законодательства о референдуме, авторы уделяют особое внимание эволюции конституционно-правовых условий проведения референдумов, регулирующих возможные сроки их организации, с точки зрения периодически проводимых выборов в соответствующие органы публичной власти, а также конституционно значимые требования, которым должны соответствовать вопросы, выносимые на референдум с целью непосредственного решения народом как носителем суверенитета и единственным источником власти в стране. Данные требования обусловлены как необходимостью разграничения ответственности за принимаемые решения между народом, с одной стороны, и избираемыми им представительными органами власти, уполномоченными действовать от имени народа, но в определённых федеральным законодательством пределах и порядке, с другой стороны.

Авторы всесторонне исследуют зарубежный опыт организации и проведения референдумов с точки зрения как их правового регулирования, так и практической реализации. Особое внимание уделено вопросам политико-правовых

последствий принятых на референдумах решений, включая проблемы их реализации в сложившихся или существенно изменившихся после референдума общественно-политических и социально-экономических условиях.

Тщательный анализ современного состояния международно-правовых стандартов в сфере референдумов привёл авторов к справедливому выводу о том, что существующая система правовых актов не позволяет говорить о сложившейся системе международных стандартов референдумного процесса, что является закономерным следствием отмеченного в работе отсутствия единого подхода конституционных законодателей государств мира, в том числе считающих себя передовыми в плане развития демократи-

ческих институтов, к месту референдума в механизме принятия государственных решений, к его форме и последствиям таких решений. Очевидными примерами являются активное использование института референдума в Швейцарии на всех уровнях публичной власти и фактическое отсутствие возможности проведения федерального (общенационального) референдума в США.

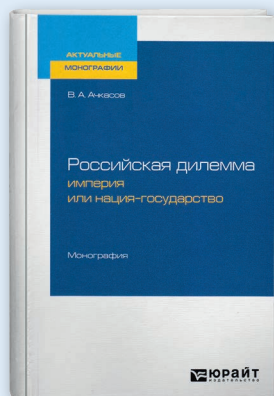
Авторам удалось представить объективный взгляд на проблемы института референдума как формы непосредственного выражения власти народа, внося вклад в развитие отечественной науки конституционного права и подняв ряд острых вопросов, которые могут стать предметом дальнейшего исследования отечественных правоведов.

ENGLISH

**Elections around the World: Peculiarities of the Referendum Process.
Practice and Electoral Technologies / I.B. Borisov, A.G. Golovin, A.V. Ignatov;
under the general ed. of I.B. Borisov. Moscow: Russian Public Institute
of Electoral Law, 2019, p. 278**

Suren Adibekovich Avakyan — Doctor of Science (Jurisprudence), Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation.
E-mail: suren@law.msu.ru

Keywords: referendum, elections, democracy, direct democracy, people power, constitutional law, comparative law

Н.А. БАРАНОВ*

**Ачкасов В.А.
Российская дилемма:
империя или нация-государство:
Монография.
М.: Юрайт, 2019. — 373 с. ****

Ключевые слова: этнополитика, этническая идентичность, нация-государство, русский национализм, российская нация

Почти три десятилетия существует государство под названием «Российская Федерация» (25 декабря 1991 г.). Однако до сих пор не утихают споры и дискуссии о сущности российского государства, оптимальной форме территориально-государственного устройства, основных направлениях государственной национальной политики. Полемические дебаты о влиянии имперского прошлого на политическое устройство современной России с завидной регулярностью вспыхивают с новой силой. Историки и этнологи, политологи и социологи постоянно возвращают научный дискурс к теме империи и национального государства в поисках ответа на ставший сакральным вопрос: Россия — это империя или нация-государство?

Существенный вклад в научную дискуссию на обозначенную тему вносит монография известного российского политолога Валерия Алексеевича Ачкасо-

ва — автора многочисленных трудов по этнополитическим вопросам.

В академической среде регулярно появляются научные работы отечественных исследователей по этнической проблематике, рассматривающие различные её аспекты. На этом фоне работа В.А. Ачкасова выделяется комплексностью исследования, широтой и глубиной поставленных и реализованных задач, убедительностью доказательной базы, смелостью научной мысли, чёткой логикой повествования. Для автора вопрос отношения к империи представляется «крайне важным», как и тот факт, что характерные черты политического устройства постсоветской России неверно объяснять исключительно наследием имперского прошлого (с. 10).

Структура монографии включает шесть глав. В первой главе «Империя и национальное государство: общее и особенное» рассматриваются теоретические

* **Баранов Николай Алексеевич** — доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: nicbar@mail.ru

** Проект 19-011-34020.

основания категорий «империя» и «национальное государство». Выделяя особенности имперских систем, автор солидаризируется как с зарубежными, так и с отечественными исследователями — Ч.Тилли, А.Мотылём, Е.Мелешкиной, Э.Паиным, М.Манном, Э.Смитом, Г.Мюнклером и другими, делая вывод о том, что «речь идёт о сложном историческом феномене, принимавшем в разные периоды и для разных народов разные формы» (с. 25), при этом являясь, наравне с нацией, категориями практики. Данный тезис автор объясняет применением этих понятий различными политическими акторами, стремящимися к достижению несовпадающих целей и вкладывающими понятия «империя» и «нация» разное содержание.

Вторая глава «Проблемы формирования российской нации и русский имперский национализм» посвящена анализу государственной рефлексии на присоединение огромных территорий с этнически чуждыми народами и политико-идеологических факторов как реакции на возникающий русский национализм. Обосновывая данное явление, автор рассматривает русский политический национализм как реактивную идеологию, легитимирующую спасение и сохранение империи. Этот национализм в свою очередь «требовал включения в законные «национальные интересы» России её присутствия или обеспечения контроля над рядом территорий Восточной и Юго-Восточной Европы» (с. 68).

Автор анализирует отношение к Западу, ставшее точкой идейного раскола российского образованного класса на «западников» и «славянофилов» и нашедшее своё выражение в процессе становления национального самосознания. Заслуживают научного внимания отношение автора к отсутствию в русской культуре идеи нации как автономной от государства и религии гражданской целостности, а также утверждение, что «главным противоречием русского национализма

является противоречие между императивами сохранения империи и повышения политического статуса русского народа» (с. 71). Сложно также не согласиться с тем, что национальная идентификация на массовом уровне не была доминирующей на протяжении практически всей истории Российской империи, так как, не отделив православия от государства, империя не создала и светской системы обязательного начального образования на русском языке на всей территории страны.

В третьей главе «Русская революция и национализм» автор вслед за Р.Лахманом, Т.Скочпол, Дж.Голдстоуном, Г.Федотовым, С.Степановым ищет ответы на метафору В.Розанова о февральской революции: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три» [1, с. 6].

По убеждению автора, русский национализм начала XX в. приобрёл антиимперское измерение, так как ускорил процессы становления национализмов этнических меньшинств и подорвал традиционную лояльность к имперской власти (с. 98). Первая мировая война углубила раскол в российском обществе, в результате чего «политические, экономические, культурные институты российского общества были либо уничтожены, либо истощены потребностями империи, тогда как государство слабело в условиях разрушения традиционной формы легитимации власти и неспособности сохранить лояльность своих подданных в новых условиях социальной модернизации» (с. 103). Но наиболее важным представляется объяснение, с которым солидаризируется автор: российский народ к концу существования империи так и не сумел превратиться в нацию, так как идентификационное единство обеспечивалось не через построение нации-государства и формирование гражданской нации, а через всеобщее подданство царю и православия (с. 107).

В четвёртой главе «Советская «национальная» политика и формирование «со-

циалистических наций», или Был ли Советский Союз империей?» подробно, логично, со ссылкой на большое количество источников, а потому убедительно предпринята успешная, на наш взгляд, попытка ответа на поставленный в названии главы вопрос.

В.А. Ачкасов делает вывод о том, что пролетарская революция не изменила природу государственной власти, так как вместо империи не было построено национальное государство: «Сменился суверен. Место царя и космополитической по составу имперской знати заняли генеральный секретарь и партийная номенклатура, т.е. коммунистическая элита» (с. 141). В то же время изменились основания для обеспечения имперской идентичности: в царское время — подданство царю и православию, в эпоху СССР — советский патриотизм и дружба народов.

Советское государство «навязывало этничность» своим гражданам в качестве важнейшего маркера и институализировало её. В результате возник симбиоз ментальности массовых слоёв населения и коммунистической идеологии, который называют советским сознанием, до сих пор проявляющимся в ностальгии по советскому прошлому.

Характерной чертой советской национальной политики стало умышленное смешение русской и советской идентичностей для закрепления в сознании русских граждан представления о том, что они прежде всего граждане Советского Союза, или советские люди (данный феномен Э. Паин назвал «этническим нигилизмом») (с. 162). Последствия такой политики оказались двойственными: способствуя становлению и развитию этнонаций в союзных и автономных республиках, она создавала институциональные предпосылки для размывания легитимности и крушения советской системы, однако её направленность на размывание русской идентичности и подмену её советской придавали первой имперские черты (с. 167).

Пятая глава «Кризис национальной идентичности и проблемы обеспечения безопасности современной России» стала развитием авторских идей политики идентичности, частично сформулированных в монографии «Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности» [2].

Распад некогда могучей державы в новой России, по справедливому замечанию автора, не воспринимался как повод для национального возрождения. Более того, радикальное изменение коллективных представлений о переменах в обществе привело к разрушению русской идентичности (с. 183). Распаду социума способствовала катастрофическая ситуация в российском обществе 1990-х гг., неудовлетворённость ряда социальных и духовных потребностей большинства россиян, следствием чего стали распад социальных связей, кризис личных ценностных ориентаций, утрата приобретённых идентичностей. Разрушение традиционных общностей, связей, механизмов социализации привело к усилению конфликтов между различными способами идентификации и росту напряжённости в обществе.

В результате, как справедливо отмечается в работе, в течение более двух десятилетий интенсивно идёт процесс этнизации и даже расиализации всё более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности и лояльности своему государству. «Действительно, — сокрушается автор, — трудно найти в мире государство, в котором бы, как в России, отсутствовал консенсус по столь широкому кругу общезначимых ценностей и базовых проблем. И представители политических и интеллектуальных элит, и граждане, серьёзно расходятся между собой в понимании геополитической, социально-экономической, культурной специфики и роли своей Родины в мире, в оценке практически всех “знаковых” исторических событий и годовщин» (с. 203–204).

Поэтому, обоснованно полагает автор, «перед Россией по-прежнему остро стоит сложнейшая проблема создания и “укоренения” легитимных и эффективных политических институтов и формирования национальной идентичности, которые смогут обеспечивать политическую консолидацию общества и сохранение единства страны» (с. 245).

В шестой главе «Региональные идентичности и нациестроительство в современной России» автор размышляет о специфике региональных политик идентичности, обусловленных особенностями статуса региона как составной части национального государства. В данном контексте речь идёт о преимущественно этническом характере процессов регионализации в постсоветской России, которые способствовали политической мобилизации в 1990-е гг. Политическая практика, по мнению В.А.Ачкасова, указывает не только на тесную связь между регионализмом и этничностью, «но и на то, что идеология регионализма, регионалистские движения могут с успехом трансформироваться в идеологию этнического национализма и этнополитические движения. В свою очередь, мобилизация местными властями ресурса движений, выступающих с позиций этнического национализма, нередко заканчивается тем, что на этой основе происходит формирование неких этнорегионалистских идей и идеологий или их суррогатов, и происходит этнизация региональной идентичности» (с. 294).

Автор пишет об обратимости процессов этнополитической мобилизации на основе конструирования этнокультур-

ных идентичностей и их политизации, придавая решающее значение фактору времени и субъективному фактору. Социокультурная интеграция, необходимая для переориентации с этнических характеристик на общегражданскую солидарность, может способствовать формированию национальной гражданской идентичности через модернизацию не только технологической инфраструктуры, но и её политической системы, которая должна представлять интересы всех социальных групп, этнических сообществ и регионов страны (с. 322).

Ответ на поставленный в начале монографии вопрос: «...является ли сегодняшняя Россия империей, или она — нация-государство?» (с. 10) мы находим в конце заключения. В.А.Ачкасов пишет: «Процесс социальной интеграции, результатом которого и является нация-государство, фактически продолжается на протяжении всей его истории, иными словами оно постоянно находится в процессе “формирования”, постоянно возникают и, с большим или меньшим успехом, разрешаются кризисы идентичности, а этнонационализм и этносепаратизм являются вызовом практически для всех государств со сложным составом населения» (с. 325).

Таким образом, очередная монография профессора В.А.Ачкасова по этнополитической проблематике вносит весомый вклад в исследование этнополитических процессов в России, выяснение причин неэффективности современной российской этнополитики и неудач в формировании российской гражданской нации и является важной вехой для развития этнополитологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.
2. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.

ENGLISH

**Achkasov V.A. The Russian Dilemma: Empire or Nation-State:
A Monograph. Moscow: Yurite, 2019, p. 373**

Nikolay Alekseevich Baranov – Doctor of Science (Politics), Professor of the Department of International Relations of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: nicbar@mail.ru

Keywords: ethnopolitics, ethnic identity, nation-state, Russian nationalism, Russian nation

REFERENCES

1. Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni. M.: Respublika, 2000 (in Russian).
2. Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012 (in Russian).

В РАМКАХ КОНКУРСА НА ИЗДАНИЕ ЛУЧШИХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ, ПРОВОДИМОГО СОВМЕСТНО РФФИ И АНО ЭИСИ, ВЫШЛИ В СВЕТ 10 КНИГ

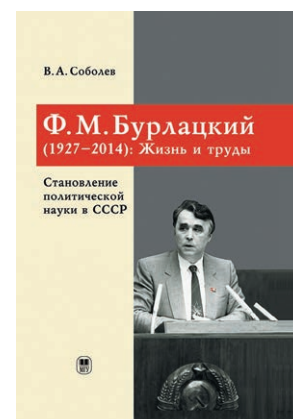
Книга «Политические элиты в фокусе компаративного анализа» (О.В.Гаман-Голутвина) представляет собой концептуализированный анализ феномена политических элит, процессов их рекрутирования и ротации в компаративном аспекте. В монографии предложен авторский подход к исследованию процессов элитообразования; дана подробная характеристика системообразующих факторов, определяющих специфику политических элит. Представлены оригинальная типология и детальное исследование параметров моделей элитообразования.

В книге «Альтернативы “российского прорыва”» (И.Е. Дискин) автор описывает круг вопросов и проблем, обусловленных «российским прорывом», проясняет суть тех вызовов, которые стоят перед нашей страной, анализирует высокий уровень рисков, связанных как с поиском ответов на эти вызовы и риски, так с самими этими ответами. Этот анализ может пригодиться тем, кто будет участвовать в разработке средств реализации Стратегии, её отдельных элементов, тем, кто возьмет на себя функции аналитиков и конструктивных критиков.

Монография «Ф.М.Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР» (В.А.Соболев) посвящена идейно-политическому наследию Ф.М.Бурлацкого, учёного и писателя, одного из основоположников современной российской политологии, первого почётного профессора факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Автор предпринял попытку обобщения и комплексного анализа методологических, теоретических и практических аспектов наследия Ф.М.Бурлацкого.

В монографии О.Е. Вороновой «Информационно-психологическая безопасность России в условиях новых глобальных угроз» рассматриваются современные аспекты информационно-психологической безопасности личности, общества и государства как неотъемлемые составные части национальной безопасности России. Выделяется основной спектр новых глобальных угроз, и предлагается новая классификация современных информационных войн. Автор систематизировал представления об основных технологиях ведения информационных войн и приёмах медиаманипулирования.

В книге «Революционные волны в ритмах глобальной модернизации» (Н.С. Розов, Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов, В.В. Цыганков) на основе различных связей между революциями построена типология волн и составлена их генеральная совокупность (с начала XVI в. по настоящее время). Представлены модели, объясняющие динамику роста и угасания волн. Рассмотрена противоречивая роль революций и волн в пяти основных трендах глобальной модернизации, среди которых бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация и авангардизм в культурном творчестве.

Широкая источниковая база и новые методологические подходы позволили автору книги «Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии» (С.В.Перевезенцев) обоснованно доказать, что отечественные мыслители указанного периода сформулировали в своих произведениях основные смысловые и целевые установки существования России в общемировом пространстве. Основанная на православном мирозерцании, русская духовно-политическая мысль была действенным катализатором исторического развития России, оказывала реальное и непосредственное влияние на развития конкретных исторических событий.

Книга «Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки» (А.И.Подберёзкин) посвящена эволюции военной политики и политики безопасности США при президенте Д.Трампе в 2016–2019 гг. Именно в это время США радикально переоценили свою стратегию «силового принуждения» по отношению не только к России, но и к Китаю и даже своим союзникам. Их глобальная цель осталась прежней – сохранение контроля над сложившейся в последние десятилетия финансово-экономической и военно-политической системами в мире, однако средства и способы её достижения были существенно изменены.

Представленные в монографии «Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке» (В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер) результаты получены в рамках трёх программ фундаментальных исследований Президиума РАН (2012–2019 гг.). В качестве предметов анализа выступают исторический опыт модернизации российского общества и пространства; оценка места России в глобальном природно-экологическом пространстве; проблемы изучения современного российского пограничья и освоение транзитного потенциала России; природно-ресурсная сфера; пространственное развитие экономики; трансформация социально-географического пространства России; цели и инструменты государственного участия в преобразовании социально-экономического пространства; Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2020, № 5 (102)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 16.04.2021. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 33. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 287895

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3